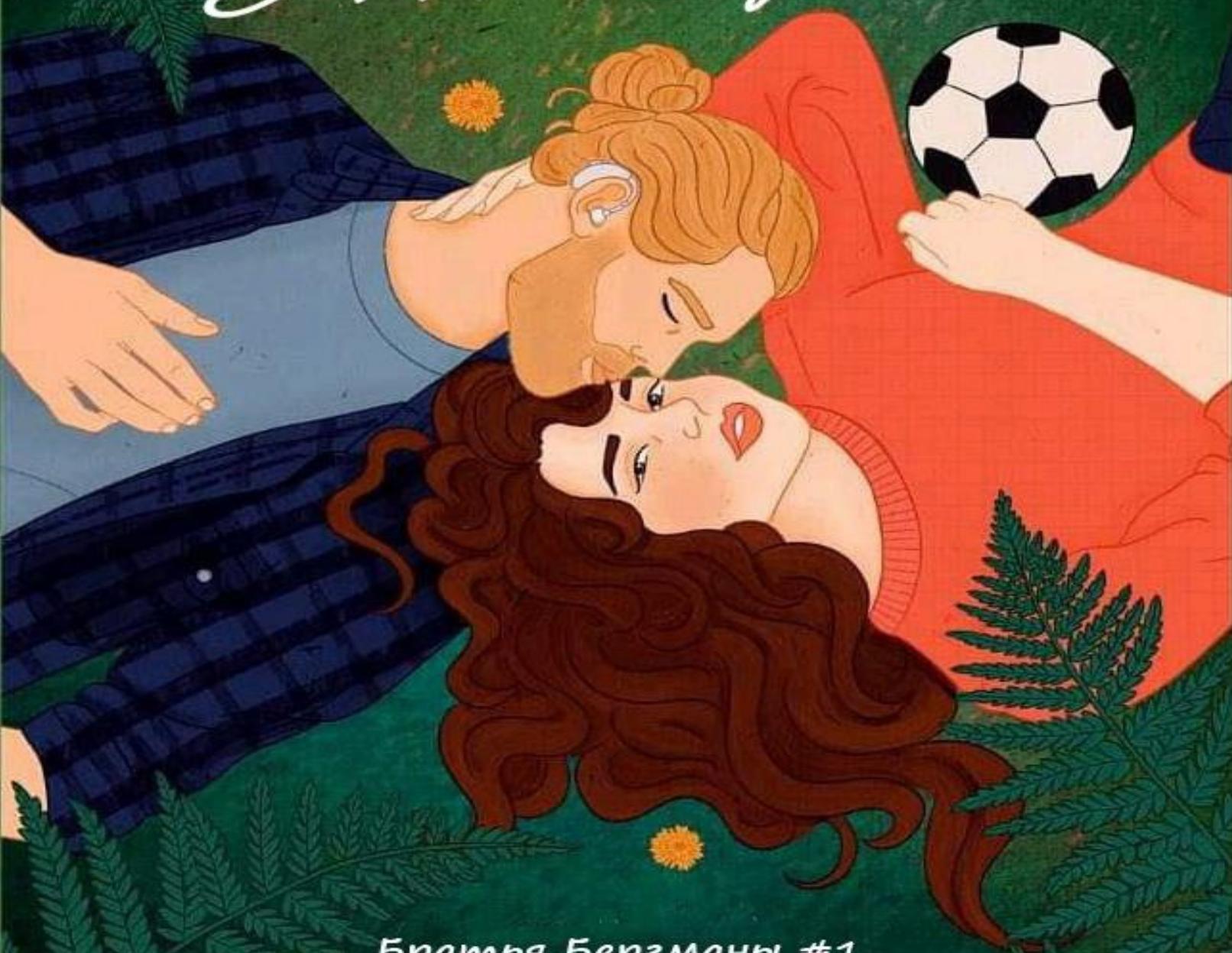

Играть весело, пока на кону не оказывается твое сердце...
кто тогда будет смеяться последним?

ТОЛЬКО КОГДА

Мы Вдвоем

Братья Бергманы #1

ХЛОЯ ЛИЕЗЕ

Приготовьтесь к эмоциональным «американским горкам» из смеха, слёз и сексуального напряжения в этом новом романе, затрагивающем уязвимость любви с юмором и душой.

Райдер

С тех пор, как она села рядом со мной на лекции и наградила убийственным взглядом, Уилла Саттер числилась в списке моих врагов. Я не знаю, почему она меня ненавидит. Зато знаю, что Уилла — это такой хаос, который совсем не нужен в моей жизни. Она — звезда нового поколения женского футбола. Неукротимые волосы, ещё более неукротимые глаза. Пухлые губы, которые должны быть объявлены вне закона. И нрав, на фоне которого и дьявол покажется дружелюбным.

Она — заноза в моей заднице; угрожающая, сварливая заноза в заднице, которая превратила наши лекции по бизнес-математике в чёртову арену гладиаторов. Я покину эту зону военных действий невредимым, выйду победителем... И если я одержу верх над этой проблематичной озорницей с дикими волосами, дело не ограничится соперничеством в учебе.

Уилла

Вместо того, чтобы дать мне конспекты пропущенных лекций, как любой нормальный педагог, мой засранец-профессор говорит взять их у молчаливого, угрюмого мужчины гор, носящего фланелевые рубашки и сидящего рядом со мной на лекциях. Ну, я пыталась. И что я получила от Райдера Бергмана? Игнор. Вот ведь неандертальский лесоруб. Косматая борода, ещё более косматые волосы. Потрепанная кепка, скрывающая его глаза. И упрямый отказ признавать моё существование.

Я и ранее бодалась с мужчинами, но с Райдером это война. Я добуду свои конспекты и расколю этого сасквоча, чего бы это ни стоило, а потом он окажется в моём распоряжении. Победа будет как никогда сладкой.

«Только когда мы вдвоем» — это спортивный роман про студентов и спортсменов, про звезду женского футбола и её угрюмого лесоруба-однорукника, где также есть профессор-сводник, инфантильные розыгрыши и постепенное развитие чувств между героями. Эта книга — первая в серии романов о шведско-американской семье из пяти братьев и двух сестер и об их безумных приключениях, пока они все находят любовь.

**Хлоя Лиезе — Только когда мы вдвоем
(Братья Бергман #1)**

Глава 1. Уилла

Плейлист: Bridgit Mendler — Hurricane

Мне говорили, что у меня вспыльчивый характер.

Я предпочитаю, чтобы меня называли темпераментной. Замысловатое слово для спортсменки-футболистки, знаю, но поработайте в книжном магазине на летней подработке столько раз, сколько я, и ваш словарный запас невольно расширится.

Темпераментный: *движимый сильными, беспокойными или противоречивыми эмоциями.*

Как бы там ни было, это я. Уилла Роуз Саттер, точь-в-точь.

Легко ли я взрываюсь? Конечно. Бывают ли мои реакции иногда диспропорциональными? Ну иногда. Я могла бы научиться время от времени сдерживаться, но я отказываюсь приглушать шторм внутри себя. Потому что с моей темпераментностью неразделимо переплетается жизненная сила, которая мной и движет. Я азартна. И это полезная черта характера. Я подающая надежды профессиональная спортсменка, настроившаяся стать лучшей в мире в своём виде спорта. Чтобы стать лучшей, тебе нужны базовые навыки, но ещё важнее быть голодной. Хотеть этого сильнее, чем все остальные. Вот так далёкие мечты становятся реальностью.

Так что да. Иногда я немного пылкая. Я сварливая, трудолюбивая и люблю выигрывать. Я не иду на компромисс. Я не сдаюсь. Ничто не встает на моём пути.

Именно поэтому мне всерьёз надо взять себя в руки, потому что кое-что вот-вот встанет на моём пути. Моё право на участие в матче следующей недели, против нашего главного соперника, висит на волоске благодаря курсу математики для бизнеса и профессору из ада.

Я опаздываю на пару, стараясь не хромать из-за того, как мои мышцы ноют после безжалостной тренировки. Пока я спешно спускаюсь по склону в массивной лекционной аудитории, мне требуется вся моя сила воли, чтобы не ойкать от каждого шага.

Аудитория забита битком, и осталось лишь немного мест в самом первом ряду.

Из меня вырывается стон. Супер. Я пришла поздно и теперь сделаю это очень очевидным, поскольку сяду впереди в центре. Как можно тише, насколько это возможно с мышцами, которые требуют ибупрофена и горячую ванну, я занимаю свободное место и бесшумно достаю тетрадку.

Профессор МакКормак продолжает строчить уравнения на доске. Может, моё опоздание осталось незамеченным.

— Мисс Саттер, — он бросает мел и резко разворачивается, стряхивая пыль. — Как здорово, что вы к нам присоединились.

Чёрт возьми.

— Извините, профессор.

— Пусть Райдер введёт вас в курс дела, — совершенно проигнорировав моё извинение, МакКормак поворачивается обратно к доске и показывает большим пальцем через плечо, куда-то справа от меня. — У него мои конспекты.

У меня отвисает челюсти. За этот семестр я трижды просила у Мака конспекты, когда мне приходилось пропускать занятие из-за выездных игр. Он пожал плечами, а потом сказал, что мне надо «научиться решать проблемы и расставлять приоритеты». А этот тип

Райдер вот так запросто получил его конспекты?

Этот мой вспыльчивый нрав окрашивает щёки красным. Кончики моих ушей делаются горячими, и если бы пламя могло вырваться из моей головы, так и случилось бы.

Наконец, я поворачиваюсь туда, куда показал Мак. Мне до ужаса любопытно увидеть парня, которому мой профессор даёт конспект лекции, тогда как мне приходится нагонять безо всякой помощи. А мне очень нужна эта помощь. Я едва заслуживаю тройку с минусом, которая вот-вот превратится в двойку, если Господь не смилостивится над его покорной слугой, Уиллой Роуз Саттер, и не поможет ей на приближающемся промежуточном экзамене.

Ярость у меня выражается во всём теле. Моё дыхание учащается. От шеи и выше я превращаюсь в горячее тамале. Моё сердце колотится так оглушительно, что точка пульса на шее грохочет как барабан. Я бурлю негодованием. И с этой яростью, курсирующей по моим венам, я перевожу взгляд на любимчика. Райдер, Хранитель Конспектов.

Бейсболка низко натянута на его косматые волосы оттенка тёмный блонд. Косматая борода, пусть и не ужасно длинная, всё равно достаточно маскирует его лицо, чтобы я толком не понимала, как он выглядит... не то чтобы мне было до этого дело. Его глаза не отрываются от бумаги, скользя влево-вправо, так что я не могу их рассмотреть. У него раздражающе идеальный нос, время от времени фыркающий, будто он совершенно не в курсе, что я наблюдаю за ним, и что он должен поделиться конспектом лекции. Конспектом, который мне бы очень пригодился, чтобы не завалить два последних теста и первое письменное задание.

Я бросаю взгляд обратно на МакКормака, которому хватает наглости усмехнуться мне через плечо. Я зажмуриваюсь, призывая спокойствие, которым не располагаю. Иначе я сшибу моего профессора с ног в порыве слепой ярости.

«Сосредоточься на призе, Уилла».

Мне нужно справиться с этим курсом, чтобы меня допустили к игре. Мне нужно быть допущенной к игре, потому что мне надо участвовать в каждой игре — и чтобы максимизировать шансы команды на успех, и потому что согласно закону подлости футбольные агенты приходят именно на те игры, которые ты пропускаешь. Ну, закон подлости вообще-то гласит, что если что-то может пойти не по плану в чрезвычайно неудобный момент, то это обязательно случится. Сценарий с футбольными агентами — это уже моя версия.

Смысл в том, что мне нужны чёртовы конспекты, а чтобы их получить, мне придётся проглотить свою чёртову гордость и прямым текстом попросить их у этого придурка, который меня игнорирует. Я прочищаю горло. Громко. Райдер снова фыркает и перелистывает страницу, его глаза поднимаются к уравнениям на доске, затем опускаются обратно. Поворачивается ли он? Реагирует ли он на меня? Говорит ли «Привет, чем я могу тебе помочь?»?

Нет, конечно.

МакКормак продолжает тараторить, его записи есть и на доске, и на экране проектора для тех, кто не видит и не слышит его достаточно хорошо, чтобы следить за лекцией. Слайд переключается прежде, чем я успеваю списать, и с каждой минутой я сержусь всё сильнее. Как будто Мак хочет, чтобы я провалилась.

Сделав ещё один вдох, чтобы успокоиться, я шепчу Райдеру:

— Прошу прощения?

Райдер моргает. Хмурит лоб. Я испытываю капельку надежды, что он меня услышал и сейчас повернётся, но вместо этого он перелистывает распечатки на предыдущую страницу и пишет какое-то примечание.

Несколько минут я сижу как огорошенная, затем медленно поворачиваюсь к доске, и мои конечности трясутся от ярости. Пальцы сжимают ручку. Моя рука с такой ожесточённостью раскрывает тетрадку, что я едва не срываю обложку. Мне хочется орать от раздражения, но факт в том, что я контролирую лишь настоящий момент. Так что я прикусываю язык и начинаю строчить как проклятая.

Через двадцать минут МакКормак кладёт мел, затем поворачивается и обращается аудитории. В тумане своего гнева я смутно различаю, как он задаёт вопросы. Студенты поднимают руки и отвечают, потому что они реально прослушали лекцию, потому что, в отличие от меня, у большинства из них нет двух жизней, дёргающих их в разные стороны. Спортсменка и студентка, девушка и дочь.

Потому что у них есть свобода маневра, поблажка, которой у меня нет. Я должна быть превосходной, и проблема в том, что это давление превращает меня в полный провал. Ну, во всём, кроме футбола. В нём я потерплю провал только через свой труп. Но всё остальное катится псу под хвост. Я рассеянный друг, вечно отсутствующая дочь, посредственная студентка. И если бы этот профессор оказал мне хоть небольшую помощь, я смогла бы вычеркнуть из своего списка хоть один провал.

МакКормак, должно быть, чувствует, как я сверлю его взглядом, потому что приняв последний ответ, он поворачивается, снова смотрит на меня и усмехается.

— Профессор МакКормак, — произношу я сквозь стиснутые зубы.

— Да-да, мисс Саттер?

— Это какая-то шутка?

— Извините, но нет, это корректная формула для вычисления сложных процентов, — повернувшись обратно ко всем, он одаривает их улыбкой, которую я ещё не заслужила. — Все свободны!

Я сижу в шоке от того, что мой профессор опять отнёс меня в сторону. Вишенкой на торте становится то, что Райдер встаёт со своего места, убирает драгоценные конспекты в поношенную кожаную сумку и вешает ту через плечо. Закрывая клапан на сумке, он приподнимает взгляд и наконец-то смотрит на меня. Его глаза расширяются, затем быстро пробегают по моему телу.

У Райдера тёмно-зелёные глаза, и будь он проклят, это мой любимый цвет — в точности оттенок чистенького футбольного поля. Это всё, что я успеваю заметить прежде, чем моё негодование слепит меня, не давая оценить другие его черты. Когда его взгляд поднимается от моих кедров и спортивных штанов, наши глаза встречаются, и его глаза прищуриваются, пока он переваривает грозное выражение на моём лице. Я в ярости. Уверена, что выгляжу готовой убивать.

Вот теперь он признаёт моё присутствие после такого тщательного игнора?

Расправив плечи, он выпрямляется в полный рост. И у меня в голове одна мысль: *«Вау, это не просто засранец. Это высокий засранец».*

Я вскакиваю со своего места, схватив тетрадку со стола. Затолкав ручку в громадную небрежную гульку волос на голове, я награждаю его убийственным взглядом. Райдер шире раскрывает глаза, когда я делаю шаг ближе и встречаюсь с этими тошнотворно идеальными зелёными радужками.

Далее следует обмен долгими пристальными взглядами. Райдер прищуривается. Я тоже. Мои глаза слезятся, умоляя меня моргнуть. Я отказываюсь.

Постепенно уголок его рта приподнимается. Этот засранец усмехается.

И вот так запросто мои глаза опускаются к его губам, прячущимся под всей этой грубой лицевой растительностью. Я моргаю.

Чёрт. Ненавижу проигрывать. Ненавижу проигрывать.

Я собираюсь открыть рот и спросить, что тут смешного, чёрт возьми, но Райдер пятится и разворачивается, затем чуть ли не бегом сматывается из аудитории. Я стою, трясясь от ярости, взбешённая этим придурком и его странным, пренебрежительным поведением, пока помещение практически не опустевает.

— Выше нос, мисс Саттер, — МакКормак выключает свет, отчего аудитория погружается в серые тени, и только слабый свет утреннего солнца льётся через окна.

— Я не знаю, как тут держать нос выше, когда я вот-вот провалю ваш курс, а я не могу себе это позволить, профессор.

На мгновение его маска отстранённого веселья соскальзывает, но мгновенно возвращается на место.

— Вы разберётесь, что делать. Хорошего дня.

Когда дверь захлопывается, оставляя меня в одиночестве, я снова плюхаюсь на своё сиденье, и шёпот провала эхом отдаётся в аудитории.

— Он реально просто ушёл? — Руни (член моей команды и моя соседка по комнате) тарачится на меня с неверием.

— Ага, — я бы сказала больше, но я слишком зла и на взводе. Мы выполняем разминку, и пусть я в прекрасной форме, упражнения с лестницами всегда надирают мне задницу.

— Вау, — Руни, напротив, ни капельки не запыхалась. Я решила, что она мутант, потому что я никогда не слышала, чтобы эта женщина задыхалась, и это явно не от нехватки усилий. Наш тренер — официально подтверждённый садист. — Ну и мудака.

Руни выглядит как живая Барби. Классическая девушка из Южной Калифорнии — длинные ноги, сияющая кожа и лёгкие веснушки, платиновые волосы, вечно собранный в длинный гладкий конский хвост. Она встаёт и пьёт воду, выглядя при этом как пляжная модель, пока солнце опускается на небе. Я же, напротив, выгляжу как Долорес Амбридж после того, как до неё добрались кентавры. Мои жёсткие волосы безбожно выбиваются из хвостика, щеки сделались насыщенно розовыми от усилий, а мои мускулистые бёдра футболистки трясутся от натуги. Мы с Руни — полные противоположности не только во внешности, но и в характере, и наверное именно это делает нас такими хорошими подругами.

— Он без сомнений мудака, — подтверждаю я. — Но он мудака, у которого есть то, что мне нужно: конспект последней лекции и тех, что я пропущу, когда буду отсутствовать из-за выездных матчей.

Мы обе бежим к следующей секции поля, чтобы начать упражнение «одно касание». Я первой бегу задом наперёд, Руни подкидывает мяч в воздух и запускает его в мою сторону. Я отправляю его обратно, она отражает мяч, я снова отправляю его обратно. Мы будем делать так, пока не поменяем направление, и тогда придёт её черёд.

Руни отправляет мяч ко мне, и я отбиваю его к её ногам.

— И что ты будешь делать, если этот парень не даст тебе конспекты?

— Я не знаю, что делать. В том и проблема. Я не вижу, что можно предпринять с парнем, который меня откровенно игнорирует. Знаю, я бываю немного колючей, но я вела себя вежливо. Тогда как он был... откровенно грубым. Я не понимаю, почему. И мне очень нужны эти конспекты.

Поменявшись, я подхватываю мяч ногой и мягким пинком отправляю его в воздух, прямо ко лбу Руни.

— Если честно, — говорит Руни, отбив мой пас головой. — Я бы сказала, что проблема в твоём профессоре. Согласно студенческому контракту, он обязан подстраиваться под твоё расписание, а это поведение откровенно вредит твоим стараниям как студентки-спортсменки. Будь я на твоём месте, я бы распечатала наше соглашение, пошла на кафедру и напомнила этому придурку, что он по закону и нормам этики должен поддерживать твоё обучение, пока ты приносишь его колледжу больше публичности и денег, чем его жалкие научные публикации.

Да уж. Руни выглядит как Барби, но мозги у неё имеются. Однажды она станет прекрасным адвокатом.

— Может быть. Но этот парень строгий, Ру. Думаю, в таком случае он ещё сильнее усложнит мне жизнь.

Руни хмурится, снова отбивая мой пас.

— Ладно, значит, покажи ему контракт, но сделай это вежливо. Убей его добротой. Сделай всё возможное, чтобы тебя допустили до игры на следующей неделе. Ты нужна нам, Уилла, и если честно, думаю, ты взорвёшься, если не сыграешь.

Когда мы заканчиваем тренировку, мяч падает к моим ногам, и я смотрю на его знакомые очертания. Этот вид я видела тысячу раз — чёрно-белый мяч на фоне ярко-зелёной травы, и мои бутсы по обе стороны от него. Футбол — это единственная константа в моей жизни, когда всё остальное непредсказуемо. Я живу и дышу этим спортом не только потому, что хочу быть лучшей, но и потому, что временами это единственное, что помогает не опускать руки.

Руни права. Я не могу пропустить игру, не могу быть недопущенной. Мне придётся смириться и сделать всё возможное, чтобы не завалить курс.

— Давай, — говорит она, закидывая руку на моё плечо. — Сегодня вечером моя очередь готовить.

Я симулирую рвотный позыв, за что она грубо толкает меня в сторону.

— Супер. Моему организму как раз нужна хорошая чистка.

Глава 2. Уилла

Плейлист: Brynn Elliott — Might Not Like Me

Моя репутация вспыльчивой особы хорошо известна в кампусе. У меня было несколько стычек на футбольном поле, а также один эпизод на первом курсе, когда какая-то цыпочка накинулась на Руни в столовой и обвинила её в том, что она увела её бойфренда. Я уже забралась на стол с намерением повалить эту лгуню на пол и прикончить её ударом локтя в лучшем духе реслинга, но Руни, к счастью, схватила меня за шиворот прежде, чем я обрекла себя на отчисление. Как бы там ни было, этот инцидент подарил мне определённую репутацию, и я не старалась разубедить людей в этом. Почти все либо боятся меня, либо держатся на приличном расстоянии. Меня это прекрасно устраивает.

Но правда в том, что как бы я ни рвалась на защиту близких мне людей, как бы я ни готова была подставить плечо, толкаться и бороться за мяч на поле, мне не нравятся вербальные конфликты. Думаю, у меня реально аллергия на словесные разногласия и неловкие разговоры. Каждый раз, когда это случается, я покрываюсь сыпью.

Вот почему воспалённые чешущиеся пятнышки вскакивают на моей шее и груди, пока я сижу возле стола профессора МакКормака и смотрю, как он читает моё соглашение студента-спортсмена.

— Хм, — перелистнув последнюю страницу, он разворачивает документ и подвигает обратно ко мне. — Слушай, Саттер. Хочешь верь, хочешь нет, но я симпатизирую тебе и уважаю тебя.

Мои брови взлетают вверх.

— Вот уж никогда бы не подумала.

Усмешка Мака снова возвращается на его лицо. Мне приходится сидеть на своих руках, чтобы нечаянно не залепить ему пощёчину.

— Я не стану рисовать тебе оценку просто так. Ты выбрала быть спортсменкой, и с этим на тебя ложится ответственность по управлению своим временем. Ты не сказала мне в начале курса, когда ты будешь отсутствовать, и что тебе нужны конспекты. Ты не говорила об этом до дня пропуска в первом случае, а во втором сказала лишь после. Это говорит мне, что данный курс для тебя не приоритетен, хотя должен быть приоритетным. Это базовый курс, важный для понимания любого материала по управлению бизнесом.

Я ёрзаю на сиденье. Я знала, что буду пропускать занятия из-за игр, но спрашивать у него заранее казалось пугающим. Мне бы пришлось встретиться с ним наедине и попросить об уступках. Это казалось... ну, неловким, и как я уже сказала, я не очень хорошо справляюсь со словесными разговорами.

— И это наводит меня на мысль, — продолжает он, — что ты одна из тех спортсменов, которые считают, что им не нужно образование, которые получают оценки для галочки. На моих занятиях такое не прокатит.

Я открываю рот, чтобы сказать, что это очень несправедливо, что я люблю изучать то, что необходимо для управления бизнесом. Что я правда хочу освоить этот курс и остальные, связанные с моей профессией, потому что знаю, что не всегда буду профессиональной спортсменкой. Когда я уйду из спорта, я надеюсь использовать заложенную платформу как основание для благотворительной работы, и я хочу руководить всем сама, причем чертовски

хорошо. Я хочу сказать ему всё это, но ничего не слетает с языка. Мои челюсти сжимаются, желудок скручивает узлами.

МакКормак подается вперед, опираясь локтями на стол. Занудная чёрная оправа скрывает синие как океан глаза. Его почти чёрные волосы лежат в стильном беспорядке, у него постоянная лёгкая щетина, и не будь он таким подрывающим мои усилия засранцем минимум на десять лет старше меня, я бы, наверное, посчитала его симпатичным. Прямо сейчас я могу думать лишь о том, что он тот парень, который разрушит мою футбольную карьеру.

— Ты выглядишь расстроенной, — тихо произносит он.

Я прерывисто вздыхаю, когда горячие слёзы щиплют глаза. *«Не плакать, Саттер. Никогда не показывай им свои слабости».*

— Простите, — выдавливаю я сквозь ком в горле. — Я не... Я не очень хорошо выражаюсь, когда... — сглотнув, я стискиваю переносицу и глубоко дышу. Выдохнув, я немного собираюсь и нахожу в себе смелость. — Мне не плевать на этот курс. Я понимаю, что не лучшим образом демонстрирую это вам. Мне надо было попросить вас до начала семестра, но мне никогда прежде не приходилось так делать. В прошлом профессора автоматически вручали мне конспекты и присылали всё необходимое.

Мак откидывается на спинку стула, нахмурившись.

— Ну, я не из таких профессоров, и если ты собираешься стать профессиональной спортсменкой, то у меня для тебя плохие новости — тебе придётся научиться, как за себя постоять.

Я вспыхиваю.

— Да, я в курсе предубеждений и двойных стандартов, с которыми сталкиваются женщины-спортсменки, и я к ним готова. Но спасибо за нотацию.

— Ладно, — он вскидывает ладони. — Я веду вот к чему — я не мешаю тебе осваивать этот курс. Я доступен для вопросов, и там было целое море людей, у которых ты могла попросить конспекты. Я вручил тебе Райдера на блюдечке с голубой каёмочкой...

— На блюдечке? — я хлопаю ладонями по столу и подаюсь ближе. — Да он меня полностью проигнорировал.

— Может, ты сделала недостаточно, чтобы быть услышанной, — Мак пожимает плечами, встаёт и берёт в руки кипу бумаг и ноутбук. Он смотрит на наручные часы, затем на меня. — В любом случае, твой успех — это не моя ответственность. Я дал тебе решение проблемы. Я не буду вести тебя за ручку к успешной сдаче экзамена. Разберись сама. Поговори с ним. Ты один раз шепнула, а потом сразу сдалась и начала сверлить его убийственным взглядом.

Я выпучиваю глаза.

— У вас там видеонаблюдение, что ли?

Та чёртова усмешка превращается в широкую улыбку.

— Нет, просто глаза на затылке. У какого профессора их нет? Пошли, Саттер. Пора на лекцию.

На сей раз не я одна опаздываю. МакКормак быстро шагает передо мной, с хлопком бросает кипу бумаг на стол, подключает ноутбук к проектору и немедленно начинает лекцию. Аудитория снова забита битком, и снова единственное свободное место — рядом с

высоким засранцем, Райдером, Хранителем Конспектов.

В прошлый раз я была слишком зла, чтобы толком отметить его внешность, но в ретроспективе понимаю, что он одет практически в то же самое, своего рода униформа: потрепанная тёмно-синяя бейсболка, очередная мягкая с виду фланелевая рубашка, свободно свисающая на его торсе, и выцветшие джинсы. Его длинные ноги вытягиваются из-под его места, глаза опущены и просматривают конспект сегодняшней лекции. И снова он полностью игнорирует меня. Я опускаюсь на сиденье, фыркая и гневно открывая свою тетрадку.

Хотя бы в этот раз я смогу прослушать лекцию от и до. Уж точно не благодаря ему.

Пока МакКормак читает лекцию, меня затягивает тема, поскольку, как я едва не сказала ему, мне правда нравится изучать управление бизнесом. Моя концентрация непоколебима. Я быстро строчу конспект. Я даже поднимаю руку и задаю Маку вопрос, который заслуживает мне удивлённую и одобрительную улыбку. Я возвращаюсь на нужный путь. Мне всё равно надо выяснить, как достать конспекты по пропущенной части курса, но сегодня Уилла Роуз Саттер блистает...

Мою руку пихают, и ладонь с ручкой отлетает по диагонали, оставляя чёрный росчерк по всему листу конспекта. Я резко поворачиваюсь вправо, встречаясь взглядом с Райдером. Его глаза такие же раздражающе и ошеломительно зелёные, как и в прошлый раз, и снова они широко раскрыты, будто я удивила его самим фактом своего существования.

Я смотрю на страницу, затем обратно на него.

— Это что было, чёрт возьми? — шиплю я.

Его рот приоткрывается, и на мгновение это странным образом отвлекает меня. С опешившим лицом, взъерошенными волосами, косматой бородой, в сине-зелёной клетчатой фланелевой рубашке, он выглядит как лесоруб, которого прервали на середине замаха топором. Мой взгляд опускается ниже от его глаз, изучая лицо. Столько всего скрывается за этой светлой щетиной. Скулы, губы, линия подбородка.

Как он выглядит под всем этим?

Выдернув себя из странных мыслей, я снова встречаюсь с ним взглядом и выжидающе округляю глаза. Я жду извинения, объяснения, чего угодно, что объяснило бы, почему он только что заехал локтем по моей руке и испортил мой конспект.

Но ничего не следует. Он закрывает рот, прищуривается и резко поворачивается вперед, сосредотачиваясь на доске. Мак выключает проектор, вызвав коллективный стон у трети аудитории, которая писала недостаточно быстро. Это включает и меня, потому что засранец-лесоруб в последние несколько минут отвлек меня от чтения и переписывания.

— Помните, — говорит Мак аудитории, — структура этого курса такова, что первые шесть недель отведены зазубриванию основ бизнес-математики. Я учу вас теории и вдавливаю её в ваши головы. Я понимаю, что сейчас вы наверняка ошеломлены объёмом материала.

За коллективным вздохом следует волна шепотков и приглушённых голосов, говорящая о том, что МакКормак, может, и грозный педагог, но он хотя бы понимает свою аудиторию.

— Сейчас мы подошли к тому моменту курса, где вам назначат партнёра до конца семестра. Это делается по двум причинам. Первая — это численность студентов на курсе, — говорит Мак. — В отличие от многих педагогов, я не сваливаю вас на ассистентов. Я работаю с вами весь семестр и лично провожу консультации, но в обмен я вдвое сокращаю количество письменных работ для оценки, поскольку разбиваю вас на пары. Вторая причина

— это то, что любой желающий построить карьеру в бизнесе должен развить навыки работы в команде, ведения переговоров и достижения компромиссов. Знание цифр и экономической теории бесполезно, если вы не умеете общаться со своими коллегами по команде, слушать их идеи и синтезировать инсайты для успешного практического применения.

— Основной фокус вашей командной работы сосредоточен на финальном проекте и тестировании, но и промежуточные экзамены уже на носу. Я предлагаю вам поскорее познакомиться со своим напарником и поддерживать учебный прогресс друг друга. Занимайтесь вместе, опрашивайте друг друга по тестовым вопросам. Познакомьтесь. Мы ещё не перевалили за половину семестра, но как только вас разобьют на пары, начинайте работать над концепцией своего проекта. Ваш финальный проект и экзамен составляют половину вашей оценки, так что те из вас, у кого сейчас проблемы... — его взгляд пробегаётся по комнате, и он выразительно поднимает брови, глядя на меня. — Предлагаю вам воспринять это всерьёз. Это может сыграть решающую роль в вашей оценке.

Эхо коллективных стонов разносится по аудитории. Мак усмехается, держа руки в карманах.

— На следующей лекции поделим вас на пары. Хорошего всем дня!

Я не успеваю даже надеть колпачок на ручку, а Райдер уже соскакивает со своего места. Закинув сумку за плечо, он вылетает из помещения, лавируя и проталкиваясь через медленно выходящую толпу.

Я медленно поворачиваясь, поражённая степенью мудачества этого типа. Ну то есть, чтобы быть таким мудаком, надо постараться.

— Но он вроде как хорошенький мудака, — говорит чей-то голос.

Я подпрыгиваю и поворачиваюсь налево.

— Прости. Не осознавала, что размышляю вслух.

Она пожимает плечами и улыбается.

— Ничего страшного. Я поняла. Я Эмили.

— Уилла, — встав, я закрываю тетрадь и заталкиваю в сумку.

Её улыбка делается шире.

— О, мне нравится это имя. Как писательница Уилла Кэсер?

Я киваю, когда боль сжимает мою грудь, и я думаю о маме.

— Ага.

Мне стоит спросить у Эмили, хорошо ли она пишет конспекты, и нельзя ли попросить у неё копии. Но снова мой страх просить кого-то о чём-то (или хуже того, получить отказ) лишает меня дара речи.

— Ну, хорошего дня! — бодро говорит она.

У меня куча домашней работы, тренировка в рамках подготовки к матчу против одного из самых серьёзных соперников, и я направляюсь в больницу, чтобы узнать результаты последней биопсии моей мамы. Я вовсе не ожидаю, что день будет хорошим.

— Спасибо, — выдавливаю я. — И тебе.

К этому моменту я уже привыкла к больничной рутине. Запахи, звуки. Свист и сигнал, с которыми открываются двери лифтов, поскрипывание кроссовок по линолеуму. Гул флуоресцентных ламп, смешивающиеся запахи антисептика и мочи. Странно, но мне это не ненавистно. Это место стало домом для мамы в последний месяц, и где бы она ни

находилась, я хочу быть рядом.

— Уилла Роуз! — мама опускает книгу и широко разводит свои худые руки.

— Привет, мама, — я посылаю ей воздушный поцелуй, затем снимаю толстовку и исправно мою руки. Мама на препаратах, подавляющих иммунитет, а студенты колледжа — это ходячий рассадник микробов, по словам доктора Би, так что я скребу кожу до самых локтей, а потом на всякий случай выдавливаю себе на руки несколько порций санитайзера.

Наконец, я могу наклониться и принять её объятие. Оно крепкое и долгое. Она как всегда сцепляет пальцы за моей спиной и хорошенько стискивает меня.

— Как твой день, дорогая? — спрашивает она.

Мама откидывается назад и встречается со мной взглядом. Когда я смотрю на свою мать, я всегда благодарна за напоминание, что я её копия, если не считать неуправляемых волос. Это позволяет мне притвориться, что я появилась на свет от одной лишь мамы, и что я только её.

— Неплохо, — я аккуратно сажусь на край кровати и кошусь на поднос с нетронутой едой.

Она машет рукой.

— На вкус как отходы из помойки.

— Но мама, если не будешь есть, у тебя не будет сил. А силы тебе нужны.

Вздыхая, она сжимает мои пальцы.

— Знаю. Барбара из той церковной программы поддержки попозже принесет мне домашний куриный суп.

Слава Богу за эту церковную программу, потому что она прикрывает мои пробелы. Домашнюю еду для мамы должна готовить я, а не какая-то милая леди-лютеранка по имени Барбара, но я смирюсь с этим. Это питает маму, и она получает приятный визит от незнакомца. В отличие от меня, мама не теряется при разговорах с другими и действительно наслаждается светской беседой.

Мы с мамой остались одни, и это не кажется мне плохим; что есть, то есть. За годы мы слишком много переезжали, чтобы завязать крепкую дружбу, и мы обе по характеру одиночки. Моя семья всегда состояла из бабушки Роуз и мамы. Бабушка Роуз умерла, когда я училась в старших классах, и я до сих пор скучаю по ней. Она была той ещё роковой женщиной, которая любила выращивать овощи и цветы, всегда побеждала в играх-викторинах, беспрестанно курила и материлась как сапожник. Видимо, я унаследовала её нрав.

— Ладно, — я достаю апельсин и начинаю чистить. Как только я уберу все тонкие ниточки с долек, мы с мамой съедим его пополам. Это наша традиция. — Какие новости? — я не отрываю взгляда от апельсина, срывая кожицу и посылая терпкие брызги в воздух. Я боюсь, что увижу выражение в глазах мамы, когда она сообщит мне плохие новости.

— Какие новости? — переспрашивает она.

Я резко поднимаю взгляд.

— Не прикидывайся дурочкой, Джой Саттер.

Она улыбается, и от этого её глаза мерцают.

— Биопсия дала не очень хорошие результаты, но у доктора Би есть для меня план. Он у меня три в одном — мозги, яйца и красота.

Я резко оборачиваюсь, убеждаясь, что у порога палаты никого нет.

Мама усмехается.

— Он знает, что я шучу. Но я правда очень высокого мнения о нём, и он бессовестно этим пользуется, заставляя меня есть обеды и прогуливаться по коридорам.

— Умный мужчина, — бормочу я. — Высокий, рыжий и привлекательный — это всегда было в твоём вкусе.

— Что поделаешь, таковы мои вкусы. Рыжие не получают в этом мире всей любви, которую заслуживают. А теперь поговори со мной о жизни, школе, команды, — мама меняет позу и старается скрыть гримасу. — У меня такое чувство, будто в последнее время я вообще не в курсе событий.

Я рассказываю, что вчера вечером Руни пыталась приготовить пад тай, и вся квартира воняла гнилой рыбой, а лапша была такой жёсткой, что я едва не сломала зуб.

Мама смеётся, пока смех не переходит в приступ кашля. Заглядывает медсестра, даёт маме кислородную маску и награждает меня взглядом, который говорит «Сбавь обороты, Саттер».

Решив, что больше не буду так её смешить, я рассказываю маме о приближающемся матче, и что мы будем придерживаться более агрессивной стратегии. До сих пор мы играли по стратегии, где я выполняла роль «блуждающего форварда», так что если наши противники умны, они попробуют противопоставить мне двух членов команды. Мы поставим Руни со мной как второго форварда вместо её обычного места в центре поля. Если Руни будет впереди, отвлекая на себя их защиту, то есть надежда, что вместе мы сумеем забить пару голов.

— Звучит здорово, — говорит мама, кладя в рот дольку апельсина и улыбаясь. — Скоро ведь придут агенты, чтобы понаблюдать за тобой, да?

Я тоже жую дольку апельсина.

— Ага, — говорю я с набитым ртом. — Если меня допустят к игре.

Редящие брови моей мамы взлетают вверх.

— Прошу прощения, Уилла Роуз, я что-то пропустила? Ты старательная и ответственная студентка. Твоим оценкам раньше ничего не грозило.

Застонав, я падаю вбок, пока моя голова не оказывается на её коленях. Ладонь мамы забирается в мои волосы, пытаюсь сделать порядок из хаоса.

— Расскажи мне, дорогая.

Всё вываливается сплошным потоком. Как я наивно ожидала, что профессор МакКормак поведёт себя как все остальные мои педагоги, а потом я поняла, что это не так, и занервничала просить его о необходимом. Я не успеваю рассказать о засранце-лесорубе, прежде чем мама цокает и качает головой.

— Ты никогда не умела вести сложные разговоры, — мама вздыхает. — Не знаю, откуда это в тебе. Если бы кто-то позволил меня зарабатывать на жизнь спорами, я бы с радостью согласилась.

Её руки так успокаивают, что я позволяю себе закрыть глаза и наслаждаться ощущением её пальцев, ритмично скользящих по моим волосам. Когда она закончит, мои дикие волосы будут не такими запутанными, но распушатся вдвое. Но я не возражаю.

— Из тебя получился бы отличный адвокат, мама. Учитывая тебя и Руни, я окружена ассертивными личностями...

— Вот оно! — мама тянется к кроссворду и, прикусив кончик языка, прописывает буквы. — Ас-сер-тив-ный. Ох, Уилла, спасибо. Теперь я могу утереть нос доктору Би, когда он заглянет в следующий раз.

Я поднимаю голову и смотрю ей в глаза.

— Так это доктор Би посадил тебя на кроссворды? — она уже несколько недель помешалась на них, в любое время дня и ночи пишет мне сообщение, чтобы спросить, не знаем ли мы с Руни нужное ей слово.

— Ну, он сказал, что если я буду нормально есть и не похудею ещё сильнее, он отпустит меня на твой матч за звание чемпиона.

— Мама, нам ещё нужно пройти через отборочные и плей-офф...

— Нет. Нет. Нет, — мама поднимает ладонь, повелевая мне замолчать. — Чему я тебя учила?

Я вздыхаю.

— Я могу сделать всё, на что настроюсь умом и сердцем.

— Вот именно. Ты хочешь сыграть в матче за звание чемпиона, Уилла, и у тебя получится. Как я и говорила, если я сохраню вес, мне разрешат прийти, но если я за день разгадаю кроссворд из Нью-Йорк Таймс, то он сам отвезёт меня в своей навороченной спортивной машине.

Я резко выпрямляюсь.

— Но в этом году финал будет в Сан-Хосе. Разве это не опасно? Ну типа, дорога тебя утомит, и внешний мир кишит микробами, и...

— Уилла, — мама переплетает наши пальцы и ободряюще улыбается. — Всё хорошо. Он доктор, он лучше знает.

Мои плечи напряжены, нутро скручивает беспокойством. Мне ненавистно, что мама так больна, что вынуждена лежать в больнице. Но мне нравится знать, что она здесь в безопасности, и о ней заботятся. С моей точки зрения пусть лучше она будет здесь, получая весь необходимый уход столько, сколько потребуется. К счастью, бабушка Роуз оставила нам неплохие сбережения, и мамина военная пенсия помогает. Практически все наши деньги уходят на это — на её лечение от рака, чтобы она как можно скорее поправилась.

Учитывая это, в финансовом плане я сама по себе, и я не возражаю. Уже много лет я каждое лето работала в местном книжном магазине, где и узнала такие слова, как «темпераментный» и «ассертивный». Независимый книжный магазин также подаёт кофе и выпечку, и в летние месяцы он переживает всплеск активности из-за туризма, так что я получаю хорошие чаевые вдобавок к достойной почасовой оплате. То, что я зарабатываю за лето, становится моим доходом на учебный год. Мои затраты покрываются академической и спортивной стипендиями, и благодаря аккуратному расходованию денег, мне хватает на продукты и коммуналку в квартире, которую я делю с Руни.

Однако в последние пару месяцев Руни «нечаянно» полностью оплачивала аренду и коммуналку, вместо того чтобы позволить мне выписать ей чек на половину суммы. У меня есть назойливое подозрение, что причиной тому — богатство семьи Руни (её папа — навороченный продюсер в Голливуде), так что для неё это ерунда, и она знает, что я живу на скудном бюджете. Она будет отрицать это с пеной у рта, но я её раскусила.

— Уилла, у тебя в глазах то отрешённое выражение, которое вовсе не к лицу женщине в возрасте 21 года, — рука мамы прохладная и ужасно худая, но я всё равно прислоняюсь к ней щекой. Это не первое её родео с раком, и я знаю, что не надо принимать время с ней как должное. Жизнь хрупка, и пусть я надеюсь, что мама справится, я никогда не отказываюсь от шанса притормозить и оценить её присутствие.

— Тебе ненужно беспокоиться, милая, — шепчет она. — Я справляюсь. Доктор Би

делает всё возможное и беспокоится вместо нас обеих, ладно? — её ладонь опускается и сжимает мою руку. — Тебе надо жить своей жизнью. Ты только и делаешь, что тренируешься, посещаешь занятия, тренировки, проводишь матчи, а потом сидишь в больнице и смотришь, как твоя мама снова лысеет.

— Прекрати, — глаза щиплет от слёз. — Я люблю тебя. Я хочу быть с тобой.

— Но тебе нужно жить, Уилла. Процветать, а не просто выживать. Сходи куда-нибудь с Руни. Надень коротенькое платье, покажи эти сногшибательные ножки футболистки. Поцелуй парня, перепихнись с ним всеми возможными способами... не забывая про защиту, конечно же...

— Мама! — мои щёки пылают ярко-красным. — Ты же знаешь, я не хожу на свидания.

— Я и не говорила тебе идти на свидание. Я сказала тебе перепихнуться.

— Мамааааааа, — стону я.

— Я уже давно то болею, то выздоравливаю, но знаешь что, Уилла? У меня нет чувства, что я многое упускаю. В молодости я жила на всю катушку. Я ходила на безумные концерты и в походы. Я тусовалась со странными битниками, читала толстые книжки и путешествовала автостопом. Курила травку и смотрела в небо, лежа в кузове едущего грузовика. Я развлекалась и усердно работала, примкнула к армии, путешествовала по миру как медсестра. Посмотрела новые места, спала с экзотическими любовниками и несколькими сексуальными солдатиками...

— Мама, — я качаю головой. Моя мама красива, даже без волос и в мягком тюрбане на голове. Её глаза такие же насыщенно карие и широко посаженные, как у меня. Её скулы выступают, губы пухлые. Я видела фотографии. В молодости мама была красоткой. Мне просто очень не хочется представлять, как она чпокается.

— Ты понимаешь, что я имею в виду, Уилла. Жизнь сама себя не проживёт, и ничто нам не обещано. Ты многое можешь предложить миру, многое испытать. Я не хочу, чтобы ты упускала что-то из-за меня.

Я хочу сказать, что с радостью пропустила бы всё на свете, если бы это означало, что она навеки останется рядом. Я хочу сказать, что опасаясь, что она больна сильнее, чем показывает, и мне ненавистно проводить ночи за тем же, что и остальные студенты, пока я могла бы проводить эти скоротечные мгновения с ней.

Но это же я. Я не говорю на такие неловкие темы. Так что вместо этого сжимаю её ладонь в знак ободрения и говорю:

— Ладно, мама. Так и сделаю.

Глава 3. Райдер

Плейлист: Beirut — Elephant Gun

Ровно два года назад я осознал, что моя жизнь никогда не сложится так, как я думал. Отрицание — это мощный механизм преодоления. Когда я заболел, моя психика как можно дольше цеплялась за отрицание. Но в итоге мощная прагматическая жила, объединяющая всю мою семью, постучала в двери моего разума и потребовала посмотреть правде в глаза.

Я вам не типичный калифорнийский парень. Я не катаюсь на сёрфе. Я вырос в Олимпии, штат Вашингтон, и хотел бы до сих пор жить там, но папа получил чрезвычайно заманчивое предложение от медицинского центра Рональда Рейгана при Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе (РРМЦ, сокращенно), и поэтому мы здесь.

Я скучаю по осени. Я скучаю по мокрым листьям, превращающимся в скользкий ковёр под моими ногами. Я скучаю по тому, как розовеет мой нос и горят лёгкие после долгих пробежек по снегу. Я скучаю по темноте, как бы странно это ни звучало. Я скучаю по свечам, огне в очаге и уютному чтению книги после заката за ужином.

И я скучаю по футболу. Я скучаю по игре, которая, как я был уверен, направляла бы и определяла всю мою взрослую жизнь.

Так что, само собой, в годовщину того дня, когда все мои мечты отправились на помойку, Уилла Саттер, восходящая звезда женского футбола, плюхнулась на соседнее сиденье рядом со мной на лекции по бизнес-математике. Такое чувство, будто вселенная отвесила пинок по больному месту.

Не помогло и то, что она, похоже, необъяснимо возненавидела меня. Когда лекция закончилась, она наградила меня убийственным взглядом и засунула ручку в волосы так, будто представляла, что это кинжал, вонзающийся в моё сердце. Ярость сделала её янтарные радужки медно-рыжими, и от неё практически исходила агрессивная энергия. Женщина, чьё будущее когда-то было моим, будущее, за которое я бы всё отдал, смотрела на меня так, будто хотела убить меня, а потом ещё разок прикончить для гарантии. Задерживаться и смотреть, как она пытается испепелить меня глазами, хотя я не знал, чем заслужил такую ненависть, при других обстоятельствах было бы весело, но не в тот день.

Следующее занятие было таким же паршивым. Она снова опустилась на соседнее сиденье, заставив меня остро осознавать её тело, почти задевающее моё. Я парень с размерами крупнее среднего. У меня широкие плечи, длинные ноги. Я не втискиваюсь за эти парты. Так что я не удивился, когда повернулся на сиденье, нечаянно пихнул её локтем, и тем самым снова заслужил убийственный взгляд.

Удивительно то, что когда она сердито посмотрела на меня, требуя объяснений, мне реально захотелось ответить. И это кое о чём говорит, поскольку за два года я не произнёс ни слова.

— Рай.

Я слышу этот звук как под водой, приглушённо и искажённо. Вот так звучит жизнь со средней и тяжёлой степенью потери слуха в правом и левом ухе соответственно. Бактериальный менингит взялся из ниоткуда за несколько жестоких недель до начала межсезонья в Калифорнийском Университете Лос-Анджелеса (КУЛА). Я быстро и сильно заболел, а когда очнулся в больнице, то услышал голос мамы как металлический

искажённый звук, который едва узнал. Менингит повредил моё внутреннее ухо, и антибиотики тоже сказались.

Никак нельзя было восстановить навыки первого дивизиона на футбольном поле, когда моё ощущение равновесия оказалось нарушено, и я не мог слышать своё имя или летящий на меня мяч. Слуховой аппарат сделал всё ещё хуже, и попытки вновь играть превратились в одной большой кошмар.

Тренер подбадривал. Товарищи по команде поддерживали. Но я был реалистом.

Я вывел свою карьеру за пределы поля и милосердно прикончил все мечты. Я бросил бутсы, отказался от спортивной стипендии и двинулся дальше. Теперь я уже не Райдер Бергман, прекрасный левый защитник и первокурсник, обречённый на успех. Уже нет.

— Рай, — снова зовёт Рен. Ну типа, может, он произнёс моё прозвище. С таким же успехом мой брат мог сказать моё полное имя, а я просто не разобрал. Я стараюсь больше не переживать о таких деталях, не гадать и не беспокоиться, что я упускаю, но это непросто. Поначалу тревожность просто парализовывала. Теперь это постоянный фоновый гул нервозности.

Я разворачиваюсь на стуле и оказываюсь лицом к лицу с моим братом Реном. Как и я, он высокий, широкоплечий и крепко сложенный. Его светлые волосы отливают красновато-коричневым, а бледные серо-голубые глаза — точная копия маминых.

Рен — профессиональный хоккеист, который ужасно волновался из-за драфта¹, будучи уверенным, что его отправят на другой конец страны, далеко от нас. К его колоссальному облегчению, ему удалось подписать контракт в Лос-Анджелесе, но на протяжении сезона он редко бывает дома, хотя живёт и работает рядом. Но когда он дома, он докапывается до меня.

Я склоняю голову набок и одними губами произношу: *«Ты откуда взялся?»*

Рен прислоняется плечом к косяку, скрещивая руки на груди. Он хмурится, но всё равно говорит отчётливо, чтобы я мог читать по губам.

— Выходной. Следующая игра завтра.

«И?» — произношу я губами.

Закатив глаза, Рен вытаскивает из кармана телефон и помахивает им из стороны в сторону, что за два года стало условным сигналом для *«Возьми телефон, придурок, и поговори со мной нормально»*.

Вздыхнув, я беру телефон и открываю нашу переписку.

«Я знаю, какой сегодня день, — пишет он. — Пошли, я свожу тебя куда-нибудь».

Прежний Райдер издал бы невесёлый смешок, но я научился сдерживать любые звуки.

«Нет», — печатаю я.

— Чёрт подери, — произносят губы Рена. На мгновение я чувствую себя виноватым. Рен — последний из оставшихся братьев, и он заслуживает моей доброты за то, что держится рядом со мной. Остальные братья прекратили попытки достучаться и в основном оставляют меня в покое. Это не их вина. Я практически всех оттолкнул.

«Фрейя пригрозила вытащить тебя силой, если ты не придёшь добровольно», — пишет он.

Я скидываю руки и одними губами произношу: *«Какого хера?»*

Рен пожимает плечами.

— Она устала от твоих выходок. Говорит, что знает местечко с хорошими бургерами, где не слишком шумно, и у тебя не заболит голова.

У меня вырывается вздох, и мои пальцы печатают: «А если я не пойду?»

Рен смеётся и убирает телефон в карман.

— Она и твоя сестра тоже. Ты знаешь, что будет.

Фрейя — старшая. На её фоне моё упрямство выглядит детскими капризами. Лучше согласиться с ней. Я посижу в тихом месте, поем, позволю им говорить рядом со мной, а потом она оставит меня в покое.

Вставая, я стягиваю толстовку и провожу рукой по волосам, ища бейсболку. Рен принимает моё переодевание за признак того, что я не буду спорить со своей напористой сестрой и соглашусь на эту дурацкую вылазку. Он издаёт торжествующий вопль — этот редкий высокий звук я всё ещё могу слышать. Хотелось бы мне сказать, что я благодарен за это, но тогда я бы соврал. Когда я что-то слышу, я думаю обо всём том, что я не в состоянии расслышать. Психолог, к которому родители отвели меня после случившегося, сказал, что нужно время, чтобы начать воспринимать жизнь как стакан, который наполовину полон.

Этот наполовину полный стакан чрезвычайно далёк от меня.

Для стороннего наблюдателя мы выглядим как жалкая замкнутая группа, уткнувшаяся в телефоны, но раз я тут, мы только так и можем общаться. Групповой чат обычно состоит из нас четверых. Фрейя, её муж Эйден, я и мой брат Рен.

Иногда они говорят вслух, я читаю по губам, а потом отвечаю в групповом чате. Так они могут общаться как нормальные люди, а я просто вклиниваюсь, когда хочу. Это случается редко. Ну, хотя бы это не ново. Я всегда был довольно тихим, даже до потери слуха.

Эйден потягивает пиво и ставит бокал. Поворачиваясь ко мне лицом, чтобы я мог читать по губам, он говорит всем остальным:

— Кто-нибудь, спросите Рая об его новой подруге на моих лекциях.

Мои глаза прищуриваются. Да, Эйден — это профессор МакКормак. Мой зять — также мой преподаватель, и я волновался, что это породит конфликт интересов. Бизнес-математика — это обязательный предмет перед другим редким курсом, который я отчаянно хочу посещать в следующем семестре, и только на потоке Эйдена были свободные места. Он сказал, что всё будет нормально, и я ему поверил. Если кто и будет достаточно засранцем, чтобы отделить личное от рабочего и превратить этот курс в кошмар для меня, то это он.

Фрейя оживляется и подаётся вперёд. Она шлёпает меня по руке, чтобы привлечь моё внимание.

— Новая подруга? А ну выкладывай.

Она копия мамы, и у меня складывается жуткое ощущение, будто это мама выпытывает у меня про девочек, как это было в старших классах. Светлые волосы Фрейи подстрижены в короткую стрижку пикси, ледяные голубые глаза как всегда пронизывают, и я заметил, что у неё новый пирсинг.

Я делаю «галочку» из двух пальцев и подношу большой палец к виску.

Фрейя шурится.

— Что?

Я усмехаюсь, печатая в групповой чат: «Бык. Твой новый пирсинг делает тебя похожей на быка».

Рен хрюкает и пытается скрыть это за кашлем, а Эйден поперхнулся пивом. Никто не задирает Фрейю. Кроме меня.

— Ах ты мелкий говнюк, — она наклоняется через стол и совершает тщетную попытку ущипнуть меня за сосок. Сев обратно на место, она аккуратно поправляет пирсинг в септуме. — Я выгляжу авторитетно.

За столом снова раздаётся хрюканье и смешки. Я прячу свой смех, прикрывая рот кулаком и позволяя плечам трястись. Желание заржать в голос раньше так и давило на рёбра, когда ко мне наконец-то вернулось чувство юмора, но я принял тот факт, что теперь лучше не издавать ни звука.

Внезапно смех угасает, и Эйден говорит:

— Проклятье.

Фрейя поворачивает голову в ту сторону, куда смотрит Эйден, и Рен тоже. Уилла Саттер входит в двери, но я понятия не имею, что они говорят про неё. В этот редкий момент они забывают, что им надо давать мне возможность читать по губам или же писать в телефонах.

Я дважды хлопаю в ладоши, привлекая их внимание и вызывая виноватые выражения на трёх лицах.

— Прости, Рай, — говорит Рен.

Эйден машет рукой, чтобы я посмотрел в его сторону и прочёл по губам.

— Здесь Саттер. Это будет выглядеть не лучшим образом.

Фрейя похлопывает меня по руке.

— Кто? Почему?

Я взмахиваю руками, затем показываю на Эйдена. *«На него смотри»*. Я наблюдал за их разговором в классе, и пусть я пропустил большую часть реплик, я видел, как напряглись его черты, и как сурово он с ней разговаривал. Похоже, Эйден был строг, и я вроде как сочувствовал Уилле... пока она не наградила меня дьявольским взглядом и не решила возненавидеть. Тогда я решил, что Эйден может быть каким угодно мудаком. После этого она сама по себе.

Эйден вздыхает и берётся за телефон, так что все мы возвращаемся к групповому чату.

«Её зовут Уилла Саттер, моя студентка. Возможно, я был с ней чуточку суров, — печатает Эйден. — Но высокомерные спортсмены — это моя ахиллесова пята. Я решил, что компенсирую ей это, сказав попросить конспекты у Рая».

«И как она у него спросит? — пишет Рен. — Она знает, что он её не слышит?»

Эйден опускает глаза. Виновен.

Редкое рассерженное фырканье вырывается из моей груди. Я ударяю кулаком по столу и показываю на него пальцем. *«Засранец ты»*.

«Наверное, поэтому она меня ненавидит, — печатаю я. — Она наверняка попросила у меня конспекты, я не услышал, а она подумала, что я игнорирую её как мудака. Теперь она увидит нас вместе и решит, что мы лучшие друзья, решившие запороть её средний балл».

«Притормози, — печатает Фрейя. — Почему она решит, что вы лучшие друзья?»

«Потому что Эйден даёт мне конспекты лекций, чтобы я мог следить за ходом занятия, — мои пальцы быстро порхают над клавиатурой, и злость нарастает, когда я понимаю, какой бардак он устроил. — Он постоянно говорит, стоя спиной к аудитории, а конспекты на слайдах не охватывают весь материал. Конечно, он не выделяет меня из общего числа, он по закону обязан сделать материал курса доступным, но она-то этого не знает».

Рен печатает: *«То есть, эта цыпочка думает, что ты его любимчик, и он заваливает её, потому что ты не делишься конспектами»*.

Я киваю, бросив телефон на стол.

Рен с неверием смотрит на Эйдена.

— Ты всё ещё не отказался от этой затеи?

Эйден хмуро смотрит в своё пиво и ничего не говорит.

Эйден не хочет, чтобы из-за потери слуха со мной обращались иначе, и он злится, что я перестал говорить. Я знаю, он любит меня и хочет как лучше, но он слишком сильно давит. Он намерен взять меня измором, подсылая людей, которые не знают о моей потере слуха и потому донимают меня разговорами, как будто я по-прежнему могу слышать. Якобы от этого я начну носить свой ужасный слуховой аппарат и опять буду говорить.

Не бывать этому.

«Я бы хотел напомнить собравшимся, — печатаю я, — что это не первый раз, когда Эйден подсунул мне женщину и удобненько забыл сообщить ей, что я ни хера не слышу».

Фрейя разворачивается и отвечает Эйдену подзатыльник.

— Я же говорила тебе перестать.

— Я сделал это всего один раз! — возражает он.

— Ему не нужен сводник, — рычит Фрейя. — Ты посмотри на него. Он перепихнётся в тот же момент, когда сам этого захочет.

Все мы, трое мужчин, содрогаемся по разным причинам. Я не хочу слышать, как моя сестра говорит о моём перепихе, Рен не хочет слышать о перепихе своего брата, а Эйден определённо не хочет слышать, как его жена признает сексуальную привлекательность своего брата.

Прежде чем я успеваю сказать что-либо ещё на эту тему, моё периферийное зрение, на которое я намного сильнее полагаюсь в последние годы, заставляет меня повернуть голову вправо.

Уилла стоит в паре метров от нас с выражением неверия на лице.

— Профессор МакКормак? — произносят её губы.

Боги, её губы. Они выглядят таким пухлыми и невероятно мягкими. Мне ненавистно, что мне приходится смотреть на эти пухлые губы, чтобы понимать её, особенно теперь, когда я знаю, что она не просто так ненавидит меня, потому что тогда было бы проще её игнорировать. Она ненавидит меня потому, что считает мудаком, который её нарочно игнорирует.

Теперь её намного, намного сложнее ненавидеть.

— Уилла, привет! — Эйден привстаёт, но Фрейя сидит рядом, тем самым не давая ему выйти из-за столика, и награждает его убийственным взглядом. Он медленно опускается обратно на своё место.

Взгляд Уиллы мечется между нами.

— Вау.

— Уилла, всё не так, как может показаться, — говорит Эйден. — Я знаю, что усложнил тебе ситуацию с конспектами и понимаю, почему ты в недоумении, ведь Райдер их получил, а тебе я их не дал, но дело в том...

Её рука взлетает вверх.

— Я не желаю слушать отговорки. Вы ясно дали понять, что мне надо самой о себе позаботиться, тогда как этот парень получает особое отношение.

Позади Уиллы стоит длинноногая блондинка, которая неодобрительно хмурится.

— Бесстыжий кусок дерьма, — говорит она, глядя на Эйдена. Её губы шевелятся так

быстро, что я уже не могу за ней уследить. Рен это понимает, достает телефон и начинает писать в наш приватный чат то, что она говорит.

— Думаете, у женщин-спортсменок без того проблем мало? Каждый наш профессор предоставляет необходимое и не заставляет нас умолять. У меня сложилось впечатление, что быть приличным человеком не так уж сложно, но вы доказываете, что я ошибалась. Катитесь нахер и доброго вам вечера.

Прежде чем кто-то из нас успеваешь хоть рот раскрыть, высокая блондинка хватается Уиллу за руку, разворачивает их и вытаскивает за дверь.

Рен роняет телефон, искренне впечатлившись, и хлопает им вслед.

— Твою ж мать.

Эйден трёт лицо ладонью. Я не вижу его губы, но готов поспорить на свою правую ногу, что он чертыхается себе под нос.

Фрейя забирает его пиво, допивает, затем вытирает рот рукой.

— Я уже говорила это ранее и повторю ещё раз: мужики — идиоты. Напомни-ка мне, зачем я вышла за тебя замуж?

Эйден роняет голову на стол, но умудряется напечатать ответ в групповом чате. «Хороший вопрос».

Моё колено нервно дёргается, когда лекция начинается. К этому моменту всё кажется даже комичным, но единственное свободное место снова рядом со мной. Эйден тарыхтит про формулу, которую я уже понял, когда вчера вечером готовился к занятию, а Уилла скатывается из верхней части аудитории, и её сумка подпрыгивает так же сильно, как и её дикие волосы, которые как будто не могут определиться, чем они хотят быть — волнами или кудряшками.

На ней спортивные штаны, полностью скрывающие изгибы её тела, и она выглядит запыхавшейся — учитывая, что она в прекрасной физической форме, это означает, что она бежала всю дорогу до аудитории. Она медленно останавливается возле единственного свободного места рядом со мной, пока Эйден читает лекцию и намеренно игнорирует её опоздание.

Её глаза встречаются с моими, переполнившись ненавистью. Эти янтарные радужки снова обретают сердитый медный оттенок. Если бы она могла воспламениться, так и случилось бы.

Она распалённая и взбешённая. Это вызывает у меня больший восторг, чем должно было.

Потому что когда я потерял слух, обыденная жизнь приобрела резкую двухмерную плоскость, от которой я так и не оправился. Много из того, что я любил, оказалось потеряно — игра на музыкальном инструменте, профессиональный футбол, шумные вечера с друзьями. Мне скучно. Мой круг общения сузился до нескольких приятелей и членов семьи, свободное время посвящено одержимым тренировкам, времени на природе и домашней работе, заданной в колледже. Не особенно захватывающее существование.

То есть, Уилла Сатгер — приятное отвлечение, и её поразительно легко спровоцировать. Я средний ребёнок из семи, так что я точно умею провоцировать. Более того, я в этом эксперт.

Я смотрю на неё, намеренно вызывая на лице едва заметную усмешку. Ровно настолько,

чтобы взбесить её.

Если судить по её скривившимся губам, она рычит на меня, плюхаясь на своё место и швыряя тетрадь на парту. Затем она стремительно открывает обложку и с не меньшей силой швыряет ручку на страницу. Я слышу лишь отголоски звуков, но чувствую интенсивность её движений.

Я почти чувствую себя виноватым из-за её раздражения, пока не напоминаю себе, что вчера она не дала ни мне, ни Эйдену шанса объясниться... хотя я бы и не сумел этого сделать.

Не то чтобы она об этом знает.

Если бы я был на месте Уиллы и отчаянно нуждался в конспектах, как нуждается она, по словам Эйдена, я бы успокоился и стал слушать профессора. Я бы мыслил достаточно здраво, чтобы понять, что это единственный способ понять суть занятия и получить желаемое. Но я практичный и уравновешенный человек. Уилла Саттер явно не такая. Если её вспыльчивый нрав постоянно подталкивает её к паршивым предположениям и заставляет видеть в людях худшее, это её проблема, а не моя.

Моего сочувствия к ней хватило настолько, чтобы когда мы расставались на парковке после ужина, я сказал Эйдену, что ему нужно объяснить Уилле всю ситуацию. Это он спровоцировал данное недопонимание. Но его чувство вины не простиралось так далеко.

— У тебя есть голос, Райдер, — сказал он. — Вот и используй его.

Засранец.

Я кошусь на Уиллу, которая, похоже, уселась, и её взгляд мечется от доски к тетрадке и обратно. В середине лекции она поднимает руку, выглядя при этом бунтующей, будто ей меньше всего хочется это делать. Я не слышу, что она говорит, потому что она сидит слева, а её голова повёрнута к Эйдену, но по его ответу легко догадаться.

— Ответ на этот вопрос — формула, которую я разбирал на занятии две недели назад, Уилла. Предлагаю вести записи, когда вы присутствуете, чтобы иметь возможность вернуться к ним и освежить память.

И естественно, это переключает внимание Уиллы на меня, счастливого владельца конспектов. Я точно убью своего зятя. Фрейя немного поскучает по Эйдену, но вскоре забудет.

Взгляд Уиллы медленно скользит ко мне. Я невольно поднимаю глаза и смотрю на неё. Если бы взглядом можно было убивать, я бы уже валялся трупиком. В её радужках пылает пламя. Её щёки покрылись розовыми пятнами. Она — воплощение бешенства. Я же, напротив, безмятежен как озеро в штить. Спокойный, холодный, неподвижный. Я удерживаю её взгляд столько же, сколько она удерживает мой. И вот уже во второй раз она отворачивается первой, повернувшись к передней части аудитории.

Первый удар прилетает через пять минут, когда острый локоток вонзается мне под рёбра. Воздух резко покидает мои лёгкие, я инстинктивно и быстро поворачиваюсь к ней. Уилла собранная, смотрит в тетрадь и лихорадочно строчит за Эйденем.

Оооох, Саттер. В эту игру могут играть двое.

Я притворяюсь, будто разминаю ноги, и пинаю её ступню, отчего её скрещенные ноги резко выпрямляются. Она кренится в сторону, едва не свалившись со стула от этого пинка. Почувствовав на себе её разъярённый взгляд, я просматриваю свои записи, опустив глаза.

Внезапно в мою сторону летит рука и сшибает мою бейсболку. Я тут же поворачиваюсь и подхватываю её с пола. Пригладив волосы назад, я сильнее натягиваю её козырьком на

глаза. Надев бейсболку, я поворачиваюсь к ней и награждаю ледяным взглядом.

— Ууупс, — протягивает она своими чёртовыми пухлыми губами. Её руки опускаются якобы после потягивания. — Виновата.

Я уже не притворяюсь, будто не отвечаю ей тем же. Медленно наклоняясь в её сторону, я наблюдаю, как её глаза распахиваются шире, пухлые губы удивлённо приоткрываются. Ближе, ближе, пока между нашими носами не остается всего несколько сантиметров. Завладев её глазами, я поднимаю руку, нахожу приличную прядь этих диких волос и хорошенько дёргаю.

— Ой! — произносят её губы, но я улавливаю тихий отголосок звука. Учитывая то, насколько херово слышат мои уши, она должна была откровенно заорать.

Эйден резко разворачивается, его взгляд мечется между нами. Я опытный средний ребёнок. Я знаю, как сделать так, чтобы с рук сошло и кое-что похуже, так что я уже невинно строчу что-то на полях своего конспекта.

Мои глаза украдкой выглядывают из-под козырька бейсболки, и я наблюдаю, как Эйден говорит:

— Мисс Саттер, всё в порядке?

Уилла что-то бормочет, до сих пор держась за волосы, но, похоже, она растеряла все слова.

— Тогда ладно, — Эйден поворачивается к остальной аудитории. — На этом мы остановимся. Теперь пора поговорить об экзамене. Два момента. Любой, кто читал описание курса до того, как записаться на него, знает, что экзамен проходит в необычной форме. На самом деле, это моя главная гордость этого курса. Успешные бизнесмены от природы прекрасно сотрудничают. Они требуют командной работы, компромиссов и единства посылки и цели. Так что экзамен по данному курсу требует работы с напарником, чтобы создать комплексную бизнес-модель и бюджет, а также чтобы совместно протестировать...

Его перебивает коллективный стон.

Эйден коварно улыбается. Этот мужчина испытывает слишком большое удовольствие, мучая студентов.

— Это научит вас больше не пропускать описание курса. И не пытайтесь отвертеться. С точки зрения законности комар носа не подточит. Вы записались и тем самым согласились на условия курса.

Уилла трёт лицо, наводя меня на мысли, что она в числе тех невезучих, кто не читал описание курса.

— Один напарник сдаёт письменный тест. Второй берёт на себя другую часть. Таким образом, вы общими усилиями сдаёте экзамен, — взгляд Эйдена обводит аудиторию. — От прошлых студентов я слышал, что они приятно удивлены естественными побочными эффектами разбивки на пары. Это побудило их лучше работать вместе, больше готовиться и к промежуточному, и к финальному экзамену. Так что без дальнейших предисловий я уже подготовил пары, которые сейчас выведу на экран проектора.

Наклонившись, Эйден нажимает кнопку на ноутбуке, сменяя изображение аккуратной табличкой с именами в двух колонках. Мои глаза тут же пробегаются по ней, и нутро переполняется ужасом.

Он этого не сделает. Не посмеет.

Сунув руки в карманы, Эйден улыбается толпе студентов.

— Удачи всем!

Наконец, я нахожу эту строчку. Райдер Бергман. В соседней колонке — Уилла Саттер.
Твою ж мать.

Глава 4. Уилла

Плейлист: Gin Wigmore — Written In The Water

В средней школе я сломала лодыжку во время матча и сумела продолжать играть даже в овертайме. Очевидно, что у меня высокий болевой порог, хорошая переносимость страданий. Однако это доводит меня до предела.

— Да вы издеваетесь, — бормочу я.

Меня и Райдера поставили в пару для финального экзамена. Чтобы успешно завершить курс, нам не только придётся сотрудничать на протяжении оставшегося семестра, но мы также должны прийти к согласию насчёт идеи проекта, работать вместе, и нас будут суммарно оценивать. «Невозможно» — это ещё мягко сказано.

Райдер вздыхает и трёт лицо.

— Слушай, — говорю я. — Я тоже не в восторге.

Он не отвечает. Он меня как будто не слышит. Более того, кажется, будто он вообще никогда меня не слышал. Я дружу с Руни достаточно давно, чтобы знать, что это её главная жалоба в отношении мужчин: *«Они попросту не слушают, Уилла! Они даже не пытаются понять»*.

Райдер кажется ужасно типичным в этом отношении.

— Эй, — я тычу его в руку и этим заслуживаю его резкое переключение внимания. Вау, ну привет, сплошные мышцы. Чёрт подери.

Он выпрямляется на сиденье и поворачивается ко мне. Даже в тени козырька кепки его глаза имеют поразительный зелёный оттенок травы.

— В чём твоя проблема? — спрашиваю я.

Его взгляд опускается к моему рту, затем к моим рукам, которые вертят телефон на столе. Внезапно его руки тяжело опускаются на мои ладони, останавливая машинальные движения. Весь воздух вылетает из моих лёгких. Его хватка тёплая, пальцы длинные, на ладонях чувствуются мозоли. Он подвинулся ближе, и я улавливаю лёгкий хвойный аромат и мягкий запах чистого мыла.

Его пальцы мягко обхватывают мой телефон, после чего Райдер проводит пальцем по экрану и подносит устройство к моему лицу, верно предположив, что я использую Face ID для разблокировки. Когда телефон разблокировался, он создаёт новую переписку с незнакомым мне номером. Я смотрю, как его пальцы летают над экраном, затем опускаю взгляд на сообщение.

«Я глухой, — написано там. — Так я могу с тобой говорить».

У меня отвисает челюсть. Он не может слышать. Это объясняет... ну, очень многое. Но всё равно, даже если он глухой, это не оправдывает то, что он меня пнул и дёрнул за волосы.

«Ты сама начала».

Ладно, я сама начала. Потому что он был засранцем.

«Он не был засранцем. Это ты засранка. Он не мог тебя слышать, а ты предположила худшее и обращалась с ним как с отбросами».

— Уф, — я стону, шумно выдыхая и надувая щеки. Затем я беру свой телефон. Я собираюсь набрать сообщение, но его ладони снова тяжело ложатся на мои. Я поднимаю глаза, и моё сердце странно ёкает. Этот парень создаёт вокруг себя определённую

атмосферу. Стула под ним почти не видно, ноги вытягиваются далеко за парту. Он опирается локтем на поверхность, и его бицепс лесоруба отчётливо выделяется. На самом деле, он немного утрашает. Ну, утрашал бы. Если бы меня можно было напугать.

Райдер показывает на свой глаз, затем подносит палец к уголку моего рта. Я ёжусь, когда кончик его пальца проводит по моей щеке.

— Ты умеешь читать по губам?

Он кивает, но свободной рукой делает тот жест, который люди показывают, когда хотят, чтобы ты действовал помедленнее.

— Медленно. Если я говорю медленно.

Он кивает.

— Но ты сам не говоришь?

Он качает головой. Мои плечи невольно горбятся. Как, чёрт возьми, мы будем общаться? Я совсем немного знаю американский язык жестов, потому что однажды летом, каждый вечер после смены в книжном магазине, я работала няней для семилетней Лолы, у которой были проблемы со слухом. Мама немного обучила меня языку жестов, который узнала за годы работы медсестрой, и я неплохо выучила его, чтобы заботиться о Лоле. Но сами понимаете, как обстоит дело — со временем всё забывается, если знаниями не пользоваться, а ведь прошли уже годы. Хотя я вспоминаю одну ключевую фразу, которую мы с Лолой регулярно использовали.

«Прости». Я сжимаю руку в кулак и описываю ей круг в районе сердца.

— Я не знала, — говорю я ему. — Я думала, ты просто засранец-лесоруб.

Его губы весело подёргиваются. Глянув на телефон, он печатает: *«Лесоруб? Что, это потому что я ношу фланелевые рубашки?»*

— И борода. И ботинки. Ты в Лос-Анджелесе, Бугай, а не на Тихоокеанском Северо-Западе. Ты как до сих пор не поджарился?

Он опускает голову и, если не ошибаюсь, я почти заставила этого засранца улыбнуться.

«Ткань тонкая, — печатает он. — Под ней ничего нет».

Мои щёки заливаются жаром. Лесоруб кажется мускулистым. Несложно представить кубики пресса и стальные мышцы груди, спрятанные под мягкой, поношенной клетчатой тканью. Я поддразнивала его, но этот мужчина умеет носить клетчатые рубашки. Ткань натянулась на округлых плечах, бицепсах, но всё же оставляет достаточно простора воображению, чтобы я секунд тридцать тупо пялилась и представляла, что у него под этой униформой лесника.

Затем я выхожу из транса и, чтобы скрыть румянец, наклоняюсь над телефоном и печатаю вместо того, чтобы говорить вслух. *«Ну, в любом случае. Я прошу прощения за недопонимание».*

Его ответ поразительно быстрый, но, наверное, если бы я могла говорить только так, я бы тоже наловчилась. *«Ничего страшного. Эту ошибку можно понять. И к слову говоря, там, в ресторане был семейный ужин. Мы не друзья; МакКормак — муж моей сестры. Я собираюсь придушить его, поскольку эта ситуация — целиком и полностью его вина».*

Я поднимаю взгляд и с разинутым ртом смотрю на Райдера.

— Серьёзно?

Он кивает, затем печатает: *«Ага. Вيني во всём Чокнутого Профессора».*

Это вызывает у меня хрюкающий смешок. Я прикрываю рот, стараясь скрыть, каким смешным мне это показалось.

«И ещё, я почти не использую язык жестов, — пишет он. — Это... нечто новое».

Я читаю его сообщение, затем поднимаю на него взгляд.

— То есть, ты не всегда был глухим?

Он хмурится и постукивает меня пальцем по губам, отчего моя кожа горит в месте его касания. Снова повернувшись к телефону, он печатает: *«Открывай рот нормально. Помедленнее. Ты мямлишь хуже, чем мой брат. Будто тебе челюсти запаяли».*

А лесоруб-то командир. И прямолинейный. Это чрезвычайно раздражает. Во мне вспыхивает раздражение, щёки окрашиваются горячим румянцем. Разблокировав телефон, я печатаю: *«Ну прости, этим утром я пропустила урок ораторского искусства, профессор Хиггинс. Я не ожидала, что придётся общаться с раскомандовавшимся глухим лесорубом».*

Его брови взлетают, пока пальцы бегают по экрану телефона. *«Превосходно. Мямя, и вдобавок эйблист»².*

Ахнув, я хлопаю ладонью по столу и поворачиваюсь к нему.

— Неправда!

Мой телефон пиликает. *«Сразу наделала в свои спортивные штанишки. Я шутил».*

Я испытываю лишь лёгкое облегчение из-за того, что он на самом деле не обвиняет меня в том, что я стыжу его глухотой. Я хмурюсь и печатаю: *«Ты всегда такой засранец?»*

«А ты всегда такая вспльчивая?» — парирует он в ответ.

Наши глаза встречаются, и оба телефона падают на стол.

Сделав долгий успокаивающий вдох, я решаю быть выше мелочных оскорблений и перейти к делу.

— Как мы будем работать вместе? — спрашиваю я.

Райдер пожимает плечами, затем берёт телефон. *«У тебя есть макбук?»*

Я киваю.

«Хорошо, — пишет он. — Принеси его на нашу первую рабочую сессию. Мы можем сидеть друг напротив друга и переписываться в мессенджере, как будто обычно разговариваем. Поначалу странно, но потом ты привыкнешь. Если только ты не хочешь попросить другого напарника. Я понимаю, что ситуация не идеальная».

Когда я читаю эти слова, что-то в моей груди сжимается. Он с такой готовностью списывает себя со счетов. Как будто он ожидает, что все забракуют его из-за неудобства.

«Я не возражаю, если ты сам не против», — пишу я.

Тень улыбки играет на его губах, когда Райдер читает это сообщение, но потом лицо снова делается стоическим. Глядя мне в глаза, он снова пожимает плечами.

Мой телефон пиликает новым сообщением.

«Меня устраивает».

— Хочешь сказать, этот засранец придёт сюда? — верещит Руни.

Я зажимаю звенящее ухо пальцем и слегка двигаю им туда-сюда.

— Да, Ру. Это было одно большое недопонимание. Ну то есть, он всё равно меня раздражает, но существует причина, по которой он не дал мне конспекты. Он не слышал, что я просила.

Брови Руни взлетают ещё выше.

— Что?

— Он глухой. МакКормак, похоже, просто посчитал это достаточно важным, чтобы

упомянуть данную деталь, когда посылал меня к Райдеру. Райдер сказал, что у МакКормака такой заскок. С его точки зрения, хорошие люди сами разберутся, если будут подходить к ситуации непредвзято, а плохие люди потерпят провал, потому что Райдер тупо не отвечает. Я потерпела провал. Я думала, что он меня игнорирует, и чуть ли не начала драться с ним на лекции.

— Погоди, что? — Руни плюхается за обеденный стол, пока я обжариваю на сливочном масле креветки, чеснок и лук-шалот. Толстая паста лингвини лежит на соседней сковороде, приправленная оливковым маслом и пармезаном. Вся квартира пахнет мамой и моим любимым итальянским рестораном Squisito³.

Моё сердце слегка ухает в пятки. Мы так давно там не бывали. Может, я возьму в Squisito еду на вынос и принесу завтра в больницу во время своего обычного визита. Но потом я представляю, как мама чисто для моего спокойствия пытается есть всю эту сытную, тяжёлую пищу, которую уже не может переварить, вяло ковыряет курицу в пармезане и заталкивает в себя один кусочек за другим.

Пожалуй, не пойду я в Squisito.

— Уилла?

Я сбрасываю с себя транс.

— Да-да. Ну... я пихнула его локтем. Я так взбесилась, что он не давал мне конспекты. Так что я пихнула его локтем, он пнул меня по ноге, я сбила его бейсболку, и он дёрнул меня за волосы.

Руни закатывает глаза.

— Надо было тебе просто поговорить с ним.

— Я пыталась!

«Не особенно. Ты говорила по минимуму, как обычно, а потом предположила худшее».

Тоже типичное для меня поведение. Но вы попробуйте родиться от папаши-донора спермы, который так и не потрудился узнать своего ребёнка, далее пережить разочаровывающую череду краткосрочных бойфрендов, а потом посмотрите, какое у вас будет мнение о мужчинах.

Руни открывает рот, наверняка чтобы указать на моё враньё, но нас перебивает стук в дверь.

— Вай! — вскрикивает она. — Это он.

Я переключаю своё внимание на готовящихся креветок.

— Да, Капитан Очевидность, это он. А теперь иди и открой дверь, пожалуйста. Я вся в чесноке, и сейчас надо добавить белое вино.

Руни сползает со стула и идёт к двери, заглядывает в глазок и пищит.

— Знаешь, в прошлый раз я была слишком разъярена, чтобы заметить, но он вообще-то миленький. По крайней мере, его глаза. Остальное я практически не вижу.

— Никто не видит. Он не способен побрить лицо или носить что-либо помимо бейсболки, фланелевой рубашки и хмурой гримасы. А теперь открой уже дверь.

Руни распаивает её, и время замирает, пока я жду. Каково это будет, когда Райдер войдёт в мою квартиру, сядет за стол напротив, и мы начнём работать вместе? Он грубый и мрачный, до сих пор не предложил мне конспекты, и всё же он не так уж плох, как я думала, учитывая, что он меня просто не слышал. И всё же это сложно. Сложно оглядываться на его реакцию и не злиться, даже если есть объяснение, которое делает мою злость иррациональной.

Может, это потому, что я чувствую — Райдеру нравится задевать меня за живое и бесить. Может, потому что у меня складывается ощущение, что даже не будь он глухим, он бы мог прикинуться тугим на ухо, когда я его окликнула. Райдер любит дразниться, провоцировать, он заноза в заднице. Как и я. Я всегда замечаю себе подобных.

Он входит, его сумка-портфель висит на плече, бейсболка низко надвинута. Я снова сталкиваюсь с напоминанием, что он не просто засранец. Он высокий засранец. Широкие плечи, длинные ноги. Такое чувство, будто его присутствие занимает половину квартиры. Его голова приподнимается, когда он поворачивается ко мне. Его взгляд быстро скользит по моему телу, затем правее, когда он замечает раскиданные сковородки.

Наши глаза встречаются. Его глаза тёмные и выразительные, не отрываются от моих. Это нервирует.

— Что? — спрашиваю я.

Он медлит, словно для выразительности, затем машет рукой перед носом, изображая, будто смакует приятный аромат. Затем его палец стучит по подбородку и опускаются ниже. Этот жест я знаю, и соединяю два плюс два.

— Вкусно пахнет?

Уголки его губ слегка приподнимаются, и он кивает.

Руни переводит взгляд между нами, озадаченная тем, что мы не вцепились друг другу в глотки. Но ещё не вечер.

— То есть, мы его больше не ненавидим?

Моя голова поворачивается к ней, и Райдер следует моему примеру. Его глаза прищуриваются. Он пропустил, что она сказала.

— Ты не можешь говорить за его спиной, Ру. Повтори.

Её глаза раскрываются шире.

— Серьёзно?

Райдер кивает.

— Я сказала... — Руни прочищает горло, и её щёки розовеют. — Я сказала, «то есть, мы его больше не ненавидим?».

Райдер усмехается, затем пожимает плечами и показывает на меня, словно говоря «ей решать».

Руни нервно смеётся.

— Ладно, я просто... — она вылетает из комнаты. — Позови, когда ужин будет готов!

Я хмуро смотрю на Райдера, затем поворачиваюсь к пасте, добавляю капельку белого вина и смотрю, как оно испаряется. Мне решать, так, что ли? Как будто я создала всё это раздражение. Конечно, в основном это вина Мака, он подстроил это большое недопонимание... но блин, если ты глухой, разве ты не должен как-то предупредить об этом соседа по парте?

«Разве он обязан рассказывать историю своей жизни всем, кто сядет рядом с ним? К тому же, ты наградила его убийственным взглядом. Именно так ты смотрела на него, когда он увидел тебя в первый раз».

Звук щелчка камеры застаёт меня врасплох. Райдер поворачивает экран телефона ко мне, показывая фото меня в профиль. Мои глаза сощурены, внимание не отрывается от еды, хотя я знаю, что втайне мои мысли крутятся вокруг этого засранца-тайного-фотографа. Мои волосы превратились в гигантский пушистый шар вокруг головы. Свободные пряди-кудри собрались на шее, возле ушей и висков.

— Какого фига?

Я шлёпаю его по плечу, но он машет рукой, словно говоря «не, не, ты не понимаешь». Показывает сначала на сковородку, на которой готовится еда, затем на фото, а именно на ту половину кадра, что занята моими волосами. Потом Райдер кладет телефон на стол, подносит ладони к своей голове и изображает взрыв.

К моей шее приливает жар.

— Влажность от готовки заставляет мои волосы становиться объёмнее, да, дубина ты этакая.

Он выгибает бровь и усмехается, а его пальцы порхают над клавиатурой телефона. Мой телефон пиликает.

«Творит чудеса».

Я рычу, отпихнув его телефон к его груди, и слежу, чтобы он мог читать по моим губам.

— Удали. Разве твоя мама не учила тебя не фотографировать леди без её согласия?

Мой телефон практически немедленно пиликает.

«Я и не знал, что имею дело с леди».

— Свали с моей кухни, Бергман, — я машу рукой в направлении обеденного стола и поднимаю свой телефон. *«И для галочки, если бы ты не был моим обязательным напарником по этому курсу, и мой средний балл не зависел от нашей совместной работы, я бы ещё пять минут назад выставила бы твою задницу на обочину».*

Мой телефон издаёт сигнал.

«Принято к сведению».

Сосредоточившись на еде, я энергично перемешиваю пасту, креветки и соус — возможно, с большей силой, чем необходимо, но мне надо куда-то выплеснуть ярость. Мои волосы — большая тема. Я постоянно тренируюсь и принимаю душ. Да, я читала, что для укрощения густых кудрявых волос вроде моих надо реже мыть голову и использовать больше кондиционера, но с моим активным образом жизни это не вариант. Я ненавижу и то, что мои неуправляемые волосы явно достались мне от донора спермы, ибо мамины волосы абсолютно прямые. Каждый день моя копна напоминает мне о парне, который трахнул мою маму и бросил, не захотев узнать меня. Райдер этого не знает, но это и неважно. Он дразнил меня на эту тему и теперь заплатит.

Я смотрю на контейнер кайенского перца, стоящий на полочке со специями. Я быстро добавляю его на дно миски, наливаю соус, затем размешиваю содержимое венчиком и отставляю в сторону для порции Райдера. Как раз хватит, чтобы у него аж язык вспотел, а через несколько часов он срал огнём.

Я слышу, как Райдер позади меня распаковывает вещи, как его ноутбук с тихим стуком опускается на деревянную столешницу, как его пальцы пляшут по клавишам. Мой телефон пиликает.

«Я так понимаю, большая часть этого предназначается для меня».

Я издаю невесёлый смешок. Хватает же ему наглости. *«Самонадеянно с твоей стороны»*, — печатаю я.

У него вырывается тихий звук, почти похожий на фыркающий смешок. По моей спине бегут мурашки. *«Весьма грубо готовить еду в чьём-то присутствии и не предложить покушать».*

Я закатываю глаза. *«Ну, как ты и сказал, ты имеешь дело не с леди. Грубость — это моя специальность».* Я начинаю новое сообщение, печатая: *«Я и собиралась покормить».*

тебя, Лесоруб. Рассчитываю, что это сделает тебя менее ворчливым».

Он замирает, застыв в профиль. Райдер приоткрывает рот, как будто хочет сказать что-то, а не напечатать — хотя у меня не складывается впечатление, что он способен на это. Я смотрю на его густые ресницы, длинный прямой нос и жду. Но он поворачивается обратно к компьютеру и печатает: «Я не ворчливый».

«Ты ворчливый», — пишу я в ответ. Как раз когда я собираюсь сказать ей, что ужин готов, Руни чуть ли не вприпрыжку влетает в комнату.

На её щеках играет виноватый румянец, и она продолжает виновато коситься на Райдера. Она по натуре прозрачная, так что мне нравится подзуживать её, хотя на деле я знаю, что она не сможет соврать даже для спасения собственной жизни.

— Как интересно, — говорю я ей. — Ты просто инстинктивно знаешь, когда приходить за едой. Ты как будто шпионила через крохотную щёлочку в двери и наблюдала за столовой.

— Я как щеночек, — говорит Руни, перекинув волосы через плечо и избегая моего взгляда. — У меня острое обоняние, я всегда знаю, когда еда готова, и сразу бегу.

— Ага, конечно, Ру, — выключив конфорку под сковородкой, я раскладываю пасту по трём тарелкам, старательно заливая порцию Райдера соусом. Передав Руни её тарелку, я похлопываю ещё по щеке. — Чеши отсюда, шпионка недоделанная.

Лицо Руни скисает.

— Ладно, я шпионила. Но это было как горячее немое кино — многозначительные взгляды и томный язык тела, — она обмахивается ладошкой. — Вы, ребята, лучшее развлечение, чем потный беззвучный теннисный матч. Ну, типа, там всё беззвучно, если не считать их кряхтения.

Мысль о чём-то потном и кряхтящем с Райдером внезапно вызывает прилив жара между ног. Я готова отвесить себе пощёчину.

— Прекрати болтать глупости, — я дёргаю Руни за хвостик. — Иди уже.

— Ладно, — чопорно говорит она, разворачиваясь на месте со своей пастой. Оказавшись на пороге спальни, она поворачивается обратно и машет Райдеру. — Пока! — натурально орёт она.

Райдер вздрагивает, затем неохотно машет в ответ.

Я ставлю перед ним тарелку, затем обхожу стол по кругу и сажусь напротив со своей порцией.

— Нет аллергии на морепродукты? — спрашиваю я.

Он качает головой.

— Вот чёрт.

Райдер прищуривается. Выглядит это почти так, будто он сдерживает улыбку. Он снимает бейсболку — на удивление вежливый и джентльменский жест. Собрав свои густые и косматые светлые волосы и завязав их резинкой, он запускает вилку в пасту.

Я наблюдаю за ним с внутренним злорадством. Но два раза поднеся вилку ко рту и прожевав, он ведёт себя совершенно невозмутимо. Он должен уже испепелиться в своих штанишках горного дикаря.

Он снова кладёт в рот немного пасты и задумчиво жуёт. Никакого дискомфорта. Вообще ничего.

Проклятье. Ну конечно, лесоруб оказывается из числа тех фриков, которые практически не реагируют на острое. Везёт мне как утопленнику.

Райдер смотрит в тарелку. Я могла бы постучать по столу, но не уверена, посчитает ли

он это приемлемым или оскорбительным. Знаю, что махать рукой не поможет, потому что он зажмурился и жуёт пасту. Я аккуратно протягиваю ногу под столом, пока наши пальцы ног не встречаются.

Его глаза распахиваются и смотрят на меня.

— На вкус нормально? — спрашиваю я.

Он хмурится, кладёт вилку. Поднимает одну руку и наклоняет ладонь из стороны в сторону — универсальный жест «так себе».

К моим щекам приливает жар. Чем сильнее я распалюсь, тем заметнее он ухмыляется. Внезапно он поворачивается к компьютеру, после чего быстро следует сигнал мессенджера на моём ноутбуке.

«Тебя забавно дразнить».

Я хмуро смотрю в ноутбук и печатаю: *«А ты заноза в моей заднице».*

У него вырывается ещё один тихий звук, и Райдер поворачивается к своей пасте. Большую часть ужина я сердито сверлю взглядом его макушку и едва чувствую вкус еды.

«Это плохая идея», — печатает он.

«Нет, это великолепная идея», — печатаю я в ответ.

Наши взгляды мечутся от экранов ноутбуков друг к другу, наши позы отражают упрямую неподатливость, царящую за столом. На часах десять вечера. Мы доели ужин два часа назад и до сих пор не договорились насчёт бизнес-плана.

«Благотворительным организациям для детей с ограниченными возможностями хронически не хватает ресурсов, — пишу я. — Благотворительные организации, направленные на спорт и занятия на открытом воздухе для таких детей, ещё более редкие и плохо финансируемые. Эта модель опирается не только на внешних спонсоров, но также на мероприятия по сбору средств через спортивные соревнования и игры на открытом воздухе, а также внутренние продажи результатов детского творчества — поделки, рисунки, выпечка и...»

«Никто не будет платить десять долларов за дюжину печенек, — печатает он. — И это детские рисунки, а не Моне с аукциона».

«Ладно, — пишу я. — Возможно, эта статья бюджета составлена немного с натяжкой».

«С натяжкой? Это откровенный бред. Я согласен с тобой насчёт спорта и занятий на открытом воздухе, и конечно, насчёт специального оборудования и обучения для разных возможностей и потребностей. Но благотворительность в этом деле — пустая трата времени».

Я резко поднимаю на него взгляд и с силой захлопываю ноутбук.

— Ты тупо упёрся как баран.

Он срывает с головы бейсболку и запускает обе руки в волосы.

Странное чувство завладевает мной, пока я смотрю, как эти длинные пальцы проходятся по тёмно-блондинистым прядям, дёргают и расчесывают их. Сухожилия на его руках выделяются, мышцы бицепсов натягивают рукава. Райдер одной рукой хватается телефон и печатает так быстро, как мне и не мечталось.

Мой телефон пиликает.

«Я не упёрся. Я рассуждаю практично. И тебе того же желаю. Ты знаешь, как малс

платит НЖФЛ. Тебе придётся обеспечивать себя за счёт спонсорства и грамотных деловых договоренностей. Ты так говоришь, будто бизнес не сводится к хитрым переговорам и прибыли. К этому *всё* и сводится, Уилла».

У меня вырывается натуральное рычание, и я встаю, хлопнув ладонями по столу и подавшись вперёд.

— Ты прекрасно умеешь глушить идеи, Райдер, но знаешь, что у тебя получается отстойно? Предлагать хорошие идеи взамен.

Унёсшись прочь, я забираю со стола обе тарелки и швыряю их в раковину с такой силой, что одна наверняка треснула.

Мне меньше всего надо, чтобы его едкая критика подсвечивала мои слабые места. Мне ненавистно, что он прав, и что Национальная Женская Футбольная Лига платит не очень хорошо, но откроет для меня многие двери. Двери, за которыми придётся делать то, что удаётся мне хреново — тяжёлые разговоры, дискомфортные, агрессивные обсуждения зарплаты и процентов, которые заставляют меня паниковать и с ног до головы покрываться сыпью. Я нервничаю из-за того, как мне добиться успеха и обеспечить себя, продолжая играть, но я стараюсь научиться. Критика Райдера просто ударила по той деликатной и неуверенной части моих планов на будущее.

Может, он сказал это, как и всё остальное — дразня, просто желая задеть меня за живое. Но он не знает, какая я чувствительная, какой хрупкой я постоянно чувствую себя.

Медленно встав, Райдер берёт со стола телефон, убирает в карман, затем проходит от обеденного стола к кухне. Он медлит и проводит кулаком по кругу поверх своего сердца, совсем как я ранее. *«Прости»*.

Я сердито смотрю на него. Мне больно, я сердита и раздражена, ибо на каждую его хорошую реплику находится вдвое больше обидных уколов. Я устала и готова лечь в постель после выматывающего дня.

— Как скажешь, Райдер. Придумай идею, и давай встретимся на следующей неделе.

На его подбородке дёргается мускул, и на его лицо опускается та холодная маска, за которой он прячется на занятиях. Я получаю лишь внушительное пожатие плечами, после чего он разворачивается, хватая ноутбук и заталкивает его в сумку. Я прекрасно натренирована ожидать разочарования от мужчин. Я уверена, что он выйдет за дверь, даже не поблагодарив. Вместо этого он возвращается на кухню и отпихивает меня от раковины.

Я пытаюсь не пустить его, но его ладонь сжимает мой локоть. С очень небольшими усилиями со своей стороны Райдер отводит меня на другой конец комнаты. Поднимает ладонь. *«Стоять»*.

Я хмурюсь, скрещивая руки на груди и смотря на него. Прежде чем я успеваю что-то сказать, он отворачивается, быстро ополаскивает тарелки, дочиста соскребает с них остатки еды и включает встроенный в раковину измельчитель пищевых отходов. Далее Райдер наклоняется, чтобы открыть посудомойку, кладёт туда наши тарелки и столовые приборы и закрывает дверцу обратно. Я смотрю, как он собирает в раковину сковородки, лопатки и миски, которые я использовала, наливает туда средство для мытья посуды, моет и ополаскивает каждый предмет. Расставив всё сушиться на подставке, он протирает рабочую поверхность шкафчиков, с армейской аккуратностью складывает полотенце и кладёт его на столешницу идеально параллельно краю.

— Чистюля, — бормочу я.

Райдер поворачивается в мою сторону, не услышав это замечание, и вытирает мокрые

руки о джинсы.

Наши глаза встречаются, когда он подходит ко мне, снова заставляя очень остро осознавать, что он очень высокий, мускулистый, зеленоглазый засранец-лесоруб. Который, как я теперь знаю, испытывает невротическую потребность отмыть кухню и сложить полотенца строго под углом 90 градусов.

«*Спасибо*», — показывает он на языке жестов.

Затем обходит и оставляет меня одну на кухне, если не считать призрачного отголоска его запаха — чистое мыло и сосновый бор.

Одеколон «Засранец-лесоруб», не смейте забывать.

Как будто мне бы это удалось. Господи, этот семестр будет долгим.

Глава 5. Райдер

Плейлист: Andrew Bird — Roma Fade

Я слишком резко говорил с ней. Временами я бываю таким. Я честен и прямолинеен до неприличия. Я говорю то, что думаю, когда веду аналитическую беседу, требующую практических заключений. Но с Уиллой это не кажется самой мудрой тактикой. Я взбесил её сказал, что надо реалистично смотреть на бюджет бизнес-плана, но окончательно спровоцировал её, когда намекнул, что успех её футбольной карьеры опирается не только на её навыки на поле, но во многом и на прагматизм.

Я чувствую себя не слишком виноватым, поскольку она незамедлительно отомстила мне за поддразнивание насчёт её волос. Я знал, что паста немножко острая, но я хорошо переношу остроту, во всяком случае, во рту. А вот моя задница такая же чувствительная, как и у всех остальных, так что я стараюсь не есть слишком острую еду. Судя по тому, что я только сегодня утром перестал вздрагивать, присаживаясь куда-либо, Уилла вывалила в мою пасту столько кайенского перца, что и любитель острого соуса рыдал бы крокодильими слезами.

Поначалу я испытывал желание отыграться, но, похоже, мои невозмутимые ответы и так бесконечно её раздражают. Надо лишь держать рот на замке и позволить ей думать, будто перец на меня не повлиял — это уже достаточная месть.

— Ты тихий.

Эйден находится с моего «хорошего» бока и имеет достаточно практики, чтобы понимать, насколько громко, бегло и в каком окружении надо говорить, чтобы я смутно его расслышал. Мы бежим по тропе, скрытой в тени, вокруг ни души, так что это хорошее место, чтобы он надоедал мне в то ухо, что всё же немножко слышит. Второе ухо — безнадёжный случай.

Я ценю непреклонную веру Эйдена в то, что со мной надо обращаться как с «нормальным», но иногда мне кажется, что он слишком переоценивает мою «нормальность». Мне хотелось бы сказать, что я тот же парень, каким был до болезни, но это не так. Я другой, и пусть я не хочу жалости или особого отношения, но я бы не возражал, чтоб мне попросту разрешили измениться. Ибо я изменился. Глухота изменила меня, и я никогда не сумею вернуть ему того беззаботного девятнадцатилетнего парня, который дурачился, играя в видеоигры, самоуверенно дразнил его и надирал его зад в футбол на заднем дворе.

Я знаю, он пытается развеселить меня, называя «тихим», но сегодня это не кажется мне смешным. Я весь на взводе из-за ситуации с Уиллой; меня сбивает с толку то, как быстро она срывается, с какой готовностью она песочит всех подряд, но не может выслушивать подобное в свой адрес. Я хочу поделиться с Эйденом, потому что обычно он даёт хорошие советы. Но в данной ситуации Эйден последний, с кем бы я захотел говорить об Уилле. Он уже слишком заинтересован нами.

Я чувствую на себе взгляд Эйдена, так что пожимаю плечами и смотрю на тропу. После этого Эйден какое-то время ничего не говорит, пока мы преодолеваем вторую половину дистанции.

Я наслаждаюсь мирной тишиной нашей пробежки, что может прозвучать странно, но

когда ты глухой, как я, ты всё равно слышишь звуки, просто этого недостаточно. Всё безумно тихое, как будто металлическое, искажённое. Иногда мне хочется вообще ничего не слышать, чтобы не сталкиваться с постоянным напоминанием о том, что мне недоступно.

Хотя я всегда был тихим, я никогда не думал, что буду наслаждаться тишиной так, как сейчас. Тишина — это облегчение, передышка от постоянных пыток, где ты напрягаешься и пытаешься уловить хоть кусочек различных звуков.

Эта тишина не длится долго.

— Вы с Саттер продвинулись с планом своего проекта? — спрашивает Эйден, как только мы плюхаемся на траву в конце тропы и начинаем делать растяжку для ног.

Я качаю головой, затем достаю и печатаю: *«Я только-только снова начал разговаривать с тобой после того, как ты поставил нас в пару. Ты реально хочешь опять поднимать эту тему?»*

Эйден смеётся, и его светло-голубые глаза блестят от извращённого веселья. Мне пришлось очень сильно сдерживаться, чтобы не придушить его на первом семейном ужине после того, как он назначил нас напарниками.

— Она чинит тебе проблемы из-за невозможности нормально общаться?

Я медлю, стиснув зубы и разблокировав телефон. *«Нет. Она немного знает язык жестов, — печатаю я. — Говорит медленно и отчётливо. Не ведёт себя так, будто я рушу всю её жизнь тем, что она оказалась в паре с глухим чуваком».*

— Ну, с моей точки зрения это большой плюс в её пользу. Она ведёт себя так, как должны вести себя все люди, но многие так не делают.

Его посыл угодает прямо в цель, прямо в центр моей грудной клетки. Я понимаю, что он хочет сказать. *«Видишь? Она не презирает тебя и не отказывается от тебя из-за того, каким ты теперь стал».*

Эйден выпрямляется, затем принимается за растяжку другой ноги.

— Ты мог бы надеть слуховой аппарат. Поговорить с ней немножко...

Я закатываю глаза и убираю телефон. Разговор окончен.

Хлопок по земле привлекает моё внимание. Когда я поднимаю взгляд, лицо Эйдена напряжено.

— Райдер, почему ты до сих пор делаешь это? Почему ты отказался от слухового аппарата, бросил ходить к логопеду...

Я рассекаю рукой воздух. *«Довольно».*

— Ты такой упёртый!

Я хватаю телефон, и от злости моё дыхание превращается в отрывистое болезненное пыхтение, пока я печатаю. *«Ты понятия не имеешь, каково это. Слуховой аппарат делает всё только хуже. Громкое становится ещё громче, а тихое всё равно не разобрать. И я до сих пор не могу найти звучание своего голоса».*

— Рай...

Я встаю, подняв ладонь, и печатаю одной рукой: *«Оставь эту тему, иначе я брошу твой курс».*

— Так, погоди минутку, — Эйден вскакивает с травы. — Тебе нужен этот курс.

Я киваю. *«Но мне нужнее, чтобы ты оставил меня в покое насчёт этого».* — пишу я.

Его плечи опускаются, когда он читает моё сообщение, затем встречается со мной взглядом.

— Ладно, дружище. Прости.

«Спасибо», — с издёвкой жестикулирую я, хлопнув себя по другой ладони.

Я удивляю себя этим, поскольку я редко использую язык жестов. Жесты — это язык, который устроен иначе, чем словесная беседа. Когда я понял, что оглох окончательно, то идея изучения нового языка казалась слишком ошеломляющей, особенно когда не с кем практиковаться. Я купил книгу, посмотрел кое-какие видео. Немного научился на случай, если случайно наткнусь на такого же глухого.

Так что когда Уилла жестом показала «прости», я ухватился за возможность при следующей нашей встрече. Она поняла мой корявый жест, говоривший, что её еда пахла просто изумительно, бл*дь, и от этого в моей груди заворчалось что-то тёплое. Мне нравилось смотреть ей в глаза при общении, а не пялиться в телефон, дожидаясь, когда она отвернётся и прочтёт мои слова. Это казалось более близким, более интимным.

Интимным? Какого хера, Райдер?

Я качаю головой и молча иду с Эйденом к машине. Должно быть, у меня голова кружится после пробежки. Мы с Уиллой партнёры по проекту, и пусть у нас есть кое-что общее (упрямство, футбольное прошлое, любовь к креветкам в чесночном соусе), но на этом всё. Мы скорее выковыряем друг другу глаза, нежели перейдём к интиму.

Похлопывание по плечу отвлекает меня от моих мыслей.

— Хочешь сходить на её игру? — спрашивает Эйден.

«С ума сошёл?» — отвечаю я одними губами.

— Наверное, — он пожимает плечами. — Такое чувство, будто это меньшее, что мы можем делать после того, как едва не сорвали ей допуск к игре...

Я шлёпаю его по руке. «Мы? — погрозив пальцем, я печатаю одной рукой. — Оооооо, нет. Это всё ты».

Эйден читает сообщение, затем улыбается.

— Признайся. Тебе нравится её подначивать, даже если изначально ты этого не планировал. Но вот в чём прикол — такой подход не способствует командной работе на протяжении семестра, так что это может быть твоим предложением мира. Тебе стоит пойти и показать своей напарнице, что ты не полный засранец. Всего лишь на 50 %.

Я пихаю его, отчего он врезается в бок своей машины. Но я и не отвечаю отказом.

На стадионе поразительно громко. Мне стоило ожидать этого. Я по глупости представил, что на матч по женскому футболу придёт так же мало людей, как это было в моём детстве. С моральной точки зрения я рад, что ошибся. Но вот мои уши заставляют меня содрогаться.

Трибуны набиты членами семей, студентами и просто местными жителями. В рядах виднеются плакаты, и проклятые вувузелы режут со всех углов стадиона. Уже сумерки, и в воздухе появляется лёгкая прохлада, так сильно напоминающая мне об осени в Вашингтоне, что это почти вызывает улыбку.

Я бы соврал, если бы сказал, что это не порождает ощущение, будто кто-то вспорол мне живот, схватил внутренности в кулак и вытащил наружу. Я чувствую себя пустым и чужим. Мне неправильно находиться по эту сторону забора. Мне место на поле, я же надёжный защитник в задней части поля. Я не должен сидеть на жопе ровно, дёргая коленями и мечтая делать то, что нравилось мне с самого детства — играть в прекрасную игру.

Прошло два года. Я говорю себе, что смирился с потерей, и большую часть времени

кажется, что так и есть. Я практичный человек. Логикой и рассудком я понимаю, что мои навыки искажены, шанс упущен, и такова реальность. Но в то же время я сын своей шведской матери, которая воспитывала меня в духе лагом — ровно столько, сколько будет достаточно, никаких излишеств или экстравагантности, лишь простота, приносящая удовлетворение. У меня были годы футбольного величия, которые являлись достаточно экстравагантными. Когда они закончились, да, какое-то время я чувствовал себя дерьмово, но потом принял свою лагомную жизнь и двинулся дальше.

Я думал, что закончил скорбеть по утраченному, но возможно, горе — это не линейная прямая. Может, я способен принять утраченное и всё равно скорбеть по нему. Может, так будет всегда.

Мой телефон издаёт сигнал. Эйден.

«Она хороша, верно?»

Я пожимаю плечами и печатаю: *«Вполне достойна»*.

Наши взгляды встречаются, и он закатывает глаза.

— Врёшь как дышишь, — сообщает он.

Эйден прав, я вру. Уилла не просто хороша. Она не просто достойна. От неё дух захватывает. Её пасы гладкие, движения безупречные. Её мощные мышцы бёдер сокращаются, пока она совершает обманные манёвры, разворачивается и дурачит всех защитников Университета Южной Каролины (УЮК), проносясь мимо и нацеливаясь на вратаря. Она забила четыре гола и не собирается останавливаться.

Поначалу я её еле узнал, потому что она не плавает в безразмерных штанах, а волосы не торчат облаком вокруг головы. На ней хорошо сидящая форма — футболка, облегаящая стройный торс и узкие плечи, шорты, обтягивающие бёдра и заканчивающиеся чуть выше колена, обнажая те выраженные квадрицепсы, которые есть у всех футболистов. Но самое неожиданное — это её лицо, открытое и ясное, потому что волосы туго заплетены в косы до самого затылка.

Только когда прожекторы стадиона отразились от её лба, скул, невероятно пухлых губ, я её узнал. И теперь, наблюдая, как она забивает и улыбается, я готов поклясться, что даже отсюда вижу, как вспыхивают её глаза. Она счастлива, и её глаза светятся с яркостью солнца, обретая сияющий свет расплавленной карамели.

Не то чтобы я ожидаю когда-либо увидеть этот цвет вблизи. У меня экспертный талант по вызыванию этого насыщенного янтарного оттенка с яростным рубиновым отливом. Бесить её легко, и это предпочтительный вариант ради поддержания безопасной эмоциональной дистанции.

Но азартная натура во мне подзуживает доказать, что я так же легко могу заставить Уиллу улыбаться. Что я могу игриво поддевать, дразнить и умасливать её, пока её глаза не обретут вновь оттенок карамельного солнца.

Поблизости ревет вувузела, перебивающая мои мысли и вызывающая звон в ушах. В моём левом ухе, наиболее пострадавшем, этот звон практически мгновенно нарастает до боли. Фрейя, должно быть, замечает, что я вздрагиваю, потому что она кладёт ладонь на мою шею и нежно потирает. Некоторым людям может показаться странным то, как моя семья не смущается телесного контакта, но мы все такие, и это логично, поскольку половина из нас воспитывала другую половину. Фрейя как вторая мама — она поглаживала меня по спине, пока меня тошнило, и вытирала мой зад перед надеванием чистого подгузника, пожалуй, так же часто, как моя родная мать.

Телефон вибрирует сообщением от неё. «Мы можем уйти. Эйден забывает, как болезненно для тебя громкое окружение. Ты же знаешь, он просто любит тебя и хочет, чтобы ты был вовлечён во всё, но иногда он бывает засранцем».

Я подавляю беззвучный смешок, отвечая: «Всё в порядке. Мне нравится наблюдать за Уиллой. Просто потом у меня будет кошмарная головная боль».

Руки Фрейи замирают на моей шее, затем возобновляют движение после того, как она печатает: «Она тебе *пря*м *нравится*?»

Вздыхнув, я качаю головой. «Я сказал, что мне нравится наблюдать за ней. Она хороша. Вот и всё, Фрей».

По итогам первой половины матча КУЛА лидирует со счетом 4:1, но через двадцать минут после начала второго тайма УЮК умудрились забить три гола мимо нашего вратаря, которой надо бы проверить глаза у окулиста. Две команды теперь идут вровень, а так быть не должно. КУЛА объективно лучше.

К этому моменту Прежний Райдер тараторил бы без остановки. До потери слуха это было единственным временем, когда я становился таким же болтливым, как мои братья и сёстры. Стоя перед телевизором и смотря матчи Премьер-Лиги. Вопя, подбадривая и корректируя на множестве матчей, в которых участвовали мои братья и сёстры. Я видел поле, я понимал игру, и без проблем орал об этом.

Защитники команды Уиллы постоянно уходят из позиции обороны ворот. Вратарь тоже слишком отдаляется от ворот. Чёртову игроку средней линии в команде Уиллы нужно постараться и дольше удерживать мяч. Но вот в адрес Уиллы мне сказать нечего. Ни единой поправки. Она безупречна в плане техники. Она в прекрасной форме. Она находит идеальный баланс между удерживанием и передачей мяча. Она универсальный игрок, владеет множеством приёмов, чтобы защитники спотыкались об неё. Она шестьдесят пять минут носилась по полю, и до сих пор не демонстрирует утомления.

Время так и летит, пока я наблюдаю за ней; остаётся всего несколько минут отведённого времени. Уилла не просто талантливый игрок; она такая спортсменка, какие бывают раз в поколение. Если кому и место на профессиональном поле, так это ей. Мою грудь сдавливает странное ощущение гордости, которое я немедленно отбрасываю. Уилла не моя, чтобы я ей гордился. Она мне даже не друг. Но она та, за кого я могу болеть, даже если она выбешивает меня до безумия.

Как раз когда я подвожу итог своим мыслям с этим аккуратным заключением, Уилла проворачивает офигенный приём, обходит защитника, пасует товарищу по команде, в которой я ранее узнал её соседку по комнате, Руни. Руни передаёт мяч обратно ей, и Уилла с одного касания забивает в верхний угол ворот. Она вывела команду в лидеры меньше чем за минуту до истечения времени.

Я инстинктивно вскакиваю на ноги, хлопая вместе со всеми фанатами КУЛА. Не подумав, я поднимаю ладони, сую пальцы в рот и выпускаю долгий, пронзительный, торжествующий свист, который ошарашивает Фрейю и Эйдена. Я чувствую на себе их взгляды, но не смотрю на них. Я смотрю на Уиллу на поле и отказываю даже начинать анализировать то, что я только что сделал.

Уилла прыгает в объятия товарищей по команде, которые дёргают её за косички и шлёпают по заднице. Она широко улыбается, пока они несут её по полю на руках. Когда они опускают её в центре, Уилла поворачивается к стадиону, положив руки на бёдра, и пробегается взглядом по стадиону, будто что-то ищет. Я не могу понять, нашла ли она

искомое прежде, чем она поворачивается обратно к полю.

Между моими рёбрами зарождается странное ощущение. Моя грудь сжалась, горит, скручивается узлами. Я смотрю на Уиллу Саттер, занозу в моей заднице, которая по шкале ярости разгоняется с нуля до 90, которая сшибает с меня бейсболку и хмурится так, будто хмурые гримасы — это её специализация вместо футбола. Я на её матче, моя грудная клетка сжимается, а сердце шепчет о страшных, нежеланных чувствах. Я поворачиваюсь к Фрейе и печатаю: *«Можем мы свалить отсюда? У меня созревает мигрень»*.

Фрейя кивает, тщетно пытаюсь скрыть улыбку.

— Мигрень, говоришь?

Я игнорирую её не слишком деликатный намёк и закидываю руку на её плечо. Как раз когда мы покидаем стадион, ревущий сигнал оповещает о конце матча.

Глава 6. Райдер

Плейлист: The Guggenheim Grotto — The Universe is Laughing

Тычок в плечо заставляет меня поднять взгляд со своего сиденья в переднем ряду лекционной аудитории. Уилла окидывает меня осторожным и изучающим хмурым взглядом, усаживаясь рядом со мной, на сей раз справа от меня. Я чувствую, как напрягаюсь, когда она открывает тетрадь, и её рука непреднамеренно задевает мою. Зажмурившись, я втягиваю глубокий вдох, чтобы успокоиться нахер, но это делает ситуацию лишь хуже.

До моего носа доносится лёгкий запах. Цитрус и солнцезащитный крем, а также отголоски цветов. Может, розы? Именно такой аромат витал в её квартире, пока его не перебил аппетитный запах того, что она готовила. Я осторожно снова вдыхаю. От неё пахнет летом, прогулкой по полю диких цветов. Я могу идеально вообразить это — Уилла зубами разрывает мякоть калифорнийского апельсина, обмазавшись кремом с SPF, который ничуть не спасает от веснушек, усыпавших её нос. В её дикие кудри вставлен бутон розы.

Аромат как-то влияет на мои медиаторы дофамина. Я на удивление спокоен и доволен. Если бы я вообще говорил, в данный момент сказал бы «Аааах».

Мои глаза до сих пор закрыты, разум успокоился, но я чувствую, что Уилла смотрит на меня. Я слишком труслив, чтобы взглянуть ей в глаза. Я знаю, что если посмотрю в ответ, то в отличие от наших предыдущих раундов в гляделки, этот заставит моё сердце совершить кульбит, совсем как во время её игры.

Уилла похлопывает меня по руке, затем я слышу:

— Райдер?

Мои глаза распахиваются, и я дёргаюсь с такой силой, что ударяюсь коленом о стол. Голос Уиллы... я впервые его услышал. Мой пульс учащается втрое, грохочет по моему телу. Прилив жара распяляет грудь, затем затапливает щеки.

Её голос — жидкий бархат, чистый солнечный свет. Он плавный, низкий и мягкий. Это самый отчётливый звук, что я слышал с тех пор, как очнулся тогда в больнице. Это кажется эпично несправедливым. Почему? Почему Уилле приспичило сесть с моего хорошего бока, почему её голос попадает в тот крохотный диапазон звуковых частот, что я до сих пор улавливаю?

Ну почему именно она?

Когда наши взгляды наконец-то встречаются, её глаза блестят от любопытства. Она легонько постукивает одним пальцем по моему правому плечу.

— Этим ты лучше слышишь, да?

Я слышу тональность её голоса, но не могу разобрать все слова. К счастью, она всё равно говорит медленно, и я наблюдаю за её полными губами. Этими мягкими, как будто слегка надутыми губами.

Проклятье.

Я киваю.

Она медленно наклоняется ближе, опираясь локтем на мой стол. Наши предплечья прижимаются друг к другу, пока она смотрит на мой рот, затем снова в глаза.

— Тогда почему ты не говоришь, Райдер? Если можешь немножко слышать? Почему ты не пользуешься слуховым аппаратом?

Мои челюсти сжимаются, и я отстраняюсь. Достав телефон из кармана, я печатаю: *«Слуховой аппарат — это не панацея. Говорить с ним не так-то просто».*

Я наблюдаю, как она открывает сообщение и хмурится. Она медлит, долго глядя на слова, затем печатает. *«Панацея. Чёрт, Бугай, это словарный запас, достойный книжного магазина».*

Я поднимаю взгляд. Уилла мягко улыбается. Она даёт мне путь к отступлению, не заставляя объясняться.

Если бы я не думал, что это приведёт к мировой катастрофе, я бы обнял её за это. Вместо этого я печатаю ответ: *«Достойный книжного магазина?»*

Уилла кивает.

— Летняя подработка. Работала в книжном магазине. Невольно узнаёшь мудрёные слова.

«Любимая книга?» — печатаю я.

Она тяжело вздыхает. *«Не знаю, с чего начать. Их слишком много».*

«Выбери одну».

Она пихает меня.

— Раскомандовался.

Я усмехаюсь.

Уилла постукивает пальцами по губам. Наблюдая за ней, я ловлю себя на странной мысли о том, как приятно было бы поймать зубами эту её полную нижнюю губу. Чёрт. Плохое направление мыслей. Мне надо перепихнуться. Я грежу наяву о пышноволодой занозе в моей заднице.

Мой телефон вибрирует. *«Джейн Эйр».*

Я морщу нос и печатаю: *«Рочестер такой мудак».*

«Он байроновский герой, — отвечает Уилла. — Терзаемый, меланхоличный, интенсивно сексуальный. В этом плане он занимает почётное второе место после Дарси. Но настоящая звезда всё равно Джейн. Она сильная и беззащитно независимая».

Её ответ вызывает у меня улыбку и то странное ощущение в грудной клетке, совсем как в тот момент, когда Уилла забила гол, и я смотрел, как её глаза вспыхивают подобно солнцу. От этого ощущения у меня голова пошла кругом, а нутро скрутило нервозностью.

— Райдер.

Я не могу подавить дрожь, когда слышу, как она опять зовёт меня по имени.

Её голова склонена набок. С её пушистыми неукротимыми волосами и широко посаженными карими глазами, в которых отражается тёплое освещение лекционной аудитории, она выглядит юной и невинной. Это до тех пор, пока она не прикусывает зубами краешек своих припухлых губ.

Я быстро приподнимаю плечи.

«Что?» — спрашиваю я одними губами.

Уилла наклоняется ближе и тычет пальцем в мою грудь. Я вздрагиваю, переводя хмурый взгляд от своего тела к её руке. Её знакомая хмурая гримаса вернулась. Когда она снова тычет меня, на сей раз я отпихиваю её ладонь.

— Когда ты планировал признаться, что приходил на мою игру?

Я открываю рот, затем закрываю обратно, поворачиваясь к телефону. *«А что такого? Мне просто было интересно, из-за чего вся шумиха».*

Её лицо застывает, когда она читает моё сообщение. Подняв свой телефон, она

печатает: «И каков вердикт?»

Мои пальцы замирают над клавиатурой. Мне стоит пресечь всё прямо сейчас. Сказать что-нибудь бесцветное и незаинтересованное, непохожее на наши обычные перепалки. Но вместо этого мои пальцы набирают: «Сойдёт».

Улыбка озаряет её профиль прежде, чем она спохватывается. Она быстро печатает, затем убирает телефон, поскольку Эйден начинает лекцию.

Мой телефон вибрирует. «Засранец-лесоруб. Я видела твою клетчатую фланель за три километра. Спасибо, что пришёл».

На протяжении остальной лекции я старательно игнорирую её; наше внимание устремлено вперёд, пока мы старательно записываем то, что объясняет Эйден. Сложно сосредоточиться, думая о звучании её голоса и о том, как прозвучало её имя. Я не раз прикусываю щёку изнутри, щипаю свою кожу. Что угодно, чтобы вернуть себе собранность. Тратить мысли на Уиллу, на наши диалоги и словесные перепалки, уделять ей внимание и одаривать завуалированными комплиментами — это играть с огнём.

Но может быть, в этот раз можно обжечься, ибо оно того стоит.

Мои руки дрожат. Я ещё раз перемешиваю фрикадельки, затем бросаю макароны в масло с петрушкой. Моё сердце ухнуло куда-то в живот, колотится там и портит мой аппетит. Мне повезет, если я не блевану в тот же момент, когда Уилла войдёт в двери.

Ужинать и параллельно готовиться к экзамену стало своего рода привычкой. Часто я прихожу сразу после того, как Уилла выходит из душа после тренировки. Она всегда умирает с голода, так что суёт в рот протеиновый батончик, пока соображает что-то на скорую руку. Несколько раз я помогал ей с подготовкой продуктов, но мы при этом так сильно пререкались, что она отправляла меня сервировать стол. Она готовила каждый раз, и на прошлой неделе мамин голос начал читать нотации в моей голове, спрашивая, куда подевался её сын-феминист, и не стыдно ли ему позволять студентке-спортсменке дважды в неделю кормить его ленивую задницу.

Так что в прошлый раз я предложил сам приготовить ужин и встретиться у меня, и Уилла согласилась.

Я нервничаю из-за того, что она придёт в гости. Я нервничаю из-за перспективы принимать у себя женщину и кормить её, чего никогда не случалось. Ибо девочки, с которыми я встречался и приглашал в гости в старших классах, именно этим и были — девочками. Те несколько, с которыми я без обязательств переспал в колледже, от них практически не отличались.

Но Уилла? Уилла — зубодробительная, огнедышащая, поднимающая шумиху женщина.

Это не единственная причина, по которой я напряжён. Пожалуй, даже не главная причина. Я реально трясусь, потому что сделал кое-что то ли глупое, то ли гениальное... я пока не уверен. Я ходил к отоларингологу и скорректировал настройки слухового аппарата. Я отказываюсь носить его на почти полностью оглохшем ухе. Оно до сих пор улавливает лишь резкие звуки, визги с эхом и усиливает ощущение звона. Но настроить слуховой аппарат для более здорового уха оказалось стоящей идеей. Отоларинголог подчеркнул, что это финальное испытание слухового аппарата. После этого мне придётся либо продолжать носить его, либо отказаться совсем.

Мои волосы распущены и, к счастью, склонны спадать как раз на ту сторону, прикрывая

правое ухо и надетый на него слуховой аппарат.

Входит Такер, один из моих соседей по комнате.

— Пахнет здорово.

Когда он наклоняется через меня и пытается сунуть палец во фрикадельки, я отпихиваю его руку.

— Иисусе, Рай. Уж поесть мужику нельзя?

Такер с меня ростом, и ещё более мускулистый. У него тёмная сияющая кожа и афро-копна, которую он хочет отрастить ещё больше. Ему нравится вешать людям лапшу на уши, когда они спрашивают, как он может отбивать мяч головой «с такими-то волосами», хотя он явно на это способен. Одна из многих причин, по которым мы так хорошо ладим — это то, что мы оба наслаждаемся троллингом невежественных людей.

Мы также вместе учились в старших классах и коллективно охренели, когда нас обоих приняли в КУЛА и записали в футбольную команду. Мы были соседями по комнате, уже заселились в общагу для спортсменов, когда во время летних тренировок у меня всё покатило псу под хвост, и я покинул команду, Такер настоял, чтобы мы продолжили жить вместе. Мы сняли квартиру прямо возле кампуса и с тех пор не переставали быть соседями.

Следующим заходит Бекс — он почёсывает живот, после чего суёт руку в штаны, чтобы поправить себя. Он чудак, которого я встретил на общеобразовательном курсе гуманитарных наук для первокурсников. Он странный и забавный, и на его фоне я со своим ростом метр девяносто выгляжу заморышем. Когда он не играет в любой вид спорта за КУЛА, этот зверюга с удовольствием играет в любительский волейбол. А ещё он неопрытен, как можно догадаться по почёсыванию паха, особенно когда после этого он лезет к еде.

Я поднимаю руку в знак того, что ему нужно остановиться.

— Что? — спрашивает он.

Я показываю пальцем на его пах, на его руку, затем добавляю красочное выражение, которое, как он уже знает, означает «Убирайся отсюда нахер».

Бекс стонет.

— Но так вкусно пахнет.

Я делаю шугающий жест, затем толкаю Бекса и шутливо пинаю его под задницу, когда он отказывается покидать кухню. Они с Такером оба плюхаются на диван, занимающий дальнюю часть совмещенной гостиной и столовой в нашем арендованном доме. Я дважды хлопаю в ладоши, привлекая их внимание. «Убирайтесь», — произношу я одними губами.

— О нет, чёрт возьми, — Такер закидывает ноги на журнальный столик. — Я стопроцентно остаюсь ради этого.

Я качаю головой, достаю телефон и печатаю: *«Нет, не остаёшься. Выметайтесь. Она вот-вот придёт».*

Бекс смотрит на свой телефон и проводит по экрану, чтобы присоединиться к разговору. *«Ясен пень. Мы поэтому и пришли. Готов поспорить, она чертовски горячая. Ставлю 25 баксов, что у неё попка-орех. Слабость Райдера — женщины, у которых есть задница».*

Такер фыркает. *«Ставлю 25 баксов, что нашего мальчика Райдера подстрелил купидон. Для *нас* он никогда не готовит домашние фрикадельки Мамаы Бергман».*

Смех Такера быстро превращается в вопль боли, когда я ожесточённо скручиваю его сосок. Затем я поднимаю мяч для сокса, принадлежащий Бексу, и очень метко швыряю в его яйца, заслужив тем самым его стон.

Все звуки прекращаются, когда наше внимание привлекает стук в дверь.

— Я открою! — орёт Такер, пролетая мимо меня и отталкивая меня с дороги.

В моём горле зарождается сдавленное рычание, когда я настигаю Такера как раз вовремя, чтобы оттолкнуть и не дать повернуть ручку.

Когда я открываю дверь, приветствие получается не таким гостеприимным, как я надеялся. Глаза Уиллы раскрываются шире, пока она обзревает сцену. Бекс всё ещё катается на диване, держась за пах. Такер поднимается с пола у стены, куда я его оттолкнул.

Уилла закусывает губы и склоняет голову на бок. Её волосы влажные и собраны в тугую гульку. Я вижу лишь её большие карие глаза, в которых танцует веселье, да блеск её скул.

— Судя по звукам, внутри происходила битва гладиаторов.

Я пожимаю плечами, подавляя улыбку. Её голос звучит ещё лучше, чем я надеялся. Я чувствую его медовую теплоту в своём нутре, как и хрипловатые нотки, наверняка вызванные криками и тренировками. От этого в мозг пробирается грязная мыслишка. А что ещё заставит её охрипнуть и запыхаться? Мой член привстаёт, и в джинсах становится тесно. Я прочищаю горло, когда щёки теплеют от смущения.

Быстрое воспоминание о том, как я застал Бекса срущим, производит нужный эффект. Мои джинсы снова становятся комфортными, и я взмахом руки приглашаю Уиллу войти.

Как только она оказывается внутри, мне приходится протиснуться мимо Уиллы, чтобы запереть дверь, и наши тела сближаются. Она улыбается мне снизу вверх и делает глубокий вдох.

Наши глаза встречаются. Я осторожно достаю телефон, разблокировав экран, и печатаю: *«Надеюсь, ты вдыхаешь запах шведских фрикаделек, а не меня, солнце».*

Её глаза раскрываются шире, когда она читает это, затем тычет меня пальцем в живот.

— Я не солнце.

Я издаю фыркающий смешок, который состоит лишь из воздуха. Это обращение просто вырвалось само собой. Это всё цвет её глаз в те редкие моменты, когда она не в ярости; звук её голоса в моём ухе. Но я не могу сказать ей об этом.

«Слышала такое слово, как сарказм, Саттер?» — печатаю я.

Она читает сообщение, и её глаза темнеют от раздражения; радужки из насыщенного кофейно-карего становятся убийственно медными. Вызывать у неё реакцию — безумно весело.

Я стучаю её пальцем по носу. Она отпихивает мою руку, затем толкает меня. Я даже не пошатываюсь, что заставляет её нахмуриться ещё сильнее. Я стараюсь скрыть улыбку, но терплю провал. Её так легко провоцировать.

Взяв Уиллу за локоть, я веду её прямоком к столу, выдвигаю стул, забираю её сумку с плеча и ставлю на столешницу. Затем легонько похлопываю по сиденью. *«Садись. Устраивайся поудобнее».*

Она плюхается, но её лицо всё ещё хмуро напряжено.

Оба парня оправились достаточно, чтобы как шёлковые занять свои места за столом. Я кошусь на них, затем пишу в телефоне: *«Поздоровайтесь, а потом сгиньте».*

Они оба читают с экранов телефонов, затем послушно встают.

— Привет, — говорит Бекс. — Я высокий, темнокожий и привлекательный сосед по комнате...

Такер делает фейспалм.

— Вообще-то это моё описание. Такер Веллингтон к твоим услугам, а это Бекс. Сделай

мне одолжение — не пожимай ему руку.

Уилла снова закусывает губу, включая ноутбук и переводя взгляд между ними. Что-то странное происходит с моим нутром, когда я замечаю, что она достаивает их лишь беглым взглядом. Я достаточно уверен в своей мужественности, чтобы признать: обоих моих соседей по комнате нельзя назвать уродами. По стандартам некоторых сумасшедших женщин они могут даже считаться привлекательными. Но Уилле, похоже, всё равно.

— Привет, — наконец, отвечает она. — Уилла Саттер. Приятно познакомиться.

Когда я награждаю их очередным убийственным взглядом, парни наконец-то сматываются. Пятясь позади Уиллы, Бекс непристойно двигает бёдрами, а Такер показывает обе ладони. «Десять из десяти», — произносит он одними губами.

Я отмахиваюсь от них и тоже одними губами говорю: «Валите!»

Я думал, голос Уиллы — это лучшее, что я слышал, но она опять доказывает мою неправоту. Её смех звучит в моём ухе как музыка ветра. Впервые за годы мне хочется рассмеяться вместе с ней.

В какой-то момент мне надо было задуматься о мутной этичности ситуации, где я говорю кому-то, что глухой, а потом забываю упомянуть, что скорректировал свой слух, пусть даже частично и временно.

Я не хочу, чтобы Уилла знала про мой слуховой аппарат, потому что не хочу, чтобы кто-то знал, что я до сих пор учусь, как снова слышать и говорить. Потому что я знаю, что идёт дальше. Давление. Давление, чтобы я вернулся к слуховому восприятию и работе с логопедом; давление, чтобы я начал пользоваться своим голосом. И пока что это не работало. Не бывать этому. По крайней мере, пока что.

Но сейчас я чувствую себя виноватым, ибо до сих пор не осознавал (из-за своего дерьмового слуха), что Уилла постоянно разговаривает сама с собой. И я практически уверена, что многое из этого не предназначается для меня.

— Засранец лесоруб, — ворчит она. — Загнобил очередную мою идею, на которую я потратила... ох, ну всего-то несколько часов, — она понижает голос, изображая то, как она, видимо, представляет мой голос. Это звучит ворчливо и кисло. — Ха. Какая дурацкая идея, Уилла. Мы не можем предложить скользящий график выплат. Это что, коммунистическая Россия? Женщина с крохотным мозгом.

Я открываю рот, собираясь защитить себя, но потом вспоминаю — это выдаст, что я её подслушивал. У неё есть полное право сердиться, и как бы мне ни нравилось ерошить перышки Уиллы, я не уверен, что готов увидеть её в таком гневе.

Я аккуратно печатаю ответ, основываясь на том, где мы остановились в диалоге. «*Как тебе такое: мы возьмём твою концепцию финансово доступного бизнеса, но вместо скользящего графика предложим бартерные услуги, например, совместный маркетинг. Тогда, возможно, мы сможем делать спонсорскую рекламу готовых к сотрудничеству брендов в обмен на предоставление их продукции, которую мы можем дарить людям в затруднительном положении. Как тебе такое?*»

Уилла хмурится, её пальцы летают над клавишами. «*Ты серьёзно? Ты реально рассматриваешь компромисс?*»

Я хмурюсь, печатая в ответ. «*Это распространено. Пара мест, в которых я раньше покупал экипировку, разрешают такое.*»

Она постукивает по столу, и я поднимаю на неё взгляд.

— Где ты покупал экипировку, Лесоруб? Высекая чёрные бриллианты. Поднимаясь на горные вершины. Борясь с медведями гризли, — она хлопает ресницами.

Моё чувство вины из-за слухового аппарата быстро рассеивается от её подзуживания.

«*Это в основном были кугуары*», — пишу я.

Это вызывает у неё усмешку.

«*Штат Вашингтон, где я вырос, — я колеблюсь, и мои пальцы зависают над клавишами, но в итоге я сдаюсь. — После выпуска я хочу управлять своим магазином по такому принципу. Предлагать аренду и продажу, закупать доступную экипировку. Может, научусь быть гидом по пешим походам и каякингу для таких людей, как я*».

Уилла улыбается широко и искренне.

— Это круто, Бергман.

Я пожимаю плечами. Не сравнится с карьерой профессионального футболиста, но это и так было моим планом после завершения карьеры, не считая упора на людей с ограниченными возможностями — это прибавилось недавно. Просто пришлось пропустить несколько десятков лет и быстрее перейти к этому плану.

«*Ты хочешь играть?*» — печатаю я.

Она кивает.

— Столько, сколько позволят мне мои старые косточки.

«*Уверен, так и будет*», — пишу я в ответ.

Поразительно, но мне не больно желать ей успеха на пути, который я сам хотел пройти. Уилла трудолюбивая, безжалостно решительная и одарённая спортсменка. Я могу лишь порадоваться за неё.

Уилла опирается руками на стол, подпирает щёку рукой. Она медленно моргает, обретая сходство с совой, и зевает.

— Итак, матушка-природа, да, Бугай...

Я немедленно пишу ей. «*Бугай?*»

Она пожимает плечами.

— Ты как держатель для бумажных полотенец. Мускулистый. Во фланелевой рубашке. Бугай. Так с чего вдруг тяга к природе? Родом из активной семьи, любящей досуг на свежем воздухе?

К счастью, моя борода скрывает румянец, вызванный её завуалированным комплиментом.

Я киваю. Это не ложь, всего лишь частичная правда. Моя семья — стереотипные выходцы с Тихоокеанского Северозапада, любящие природу. Просто я не готов делиться тем фактом, что мои планы на период после профессионального спорта вдруг стали моей основной карьерой.

Уилла снова зевает. Я бросаю взгляд на часы и вижу, что стрелки уже перевалили за одиннадцать. Должно быть, она совсем вымоталась.

— Мне пора, — сонно бормочет она.

Я киваю в знак согласия. Вставая, она покачивается. Я вылетаю из-за стола и обвиваю рукой за талию, чтобы поддержать.

Иисусе.

Ну типа, я видел Уиллу в форме на игре. Я в целом знаю, что она сильная и потянутая, но ощутив этот железный пресс под толстовкой и узкую талию, я едва не лишаюсь

возможности дышать.

Я выуживаю телефон и пишу сообщение. *«Уже поздно. Я провожу тебя до дома».*

— Нет, — ноет она, задирая голову, чтобы я мог читать по губам. — Я слишком сонная.

Я шумно вздыхаю и печатаю: *«Я понесу тебя на закорках, солнце».*

Она качает головой.

— Это плохая идея.

«Почему?» — спрашиваю я на языке жестов, но она не отвечает.

Она медленно выходит из моих объятий и, шатаясь, идёт к дивану.

— Я просто немножко вздремну здесь, а потом пойду домой, когда солнце взойдёт.

Когда я не буду такой...

Думаю, я упускаю слово «уставшей», которое она мямлит, падая на подушки.

Дёрнув себя за волосы, я топаю в её сторону. Прежде чем я успеваю напечатать сообщение, её глаза закрываются. К тому моменту, когда я присел на корточки у дивана, она уже храпит.

Я не оставляю её тут, вдруг Такер или Бекс выйдут сюда полусонные и натворят глупостей — например, лягут рядом. Я аккуратно подхватываю Уиллу на руки и несу в свою комнату. Я укладываю её на свою кровать, ставлю будильник на 06:30 и кладу телефон на подушку у её головы. Полагаю, это даст ей достаточно времени до первой пары в кампусе, которая начинается в восемь утра. К счастью, я до брезгливости опрятен и поменял постельное белье буквально вчера, так что в моей комнате всё чисто и прибрано. Ей должно хорошо спаться.

Сделав последние несколько дел и заперев дверь на ночь, я ставлю будильник на шесть. Плюхнувшись на диван и накрывшись одеялом, я стараюсь не думать о том, что Уилла Саттер спит в моей постели.

Мне требуется очень много времени, чтобы заснуть.

Глава 7. Уилла

Плейлист: Blondie — One Way Or Another

Я сонно пробуждаюсь, постанывая от удовольствия. Меня окружает непристойно возбуждающий запах. Мне снятся туманные сосновые леса и светловолосый парень во фланелевой рубашке, который начинает медленно расстёгивать её, когда приходит время повалить дерево.

Резко проснувшись, я сажусь и понимаю, что я не в своей постели и не в своей квартире. Если судить по запаху елей и кедров в воздухе, по невротичной опрятности окружения, то я в спальне Райдера, запуталась в его одеяле. Его голое тело спало тут.

Не то чтобы я пыталась вообразить голое тело Райдера. Не то чтобы я делала это прямо сейчас.

Не надо. Просто не надо, мозг. Не начинай. Не думай о тех крепких мышцах, которые я ощущала всякий раз, когда тыкала его пальцем в живот. И о том, как бы мне понравилось проводить пальцами по его взъерошенным светлым волосам, тоже не думай. Определённо не думай о бугрящихся бицепсах, вечно напрягающихся при движении. Не думай, как они бы напряглись, когда он опирался бы надо мной, толкаясь...

— Воу! — я скатываюсь с матраса и резко встаю. Надо убираться отсюда. Я тону в гормонах от горячего сна про сексуального лесоруба, а эта комната — как зыбучие пески. Чем дольше я останусь тут, тем сложнее будет сбежать от этой тяги.

Я спешно привожу его постель в порядок, затем иду на цыпочках и подбираю свою сумку. На столе лежит аккуратная стопка бумаг, а также записка, написанная его аккуратным почерком.

«Конспекты этого семестра. Всё твоё. Возьми в холодильнике контейнер, подписанный твоим именем.»

— *Райдер».*

Моё сердце тает и сползает куда-то в живот. Он распечатал для меня конспекты. Огромная волна облегчения от того, что у меня наконец-то есть всё необходимое по курсу, быстро сменяется подозрением. Я не привыкла к искренне хорошим поступкам со стороны лесоруба. Мне нужно будет хорошенько проверить содержимое на случай, если это его извращённый вариант шутки. Я аккуратно просматриваю все страницы, ожидая, что там вдруг начнутся иероглифы, но всё на английском и разложено в хронологическом порядке.

Сначала вкусный ужин, потом гостеприимство кровати, а теперь и конспекты. Лесоруб полон сюрпризов.

Я аккуратно убираю конспекты в сумку и снова беру его записку. *«Возьми в холодильнике контейнер, подписанный твоим именем.»*

— Раскомандовался, — бурчу я. Может, так оно и есть, но я подчиняюсь, потому что он приготовил чертовски вкусные шведские фрикадельки с макаронами. Держа контейнер в руке, я шлёпаю к двери, надеваю свои теннисные туфли и тут украдкой кошусь на диван. Райдер тихонько похрапывает, его рука свесилась с края дивана. Каким он выглядит во сне? Он так же будет раздражать меня, когда его защиты опущены?

«Не делай этого, Уилла.»

Я на распутье, и понимаю это. Это тот самый момент в книгах, где перед героиней

простирается две тропы. Одна тенистая. Там ухаает сова. Шуршат листья. Другая залита солнцем. Чирикают птички. Тропа широкая и хорошо протоптанная.

Я невольно посмеиваюсь над самой собой. Хорошо протоптанная. Кажется, я излишне драматизирую.

И всё же на тенистой тропе, на которую я не перестаю коситься, веет злобный ветерок. В той стороне кроется опасность. Это правда. Я костями чувствую — ничего безопасного не выйдет из того, что меня подмывает сделать. Проблема в том, что я такая я: сначала делаю, что хочу, а потом жалею.

— Уф, да нахер.

Игнорируя собственные предостережения, я иду обратно к дивану и нагибаюсь, изучая черты лица Райдера. Идея бороды в целом меня не смущает, но его борода меня бесит. Я хочу увидеть всё его лицо, узнать, есть ли у него ямочки на щёках, и мягкие ли у него губы. Я хочу видеть, как он краснеет, наблюдать за кадыком, когда он глотает.

Его волосы упали на глаза. Я аккуратно убираю их в сторону, затем застываю, увидев кое-что в его ухе. В правом ухе. Его более здоровом ухе.

Слуховой аппарат?

Моё нутро сжимается от шока. Он всегда его носил? Я перебираю воспоминания. К сожалению, я всегда слишком заикливаюсь на лице Райдера. Так сильно, что не могу утверждать, будто никогда не видела этого в его ухе.

— Сукин ты сын, — шепчу я.

К этому моменту я уже привыкла мямлить себе под нос в присутствии Райдера, потому что знаю, что он меня не слышит. Может, это бесчувственно, но это факты: он меня не слышит, а я склонна бормотать себе под нос. По возможности я стараюсь не озвучивать свои мысли в присутствии тех, кому не хочу их сообщать, но когда это кажется безопасным, я склонна рассуждать вслух.

Весь прошлый вечер этот обманщик подслушивал мои личные размышления, вел себя так галантно, кормил ужином, выдвигал для меня стул, позволил поспать в его постели и сберёг мою честь.

И всё это было притворством. Злость бушует в моём нутре, щёки обжигает смущением, когда я думаю о бесчисленных личных мыслях, которые он подслушал. Засранец. Высокий, усмехающийся засранец, лесоруб с песочными волосами и фланелевой рубашкой, сукин сын.

— Ох, это война, Бергман. Теперь мы объявляем войну.

Что удобно, у нас с Райдером сегодня совместная лекция. У меня есть полчаса между утренним занятием по литературе и лекцией Мака. Как раз достаточно времени, чтобы организовать расплату № 1.

У меня было время обдумать правдоподобные объяснения тому, почему Райдер вчера надел слуховой аппарат и не сказал мне. Надо сказать, я весьма горда собой. Я сумела унять свой нрав от взрывной ярости до тлеющего раздражения, тем самым приведя мысли в порядок, чтобы логично порассуждать.

Правое ухо Райдера слышит лучше. Когда я впервые сидела справа от него на лекции, и мы разговаривали, он вёл себя... иначе. Его глаза как обычно следили за моими губами, но также с любопытством блуждали по мне. Всё его лицо просияло, когда он наклонился поближе. Может, ему понравилось слышать мой голос, и он не знал, что ещё с этим делать,

разве что изучить получше.

В своих сжатых сообщениях он упоминал, что слуховой аппарат не решает всех проблем и не облегчает говорение. Его ответ и множество других моментов, которые мне, к сожалению, пришлось вынести с ним, привели меня к интуитивному заключению: под всей этой внушительной молчаливой внешностью Райдер Бергман стеснителен.

И если он стесняется глухоты и неспособности говорить, почему бы ему не застесняться, когда он впервые попробовал надеть этот свой раздражающий слуховой аппарат?

Это всё равно не отвечает на вопрос, почему он надел слуховой аппарат в моём присутствии. Почему я? Я смогла придумать два мотива для такого поведения.

Первое: он хочет получить компромат на меня, и он извращённый засранец, готовый получить этот компромат любыми способами. Довольно мрачное впечатление, но всё же вероятное. В конце концов, он же засранец-лесоруб.

Второе: он хочет без помех его глухоты узнать, какая я, и для этого ему нужен инструмент, но он стесняется признаваться, что пытается им пользоваться.

Но с чего бы ему хотеть узнать это?

Я понятия не имею, что Райдер думает обо мне, но я знаю, что он в своей кислой манере не всегда считает меня досадной обузой. Я знаю, что вчера он сделался немного ворчливым и прогнал своих любопытных и флиртующих друзей. Я знаю, что он, может, и взбесил меня до позеленения, когда мы обсуждали детали проекта, но он позаботился о приготовлении ужина, потом заварил травяной чай и подал маленькие шведские печенки, которые я пожирала в блаженно огромных количествах.

Конечно, он колючий. Если цитировать мою коллегу по диким волосам и в целом крутышку-феминистку Гермиону Грейнджер, он на повседневной основе демонстрирует «эмоциональный диапазон как у чайной ложки». Но в итоге я готова поспорить на свою коллекцию ботсов, что Райдер вбежал бы в горящее здание, чтобы спасти котёнка.

И из двух вариантов его мотивов для тайного ношения слухового аппарата прошлым вечером я выбираю второй. Я думаю, что Райдер Бергман, возможно, не совсем ненавидит меня.

И если честно, пусть он бесит меня половину того времени, что я провожу с ним, я думаю, что тоже не совсем ненавижу Райдера Бергмана. По крайней мере, не настолько, чтобы пререкаться постоянно... а лишь 50 % времени. По крайней мере, достаточно, чтобы почаще улыбаться друг другу, сдерживать беспрестанные едкие реплики. Может, достаточно, чтобы разделить экспериментальный поцелуй, если бы он согласился сбрить это дикое животное, что покрывает нижнюю половину его лица.

Конечно же, чисто ради целей эксперимента. Ничего серьёзного. Уж точно ничего эмоционального.

Потому что если бы я действовала на эмоциях, я бы сначала отвесила ему пощёчину. Может, слегка дёрнула за бороду и хорошенько оттаскала за ухо. Напомнила, что шпионить за людьми (даже если ты заинтригован ими) — это непрошеное вторжение в личную жизнь.

Возможно, мой гнев и поистине праведный, но в какой-то момент агрессия надоедает.

Такая тактика куда веселее.

Я в кои-то веки прихожу на лекцию вовремя и опускаюсь на сиденье, которое, как я начинаю подозревать, Райдер охраняет для меня. Место снова справа от него, и когда я сажусь и легонько кашляю, это сразу привлекает его внимание.

Я аккуратно разматываю вязанный шарф, который надела, чтобы никто в кампусе не улюлюкал мне вслед, пока я шла на лекцию. Когда я убираю последний слой ткани, глаза Райдера раскрываются шире, а повыше его бороды появляется ожесточённый румянец. Он часто моргает, стараясь не опускать взгляд как в первый раз. Я едва ли могу его винить. Руни благословила мою тактику расплаты, и я надела один из её топов с запахом — шафраново-жёлтого цвета, от которого мои глаза словно сияют. Важная деталь: грудь Руни на два размера меньше моей. Эта кофточка едва прикрывает мои соски.

Челюсти Райдера сжимаются, затем он вытаскивает телефон и лихорадочно печатает. *«Саттер, что на тебе надето, бл*дь?!»*

Я открываю переписку. *«Одежда, — пишу я. — А почему ты спрашиваешь, Лесоруб?»*

Его сердитое фырканье, пока он печатает, вызывает нервную дрожь восторга по моей спине. *«Ты знаешь, что я имею в виду».*

«Не знаю, правда», — печатаю я в ответ.

Я окидываю его взглядом. Очередная фланелевая рубашка. Очень осенняя. На большинстве знакомых мне парней это смотрелось бы по-идиотски. Это раздражает, но Райдер носит эту одежду как адски сексуальная модель магазина одежды для туризма. Даже не пытайтесь отрицать — вы знаете, что не ищите себе шлёпки, когда открываете такой каталог. Вы тоже пялитесь на этих горячих мужиков в мужской секции каталога. Любая живая женщина это делает.

Сегодня фланелевая рубашка в бордовую и тёмно-синюю клетку, с тоненькими золотистыми линиями, которые сочетаются с моей кофточкой. Я делаю глубокий вдох, беру в узду своё либидо и печатаю: *«Эй, смотри! Наша одежда сочетается».*

Райдер снова фыркает и пялится на меня. Он раздражён, и это приносит невероятное удовлетворение. У наших маленьких стычек имеется весомое и восхитительное преимущество. Оно всегда было. Каждый раз, когда мы начинаем пререкаться, электричество так и трещит, создавая между нами влекущую тягу. Наше напряжение продолжает усиливаться, и после прошлой ночи мне кажется, что от массивного взрыва нас отделяет всего одна искра.

Глаза Райдера не отрываются от моих губ, но кажется, что они блуждают всюду, впитывая так много меня, а не только мои слова. С ним всегда так. Когда я с Райдером, я никогда не сомневаюсь, присутствует ли он в данном моменте, внимательно ли он слушает. Я никогда не сомневаюсь, что он прикладывает большие усилия, чтобы понять меня, что он наблюдает за всем, что я говорю и делаю, даже если это его бесит. От меня не ускользает ирония — он первый мужчина в моей жизни, с которым я чувствую себя поистине услышанной, но он не слышит ни единого моего слова.

Ну, я так думала... Мистер Внезапный Слуховой Аппарат.

После третьего сердитого фырканья Райдер косится в мою сторону, затем смотрит обратно в телефон. *«Твои сиськи в миллиметре от того, чтобы пожелать доброго утра всей аудитории».*

Его глаза поднимаются к моим губам, и я улыбаюсь.

— Сиськи не говорят, Бергман.

Он сжимает свою переносицу и делает долгий медленный вдох. Когда его рука опускается, и я снова чувствую на себе его внимание, я смотрю вниз, игриво проводя пальцем по краю кофточки. Райдер сглатывает так шумно, что его наверняка слышно в задней части аудитории.

Я смотрю на него и наблюдаю, как его губы опускаются к моему рту.

— Кроме того, с ними всё хорошо. Специальная клейкая лента удерживает их на месте, — мой палец всё ещё водит по кофточке, недалеко от быстро затвердевающего соска. Это слегка выходит из-под контроля. Дыхание Райдера делается глубоким и хриплым. Я тоже прерывисто вздыхаю, и этот звук такой же искажённый, как у него. Прочистив горло, я напоминаю себе о смысле всего этого.

Помедлив, я отодвигаю край ткани, показывая Райдеру краешек клейкой ленты и, наверняка, часть соска, если честно. Не то чтобы я переживала по этому поводу. Я спортсменка. Проведите десять минут в раздевалке перед игрой, и поймёте... я добровольно раздеваюсь перед другими людьми уже лет десять. Меня это не смущает.

Но, видимо, смущает Райдера. У него отвисает челюсть. Мне приходится отвернуться, чтобы он не заметил гигантскую удовлетворённую улыбку на моем лице. Но это слишком хорошо, чтобы упустить такую возможность, поэтому я открываю чат и печатаю: *«Бонус этой клейкой штуковины? Мне даже не нужен лифчик»*.

Райдер роняет голову, и его кулак с силой приземляется на стол.

Когда Мак начинает лекцию, в кои-то веки это я исправно веду записи. Райдер слева от меня превратился в каменную статую. Я даже не уверена, поднимал ли он ручку. Но когда пара заканчивается, я точно не задерживаюсь, чтобы узнать.

Следующие сорок восемь часов оказываются полезными для обеих сторон. Я вспоминаю, когда в последний раз в моей жизни находилось время для искушения мрачных мужчин гор, а Райдер наверняка вспоминает, почему он предпочитает видеть меня в спортивной одежде с головы до пят.

Я толком не знаю, чем я думала, надевая ту откровенную кофточку, вот только мой характер — это самостоятельная живая и дышащая штука в моём мозгу. Он повторял мне, что заставить глаза этого парня вылезти на лоб — это бесконечно лучшая реакция, чем, скажем, добавить слабительное в его огромную флягу из нержавеющей стали, или, не знаю, побрызгать перечным спреем на его боксёры. В сравнении с этим дразнение сиськами в удачный момент считается практически безвредным.

Но теперь, остыв за последние пару дней, я понимаю, что если Райдер слегка повысил ставки своим незаметным слуховым аппаратом, то я просто пошла ва-банк со своим нарядом. Дожидаясь, когда он придёт в мою квартиру, я невольно гадаю: *«И что теперь?»*

У меня нет времени гадать дольше, потому что в дверь стучат. Открыв, я вижу Райдера, прикрывшего глаза ладонью. Мой телефон издаёт сигнал.

«На сей раз на тебе настоящая одежда?»

Я шлёпаю его по животу. Райдер тихонько охает и опускает руку. Его зелёные глаза потемнели от озорства, он дотрагивается до козырька бейсболки в знак приветствия, затем проходит мимо меня.

Я разворачиваюсь на пятках и прищуриваюсь. Он что-то задумал. Я это чувствую. Может, я не продумала стратегию на такую длительную перспективу, на какую следовало. Я правда не думала, что Райдер примет мою портняжную провокацию и устроит вендетту (снова лексика, достойная книжного магазина). Я вроде как ожидала, что он будет ёрзать всю лекцию, и на этом всё закончится.

Возможно, я просчиталась.

Райдер медленно снимает сумку-портфель с плеча и ставит её на стол. Я наблюдаю за его руками, пока они расстёгивают застёжку и достают ноутбук. Это как странное софтверно в жанре IT — смотреть, как ноутбук выскальзывает из сумки, как ладони Райдера обхватывают края, пока он поднимает крышку и располагает её под нужным углом.

Румянец поднимается от груди и согревает шею. Щёки розовеют. Чёрт, тут жарко.

— Так вот, — я прочищаю горло.

Райдер поднимает глаза и окидывает меня взглядом. Одним пальцем он обводит мою спортивную одежду, затем изображает аплодисменты. *«Спасибо»*, — показывает он жестом.

— Я тебя умоляю, — я закатываю глаза. — Не веди себя так, будто тебе не понравилось увиденное.

Достав телефон из кармана, он быстро печатает. Его челюсти напряжены, глаза безотрывно сосредоточены на экране. *«Я не говорил, что мне не понравилось»*.

Мои пальцы крепче сжимают телефон, взгляд поднимается к его глазам. Мы долго смотрим друг на друга. До тех пор, пока лицо Райдера не искажается от беспокойства, и он морщит нос, приплюсываясь.

Я резко оборачиваюсь через плечо на кухню.

— Черт!

Поспешив к плите, я убираю суп с конфорки, затем провожу деревянной лопаточкой по дну кастрюли, ища подпалины. К счастью, я ничего не нахожу.

— Не сгорело...

Мой голос обрывается. Райдер стоит прямо позади меня, от его тела исходит жар. Я закрываю глаза и невольно представляю, что стою спиной к бушующему пламени, потрескивание которого застаёт меня врасплох. Меня резко окружает терпкий запах хвои. От него пахнет как от рождественской ёлки, на ветвях которой до сих пор лежит лёгкий слой снега.

Райдер наклоняется, затем хватает ту мою руку, что держит лопаточку. Мои глаза резко открываются, тело всё обращается во внимание. Ладонью другой руки он опирается на кухонный шкафчик. Я словно в западне.

Я поднимаю взгляд, чтобы он мог видеть мои губы, когда я говорю, но застываю, не успев произнести ни слова. Он не сводит с меня глаз, зрачки расширены, вокруг них едва осталось кольцо зелёного цвета. Наши губы на расстоянии считанных сантиметров, дыхание становится чаще и тяжелее, чем должно быть.

— П-прости, — шепчу я. Мой язык показывается наружу, увлажняя губы. Взгляд Райдера опускается и следит за его движением. — Я забыла убавить нагрев. Но не думаю, что еда испорчена.

Райдер отпускает моё запястье и подносит руку к моему лицу. Я вздрагивая, ожидая дразнящего шлепка или рывка, любого его провокационного касания. Он медлит и хмурится. *«Я бы никогда не сделал тебе больно»*.

Он не говорит этого. Не показывает жеста. Не пишет в сообщении. Но слова повисают в воздухе, невидимые, но всё же весомые, как и потрескивающая атмосфера между нами. Его пальцы медленно проходятся по моим кудрям, бережно убирая их за ухо. Его большой палец обводит раковину моего уха, спускается по шее.

Кислорода в воздухе больше не существует. А если и существует, я не могу его найти. Мурашки пляшут по моей коже, каждый позабытый уголок моего тела с рёвом оживает. Стук сердца эхом отдаётся в непривычных местах. В кончиках пальцев на руках и ногах. В низу

живота. Прямо между ног.

Большой палец Райдера ложится на ямочку у основания моего горла. Его глаза встречаются с моими, напоминая, как много он может сказать своим выразительным взглядом. Его ресницы густые, и я думала, что они чёрные, но теперь вижу, что они соболиные, насыщенного, дымчато-коричневого оттенка. Они не моргают, пока Райдер склоняется ко мне. Время замирает. Мои губы приоткрываются, когда его оказываются ближе.

Он замирает на расстоянии одного вздоха от моего рта. Я окружена дымкой сосновых деревьев и мужественности. Спереди меня опалает жар его тела. Как раз когда я начинаю подаваться вперёд, сокращая оставшееся между нами пространство, в дверь врывается Руни.

Она останавливается, увидев, как мы с Райдером так резко отпрыгиваем друг от друга, что я едва не падаю в раковину. Её взгляд мечется между нами, губы изгибаются в медленной, удовлетворённой улыбке.

— Я чему-то помешала?

Райдер качает головой, приподнимает бейсболку и проводит рукой по волосам, после чего надевает её обратно, сильнее натягивая на глаза.

— Неа, — выдавливаю я. Мой голос ужасно хриплый. Прочистив горло, я поворачиваюсь обратно к супу. — Ужин готов, если ты проголодалась.

Райдер тоже прочищает горло и идёт к ящику со столовыми приборами, доставая ложки. Руни ещё раз переводит взгляд между нами, затем улыбается ещё шире.

— Спасибо, но я пока не голодна. Позже поем.

Как только она сворачивает за угол, уходя в свою комнату, наши плечи обмякают от облегчения.

Глава 8. Уилла

Плейлист: Whethan, Dua Lipa — High (& Dua Lipa)

Это не занимало мой мозг каждую свободную минуту — а их не так много, учитывая хлопоты вокруг мамы, футбол, оценки, карьеру, вопросы о вечности и смысле моего существования.

Ладно, это немного занимало мой мозг. Райдер собирался поцеловать меня?

Слушайте, я крутая цыпочка. Я. Феминистка. Надирающая. Задницы. Мне не нужно чтобы мужчина делал меня счастливой, и мне точно не нужно, чтобы он подтверждал мою ценность.

Но может быть, просто может быть, я хочу мужчину, который представляет собой не только пенис для удовольствия, но и является настоящим другом, который знает и понимает меня. Большое тёплое тело, обнимающее меня по ночам, держащее меня за руку, убивающее пауков и, если очень повезёт, ласкающее мой тюльпанчик и доводящее его до оргазма. Мужчине этого ещё не удавалось, и мне говорили, что со мной много проблем в этом отношении. Видимо, в данном послужном списке надо винить меня.

Разве плохо желать того, кто знает, как довести меня до оргазма, не хуже, чем умеет делать массаж спины? Может, я немножко устала быть большой и храброй Уиллой, которая жонглирует миллионом дел. Может быть, просто может быть, Райдер Бергман хочет быть тем парнем, который заберёт у меня часть бремени.

Я не могу понять. То есть, я правда, правда не могу понять. Конечно, он уделяет мне внимание. Он знает моё расписание, мы видимся в большинство дней недели и переписываемся в остальные дни недели, но Мак смял нас воедино как арахисовое масло и джем в сэндвиче, который представляет собой этот чёртов курс. Мы практически слились в единую массу из-за того, сколько работы нам приходится проделывать вместе.

Наверное, он просто подкалывает меня, как я подкалывала его на лекции. Но это кажется опасной территорией — притворно флиртовать друг с другом, изображать влечение. Разве не сложно различить факты и вымысел, когда вы искрите и сталкиваетесь, постоянно кружите друг вокруг друга, как два голодных и возбуждённых зверя?

В настоящий момент Райдер печатает на скорости миллион миль в минуту, как какой-то хакер из Пентагона, принявший слишком много стимуляторов и запивший их кофе с таурином. Этот мужчина выводит понятие «напряжение» на новый уровень.

— Райдер?

Я сижу справа от него. Он расположился с длинной стороны стола, ибо он занимает кучу места, а я сижу с короткой стороны стола. Он должен услышать меня.

Его пальцы ожесточённо тарабанят по клавишам. Такими темпами он сломает клавиатуру. Подчинит её своей печатающей воле.

Его глаза сосредоточенно сощурены. Я тычу его в руку. Райдер продолжает печатать, но удары по клавишам замедляются, будто тропический ливень стихает до морозящего дождика.

— Ты в порядке, Сасквоч?

Он медленно поворачивает голову в мою сторону. Я получаю один кивок, затем он поворачивается обратно.

Мы сейчас работаем над разными частями финального проекта, но если честно, меня больше беспокоит тестирование. Если оно хоть отдалённо похоже на промежуточный экзамен, который мы только что сдали, и я едва натянула на четверку с минусом, то мне надо совершенствоваться. Когда я вчера сказала это Райдеру через сообщения, он согласился, что нам стоит позаниматься вместе, но с тех пор, как я пришла к нему домой, и мы поели в странной, лишённой перепалок тишине, он долбил по своему компьютеру как дятел под кокаином.

— Мы будем заниматься, Райдер?

Его печатание замедляется ещё сильнее. Теперь это как редкое капание воды. Эти зелёные глаза поворачиваются к моему лицу, опускаются к губам, затем поднимаются обратно. Резко встав, он запускает руку в свою сумку, достаёт массивную кипу конспектов, затем подходит к дивану.

— Эм... ладно? — я оглядываюсь через плечо. Райдер раскладывает бумаги на журнальном столике по какому-то принципу, который я не могу понять. Я стараюсь не пялиться, но терплю провал. Он до невозможности завораживает, его предплечья мужчины гор торчат из-под рукавов фланелевой рубашки. Сегодня она белая с клеткой из зелёного, золотого и синего цветов. От этого его волосы выглядят светлее, глаза — зеленее, а поношенные синие джинсы так и выделяются, облекая мускулистые ноги.

К сожалению, сегодня он не просто засранец-лесоруб. Он сексуальный, сильный и молчаливый лесоруб, и я готова на стену лезть от его отстранённого поведения. Я скучаю по подколкам, перепалкам, островам. Он просто... тихий. И да, Райдер по-своему всегда тихий, но сегодня он как будто вообще не здесь.

— Что с тобой?

Он поднимает голову, услышав что-то, но что именно, он не может понять. Я повторяю ещё раз, медленно и отчётливо, отчего Райдер хмурится и достаёт телефон.

«Ничего, Уилла. Просто нам надо сделать дохрена работы. Мы будем заниматься или нет?»

Помрачнев, я встаю, беру телефон и тетрадь и иду в его сторону. От меня не ускользает то, как он отводит глаза вместо того, чтобы удерживать мой взгляд как обычно. От меня не ускользает то, как он падает на диван с тихим, но не беззвучным вздохом.

— Райдер, что такое?

Его стон звучит хриплым треском в горле, и он трёт лицо. Когда его ладони опускаются, я вижу то, что упустила ранее. Тёмные круги под глазами. Бледнота кожи. Аккуратно встав коленями на диван рядом с ним, я усаживаюсь на пятки.

— Ты нормально себя чувствуешь?

Он начинает кивать, но останавливается, когда наши взгляды встречаются. Кивок сменяется качанием головой.

«Нет», — произносит он одними губами.

Беспокойство ухает в моё нутро как камень.

— Что такое, Лесоруб?

Он трёт глаза основанием ладони, затем достаёт телефон и печатает: *«Головная боль. Такое иногда случается. Ничего страшного»*. Отправив написанное, он закрывает глаза, словно тусклый свет стоящей неподалеку лампы атакует его.

Подвинувшись ближе, я похлопываю его по ладони. Райдер открывает глаза и смотрит на меня.

«Что?» — жестом спрашивает он.

— Сядь на пол, перед диваном.

Он хмурит лоб, затем жестом показывает: «Зачем?»

— Я немного помассирую тебе шею и виски. Моя... — я спохватываюсь прежде, чем выпалить правду. «Моя мама, — едва не сказала я, — страдает от ужасных головных болей и тошноты из-за лечения от рака». Я прочесала интернет, когда предложенные врачами средства не помогли. Я читала о гомеопатии и роли перечной мяты в снятии тошноты, напряжения и избавлении от головных болей. С тех пор я научилась разбавлять перечную мяту в базовом масле и втирать в её живот. От головной боли я наношу его на её виски. Я прекрасно научилась массировать нужные точки, чтобы дарить ей облегчение.

Прочистив горло, я пожимаю плечами.

— Я хорошо знакома с головными болями, — это не ложь. Я правда хорошо знакома с головными болями, только не со своими. — Я использую масло перечной мяты, чтобы избавиться от дискомфорта.

Райдер играет бровями, и я шлёпаю его по плечу.

— Извращенец.

Он смотрит на телефон и печатает. «Мы должны заниматься. И у меня нет масла перечной мяты».

— Ничего страшного. У меня есть, — вскочив, я бегу к своей сумке. Я держу там пузырёк для своих визитов к маме в больницу. Некоторые медсестры думают, что это надувательство, и всегда отбирают пузырёк, если оставить его там, так что я держу его при себе.

Райдер смотрит на меня взглядом, который сложно прочесть. Идея моего прикосновения вызывает у него отвращение, если это не тычки и шлепки, а нежность? Или мысль о дружеском жесте вместо отрывания его головы настолько ужасна? Иисусе. Если так, что он ещё хуже чокнутый, чем я, когда дело касается уязвимости перед другими.

— Это просто массаж головы, Бугай. Остынь. Мне нужно, чтобы твой мозг нормально работал над проектом.

Что-то в его выражении расслабляется. Я не знаю, как это понимать, так что откладываю на потом вместе со всеми тревожащими мыслями.

— Сядь на пол, Райдер.

У него вырывается страдальческий вздох, когда он сползает на пол и прислоняется спиной к дивану. Я устраиваюсь позади него, оседлав его плечи. Нежно побудив его слегка запрокинуть голову, я капаю мятное масло на указательные пальцы, затем втираю в его виски, глядя на его чертовски совершенный нос. Прямой и длинный, он практически идеальный — такое можно увидеть у скульптуры. Его скулы слегка отражают свет, и с тихим стоном его голова тяжелеет в моих руках. Он реально расслабляется.

— Видишь? Не так уж сложно. Ты напряжён, Мужчина Гор.

Он снова вздыхает — это протяжный, усталый выдох. Между нами пронесется несколько мгновений тишины, пока я изучаю Райдера сверху, прислушиваясь, наблюдая, что помогает ему расслабиться, а что заставляет вздрагивать. Остановив меня, он отстраняется, сгребает карточки и собирает их в руках. Откинувшись обратно на меня, он поднимает одну карточку. Это уравнение. Написанное от руки уравнение.

Я слегка постукиваю его ладонью, чтобы привлечь его взгляд.

— Что это такое, Райдер?

Он награждает меня взглядом в духе «Ты серьёзно?».

Я щипаю его за плечо, заставляя помрачнеть.

— Ты понял, что я спрашиваю. Ты их написал от руки? Всё?

Он пожимает плечами, затем поворачивается и берёт телефон. *«Как ещё мне опросить тебя? Не могу же я спрашивать вслух».*

— Райдер... — мой голос дрожит. Должно быть, он убил на это несколько часов. Этих карточек тут минимум сотня.

Он игнорирует меня. Постучав пальцем по уравнению, он смотрит на мой рот.

— Это формула точки безубыточности. Фиксированные затраты делить на разницу между ценой за единицу и переменными расходами на единицу.

Он хлопывает меня по стопе, затем сжимает. Почему-то я понимаю, что это означает «хорошая работа». Он поворачивает карточку и показывает, что мой ответ верен.

Мы продолжаем в том же духе — я помогаю ему расслабить напряжённые мышцы, Райдер высоко поднимает для меня карточки. Когда я отвечаю правильно, я получаю мягкое сжатие моей стопы, а когда ошибаюсь, его палец тычет в карточку. Когда я отвечаю правильно на приличное количество карточек, а голова Райдера уже не ощущается так, будто она зажата в тисках, я останавливаю пальцы, запутавшиеся в его волосах.

— А почему я не опрашиваю тебя по этим карточкам?

Райдер поднимает руку и подталкивает меня продолжать массаж.

— Жадный засранец.

Подняв телефон, он пишет: *«Ты не опрашиваешь меня, потому что я знаю эту фигню, и я с большей пользой провожу время, получая массаж головы, чем повторяя то, что уже знаю».*

Я слегка дёргаю его за волосы, но чувствую, что губы изгибаются в улыбке. Вот он, ворчливый лесоруб, к которому я привыкла.

— Ставлю двадцать баксов, что ты знаешь это далеко не так хорошо, как хвастаешься, Райдер.

Он выгибает брови, при этом тасуя карточки в руках. Достав одну, он медлит и поднимает телефон.

«Ставлю двадцать баксов на то, что отвечу правильно, И ВДОБАВОК ты должна мне массаж головы каждый раз, когда мы занимаемся».

Я хмурюсь. Сурово. Но я не капитулирую от вызовов. Вините во всём мою азартную натуру.

В моей голове зарождается идея. Райдер всё ещё смотрит на меня, когда я запускаю пальцы в его волосы, но на сей раз я действую иначе. На сей раз я провожу ногтями по коже его головы.

Такое чувство, будто я щёлкнула выключателем. Его веки опускаются, но потом снова резко распахиваются, будто ему вкололи транквилизатор, но он силится оставаться в сознании. Я провожу кончиками пальцев по его шее с двух сторон, затем опускаюсь к ключицам. Его дыхание сбивается, и я наблюдаю, как его ладони вцепляются в ковёр. Одним пальцем я провожу от основания его черепа вниз по шее и вижу, как приоткрываются его губы.

— Запросто, Бергман. Ответь сейчас, и будем считать, что договорились.

Я поднимаю карточку, держу перед его лицом и наблюдаю, как его глаза стараются сфокусироваться вопреки осоловелому выражению. Наклонившись, я опускаю губы к его

правому уху, стараясь говорить как можно тише, но при этом быть услышанной.

— Десять секунд, а потом ты проиграл. Десять, девять...

Я шёпотом веду обратный отсчёт ему на ухо, моя грудь прижимается к его спине, кудри спадают вокруг его лица. Он прерывисто вдыхает, сощурившись. Он знает, что я делаю. Выпрямившись, Райдер выхватывает карточку из моей руки, но я лишь наклоняюсь ближе, пока он её изучает. Его грудь вздымается, и я скольжу вперёд, практически наваливаясь на его спину. Я массирую его шею, снова провожу пальцами по его ключицам.

— Три... два...

Он ударяет ладонью по полу.

— Один.

Райдер резко поворачивается ко мне, в его глазах искрит ярость. Мы находимся нос к носу, пока я улыбаюсь медленной и довольной улыбкой.

— Занятие окончено, мистер Бергман.

— Ох, Уилла, ты просто кошмар! — мама хохочет, а потом подавляет приступ кашля.

Я вытираю слёзы, мой живот ноет от смеха.

— Видела бы ты его лицо, мама.

Мама качает головой.

— Ох, милая. Думаю, ты ему нравишься.

Мой смех обрывается.

— А я так не думаю. Он дразнит меня и постоянно дёргает. Если я ему нравлюсь, то он странно это показывает.

Заправив выбившийся локон за моё ухо, мама улыбается.

— Может, он боится. Атаковать в моменты испуга — это вполне в человеческой природе.

— Чего ему бояться?

Если у кого и есть основания бояться, то это у меня. Я не хожу на свидания. Я не доверяю мужчинам. Они мне в целом вообще не нравятся.

— Ну, Уилла, он глухой, не говорит, не использует язык жестов. Это наверняка вызывает ощущение изолированности и провоцирует тревогу, как минимум периодически. Ты пробовала жить безо всяких слуховых сигналов, которые предлагает нам мир для безопасности, не говоря уж о невозможности выразить себя в общении с окружающими?

— Нет, — я хмурюсь. — А ты?

Мама кивает.

— Много лет назад, в одной из моих командировок с армией, прогремел взрыв. У меня был такой сильный звон в ушах, что я два дня ничего не слышала. Меня дважды чуть не сбили джипы, перемещавшиеся по базе. Я не замечала, что люди звали меня по имени. Всего сорок восемь часов, и когда я легла в постель в ту вторую ночь, Уилла, я была измождена, раздражена и взвинчена.

Моё сердце как будто сжали брутально крепким кулаком, и оно вот-вот лопнет от давления и растворится. Большую часть времени я раздражалась или злилась на Райдера. Ни разу я не задумалась о том, каково ему живётся. Я вижу его как способного и независимого, адаптировавшегося к своей жизни. Помимо необходимости говорить так, чтобы он меня понимал, я веду себя с Райдером точно так же, как вела бы себя с любым другим

раздражительным, мускулистым, бородатым любителем фланели.

Но это ведь не считается сопереживанием, нет?

— Нет, милая, — говорит мама. — Не считается.

Я вздыхаю.

— Я сказала это вслух.

— Да, сказала. Ты всегда перевариваешь информацию, проговаривая её, — похлопав меня по руке, затем взяв мою ладонь, мама нежно улыбается. — Эта одна из моих любимых черт в тебе — то, какая ты всегда прозрачная...

— Не надо, — я притворно отталкиваю её руку. Мама снова сжимает мою ладонь, её хватка сильна.

— Так и есть. Твоя злость и твоя привязанность. Твоя любовь — такой же очевидный нагрудный значок, как и твой нрав, Уилла Роуз. Ты любишь избирательно и страстно. Ты сражаешься лишь за то, что дорого твоему сердцу.

Мгновение спустя я смотрю ей в глаза.

— Я не знаю, что делать, мама.

Она склоняет голову набок.

— С чем?

Я пожимаю плечами, когда на глаза наворачиваются слёзы.

— Да со всем. Команда, оценки, будущее... он.

Это ощущается как лавина эмоций — давление, ошеломляющая тревожность и ожидания, сокрушающие мою грудь. Я падаю в мамины объятия и беззвучно плачу. Я позволяю себе притвориться ребёнком, чья жизнь намного проще и безопаснее в объятиях мамы, пока она гладит меня по спине и утешает.

— Спасибо, мама, — наконец, я сдерживаю слёзы. — Со мной всё будет хорошо, просто я...

— Устаёшь, — заканчивает за меня мама. — Уставать — это нормально, знаешь.

Когда она говорит это, что-то в её глазах меняется. Это заставляет меня волноваться. Я собираюсь расспросить её об этом, но тут стук в дверь сообщает о приходе доктора Би.

Этот мужчина выглядит прекрасно. Я понимаю, почему мама краснеет в его присутствии. Высокий, худой, с целой гривой волнистых рыжеватого-блондинистых волос, которые напоминают мне о периоде бурных 20-х годов и красавчиках с экрана. У него ярко-зелёные глаза, которые всегда казались мне тёплыми и искренними, он как всегда гладко выбрит и пахнет каким-то мужским лосьоном после бритья и антибактериальным мылом.

Я давненько не видела его, так что пользуюсь шансом.

— Доктор Безозизкактам-а-а-апчху!

— Будь здорова, — произносит мама с невозмутимым лицом.

Доктор Би выдавливая на ладонь санитайзер, затем бесстрастно скидывает бровь. Его настоящая фамилия — прямо-таки европейская скороговорка. Безуиденхаут. И произносится не так, как пишется. Я до сих пор не знаю, как это правильно звучит. Когда я впервые попыталась прочесть его фамилию в маминой истории болезни, мама искренне думала, что я чихнула. С тех пор это стало нашей фирменной шуткой.

— Уилгельмина, — он знает, что меня зовут не так. Это он так мстит. Широко улыбнувшись, он протягивает мне кулак для удара в знак приветствия, что я и делаю. — Джой Саттер, сегодня вы выглядите особенно радостно⁴, — говорит он маме.

Мама подмигивает мне и поправляет халат поверх больничной сорочки.

— Как же не радоваться, когда дочка пришла навестить?

Я слезаю с кровати, давая доктору Би место. Подойдя ближе, он поворачивается ко мне и по-доброму говорит:

— Мисс Уилла, вы не могли бы оставить нас ненадолго? Мне нужно обсудить с вашей матерью конфиденциальный вопрос. Это займёт всего минуту.

Я шурю, глядя на маму. Она ослепительно улыбается и машет рукой.

— Иди. Купи мне тот сладкий персиковый чай, который мне вечно не дают пить.

— Чистый сахар! — притворно возмущается доктор Би. — Всё ведь на бёдрах осядет. Джой.

Только онколог и давний раковый больной могут шутить над её потерей веса из-за болезни. Я выхожу, закрываю за собой дверь и чувствую, как по спине дрожью прокатывается ужас. Я не могу представить ни единой причины, по которой пациент выгонит своего ребёнка из палаты, если только речь не идёт о новостях, которые ты не хочешь сообщать.

Она умирает.

Я чувствую, что начинаю дрожать, страх так и царапает моё горло.

Внутри палаты позади меня раздаётся смех моей матери и доктора Би. Кто станет смеяться над смертью? Над паллиативным уходом и предсмертными решениями? Может, маме и не грозит такая опасность?

Доктор Би распахивает дверь, и на его лице играет лёгкая улыбка.

— Хорошего вам вечера, мисс Уилла, — говорит он.

— И вам, доктор Би.

Я знаю, что бесполезно спрашивать у него.

«Поговорите со своей матерью, мисс Уилла, — говорил он мне бесчисленное количество раз. — Это её прерогатива».

— Насчёт чего это было? — спрашиваю я у неё. Мама высунула язык, её внимание сосредоточено на кроссворде.

— О, — она вздыхает. — Кое-какие планы относительно нового экспериментального лекарства. Поскольку оно ещё проходит клинические испытания, он не может обсуждать его в присутствии других людей... бла-бла-бла. Ты понимаешь. А теперь иди сюда и помоги своей старушке с некоторыми словами, Уилла.

Я изо всех сил стараюсь сосредоточиться, отвечая маме и чистя наш апельсин, но я чувствую, как всё это бурлит во мне. Тревога. Страх. Я ужасно боюсь, что она умирает и врёт мне. Мне отчаянно хочется надеяться, что всё действительно так хорошо, как кажется — мама решает кроссворд, доктор Би беззаботно заглядывает её проведать.

В моей голове хаос, в моём сердце ураган. Эмоции схлёстываются, нарастают до лихорадочной энергии. Я превращаюсь в зарождающийся шторм, и первый разряд опалющего электричества вот-вот ударит в землю.

Есть два доказанных способа успокоить Уиллу Саттер, когда она вот-вот взорвётся: долгие и утомительные пробежки или напиток. И то, и другое работает одинаково. Это устраивает хаос в моём организме, пока та яростная энергия не заземляется и не уходит. Пока я не становлюсь такой пустой, онемелой и отрешённой, что падаю в бессознательность.

Знаю. Я и не говорила, что это здоровые методы; но они доказали свою эффективность.

Моё тело вымотано после сегодняшней тренировки. Если попробую выйти на пробежку,

мои ноги подкосятся задолго до того, как я вымотаюсь до нужной степени. Пробежка не поможет. А значит, сегодня вечером будем мариновать мою печень.

Разблокировав телефон, я нахожу номер Руни и пишу ей сообщение. Мы с ней обе не тусовщицы, но в редкие случаи кризисов всегда поддерживаем друг друга и готовы сделать всё необходимое, даже если это включает алкоголь. Я редко пью, и за это всегда приходится платить свою цену, но завтра у нас драгоценный выходной, а значит, я могу валяться и очухиваться от похмелья.

Может, завтрашним ленивым днём я разберусь, как отплатить Райдеру за его последний трюк. Он отомстил мне за сексуальные пытки во время опроса по карточкам, которые стоили ему двадцать баксов. Его «взрослым» ответом оказалась подушка-пердушка, которую он положил на моё место в аудитории по бизнес-математике. Я, как обычно, немножко опоздала. Быстренько добежав до своего места, я плюхнулась и нарушила тишину на лекции Мака громогласным «пердежом».

Ему потребовалось десять минут, чтобы восстановить порядок в аудитории.

Вот ведь мудак. Райдеру пришлось отвернуться и спрятать лицо в изгибе своей руки на целых десять минут, и только потом он смог смотреть мне в глаза без истерического гогота. Он так ржал, что его глаза заблестели от слёз, и я даже под всей этой бородой увидела широкую улыбку. Если бы его розыгрыш не был таким унижительным и раздражающе хитрым, я бы почти порадовалась, что вызвала такое выражение лица у этого хитрожопого обнимателя деревьев. Почти.

Короче говоря. Я. Ему. Задолжала.

Может, я всё ещё негодую из-за подушки-пердушки, договариваясь о планах на вечер с Руни, но мне в голову приходит гениальная мысль. В какой-то момент после знакомства с двумя соседями Райдера я рассказала о них Руни. Она сообразила, что она и Бекс вместе ходят на занятия по химии. Неожиданно. Бекс может показаться разным, но точно не умным.

Я излагаю Руни свой коварный план в переписке. План ненадёжный, поскольку я не знаю, общаются ли они с Бексом вне лаборатории.

Она отвечает сразу же: *«Я напишу ему. Он поймёт, куда приходить. Буду там через полчаса. Этот вечер требует маленького красного платья?»*

Я смотрю на телефон, колеблясь. Плохие, плохие вещи случаются в маленьком красном платье... «платье» — это вообще щедрое слово для такого крохотного предмета одежды. Но я хочу забыть про ответственность и уважение к себе. Хочу быть глупой, беспечной, не беспокоиться о биопсии, среднем балле и среднем количестве голов за игру. Хочу быть 21-летней, беззаботной и безответственной. Хочу танцевать с подругой и устраивать сексуальные пытки одному особенно бородатому и мстительному лесорубу.

«Да, — пишу я в ответ. — И захвати заодно мои проститутские туфли.»

Глава 9. Райдер

Плейлист: Talking Heads — Sugar on My Tongue

Уилла пытается меня убить. Это единственное объяснение тому, что происходило между нами в последние несколько недель. Сначала та кофточка на бизнес-математике. Я никогда не видел, чтобы женщина носила подобный цвет и не выглядела так, будто у неё отказали почки, но Уилла в жёлтом сияла как лучик солнца.

Её волосы были расчёсанными и особенно дикими. Крупные кудри переплетались друг с другом, спадая на её плечи, и лёгкие завитки дразняще обрамляли декольте.

Понятия не имею, что побудило её сделать это, что могло заставить её так одеться. Это не та Уилла, которую я знаю. Пусть её поведение сбило меня с толку, пусть мне не хватало её безразмерных штанов и распушившейся гульки, мне сложно было не реагировать на её соблазнительное тело, и она это прекрасно знала.

Возможно, я отомстил, когда был у неё в гостях в следующий раз. Поначалу, когда она хлопотала над супом, я испытывал иррациональную потребность успокоить её, сказать, что мне абсолютно пофиг, даже если ужин слегка подгорел. Но я воспротивился и придерживался плана. Я загнал её в угол, наклонился, прикасался к ней, пока она не растаяла от возбуждения в моих руках. Я не планировал целовать её по-настоящему. Я планировал наклониться близко, очень близко, чтобы наши губы почти встретились...

Мой телефон вибрирует, выдёргивая меня из мыслей. Я роняю тяжёлую штангу, которую поднимал в импровизированном спортзале в подвале нашего дома, и открываю сообщение.

Это видео от Бекса. Поначалу сложно что-то разглядеть, поэтому я убираю телефон со света и прибавляю яркость экрана. Тёмные тени, мигающие огни. Это явно клуб, что неудивительно. Большинство ночей Бекс проводит там. Две женщины танцуют, изгибаясь друг возле друга. Одна — высокая, с длинными ногами и каскадом светлых волос, спадающих на спину. Другая пониже, более миниатюрная, свет подчёркивает точёные мышцы её бёдер, переходящие в сильные лодыжки и чёрные туфли на невообразимо высоких шпильках. На ней короткое красное платье. Иисусе, это вообще может считаться платьем? Её волосы — дикие, непослушные кудри, которые в свете клубных огней выглядят карамельно-каштановыми.

Погодите-ка.

Прежде чем я успеваю написать, Бекс присылает другое сообщение: *«Это разве не Уилла? Она в хлам, чувак»*.

Я мысленно матерюсь, взбегаю вверх по ступеням и принимаю самый быстрый душ в своей жизни. *«Ты где?»* — пишу я ему, запрыгивая в джинсы и бешено проводя рукой по мокрым волосам.

Он тут же отвечает: *«Клуб Фолле»*.

Чёрт. Это один из хороших. Я быстренько смотрю на свою бороду и пытаюсь слегка её причесать. Наверное, в какой-то момент надо будет подровнять эту штуку. Но сейчас нет времени. Пошарив в шкафу, я нахожу немятую рубашку и надеваю. Ключи, телефон, бумажник, затем я уже в Эксплорере, лечу по 405-му к Калвер-сити. Это недалеко, но дорога на её поиски как будто занимает вечность.

Уилла в последние недели была сама не своя, и я беспокоюсь. Я знаю, на неё много давления из-за оценок и команды. И я определённо не упрощаю ей жизнь. Но работая с ней над проектом, я старался высказывать свои возражения в более деликатной манере. Я подавал ей чай с печеньками. Я наконец-то дал ей конспекты за весь курс. Я старался не быть абсолютным мудаком. Я знаю, что бываю грубоватым, и вижу, что у Уиллы и так проблем по горло. Не считая странно соблазнительного соревнования в саботаже друг друга, которым мы занимались последние две недели, я старался нормально вести себя с ней.

Неужели подушка-пердушка оказалась перебором? Ну типа, я должен был отплатить. Она выставила меня перевозбуждённым дураком с этими карточками, перемкнула мой мозг чувственными прикосновениями настолько, что я даже не вспомнил формулу темпа сокращения запасов. Когда она такое вытворяла, ни одна часть моего тела точно не сокращалась.

И в отместку я опозорил её, типа... перед четырьмя сотнями людей.

Возможно, это была неуместная реакция.

Прежде, чем я успеваю обдумать что-то ещё, я уже останавливаюсь перед клубом, бросаю ключи парковщику и бегу ко входу. Меня пропускают, поскольку это королевство Бекса, и если ты знаешь Бекса, то и в Клуб Фолле тебя пустят.

Места вроде этого — мой худший кошмар. Звуки тут же бьют по ушам, и то, что обычно было постоянным жестяным звоном, превращается в оглушительный грохот стальных барабанов. Я щурюсь, пытаюсь минимизировать ошеломляющее влияние пульсирующего света, и пробираюсь через толпу. К счастью, проблем с видимостью нет. Я выше практически всех вокруг.

Первой я замечаю Руни — она совершает такие движения, за которые моя мама посадила бы моих сестёр под бессрочный домашний арест. Когда она разворачивается, становится видна Уилла, и на её фоне танцы Руни теперь выглядят пуританским топтанием на месте.

Задница Уиллы покачивается, описывая умопомрачительные круги, её мощные квадрицепсы поддерживают её тело, пока она опускается к полу, затем резко выпрямляется. Её руки подняты в воздух, обнажая чётко очерченные плечи и декольте, несильно отличающееся от жёлтой кофточки, вошедшей в анналы истории.

У меня вырывается протяжный вздох, поглощённый звуками клуба.

Руни разворачивается и застывает; её взгляд падает на мои ноги и оценивающе поднимается по моему телу. Когда её глаза доходят до моего лица, и она узнаёт меня, её выражение сменяется с интереса на страх.

— О чёрт, — выразительно выпаливает она. Ярко-голубой прожектор светит ей прямо в лицо, иначе я бы понятия не имел, что она сказала.

Уилла ничего не замечает, тычется задницей в бедро Руни, отчего Руни дёргается в ритме движений Уиллы. Руни в ужасе смотрит на меня, не переставая покачиваться. Я обхожу её и приседаю, чтобы мы с Уиллой оказались на одном уровне.

Глаза Уиллы закрыты, пухлая нижняя губа закушена между зубов. Пот бисеринками покрывает её шею и грудь. Руни удается достаточно пихнуть её, чтобы Уилла открыла глаза, и она тут же видит меня. Её глаза лукаво щурятся, пока она пялится на меня. Но потом до неё доходит, её глаза выпучиваются, и она выпрямляется в полный рост.

— Райдер!

Вставание сменяется пошатыванием. Не дожидаясь, когда Уилла упадёт и заработает

себе сотрясение, я подхватываю её на руки и несу к чёрному входу, который заметил сразу же. Толкнув дверь, я аккуратно опускаю Уиллу на свежем ночном воздухе и прислоняю её к кирпичной стене. Упираясь руками в стену за её головой, я поворачиваюсь к ней лицом, убеждаясь, что она не упадёт, и пытаюсь успокоить свою тревожную злость.

Она пьяна в хлам, её платье — лишь скудный клочок ткани. В этом клубе наверняка есть паршивые жуткие типы, которые с радостью воспользуются её уязвимостью. Что, если бы я сюда не приехал? Что, если бы кто-то использовал её и причинил боль?

Уилла тяжело дышит, широко раскрыв глаза. Её взгляд медленно опускается по моему телу. Голова наклоняется набок так, как она делает, когда обдумывает что-то.

Когда она запрокидывает голову обратно, её глаза выглядят иначе. Я не могу описать цвет. Но потом до меня доходит. Расплавленная лава.

— Ты странно выглядишь без фланели, — она икает. — Совсем не по-лесорубски.

Её ладони скользят по моей груди, пробуждая огонь под кожей, и жар растекается по моим венам. Я инстинктивно отталкиваю её руки и делаю шаг назад.

Уилла пребывает в шоке, судя по её широко раскрытым глазам, выражение в которых меняется. Я наблюдаю за трансформацией — челюсти сжимаются, глаза из расплавленной лавы щурятся и становятся вулканическими. Она взбешена, но, может, это ещё не убийственная ярость. Она всё ещё держит лицо на свету и говорит достаточно отчётливо, чтобы я читал по губам.

— Что ты здесь делаешь, Райдер?

Я вытаскиваю телефон и показываю ей, слегка помахивая им. Она качает головой.

— У меня с собой нет.

У меня вырывается сердитое фырканье. Если при ней нет телефона, мы не можем говорить.

— Иногда я гадаю, бываешь ли ты когда-нибудь не зол, Сасквоч.

Я опешиваю, всматриваюсь в её глаза. Что я могу сказать? Как я могу объяснить все запутанные и искажённые чувства, которые испытываю к ней? Особенно когда мы даже не можем общаться?

— Ты меня ненавидишь? — её глаза блестят от непролитых слёз.

Когда я был в начальной школе, мои старшие братья и сестра фанатели по жестокой серии комиксов, которые мне совсем рано было читать. Я помню, как сунул туда нос, перевернул страницу и увидел отвратительный разворот, где злодея вспороли от носа до пупка. Мне несколько дней снились кошмары, и ещё неделями я не мог забыть это зрелище. Сейчас я разом чувствую себя и как тот злодей, и как мальчишка, увидевший это. Безжалостно выпотрошенный, травмированный выражением в её глазах.

У меня вырывается какой-то звук боли, и Уилла вскидывает голову. Я обхватываю её подбородок и поворачиваю к себе лицом, чтобы она могла следить за моими губами, пока я беззвучно произношу слова. Она должна это понять. *«Уилла, нет. Я никогда не смог бы тебя ненавидеть. Никогда.»*

Её глаза щурятся.

— Я не могу, Райдер. Я не могу читать по губам, как ты, — она снова икает. — Я не могу... — её язык заплетается, и теперь уже я не понимаю. Я хлопаю ладонью по стене, во мне нарастает раздражение из-за того, что я не могу поговорить с ней или услышать то, что ей нужно сказать.

Я достаю телефон и открываю заметки. *«Пойдём домой?»* — пишу я.

Она щурится, выставив язык, будто это поможет ей лучше общаться.

Кивнув, Уилла пытается напечатать, видимо, «да», но получается «шв». Глянув на неё, я вижу, как она бледнеет, и вовремя распознаю признаки. Быстро отскочив в сторону, я убираю её волосы от лица, когда Уилла наклоняется и блюёт, опустошая содержимое желудка.

Она содрогается и сплёвывает, и я могу представить, что она плачет, даже если я этого не слышу. Поудобнее перехватив её волосы, я шарю в кармане джинсов и нахожу носовой платок. Да, платочек. Ткань вместо бумажных одноразовых платочков — это всё равно что обнимашки для Матери-Природы. Когда тело Уиллы перестаёт содрогаться в рвотных позывах, я вытираю ей рот и помогаю выпрямиться.

Уилла как будто осоловевая, губы дрожат. Затем её глаза закатываются, и она обмякает в моих объятиях.

— Райдер, — мямлит она. Я слегка слышу её, потому что принёс её домой и сразу же вставил слуховой аппарат в своё не-совсем-похеренное ухо. Некоторые звуки слишком громкие. Другие слишком тихие. Я мог бы услышать, как чихает блоха, и как растут мои собственные волосы, но мне всё равно приходится напрягаться, чтобы уловить её слабый голос. Слуховой аппарат раздражает и во многом не отвечает потребностям, но он позволяет мне чуточку лучше слышать Уиллу, и я благодарен.

Когда я уходил, Руни и Бекс весело проводили время — то есть, оба нажрались. Бекс делает это каждую ночь, так что даже надравшись в драбадан, он всё равно способен разговаривать и всё помнит. Руни же, напротив, явно редко пьёт и завтра наверняка захочет, чтобы её просто пристрелили и избавили от адской головной боли.

Я сказал Бексу, что отвезу Уиллу домой, поскольку мне было страшно оставлять её одну на случай, если рвота повторится. Затем я заставил его пообещать, что он привезёт сюда Руни, если с ней случится то же самое, или же просто проводит её до дома, если она будет в нормальном состоянии. Он пообещал мне, и я безоговорочно ему доверяю. Бекс, может, и абсолютный лодырь, но он хороший парень, лабораторный напарник и друг Руни. Он о ней позаботится.

Уилла поёт себе под нос что-то про озёра из рагу и конфетные горы, когда я пинком закрываю дверь в свою комнату и кладу её на мою кровать.

— Ах да, — она икает. — Комната хвойного обольщения.

У меня вырывается не совсем беззвучный смешок.

Уилла окрестила мою комнату комнатой хвойного обольщения, и мне ужасно хочется знать, почему, но она до сих пор не может найти телефон, и мы не имеем возможности поговорить. Во мне назревает раздражение, колотящееся в лёгких и взбирающееся к горлу. Когда я с Уиллой, мне хочется иметь голос, чтобы задавать вопросы, когда она говорит такую загадочную фигню. И если честно, Уилла говорит много загадочной фигни, особенно когда мямлит и думает, что я не слушаю.

В какой-то момент мне надо будет в этом сознаться.

Я вспоминаю, что сделал в клубе, достаю телефон и пишу в заметках: «Хвойное обольщение?»

Она щурится, читая, затем плюхается обратно на мою кровать.

— Да.

Вот и всё, что я получаю. Да.

Я закатываю глаза. Уилла катается по моей кровати, пока ей не удаётся завернуться в моё одеяло как буррито. Наблюдая за ней, я расстёгиваю свою рубашку, слегка пахнущую рвотой и потными телами. Я кидаю её в корзину для стирки, затем поворачиваюсь к комоду, чтобы достать футболку. И тут с кровати доносится сдавленный звук.

Поверх края одеяла выглядывают два тёмных глаза.

Натягивая майку с V-образным вырезом через голову и ниже по туловищу, я жестом спрашиваю: «Что?»

Она медленно убирает одеяло так, чтобы оно не закрывало лицо.

— Райдер, Хранитель Конспектов. Засранец-лесоруб округа Лос-Анджелес, у тебя фантастический торс.

У меня вырывается смех. Настоящий смех. Я чувствую, как он бурлит в животе, поднимается к горлу и вибрирует в воздухе.

Уилла садится, скидывая одеяло.

— Ты только что рассмеялся! Я только что рассмешила тебя!

Моё сердце колотится от нервозности. По коже бегут мурашки ужаса. Я жду неизбежного. Когда она скажет, что издаваемые мною звуки странные или ужасные.

Но она лишь вскидывает руки в воздух и завывает:

— Вуууухууууу!

Я инстинктивно зажимаю ладонями оба уха, прежде чем слуховой аппарат визгом отразит этот звук. Уилла выбирается из кровати, запинаясь о собственные ноги, затем налетает прямо на моё туловище и обнимает обеими руками. Приглушённые звуки раздаются где-то в районе моей груди, прежде чем Уилла, кажется, вспоминает, что надо отлепить лицо. Положив подбородок мне на грудь, она смотрит на меня снизу вверх.

— Я тебя рассмешила, Лесоруб.

Я стараюсь сдержать улыбку, но терплю провал, улыбаясь от уха до бесполезного уха и кивая.

Её пальцы медленно поднимаются по моей груди, оставляя волну искр, мерцающих под моей кожей. Её пальчики скользят по моему горлу, забираются в бороду. Затем ложатся на губы и разводят волоски, пока она щурится и разглядывает мой рот.

— Этот драный хвост белки — проблема.

Мои брови приподнимаются. Да не настолько уж всклокоченная у меня борода.

...или настолько?

— Я не вижу твои губы. И я подозреваю, что это симпатичные губы. Вроде таких, которые вообще не полагаются мужчинам с такими ресницами как у тебя.

Она слегка покачивается в моих руках, и её глаза закрываются, когда она мямлит:

— Мне так хотелось бы, чтобы ты поговорил со мной, Рай.

Я знаю, что она пьяна и не следит за языком, но её слова бьют как физический удар. Мои руки ложатся на её талию — и чтобы найти опору для себя, и чтобы поддержать её покачивающееся тело. Моя хватка сжимается крепче, когда моё прозвище, произнесённое её тёплым хриплым голосом, отражается эхом, пробирая до костей.

Страх мурашками поднимается по спине. Я отчётливо ощущаю его продвижение, ледяные пальцы, пересчитывающие все позвонки и стискивающие моё горло. Когда рядом находится Уилла Саттер, становится всё сложнее и сложнее врать себе. Говорить себе, что моё сердце не ёкает при взгляде на неё, что нужда не терзает моё тело. Что я не мечтаю

запустить руки под её мешковатые толстовки, ошутить шёлковую кожу на её рёбрах, мягкие груди. Что я никогда не гадаю, каково будет вместе ехать куда-то, с любовью держаться за руки, но не прекращать подколов и шуточек. Что я не фантазирую, как мы будем играть с радио, а я смогу его слышать и перекрикивать. Уилла проведёт рукой по моему бедру, а мне придётся свернуть на обочину и целовать её, пока этот ротик не умолкнет настолько, чтобы позволить мне уделить ей должное внимание.

Уилла в роли моего врага — это безопасно. В роли моего враждебного квази-друга — это терпимый риск. Ну, или я так думал. Но теперь я вижу, что стоит допустить что-то большее, и всё станет неуправляемым. Совершенно неуправляемым.

Меня выдёргивает из мыслей ощущение её волос, щекочущих мою кожу. Эти неукротимые завитки такого же насыщенно-каштанового цвета, что и её глаза, с красными и золотистыми переливами от долгих часов, проведённых под калифорнийским солнцем. Они щекочут мои руки и волосы, пока Уилла покачивается в моих объятиях и улыбается с закрытыми глазами.

Я аккуратно прижимаю её к себе и позволяю себе один момент, который, как я могу лишь надеяться, она не вспомнит, хотя я не хочу это забывать. Я утыкаюсь носом в её волосы, делаю долгий глубокий вдох, запечатлевая её нежный аромат в памяти — апельсиновая цедра и солнцезащитный крем у океана, чистая мягкость роз. Один лёгкий поцелуй в висок...

Чёрт.

Я отстраняюсь. Может, это и было легчайшее прикосновение моих губ к её лбу, но я целую свою пьяную напарницу по проекту, и она не давала на это согласия.

— Заткни свой внутренний голос, — бормочет Уилла. — Я тоже хочу тебя, а теперь поцелуй меня ещё раз.

Чокнутая телепатка. Её губы опалют мою обнажённую кожу повыше майки, где она оставляет мягкий, влажный поцелуй.

Ладони Уиллы сцепляются за моей шеей, словно прогоняя хватку страха и заявляя свои права. Её пальцы проходятся по коже моей головы, отчего у меня вырывается какой-то отчаянный рокочущий стон. Уилла ещё крепче прижимается ко мне спереди, и мы пошатываемся, налетев на стену. Моя ладонь опускается на её талию, а она закидывает ногу на моё бедро. Я обхватываю ладонью её крепкую ногу и пытаюсь вдохнуть и успокоиться.

Её вздох ощущается лёгкой вспышкой на моей шее. Её ногти крепче впиваются в мой скальп, она привстаёт на цыпочки, эти пухлые губы так и умоляют о поцелуе.

— Райдер, — говорит она. — Я требую, чтобы меня поцеловали.

Я тихо усмехаюсь. Затем нежно обхватываю её подбородок и провожу большим пальцем по губам. Если я сделаю это, кто знает, что случится и какой урон придётся исправлять завтра? Она наполовину пьяна, наполовину спит. Если и когда я поцелую Уиллу Саттер, я хочу, чтобы она это запомнила.

Я снова прижимаюсь губами к её виску и чувствую, как у неё вырывается тяжёлый вздох. Её губы горячо и влажно проходятся по моим ключицам. Я втягиваю воздух, прижимаясь щекой к её диким волосам, запуская пальцы в этот хаос. Её язык кружит во впадинке моего горла. Мои губы опускаются к её уху.

Мы с Уиллой даже не целуемся в губы, но мы двигаемся, льнём друг к другу, и я знаю, что это должно прекратиться. То, что мы сейчас делаем, ведёт лишь к одному. К тому, что совершенно никак не может произойти в данный момент.

Когда я отстраняюсь, Уилла тоже отдаляется, и её лицо напрягается.

— Почему ты остановился?

Я дёргаю себя за волосы. Моя рука опускается, я качаю головой. Усталость от сегодняшнего дня делает мысли невероятно путанными. Я даже не знаю, что попытался бы сказать ей жестами, что написал бы в блокноте.

— Ты больше не хочешь? — слабо спрашивает она.

Её веки тяжелеют, и я думаю, что в этот раз её уже не разбудить. Прежде чем Уилла успеет возразить, потребовать поцелуй или шаг вперёд, её глаза закрываются, и она мёртвым грузом падает мне на руки.

— Спать, — бормочет она.

Кивнув, я подхватываю её. В кои-то веки мы с Уиллой Саттер пришли к согласию.

Глава 10. Уилла

Плейлист: LÉON — Surround Me

— О Боже.

Моргать больно. Думать больно. Я меняю позу и натыкаюсь на что-то крепкое и неподвижное. Что бы это ни было, это пахнет как секс в хвойном лесу. Кедр. Сосны. Ели. Мне тепло, одна ветка дерева лежит поверх меня, другая упирается в задницу. Погодите-ка...

Дёрнувшись, я разворачиваюсь в объятиях ветки, которая на самом деле оказывается рукой. Она настолько тяжёлая, что вполне могла бы оказаться бревном. Райдер в полной отключке, его рот слегка приоткрылся во сне. Под глазами виднеются небольшие тёмные круги, наверняка связанные с тем, что он в какой-то безбожный ночной час ездил в роскошный ночной клуб, выбранный Руни и Бексом. Всё пошло слегка не по плану. Я знаю, что громкое окружение — это настоящий кошмар для слуха Райдера. Я не хотела выманить его туда. Бекс просто должен был послать фотку, на которой я возмутительно сексуальна. Во имя расплаты и всё такое.

Но вместо того, чтобы закатить глаза и сказать, что он опасается за мужское население Клуба Фолле, Райдер заявился в праведном гневе и забрал меня, пока я не вырубилась, и кто-нибудь не воспользовался этим.

Последнее, что я помню — как меня тошнило в переулке. И ещё несколько моментов урывками, когда я тёрлась о Райдера как кошка в течке.

Ой Божечки. Я тёрлась о него. Теперь я живо это помню.

Ну типа, его рука обхватывает меня, мы лежим в обнимку в его кровати, хотя и тут есть джентльменство: он спит поверх одеяла, в которое практически завернуто моё тело. Наверное, он не так уж возражает, что я обращалась с его телом как с моим личным шестом для стриптиза, да?

Копаясь в своём мозгу, я пытаюсь восстановить события ночи. Я помню, что накинулась на него как котёнок на кошачью мяту. Я чуть ли не залезла на него и царапала его на удивление шелковистые волосы. Я помню поцелуи, которые были не поцелуями — мы словно чувственно пробовали на вкус шеи и лица друг друга. Это было куда сексуальнее и чувственнее, чем любой другой интимный опыт, что был у меня в прошлом.

Я помню, когда это блаженство покинуло мою кожу, и как его бёдра замерли, а сильная ладонь крепче сжала мою талию. Дальше этого не зашло. Я не помню этого, но знаю, потому что я была блюющей, тверкающей и невероятно пьяной размазнёй, а Райдер Бергман, может, и сварливый сукин сын, но он также джентльмен.

И трижды слава Богу за это. Ибо позвольте сказать, прошлой ночью я бы целовала его со своим рвотным дыханием и с радостью насадилась на сучок лесоруба, если бы он мне позволил.

У Райдера вырывается непроизвольный стон. Возможно, это связано с тем фактом, что я неосознанно, как маленький лесной зверёк, всё теснее прижимаюсь к «сучку», который всё заметнее выступает под его спортивными штанами в мою сторону.

Этот стон вызывает иное воспоминание. Его смех. Я рассмешила его, и это было великолепно.

Ладонь Райдера сжимается, находя мою талию. Один глаз приоткрывается, приветствуя

меня зелёными как трава радужками и густыми ресницами. Далее следует медленная сексуальная улыбка. Я надеюсь, что она задержится на его лице, но не особо рассчитываю на это. Он проснулся лишь наполовину, пребывает в таком же податливом расслабленном состоянии, что и я несколько недель назад, в том сне про лесоруба, готового повалить дерево.

Он шарит где-то за головой, не разрывая зрительного контакта со мной. Тихо вдохнув через нос, он берёт телефон и печатает, затем поворачивает ко мне экран заметок.

«Ты храпишь».

Я шлёпаю его по плечу, когда щёки краснеют от смущения. Я в курсе, но чёрта с два я сознаюсь в этом.

— Неправда.

Но он кивает, одними губами произнося: *«Правда».*

Наши глаза встречаются, и потому что я вспыльчивая натура, склонная к самосаботажу и наказаниям, я скидываю одеяла и придвигаюсь ближе к нему. Хватка Райдера на моей талии не ослабевает, жар его ладони просачивается через платье. Его ладонь ложится мне на спину и прижимает ещё ближе, отчего Райдер едва слышно шипит, когда я вжимаюсь в него пахом. Я вижу, как он стискивает челюсти и зажмуривается, затем снова открывает глаза.

Он нежно двигает рукой под моей шеей, чтобы подтянуть меня ближе и полностью прижать к себе. Моя голова ложится на его плечо, я витаю в нирване кедров и ёлок. Я смотрю в его телефонные заметки, пока он лихорадочно печатает.

«Что происходит? Последние несколько недель ты была... другой. Почему ты так оделась и пошла в клуб?»

Я смотрю на него, водя пальцами по его весьма косматой бороде. Как мне объяснить свои поступки так, чтобы не выложить все карты на стол? Не говоря, что я знаю про слуховой аппарат и хотела отомстить. Что я увлеклась мстостью (мы оба увлеклись) и теперь даже не понимаю, что между нами происходит. Я не могу сознаться в этом, ибо это оставит меня выставленной напоказ и безумно уязвимой. Так что я, как знатная трусиха, меняю тему.

— Спать рядом с этой штукой — это всё равно что затеять тройничок с обнимашками вместе с каким-то лесным зверьком...

Райдер чуть не поперхнулся. У него вырывается хриплый смех-кашель.

— Я не по опыту сужу! Про секс втроём, имею в виду... — мои щёки густо краснеют. Я обретаю натурально свекольный оттенок и затыкаюсь, пока с моего языка не слетело ещё больше бреда. Уткнувшись в его объятия, я прячу лицо и впитываю все те крохотные звуки веселья, что вырываются из его груди.

Наконец, смех Райдера затихает, завершаясь прерывистым вздохом. Он большим пальцем вытирает слезу в уголке глаза. Затем снова печатает, вытянув руку над моей головой. Это дает мне прекрасный обзор на бугрящиеся мышцы и сухожилия рук лесоруба.

«Тебе не нравится борода?»

Я поднимаю взгляд, вижу, что на нём нет слухового аппарата, и поворачиваю лицо, чтобы он мог читать по губам.

— Я... — проводя пальцами по этим мягким светлым волосам, я дразню его губы кончиком указательного пальца. — Мне любопытно. Щекочется ли она. И что под ней...

Его глаза темнеют, дыхание учащается. Он неожиданно обхватывает мой палец зубами и проводит языком по его кончику.

У меня вырывается вздох, и я бесстыже льну к его телу. Глаза Райдера закрываются. И

за три секунды мы разгоняемся от нуля до ста. Он тяжело дышит, я трусь об него, и теперь мой влажный палец скользит по его горлу ниже, ниже, в вырез майки, я отодвигаю ткань и дотрагиваюсь влажным, прохладным кончиком пальца до его соска.

С его губ слетает что-то среднее между стоном и хрипом — ещё больше слабых звуков, которые я жадно улавливаю. Мы встречаемся взглядами, постоянно следя за прерывистым частым дыханием друг друга и не прекращая движений. Его ладонь опускается по моей спине и накрывает задницу, легко закидывая мою ногу на его бедро.

Мы продолжаем с того момента, на котором, кажется, остановились прошлой ночью, и от этого голова идет кругом. Поджимаются пальчики на ногах. Моя спина сама выгибается. Я уже так близко, что даже не хочу дышать. Но тут дверь распахивается, заставляя меня взвизгнуть.

Бекс стоит в трёх метрах от нас, одетый только в тесные белые трусы, и этот образ выжигается на моей сетчатке. Я всё ещё визжу, когда Райдер срывается с кровати, швырнув на меня одеяло одним проворным движением, чтобы я была прикрыта. Его громкий двойной хлопок в ладоши и серия жестов явно не означает ничего хорошего и прогоняет Бекса. С неутолённой тяжестью между ног я смотрю, как Райдер выходит из комнаты — чёрные спортивные штаны низко сидят на бёдрах, белая майка льнёт к длинным, чётко очерченным мышцам спины и рук.

Бухнувшись обратно на кровать, я вздыхаю с отчаянием. Я совсем на грани, мучительно близка. Одно движение пальца, и я бы сорвалась. Я могла бы так легко кончить.

Но я хочу большего, чем оргазм от своих пальцев, подпитанный зрелищем красивого мужчины. Я хочу, чтобы Райдер довёл меня до предела. Чтобы это случилось не просто как удовольствие для двух тел. Проблема в том, что я хочу не просто часть Райдера Бергмана. Я таким не занимаюсь. Я не хочу большего от кого бы то ни было. Я не обрекаю себя на разбитое сердце и разочарование. Я беру, что хочу, берегу своё сердце и двигаюсь дальше. Райдер, похоже, действует так же настороженно.

Что со мной не так? Я прерывисто выдыхаю и списываю всё на гормоны. Похоть. Спровоцированное ненавистью сексуальное влечение. Моя ладонь ложится на мой живот. Я не шевелюсь. Я лежу смиренно, пока мучительная пульсация между ног не унимается, и я не начинаю мыслить здраво. Моё сердце крепко запирается, и ключ поворачивается со щелчком, который эхом отдаётся в ушах.

Снова в безопасности.

Пока Райдер ещё в коридоре и устраивает головомойку Бексу, я беру зубную пасту Рая и чищу зубы пальцем. Далее я беру одну из его резинок для волос, чтобы усмирить свои безумные лохмы (серьёзно, как он вообще смотрел на меня этим утром?), после чего понимаю, что это красное платье надо сжечь в позорных анналах истории проститутских платьев.

Я смотрю на свою задницу и ужасаюсь, ибо там практически ничего не прикрыто. Я ни за что не пройду в таком виде мимо Бекса, возможно, Такера, и определённо Райдера. Так что я спешно роюсь в вещах Райдера, вдыхая невероятный запах соснового бора. Наконец, я нахожу такую длинную и большую чёрную кофту, что она сойдёт за платье. Идеально сочетается с проститутскими туфлями.

Уверенно распахнув дверь и сунув крохотное красное платье под мышку, я выхожу в

гостиную и быстро встречаюсь со взглядами трёх парней.

Глаза Такера широко распахнуты и быстро уходят в сторону. Бекс щурится, будто у него двоится в глазах. Но взгляд Райдера начинается от моих проститутских туфлей и медленно поднимается вверх. У него вырывается протяжный вздох. Выражение его лица — просто картина маслом «И почему, бл*дь, я не трахнул её вчера ночью?»

Будь я проклята, если знаю, что сейчас происходит между нами, но его несомненная похоть вызывает лёгкую триумфальную улыбку на моём лице. Я приписываю себе ещё одно очко в мысленном счёте, который я вела с Эпохи Слухового Аппарата. Очко в пользу Уиллы.

Заправив за ухо выбившийся локон, я улыбаюсь парням:

— Доброго утречка, ребят.

Я останавливаюсь рядом с Райдером, который смотрит на мои губы.

— Я или найду телефон, или куплю новый, но у меня есть ноутбук, ладно?

Он медленно кивает. «Ладно», — показывает он жестом.

Я беру его за руку, крепко сжимаю ладонь, затем ухожу.

После позорной поездки на такси я принимаю душ и успокаиваю свой обожжённый алкоголем желудок с помощью тоста и некрепкого чая. Хотелось бы мне суметь выпить кофе, но после такой ночи алкоголя меня стошнит. Когда углеводы и мизерная доза кофеина поступают в кровь, я прихожу в себя достаточно, чтобы поискать телефон. В итоге я нахожу его в корзине с грязным бельём, засунутый в карман джинсов, в которых я вчера ходила в больницу.

«Нашла», — сразу же пишу я Райдеру.

Мой телефон издаёт сигнал. «Хорошо. Как себя чувствуешь?»

«Так же хреново, как я и заслуживаю. Прости, я вчера была в ничто. Надо было выпустить пар».

«Да всё с тобой было нормально, — пишет он в ответ. — Если не считать рвоты. И храпа. И убийственной хватки, которой ты всю ночь стискивала мою руку».

— Ну ты и придурок, — бормочу я. «Ну, по пьяни все мы неразборчивы, и всё такое».

«Ауч, — отвечает он. — Туше».

Он должен понимать, что я откровенно вру. Этим утром я буквально взбиралась на гору по имени Райдер в погоне за изумительным видом. Ты не делаешь так, будучи абсолютно трезвой, лохматой со сна, с рвотным дыханием, в проституточном платье после того, как опозорилась вчера... если только ты не сходишь с ума по кому-то. Он ведь должен догадаться, верно? Что меня до невозможности влечёт к нему в сексуальном плане. Исключительно в сексуальном плане.

Он так смотрел на меня перед моим уходом, что мне кажется, будто Райдер тоже изнывает по мне. И когда он поймёт это, когда нам придётся признать это животное, сногшибательно сексуальное нечто между нами... И что тогда?

Он снова пишет, вырывая меня из мыслей.

«Ты проверяла почту?»

«Нет, — отвечаю я. — А что?»

«Я убью своего зятя».

Когда я открываю почту и читаю, что же хотел сообщить профессор МакКормак, мне приходится сдерживать себя, чтобы не швырнуть только что найденный телефон в стену. Если я переживу этот семестр и не нанесу никому тяжких телесных повреждений, это будет грёбаное рождественское чудо.

— Ваше предложение продуманное, — МакКормак прохаживается по своему кабинету с телефоном в руке, говоря то, что, видимо, пишет Райдеру, чтобы тот тоже мог быть в курсе. — Оно правда хорошее. Но вот проблема... я чувствую между вами немалое напряжение и не могу оценивать нереалистичную бизнес-модель. Бизнес-партнёры должны иметь крепкий доверительный союз, быть на одной волне. Но не вешайте нос. Вы не единственная пара, которая вызывает у меня беспокойство.

Райдер мёртвой хваткой вцепился в телефон и резко втягивает воздух. Он наклоняется, опираясь локтями на колени, и даже сквозь бороду я вижу, как его лицо превращается в хмурую гримасу. Его бейсболка низко надвинута на лицо. Лесорубская фланелевая рубашка натянута на широких плечах. Сегодня классика — клетка из зелёного как лес и чернильно-чёрного цветов. Это выглядит почти опасно. Немного злобно.

Каждая хоть немного эрогенная часть моего тела, начиная от предательски твёрдых сосков и заканчивая ноющей киской, требует капитуляции перед этим бандитом в клеточку.

Божечки, мне надо взять себя в руки.

Я ёрзаю на сиденье и скрещиваю руки на груди.

— Я назначаю вам день для сплочения командного духа, — говорит Мак.

Я взрываюсь, беспомощно всплеснув руками в воздухе. Этого не может быть. Это должна быть шутка. Проследив, чтобы моё лицо было повернуто к Райдеру, и он мог прочесть по губам, я говорю:

— Мак, вы серьёзно?

МакКормак пылко кивает.

— Мне нужно увидеть укреплённый командный дух, иначе в решающий день я не смогу оценить ваш проект как практичный бизнес-план. Этот курс ориентирован на профессию. Это не теория. Это практика.

— Ладно, я понимаю, но...

Мой телефон издаёт сигнал одновременно с телефоном МакКормака.

«Если ты вдруг забыл, Уилла — студентка-спортсменка. У неё едва есть время на сон и еду, Эйден. Мы не можем отправиться в поход и любоваться закатами. Ты ведёшь себя как мудака».

Я подавляю смешок, который тут же утихает, когда взгляд ледяно-голубых глаз МакКормака падает на меня. Он разворачивается, тычет пальцем в Райдера, затем пишет нам обоим в телефоне. *«Я сейчас не твой зять. Я твой строгий профессор, который говорит вам — решите проблему. Мне надо увидеть командный дух. У вас двоих больше общих интересов, чем вы думаете, — он бросает на меня выразительный взгляд. — Так что найдите время отложить учебу и сдружитесь. Я приглашу вас двоих сюда индивидуально, чтобы оценить прогресс».*

Райдер сверлит глазами дырки в голове Мака. Общие интересы? А что Мак знает обо мне, помимо того факта, что я живу и дышу футболом? Райдер никогда не упоминал, что играет в футбол, если Мак намекает на это.

МакКормак отталкивается от стола и постукивает по наручным часам, что в его понимании означает «Выметайтесь из моего кабинета». Он прогоняет нас изо всех сил, шугая как куриц из курятника.

— У вас есть одна неделя. Узнайте друг друга поближе, научитесь быть на одной волне,

иначе ваш проект под угрозой, ясно?

Прежде чем мы с Райдером успеваем ответить, дверь захлопывается перед нашими лицами. Райдер ударяет кулаком по двери, и сердитое подёргивание мускулов на подбородке говорит мне, что если бы он говорил, то весь воздух рассыпался бы на ионы.

Ему отвечает такой же крепкий удар.

— Смирись уже. Неделя.

Мой телефон пиликает сообщением от Райдера.

«Говорил же. Я его убью».

Глава 11. Уилла

Плейлист: The Civil Wars — Billie Jean

Хотелось бы мне сказать, что нам с Райдером удалось убедить Мака, что он курит какой-то ужасный гашиш для кадровиков, но он остаётся невозмутимым и лишь награждает нас каменным взглядом, когда мы подкарауливаем его после следующего занятия.

Учитывая учебную нагрузку Райдера, мои занятия, тренировки и расписание игр, затем вечерние визиты в больницу, чтобы повидать маму, которая чуть оживилась с тех пор, как в её фармакопее появилось новое экспериментальное лекарство, мы едва успеваем выполнять все задания и найти общий день для «сближения».

Райдер проворачивает волшебный фокус и убеждает Мака дать нам разрешение на пропуск занятий, поскольку это единственный день, когда мы можем организовать подобное с учетом моего расписания тренировок и игр. Мы договариваемся выйти в девять утра в наш поход на весь день, но перед этим мы с Руни рано утром тащимся на тренировочное поле, чтобы попинать мячик.

У нас есть любимое поле, которым мы пользуемся, но там оказалось занято, так что мы продолжаем идти до более уединённого и менее ухоженного поля, которое обычно используется для любительских матчей.

Шагая рядом с Руни, я стараюсь дышать глубоко и выпустить всю тревогу, которая скручивает моё нутро. Я нервничаю из-за сегодняшнего дня, но не знаю, что именно вызывает у меня опасения. Просто с моей бешеной вылазки в клуб всё между мной и Райдером кажется напряжённым в некоем необъяснимом, но осязаемом смысле. Да, есть явное сексуальное напряжение, но происходит нечто большее. Я просто не могу понять, что именно.

Он чуть мрачнее обычного. Я занята сильнее обычного. Я могла бы поговорить с ним о случившемся, но это было бы... ну, это было бы чрезвычайно дискомфортно. Я так не поступаю. Я покроюсь сыпью и запутаюсь в собственных словах. А ещё это означает предпринять усилие, и если есть что-то, чего Уилла Роуз Саттер не делает с мужчиной, будь то друг или враг — это попытки предпринять усилия.

Как и почему я стала такой — это сложный коктейль. Во-первых, это ненависть к мужчине, который предоставил 50 % моей ДНК, а потом свалил в закат. Отчасти моё нежелание найти мужчину и тем более серьёзные отношения вызвано тем, что меня тошнит от мысли — вдруг парень, в которого я влюблюсь, отвергнет меня точно так же, как папаша «донор спермы».

Во-вторых, это взгляды моей матери на мужчин. Мама редко говорила, какими не заслуживающими доверия она считает мужчин. Думаю, она хотела, чтобы я сформировала своё мнение о противоположном поле. Но всю свою взрослую жизнь она показывала мне, что мужчины — это то, что ты используешь и выбрасываешь, поматросил и бросил. Всё, что выходит за рамки этого — приглашение к разочарованию.

Шагая с Руни и краем уха слушая, как она болтает о каком-то задании по курсу химии, которое я ни за что не сумею понять (зачем, спрашивается, будущему юристу записываться на курс по химии? Потому что она задротка-мазохистка, которая хочет быть юристом-биомедиком, вот почему), я гадаю, почему я так заиклилась на динамике наших отношений

с Райдером. Мы напарники по проекту. Мы пререкаемся меж собой. И есть некое сексуальное напряжение. Ладно. В чём проблема-то?

Я пыталась отбросить эти мысли, но не могу перестать думать о том, то за все эти часы, проведённые вместе с моим врагом-ставшим-нежеланным-союзником, мы в какой-то момент подружились. Да, мы те друзья, которые постоянно испепеляют друг друга уколами настолько, что мы уже слегка поджарились с краёв. Ладно, мы скорее друзья-враги, нежели просто друзья, но это уже лучше, чем откровенное и прямолинейное неприятие друг друга. Даже если так, то что? Разве мужчина и женщина не могут быть друзьями-врагами? Особенно если они оба испытывают аллергию к чему-то большему?

— Чёрт, эта сумка такая тяжёлая, — Руни фыркает, только ради этого прервав свой монолог про химию. — Сколько мячей ты взяла?

Я забираю у нее сумку и взваливаю на своё плечо. Я всегда беру слишком много мячей, но их не бывает слишком много, особенно учитывая то, как часто Руни их портит.

— Хамка! — она пихает меня.

Похоже, я сказала это вслух.

Когда мы проходим поворот к любительским полям, Руни снова начинает ныть про химию, а именно про то, как профессор несправедливо оценил её работу по сбалансированным уравнениям. Я замираю и резко хлопаю её ладонью по груди.

Дальше на поле стоит мужчина, чеканящий мяч и опустивший голову в той лёгкой манере, которая появляется, когда ты просто дурачишься и способен чеканить мяч даже во сне. Его волосы собраны в маленькую гульку на затылке. Его светлая борода подсвечивается солнцем, когда он пинком подбрасывает мяч, ловит его спиной и легко балансирует между лопатками. Мяч замирает там, пока парень не сбрасывает его плечом. Пока мяч ещё в воздухе, он быстрым пинком отправляет его прямым в ворота.

Свист Руни нарушает тишину.

— Ну привет, и кто же заказывал горячего красавчика?

Я снова шлёпаю её по груди. Моё сердце бешено стучит.

— Руни, мне кажется, насос для мячей выпал из сумки. Тебе лучше пойти обратно и проверить.

— Что? — она хмурится. — Как я могла выронить...

— Руни?

Наконец, она замечает опасно едкие нотки в моём голосе. Посмотрев на поле, Руни прищуривается и смотрит несколько долгих секунд.

— Погоди, это... срань господня. Срань. Господня.

Я не могу выдавить из себя даже кивок в знак согласия.

— Ладно, я, эм... я пойду проверю свой вросший ноготь на ноге. Побуду вон там вдали.

— Спасибо, — бормочу я.

Я настолько отвлечена, что так и иду с огромной сумкой, свисающей с моего плеча. Я тащусь через ворота, ведущие на поле, при этом эгоистично и, наверное, ошибочно стараясь идти как можно тише. Я не думаю, что он (если это Райдер, а я готова поспорить, что это он) надел слуховой аппарат. С такой двигательной активностью он легко может выпасть.

Пока я шагаю, опаляющая боль пронзает мою грудную клетку. Это как изжога, только в сто раз хуже. Теперь он делает «радугу», перекидывая мяч с одной ноги на другую с такой же лёгкостью, как щенок подкидывает игрушку, и искусно ловит его каждый раз. Я достаточно близко, чтобы узнать эту косматую бороду. Этот идеальный нос. Это он. Это Райдер.

Сложно не оценить то, как шорты сидят на его бёдрах, как он носит сползшие на лодыжки высокие футбольные носки, точно так же, как и все горячие футболисты, которые слишком круты для щитков на голени. Его бутсы потрёпанные, а значит, совершенно комфортные. Бутсы всегда становятся удобными именно тогда, когда пора брать новые. Его мышцы натягивают футболку, когда он задирает подол и вытирает им лицо, обнажая узкую талию, полоску загорелой кожи прямо над шортами. У этого засранца есть ямочки на поясице. Ну естественно.

Я не знаю, почему именно мои глаза щиплет от слёз, или почему ошеломительное ощущение предательства подступает к горлу, сдавив его до боли.

Внезапно Райдер разворачивается, и его глаза раскрываются шире, заметив меня. Слава Господу, борода всё ещё на месте. Я уже не уверена, что смогу справиться ещё с какими-либо переменами за один день.

Райдер инстинктивно бросает мяч, бежит ко мне, без труда сдёргивает огромную сумку с моего плеча и вешает на своё. Он склоняет голову набок, вытаскивая телефон из кармана. *«Что ты здесь делаешь?»*

Я читаю его сообщение и испускаю долгий прерывистый вздох. Острые лезвия спутанных эмоций впиваются в моё горло, когда я пытаюсь сначала сглотнуть, потом заговорить.

— Просто пришла немного попинать мячик.

Райдер изучает меня, затем его глаза опускаются к телефону. *«Почему ты выглядишь расстроенной?»*

У меня есть два варианта. Я могу сказать ему, что это значит для меня. Излить душу. Признать шокирующую обиду из-за того, что он не доверяет мне и не позволяет заглянуть за личину мрачного лесоруба; что я не могу уложить в голове, почему он так хорош и почему он не играет. Потребовать объяснений, ведь он знает, как много для меня значит этот спорт, но скрывает свою связь с ним.

Или я могу сделать то, что делаю всегда. Подавить боль, обойти неприятную правду и двигаться дальше.

— Я в порядке, Райдер.

Он щурится и стискивает зубы. Он вот-вот взбрыкнёт и поймает меня на лжи. Не думаю, что этим утром сумею вынести ещё больше требований или едких пререканий, так что я останавливаю его, взяв за запястье.

— Увидимся через несколько часов, ладно?

Прежде чем он успевает ответить, я сдираю сумку с его плечу и несу обратно в другой конец поля. Когда я бросаю мячи и машу Руни, показывая, что всё чисто, я чувствую на себе взгляд Райдера.

Я говорю себе, что мне абсолютно всё равно, чем занимается Райдер Бергман, и уж тем более мне плевать, что он смотрит на меня. Я не хочу его доверия и в особенности не хочу знать его.

Это ложь. К счастью, если повторить себе ложь достаточное количество раз, она в итоге становится правдой.

После неловкого воссоединения два часа спустя мы с Райдером молча преодолеваем 45-минутную поездку вдоль 1-Норд до Тихоокеанского шоссе. Тишина само собой

разумеющаяся, поскольку Райдер не может писать смс за рулём. Поскольку я сижу справа, он мог бы надеть слуховой аппарат, а я могла бы болтать ему в ухо, но я же не должна знать об этом. Ещё одна грань его явного недоверия ко мне.

«Ну и ладно, он тебе не доверяет, он почти ничего не рассказывает. Ты такая же. Ты тоже держишь свои секреты при себе. Тебе-то какое дело до этого?»

Я не знаю. Это раздражающим рефреном повторяется в голове: я не знаю, я не знаю, я не знаю. Боже, я совсем запуталась.

Мой лоб прижат к стеклу, я смотрю на пейзажи, пока мимо нас проносится море припаркованных машин. Райдер, похоже, знает какое-то секретное местечко, потому что он уверенно проезжает мимо масс дальше по дороге. Я слышала лишь то, что Эскондидо-Фоллз — это невероятный вид, но кошмар в плане парковки. Остановив машину под тенистой неприметной рощей, Райдер вытаскивает телефон.

«Ты была тихой. Моё возмущение заставляет тебя нервничать?»

Я смотрю на сообщение, затем заставляю себя взглянуть ему в глаза.

— Нет, Райдер. Ты нормально водишь. Я была тихой, потому что мы не можем говорить, пока ты за рулём.

Он возится с ключами, затем бросает их на колени и пишет: *«Некоторым людям некомфортно с глухим водителем. Мне стоило спросить у тебя».*

Внутри у меня всё скисает, меня накрывает злостью за него, и слова слетают с моих губ.

— Ну, эти люди засранцы, Бергман. Знаю, я бываю сварливой сучкой, но я не считаю тебя менее способным или менее безопасным просто потому, что твои уши не работают так же, как прежде, ясно?

Я не могу вынести выражение его лица или тот факт, что в машине внезапно делается жарко как в сауне. Распахнув свою дверцу и держа рюкзак в руке, я смотрю на тропу перед собой.

Я подготовилась перед тем, как соглашаться на этот поход и тем более позволять этому мужчине гор определять мои попытки каким-нибудь ужасно сложным маршрутом. Похоже, Райдер позаботился обо мне. Поход до Эскондидо Фоллз — это кольцевая тропа всего 6 км длиной, начинающаяся от Тихоокеанского шоссе и достигающая пика у эффектного водопада. Наш путь начинается с асфальта пониже скопления кичливых домов Малибу. Онлайн-гид, который я прочла, обещал, что скоро пейзаж сменится прибрежной природой, и что грубоватая роскошная красота водопадов становится прекрасной наградой за начало тропы в нетипично населённой местности.

Мой телефон издаёт сигнал. *«Ты захватила с собой воду?»*

Я смотрю ему в глаза.

— Да. И 18 батончиков гранолы, которые ты потребовал взять.

Он усмехается, печатая. *«Ты не та женщина, с которой стоит связываться в моменты голода. Считай это подстраховкой для моей личной безопасности».*

Закатив глаза, я поворачиваюсь обратно к тропе. Я снова чувствую на себе внимание Райдера, но игнорирую это. Повыше закинув рюкзак за плечи, я трогаюсь в путь.

После нескольких сотен метров восхождения мы минуем дома и оставляем позади мощёную часть тропы. Вывеска гласит «Парк Эскондидо Каньон», а близлежащая земляная тропа отмечена другим указателем «Тропа к каньону и водопадам Эдварда Альберта Эскондидо».

Я оборачиваюсь через плечо к Райдеру, интересуясь направлением. Он кивает в сторону

земляной тропы.

Мы идём в молчании, которое кажется холодным благодаря мне и моим закупоренным внутри чувствам. Но пока мы поднимаемся, и солнце выше восходит на небе, наша холодность оттаивает и превращается в комфортное молчание. Пройдя через поле с ароматной горчицей и укропом, мы пересекаем ручей, текущий сквозь заросли. Райдер берёт меня за локоть и показывает налево, так что мы идём вверх по течению к каньону Эскондидо.

Тропа становится шире. Она состоит из ровной и утоптанной земли — безопасная тропа, на которой я вряд ли подверну ногу или поврежу колено. Если бы тренер узнала, что я пошла в поход, она бы меня убила. Дважды.

В какой-то момент моя тушка ростом 167 см начинает отставать от широких размеренных шагов Райдера, и он начинает идти впереди. Тень даёт нам передышку от всё ещё палящего ноябрьского солнца, пока мы идём под навесом деревьев. Но скоро мы снова оказываемся на открытой местности и проходим по полю засыхающих диких цветов. В них есть что-то пугающее — море шелухи и стручков семян, да кое-где последние сохранившиеся лепестки на высохшем и растрескавшемся стебле.

Это напоминает мне о том, что бабуля Роуз всегда говорила, когда мы готовили сад к зиме, выдирали растения, обрезали кустарники и закапывали луковицы. Жизнь порождает смерть, смерть порождает жизнь. Единственное, что мы можем сделать — это чтить красоту и взаимозависимость этого цикла.

Не могу сказать, что уже вижу красоту, особенно в её взаимозависимости. Я бы предпочла, чтобы от смерти вообще ничего не зависело.

Мы подходим к броду через ручей, и я сразу понимаю, что не сумею пройти по нему сама. Вода высокая, и чтобы пройти там, понадобится прыгать по нескольким камням. Мои ноги не преодолеют такое расстояние до места, где вода достаточно мелкая, чтобы идти вброд.

Райдер передвигает свой рюкзак вперёд, и на мгновение я едва сдерживаю смех. Он выглядит как беременный и очень гордый этим фактом. Он щурится под своей бейсболкой, и его губы подёргиваются. Может, он тоже пытается не рассмеяться. Присев, он хлопает себя по спине. *«Забирайся»*, — произносит он одними губами.

— Нет, — говорю я ясно и отчётливо, показывая ему свои губы, чтобы он понял. — Исключено. Я слишком тяжёлая со всеми этими вещами.

Райдер издаёт звук, напоминающий фырканье. Оглянувшись через плечо, он встречается со мной глазами. Там живёт напор, которого я не видела прежде, нетерпение. Я слышу это так, будто он сказал это вслух. Я чувствую, как слова рокочут в воздухе подобно грому и вибрируют в моих костях.

«Уилла. Саттер. Забирайся».

Мои ноги движутся без моего веления, руки обвивают его шею. Райдер без проблем встаёт, его широкие ладони сжимают мои бёдра. Мы словно два провода под напряжением, которые встречаются и заставляют электричество свободно течь между нами. Искры танцуют на моей коже во всех местах нашего контакта.

Рубашка Райдера льнёт к его телу от пота. Я прислоняюсь к ткани, желая всего в нём, что не чистенькое, не прохладное и не застёгнутое на все пуговицы. Он пахнет божественно. Как лесоруб, который только что повалил дерево; его мышцы напряжены, кожа влажная. Я вдыхаю запах кедра, сосны и чего-то неоспоримо мужественного. Прижавшись к нему

грудью, я едва не стону. Мои груди ощущаются тяжёлыми, соски напряглись под слоями одежды, задевая мышцы его спины. Он горячий, по его шее стекают капельки пота. У меня возникает страннейший импульс провести языком по его коже и попробовать на вкус.

Сжав мои бёдра, Райдер посылает какой-то намёк. Я так понимаю, это сигнал держаться крепче, так что сильнее обхватываю его за шею и прижимаюсь грудью к его спине. Я приклеилась к его коже. Его пальцы впиваются в мои ноги, когда он привлекает меня ещё ближе.

Я знала, что Райдер силён — мужчина гор, валитель деревьев и покоритель троп — но я не совсем ожидала этого. Длинными размеренными шагами он ступает с камня на камень, неся на спине женщину, состоящую из сплошных мышц, и два рюкзака с вещами. Он даже не запыхался, когда мы добираемся до противоположного берега, и я соскальзываю по его телу.

Воздух словно сгущается, и не только от жара нехарактерно тёплого ноябрьского денька, но и от чего-то, чему я не могу дать название. Глаза Райдера не отрываются от моих, пока он поправляет рюкзак на моих плечах. Он подходит ближе, наша обувь оказывается носок к носку. Солнце светит на нас, отчего каждый светлый волосок на его теле делается золотистым. Его грудь тяжело поднимается и опускается, пока его ладони держат мои плечи, затем медленно поднимаются по ключицам к шее. В траве поют сверчки, ястреб отбрасывает на нас тень, скользя в вышине. Моё сердце как будто колотится у самого горла, под руками Райдера. Он смотрит на мои губы, наклоняет голову.

Внезапно что-то скользит в траве поблизости, и я ору так громко, что стайка зябликов слетает с соседнего дерева. Не подумав, я кидаюсь на Райдера как перепуганная мартышка и повисаю на его теле. Его ладони обхватывают мою задницу, пока он осматривает траву как настоящий защитник, и я едва не испытываю оргазм на этом самом месте.

Чёрт возьми, этот парень выглядит горячим в своей среде мужчины гор. Я в полной безопасности на высоте стратосферы, наблюдая, как его взгляд мечется по траве. Ради меня он убил бы эту змею в мгновение ока. А потом бы нанизал на прутик и поджарил на костре ради меня, просто чтобы отомстить этому амфибийному выродку.

— Она уползла? — шепчу я.

Его глаза снова встречаются с моими. Он наклоняет голову набок.

— Она уползла? — спрашиваю я громче.

Он кивает. Мы всматриваемся в глаза друг друга. Момент, который едва не случился, этот почти-поцелуй повисает в воздухе между нами. Если только... если только он не собирался этого делать. Вдруг у меня грязь на лице или сопля повисла.

О чёрт. Что, если я всё это вообразила?

Райдер легко удерживает меня одной рукой и тянется за телефоном в карман. Признаюсь: я ужасно боюсь того, что он скажет. Он меня отчитает? Скажет перестать пялиться секси-глазками на его губы и не тереться о него как коала в течке?

Я патологический избегатель, я это знаю, но болезненные эмоции для меня сродни страху высоты — как только я оказываюсь слишком близко к потенциально фатальному падению, я отшатываюсь и убегаю.

Я выскальзываю из рук Райдера и прохожу мимо него. Шагая вперёд, я различаю слабый шум водопадов, и воздух окрашивается серным запахом. Это отрезвляет, рушит удушающую сладость того, что мы только что сделали. Это напоминает мне, зачем мы здесь — чтобы сходить в поход и поставить галочку для засранца МакКормака. Если я упущу это из виду, то могу сразу несколькими способами сбиться с пути. И все эти способы далеко не безопасны.

Следующие полтора километра — это постепенное поднятие в гору, на высоту около 45–60 метров, и это приводит нас к нижним водопадам Эскондидо. Это каскад высотой 15 метров, и его водоём окружён замшелыми камнями и росистыми папоротниками. Здесь запах серы сильнее, и многие люди с радостью завершают свой поход в этом мирном месте. Райдер сказал, что это с лёгкостью можно назвать серединой нашего пути. Посидеть, расслабиться, какое-то время насладиться видом, затем повернуть обратно.

Но я азартна. Я люблю принять хороший вызов, никогда не славилась выбором лёгкого пути, по крайней мере, в том, что касается требований к моему телу. Готовясь к этой миссии, я читала о том, что ждёт тех, кто не боится поднажать — верхние водопады Эскондидо в три раза выше, но в миллион раз красивее.

Справа от нижних водопадов тянется коварная стена из известняка. Похоже, что по ней будет тяжело подниматься и откровенно безумно спускаться на обратной дороге, но на нас обоих туристические ботинки, и Райдер сказал, что всё интуитивно понятно. *«Хватайся покрепче и наслаждайся спуском, Солнце».*

Это пока что самая тяжёлая часть, мы поднимаемся в высоту на 60 метров, при этом преодолевая менее 400 метров вперёд. Мы хватаемся за корни, полагаемся во многом на натянутую верёвку. В какой-то момент Райдеру приходится наклониться и рывком подтянуть меня к себе, но склон наконец-то становится плоским и выводит нас на землю у основания верхних водопадов Эскондидо.

Тропа уходит влево, и мы тащимся через массивные старые корни, пробираемся между и поверх не менее древних булыжников. Затем у меня внезапно перехватывает дыхание.

Вода ревёт, падая с крепости из скользких от мха камней. Я слышала, что поток в это время года не лучший, но сила водопада всё равно осязаема. Она размеренным гулом резонирует в моей груди, падая с камней и приземляясь в широкий пруд, кажущийся стеклянным.

Этот захватывающий вид стоил того, чтобы потрудиться.

Пока я смотрю на воду, движение на периферии привлекает моё внимание. Я поворачиваюсь и вижу, что Райдер стаскивает с себя рубашку. Я издаю сдавленный звук, моё тело вспыхивает, все органы чувств запинаются, словно резко ударив по тормозам. Все те мышцы, которые я щипала и тыкала под его рубашкой, мышцы, которые я видела на протяжении одной беглой секунды в пьяной дымке и хотела врезать себе за невозможность запомнить их нетрезвой головой...

Вот они. И чёрт. Райдер оказался крупнее, чем я думала. Его тело обладает подтянутой грацией. Его одежда свободно висит на теле, указывая на худое телосложение, но эти фланелевые рубашки лгали. Плечи Райдера мощные и округлые, мышцы груди явственно очерчены и движутся под кожей, когда он сбрасывает рубашку. Его талия крепкая, каждый кубик пресса прекрасно выступает. У многих парней в колледже до сих пор мальчишечьи тела.

Но не у этого лесоруба. Лесоруб — мужчина. А я женщина. Чьё тело расплавилось и распалилось при взгляде на него.

Следующими падают шорты.

Боксёры-брифы. Слава Господу Иисусу, боксёры-брифы. Знакомые мне мощные квадрицепсы. Квадрицепсы футболиста. Шрам на колене. Длинные и крепкие лодыжки. Мои глаза застряли где-то в районе его стоп, когда Райдер меняет позу, снова привлекая моё внимание вверх.

За водопадами есть небольшой выступ, на который он смотрит, держа руки на бёдрах. Его голова медленно поворачивается в мою сторону, глаза проходятся по моему телу. Одна бровь приподнимается. *«Ну ты идёшь или как, Солнце?»*

Чёрт возьми, он как будто проник в мой мозг. По одному наклону головы, по вскинутой брови я понимаю, чего именно этот засранец хочет от меня.

— Ладно, — фыркаю я, срывая футболку. Я раздеваюсь до спортивного лифчика, наклоняюсь и скидываю ботинки, затем снимаю носки. В последнюю очередь стаскиваю шорты. Когда я смотрю на Райдера, его глаза становятся тёмными, взгляд проходится по моему телу. Медленно. Терпеливо. Именно так, как я представляю себе движения его рук. Мозолистые ладони пройдутся по моей коже, скользнут вверх по лодыжкам, затем по бёдрам. Хватка ладоней широко раздвинет мои ноги и грубо пригвоздит бёдра.

Я сглатываю.

— Адское упражнение на сближение, да?

Взгляд Райдера наконец-то встречается с моим. Его улыбка неспешная. Но тёплая и искренняя. И почему-то я знаю, что она предназначена лишь мне.

Глава 12. Райдер

Плейлист: Noah Guthrie — Set Fire to The Rain

Даже если бы мой слух был острым, рядом с водопадами сложно разговаривать и тем более слышать. Мы забираемся на выступ за водой, и моё тело пребывает в аду. На Уилле чёрные трусики, спортивные, конечно же, и скромное бикини из какого-то эластичного материала. Они облегают её великолепную задницу, которая (что неудивительно) оказывается идеальной — мускулистая, мягкая, округлая.

Я стараюсь отводить взгляд, но однажды она поскользывается, и у меня не оказывается иного выбора, кроме как упереться в её задницу ладонью и подтолкнуть её вперед. Моя ладонь горит от прикосновения к ней, совсем как в тот момент, когда она запрыгнула ко мне на руки и едва не описалась от маленького садового ужика. Иисусе, как её тело льнуло к моему, пока я её нёс. Её груди прижимались к моей спине, жар между её бёдер, плотную обхвативших мою талию. Мои пальцы до сих пор гудят от сжимания её сильных ног, от ощущения гладкой бархатистой кожи.

Наконец, мы добираемся до выступа за водопадом. Уилла немедленно плюхается вниз и прислоняется к замшелой стене выступа. Вода разбрызгивается мелким туманом, смачивая её волосы и заставляя их льнуть к её шее и скулам. Её глаза не отрываются от моих, грудь тяжело вздымается из-за утомительного карабканья. Моя грудь тоже резко поднимается и опадает. Лёгкие жадно втягивают воздух, которого как будто не хватает. Я испытываю головокружение, и это не из-за карабканья.

Уилла отводит взгляд, суёт руку в свой спортивный лифчик и достаёт телефон, вытирая экран от капель воды.

— Ладно, время для этого злосчастного опросника-знакомства.

Я стону в знак согласия и достаю телефон из чехла, закреплённого на предплечье. Обычно я использую его для пробежек и других случаев, когда надо освободить руки, а карманов нет. Уилла вздыхает, скрещивает ноги в лодыжках и пролистывает список.

— Начнём с начала. Полное имя.

«Райдер Стеллан Бергман», — печатаю я.

Её телефон издаёт сигнал, и она открывает сообщение. Её лицо озаряется улыбкой, и она поднимает на меня взгляд.

— Ты не мог иметь ещё более скандинавское имя, Лесоруб?

Я пожимаю плечами, печатая. *«Моя мама — шведка. В первом поколении»*.

Она хмурится.

— Но твоя фамилия тоже кажется шведской. Твой папа разве не швед?

У меня вырывается улыбка, потому что я знаю, что Уилла это оценит. *«Мой папа взял фамилию мамы. Ну, формально он присоединил её фамилию к своей через дефис, потому что его учёная степень привязана к его фамилии, но он представляется как Бергман. Об его фамилию язык сломаешь, и "Бергман" ему нравится больше. Она сказала, что это меньшее, что он мог сделать за такое количество детей, которое ей пришлось родить»*.

Уилла издаёт хрюкающий смешок.

— Круто.

Воцаряется пауза, и рёв воды создаёт завесу между нами и внешним миром. *«Саттер —*

хорошая фамилия. Думаю, ты сможешь найти парня, который возьмёт её себе», — пишу я.

Она читает и барабанит пальцем по телефону, раздумывая. *«Может быть. Однако у меня не будет такого количества детей, чтобы оправдать подобные меры. Как минимум какое-то время, а может и никогда».*

Вопрос улетает с моих пальцев в её телефон прежде, чем я успеваю себя остановить.
«Почему?»

Она поднимает голову, чтобы я мог читать по её губам.

— Нельзя же играть в профессиональном спорте с пузом наперевес.

Я киваю. Само собой. У Уиллы будет жизнь профессиональной спортсменки. Она будет путешествовать по миру с национальной сборной. Она попадёт в олимпийскую сборную на следующих состязаниях. Её жизнь будет так сильно отличаться от моей.

Признаю, я был просто в ярости на Эйдена, бл*дь, когда он выкинул это дерьмо в духе семейной психотерапии. Я знаю своего зятя. Я понимаю, что именно он творит, и я презирал его весь этот семестр за то, что он снова и снова сталкивает нас вместе. Я безумно бешу Уиллу своими прямолинейными репликами, прагматичным подходом, сухим и раздражающим поддразниванием. А Уилла — темпераментная заноза в моей заднице. Она подшучивает над моими фланелевыми рубашками, почти постоянно провоцирует меня. Она донимает меня из-за моей ворчливости, но потом больно ранит в тот же момент, когда я показываю ей свою мягкую сторону.

Вопреки всему этому она важна для меня, и я начинаю понимать, что она нуждается в мягком обращении, хоть и не признаётся. Под всей этой крутой наружностью и вспыльчивым характером живёт та, кто просто старается защитить себя от боли. Эта ясность впервые снизошла на меня, когда я забирал её из клуба. Она так доверчиво смотрела на меня, опиралась так, будто могла на меня рассчитывать, будто я был достаточно силён, чтобы принять её человечность и лёгкую приставучесть. Это была редкая возможность увидеть её уязвимость. И это было сродни дару.

Но она также напилась в хлам и совершенно вымоталась, а следующим утром проснулась как всегда дерзкой и игриво боевой, дразнила моё тело своим, вызывала какую угодно реакцию просто ради самого факта реакции. И помощи мне Господь, буквально на мгновение я клюнул на наживку.

Как только она ушла, а потом написала мне сообщение из своей квартиры, мы вернулись к прежнему состоянию. Враги, которые могут терпеть друг друга, друзья, которые доводят друг друга до сумасшествия. Одно из двух. И то, и другое.

Кто знает, бл*дь. Боже, у меня голова сейчас разболится.

Смысл вот в чём: её поведение той ночью и следующим утром было аномалией, а не нормой. Видеть в этой ночи что-то большее было бы заблуждением, и это напоминание, отрезвляющее напоминание, что в жизни спортсменки мирового класса, следующей великой звезды женского футбола в Америке, а то и в мире, нет места для кого-то вроде меня — именно то, что мне было нужно. Потому что даже если Уилла Саттер чувствует ко мне что-то помимо презренного веселья, я наименее подходящий партнёр для кого-то вроде неё. Я парень, которому хочется вести тихую жизнь в лесах, гулять среди деревьев и разводить костры, может, учить глухих детей и взрослых тому, что они могут быть независимыми, активными и быть в безопасности на природе.

— Бергман.

По крайней мере, мне кажется, что она говорит это. Я вскидываю голову. *«Что?»* —

спрашиваю я одними губами.

— Ты куда-то потерялся, — говорит она.

Качая головой, я выпрямляюсь. *«Прости. Твоя очередь. Полное имя. Выкладывай, Солнце».*

Мой телефон вибрирует в моих руках. *«Уилла Роуз Саттер. Даже не смей шутить про миленькое имя для такой задиры как я. Это имя моей бабушки, и я врежу тебе кулаком в кадык»*

Я смотрю на эти слова, произнося их в своей голове. Уилла. Роуз. Саттер.

«Очень красиво», — печатаю я.

Уилла опешивает. Похоже, я застаю её врасплох комплиментами. Неужели я настолько ужасен к ней? Я же говорю ей хорошее, ведь так?

«Нет, жопа ты такая, не говоришь. Потому что это опасная территория. Мы туда не забираемся».

«Верно, подсознание. Чрезвычайно, чрезвычайно верно».

Уилла наконец-то перестаёт озадаченно таращиться на меня и опускает глаза к телефону. *«Любимая еда».*

«Шпинат», — печатаю я.

Она морщит нос.

— С тебя станется, Мужчина Гор.

Я закатываю глаза. *«Уж полезнее твоей. Двойной чизбургер и рутбир. Вы с Руни берёте это после двух тренировок в день и после сложных матчей. Ты втайне беспокоишься, что Руни расскажет тренеру о вашем нарушении строгой диеты, потому что у неё комплекс чувства вины, который обычно вообще лишает её возможности лгать».*

У Уиллы отвисает челюсть, глаза прищуриваются и сверлят меня взглядом.

— Ты шпионишь за мной, Бергман?

Мои губы изгибаются в медленной улыбке. *«Нет, — печатаю я. — Но ты болтаешь, Уилла, а я слушаю. Я знаю тебя лучше, чем ты думаешь».*

Её лицо скисает, пока она печатает. *«Тогда почему я почти ничего не знаю о тебе? — моё тело напрягается, пока я читаю её слова. — Почему я не знаю, что ты крутой футболист? Почему ты знаешь мою любимую игру и ритуал после матчей, а я даже не знаю, как ты проводишь выходные или чем занимаешься для удовольствия? В каком месте это справедливо?»*

Я прищуриваюсь, затем печатаю: *«Справедливо?»*

Она взмахивает руками, затем снова хватает телефон и свирепо строчит: *«Да, справедливо! Почему я треплю языком в твоём присутствии, почему я рассказываю тебе что-либо о своей жизни, а ты только используешь это против меня, бросаешь мне в лицо, дразнишь меня направо и налево? И посмотри на себя. С чем мне приходится работать? Замкнутый, холодный, сдержанный Снеговик Йети».*

«Так, сдай-ка назад, — печатаю я. — Я рассказываю тебе кое-что. Ты знакома с моими друзьями, с моими соседями по комнате, я приводил тебя к себе домой... я никогда этого не делаю. Ты знаешь моё расписание дня. Ты знаешь, что я ненавижу конфетки с арахисовой пастой».

Она кидает в меня маленькую гальку, так что я поднимаю взгляд.

— Потому что ненавидеть конфетки с арахисовой пастой — это странно. Потому что ты заслуживаешь позора за ненависть к конфеткам с арахисовой пастой. И я приходила к тебе

домой и познакомилась с Такером и Бексом только потому, что нам приходится делать проект вместе.

«Потому что это единственное, что вообще свело нас вместе, Уилла! Твой мир — это не мой мир!»

Я жму отправить и наблюдаю, как изменяется её лицо, пока она читает.

Внезапно Уилла смотрит на меня, и её глаза напряжены. Она не моргает, и я не могу выдержать её взгляд. По глупости, не сумев сдержаться, мои глаза опускаются по её телу. Вокруг нас шумит вода, водяной туман заставляет скудную одежду льнуть к её телу, делает её кудряшки ещё более крепкими. Боже, она идеальна. Мускулистая и подтянутая, но всё же не лишённая женских изгибов. Я чувствовал эти сильные бёдра в своих руках, её грудь прижималась к моей спине.

Я зажмуриваюсь, пытаюсь прогнать этот образ из мозга, стереть желание, завладевающее организмом.

Я чувствую движение и распахиваю глаза. Взгляд Уиллы так и сияет, когда она опускается на корточки и ползёт в мою сторону. Моё сердце стучит в ушах, жар переполняет живот и струится ниже. Я взвинчен, загнан в угол и понятия не имею, что собирается делать Уилла.

Она седлат мои ноги, и я невольно задерживаю дыхание. Потянувшись за меня, она срывает стебелёк растения, затем садится на свои пятки прямо поверх моих бёдер. Мои ногти тщетно царапают камень под моими ладонями. Мой пульс грохочет, пока я наблюдаю, как она отрывает листочек и подносит к моим губам.

— Мята.

Я принимаю и подозрительно кошусь, что заставляет её улыбнуться.

— Я не отравлю тебя, Лесоруб, видишь? — она кладёт листик себе в рот и довольно жуёт. — Уж ты-то точно должен знать, что это такое. Мята.

Я открываю рот, чувствуя, как тепло между её ног скользит по моему бедру. Она наклоняется, кладёт листик на мой язык, и воздух наконец-то вырывается из моих лёгких.

Терпкая мята взрывается у меня на языке. Листочек щекочется, пока я жую и наблюдаю, как Уилла зеркально вторит моим движениям. Её горло движется, когда она проглатывает, и голод крепко скручивает мои внутренности. Ладони Уиллы сжимают мои ладони, затем поднимаются вверх по рукам. Я не слышу своего дыхания, но чувствую его. Я чувствую каждое ожесточённое втягивание воздуха, грохот пульса в моей длине. Нужда заполняет всю грудь, встаёт комом в горле.

Я смотрю на её губы. Мне требуется приложить немало усилий, чтобы не куснуть их.

— Чего ты хочешь, Райдер? — спрашивает её рот.

Чего я хочу? Это неправильный вопрос. Правильный вопрос — что я получу? Хочу ли я Уиллу? Да, чёрт возьми. Могу ли я её получить?

Она наклоняется ближе.

— Чего ты хочешь?

Я неделями сдерживался. Неделями пытался не представлять её каждый раз, когда закрываю глаза ночью, прохожу мимо футбольного поля, чувствую вкус апельсинов или улавливаю аромат роз. Я ни разу не дотрагивался до себя с мыслями о ней. Я блокировал это на каждом шагу.

Я мог бы соврать ей, написать какой-то едкий подкол в сообщении, вежливо ссадить её со своих коленей. Но я не хочу. А чего я хочу? Я хочу её. Чертовски. Сильно. Хочу.

Её глаза сияют, бледные как свет солнца, широко раскрытые, и взгляд опускается к моим губам. Мои плечи напрягаются, когда их обхватывают пальцы Уиллы.

Она выгибается вперёд, отчего её груди скользят по моей голой груди. Мои пальцы погружаются в её волосы и сжимают, в моём прикосновении нет ничего галантного. Я чувствую себя первобытным. Отчаянным. Я крепко сжимаю её волосы в кулаке и вижу, как приоткрывается её рот. Эти губы. Я месяцами наблюдал за ними, терзаясь тем, какими пухлыми и мягкими они выглядят, умирая от желания узнать их вкус. Я сажусь прямее и обхватываю ладонью её шею. Мой рот опускается к её губам, сдержанно, медленно. В одно мгновение мы раздельны, в следующее сливаемся воедино.

Бум.

Роскошная бархатная мягкость. Ощущение её сладкого ротика в разы лучше, чем я себе представлял. Я хватаю ртом воздух и краду её дыхание. У неё вкус мятных листьев и чего-то сладкого, что, должно быть, является просто Уиллой. Я дёргаю её ближе к себе, обнимаю обеими руками, пока мои ладони ощущают всё, что я даже не воображал потрогать. Изгибы и округлость её попки, выступающие бёдра, линию талии. Каждое ребро.

Когда я раскрываю её губы и дразню её язык, она стонет. Я хочу повалить её на землю, сорвать купальник и ворваться в неё как животное, но если я чему и научился в этой жизни, так это терпению, игре на перспективу. Так что я нежно изучаю. Наши языки сплетаются вместе, этот ищущий поцелуй начинается мягким шёпотом и заканчивается открытой мольбой о большем. Поцелуй становится всё голоднее, влажный и горячий, медленный и ленивый. Дышать — это досадная обязанность, и я негодую из-за того, что это прерывает лучший поцелуй в моей жизни.

Руки Уиллы обвивают мою шею. Она вжимается в меня, её тепло устроилось на моих коленях, где я твёрд для неё как бл*дский камень. Она ахает, ощущая это, и её пальцы проходятся по моим волосам. Я невольно стону и чувствую, как мой голос переполняет её рот. Чувствовать её звуки, отдавать ей мои — это так невероятно сексуально.

Губы Уиллы ещё шире раскрываются на моих, её язык дразнит, задевая мой, побуждая снова найти её и поиграть. Скользнуть, куснуть, поцелуй притворяется деликатным, затем нарастает ритмом как волна, вздымающаяся до точки крушения. Уилла ёрзает на мне, её движения такие естественные, такие идеально совпадающие, будто мы рождены для этого. Её бёдра смыкаются вокруг моей талии, локти опираются на мои плечи, пока она скользит пальцами по моим волосам, и мой мир сужается до этой крошечной точки пространства, в которой мы прикасаемся, целуемся и чувствуем.

Она трётся о меня, и я двигаю бёдрами под ней, тяжело дышу ей в рот, зная, что если продолжу, то пути назад не будет.

Мои ладони находят её плечи и сжимают. Оторвавшись, тяжело дыша, я прислоняюсь лбом к её лбу. Уилла наклоняется для большего, но я отстраняюсь ровно настолько, чтобы наши глаза встретились.

Я невероятно ошеломлён. Мой мозг в полном раздрае, все чувства спутались.

Когда Уилла отстраняется, её глаза ищут мои. Должно быть, она считывает моё терзаемое выражение лица, мой шок. Я смотрю, как её глаза холодеют, её защитные стены поднимаются обратно. Сжав её ладонь, я пытаюсь найти правильные слова, мечтая, чтобы я мыслил достаточно ясно и был достаточно храбрым, чтобы заставить её сказать мне, почему она спросила, чего я хочу, почему мы целуемся, хотя поездка сюда прошла в могильной тишине.

Месяцами мы только и делали, что пререкались и подкалывали, разыгрывали и подзуживали, пока эта игра не дошла до опасного уровня сексуального дразнения. Та чёртова жёлтая кофточка начала это всё, и с тех пор мы безжалостно взвинчивали либидо друг друга, дразнили тела друг друга.

Это лишь финальный ход? Шах и мат в нашем соперничестве, и осталось лишь сбить все фигурки с доски, стереть историю всех побед и поражений теперь, когда она вышла победительницей? Если так, я проиграл. Она добилась, чтобы я её поцеловал. Она меня прикончила. Я был безвольным слабаком в её руках. Уилла, бл*дь, победила.

Наши взгляды встречаются на одну маленькую вечность, и её глаза холодеют всё сильнее. Протяжно вздохнув, Уилла одаривает меня слабой улыбкой, затем подхватывает телефон.

— Пошли, Мужчина Гор. Пора возвращаться к реальности.

На другие обязательные вопросы даны поверхностные ответы, затем наше задание выполнено, и сожаление булыжником давит на мою грудь. Я знаю её любимую еду, её план на следующие двадцать лет, её самое раннее воспоминание и последний штат, в котором она жила, но я до сих пор не знаю, почему она спросила, чего я хочу, почему мы только что поцеловались и прикасались друг к другу так, будто вот-вот наступит конец света. Я до сих пор не знаю, чего Уилла Саттер хочет от меня.

Наш спуск проходит в молчании, солнце всё ещё высоко в небе, пока мы идём к моей машине. Наша одежда нагрелась от солнца, наша кожа липкая от пота и водяного тумана. Уилла прислоняется виском к окну и смотрит на Тихоокеанское шоссе, пока я веду машину и пытаюсь придумать, как можно добиться какой-то ясности, какого-то понимания, что, чёрт возьми, происходит.

Как раз когда я проезжаю мимо плаката с изображением отца, рукой обнимающего сына, до меня доходит. Папа.

Я нечасто пользуюсь тем фактом, что мой отец — врач, работающий в считанных минутах ходьбы от кампуса и моей квартиры. Более того, я никогда этого не делаю. Может, потому что я приучен не нуждаться в нём слишком сильно. На протяжении всей моей жизни потребность других людей в нём была более срочной, и я не хочу выставить себя жертвой, просто это правда. Папа — онколог, отец семерых детей, муж, который любит свою жену и делает приоритетом время, проводимое с ней. Он состоит в куче разных советов, он даже работает с коллегами-ветеранами в своё несуществующее свободное время.

Он занятой парень. Я средний ребёнок из семи, так что даже когда дело касается семейного времени, большие проблемы вроде детской лихорадки, месячных, первых шагов и проваленных тестов куда важнее, чем Райдер, который ждёт с книжкой под мышкой, чтобы почитать вместе с папой.

Я научился быть терпеливым. Я научился находить кусочки времени, когда папа был моим. Я вставал раньше, чтобы посмотреть, как он бреется, и рассказать ему о моём дне. Я забирался в постель после того, как он приходил с работы поздно и принимал душ. Буквально пять минут объятий в его руках перед тем, как он начинал храпеть — это всё, что мне было нужно.

Так что теперь, как взрослый мужчина в процессе получения образования и воплощения практического плана на жизнь, я говорю себе, что вообще не должен нуждаться в моём отце. Вот только должен и нуждаюсь.

Мне очень нужен мой папа.

Мы с моими братьями толком не общаемся, если не считать Рена, который посочувствует проблемам с женщинами, но не особо поможет. Он как слон в посудной лавке, когда дело касается дам. Раньше Эйден поддерживал меня в этом плане, но он прекрасно понимает, как будет лучше, и в последние несколько дней держится на расстоянии, видя, что весь этот бардак начался из-за того, что он подрабатывал чёртовым сводником.

Я высаживаю Уиллу у её дома и смотрю, как она медленно идёт по тротуару. Она поворачивается и устало машет мне рукой, после чего заходит внутрь и закрывает дверь за собой. Я сбит с толку, терзаюсь, волнуюсь, что ранил её чувства, ужасно боюсь, что она одурачила меня, и чувствую, как последняя эмоциональная опора подо мной рушится. Я вытаскиваю телефон и пишу папе: *«У тебя сегодня есть десять минуток для твоего любимого сына, старик?»*

Его ответ приходит практически немедленно. *«У меня всегда есть десять минут для тебя, Рай. Принеси своему старику сэндвич и чай со льдом. Тогда поговорим, кто тут любимчик».*

Глава 13. Уилла

Плейлист: Ira Wolf — Sunscreen

Какого хера только что произошло?

Глаза щиплет от слёз. Я захлопываю за собой дверь, испытывая желание быстренько нарисовать лицо Райдера и покидать в него дротики. После этого зарождается противоположное желание побежать за ним, схватить за более здоровое ухо и затащить в мою постель, где я в качестве наказания буду требовать у него один оргазм за другим.

Когда он сказал «твой мир — это не мой мир», я могла думать лишь о том, насколько сильно он ошибается. Райдер — большая часть моего мира, что одновременно хорошо и плохо. Он мой заклятый враг, мой антагонист, мой провокатор — идеальный момент, чтобы использовать словарный запас книжного магазина — но он не настолько шаблонный или радикальный, чтобы быть просто моим врагом. Он реально друг-враг. Я могу рассчитывать, что он будет впитывать все мои слова, найдёт слабое место и примется дразнить меня за это. Он заметит, когда у меня будет козявка на носу, сфоткает это, просто чтобы поприкалываться, но потом вытрет её голый рукой. Этот парень знает, что я съедаю три порции шведских фрикаделек, и заучил моё расписание тренировок, чтобы донимать меня сообщениями, когда я бегу со всех ног, опаздывая на пару.

Так что я подловила его на блефе. Мой мир не его мир? Да чушь собачья. Я села к нему на колени, приблизилась вплотную и практически взяла его на слабо, заставив поцеловать меня. Это единственный способ, которым я могла выразить все те странные, липкие, мягкие, необъяснимые-нормальными-словами чувства, что я испытываю к нему. Только так я могла заставить Райдера Стеллана Бергмана понять, насколько его мир — это и мой мир тоже.

«Вот как ты говоришь ему это — провоцируешь на поцелуи? Гениальная логика, Саттер. Предельно ясная коммуникация».

— Ой, да заткнись, — бурчу я себе под нос.

Я не могу перестать вспоминать те поцелуи. Все они выжглись на моих губах. Целовать его, получать его поцелуи, и то как он наклонил мою голову и обхватывал затылок своей грубоватой тёплой ладонью. Я до сих пор чувствую, как его язык танцевал с моим. Терпеливые, размеренные движения, указывающие на то, что высокий, зеленоглазый засранец-лесоруб, возможно, имеет за поясом пару фокусов в том, что касается секс-забав.

Не то чтобы мы собирались это делать. Неа. Люди, которые доводят друг друга до сумасшествия, которые мучают, разыгрывают и провоцируют друг друга, не хотят совместного секса. Они не хотят целоваться, пока не потеряют сознание от потери кислорода. Они не хотят обвиться друг вокруг друга, пока каждый воспаляющийся дюйм их кожи не начнёт гореть и дымиться.

Что за игру, чёрт возьми, ведём мы с Райдером?

В одно мгновение я седлаю его спину по его джентльменскому настоянию, в следующее он подкалывает меня из-за слабости к чизбургерам. В одно мгновение мы целуемся, его руки стискивают мою талию с таким отчаянием, какого я никогда не чувствовала в мужчине, в следующее мы тарашимся друг на друга так, будто один из нас вот-вот дёрнет за веревочку и откроет люк-ловушку под ногами другого.

Он играет со мной? Это всё ещё продолжается какое-то ужасное поддразнивание,

которое я по глупости начала в отместку за тайное использование слухового аппарата?

Я бросаю свои вещи, переодеваюсь и жую протеиновый батончик. Уходя, я закрываю дверь с излишней силой и чуть не ломаю ключ, когда запираю замок.

«Остынь, Самтер».

Покачивая головой, я стараюсь отбросить эти бессмысленные мысли. Я собираюсь навестить маму — я хочу быть сосредоточена на ней, а не на своей тривиальной студенческой драме. Пока я иду к больнице, из темнеющих облаков над головой начинается дождь. Я поднимаю лицо к небу, умоляя вымыть мой мозг начисто. Стереть все беспокойство и бред из-за какого-то мужчины, бл*дь.

Я подавляю заново подступающие слёзы от непонимания и накрываю глаза ладонью вопреки тому, что дождь капает по моим щекам. Я даже не знаю, что чувствую — понимаю лишь то, что чувствую много всего. Чем бы ни являлась эта эмоция, она подобна горячему, жалящему ощущению, которое расходится от горла к животу. Это напоминает мне о том разе, когда я сделала большой глоток обжигающего чая, и вместо того чтобы выплюнуть как нормальный человек, я сжала губы и проглотила. Вот только это жжение не проходит. Оно как живое существо, как опаляющий и всепоглощающий огонь, и я не знаю, как его потушить.

Моя дорога до больницы занимает недолго времени, и это хорошо, потому что дождь превратился в настоящий ливень. Я шагаю по коридору, вода хлопает в моих теннисных туфлях, пока я тихо захожу в мамину палату. Я не хочу будить её, если она спит.

Её глаза скользят по строчкам книги, которую она положила поверх подушки на коленях.

— Снова «Моя Антония»?

Она поднимает глаза при звуке моего голоса, затем окидывает повторным взглядом.

— Уилла! — от моего внешнего вида её глаза распахиваются шире. — Какого чёрта с тобой случилось?

Сделав медленный протяжный вздох, чтобы успокоить эмоции, я подхожу к кровати.

— Попала под дождь по дороге сюда.

Мама награждает меня одним из своих пронизывающих взглядов.

— Оно и видно. Но я не это имею в виду. Ты выглядишь расстроенной, Уилла Роуз. Что происходит?

«Не плачь. Не плачь. Не плачь».

— Помнишь того парня из класса, о котором я тебе рассказывала? Мой напарник по проекту, который незаметно надел слуховой аппарат?

— Засранец-лесоруб, — она слегка меняет позу на кровати. — Да. Что он тебе сделал? Мне придётся надрать задницу какому-то бугайскому пацану за то, что довёл мою Уиллу до слёз?

Это заставляет меня рассмеяться.

— Нет. Мы просто... всё становится менее понятным, более напряжённым. Ставки продолжают повышаться, и теперь я даже не уверена, на что ставлю или что пытаюсь выиграть.

Она склоняет голову.

— О?

— Я раздражена. Вся эта ситуация бесит и отвлекает. Я не хочу постоянно циклиться на этом. Мужчины — это всё равно пустая трата времени, в этом мы обе пришли к согласию.

Мама вскидывает бровь.

— Я не припоминаю, чтобы говорила такое. Я научила тебя, что большинство мужчин приносит разочарование. Но в то же время я говорила, что есть и хорошие, редкие алмазы среди своего вида. Тяжёлая (и лично для меня отпугивающая) часть проблемы заключается в том, чтобы отличить одно от другого, и иногда на это требуется немало времени, — она всматривается в мои глаза. — Хочешь поговорить об этом?

— Нее, — я махаю рукой и проглатываю комок раздражающих слёз, вставший в горле. — Как я и сказала, я не хочу больше думать о нём. Как ты сегодня чувствуешь себя, мама?

Её улыбка слегка натужная, как и у меня.

— О. Так себе.

Нервирующе уклончивый ответ от женщины с агрессивной формой рака.

Страх стискивает моё нутро и скручивает узлом.

— Что доктор Би говорит в последнее время?

Мама берёт слишком долгую паузу. Мои ладони сжимают мокрые шорты в кулаках, выжимая свежую лужу воды на кафель у моих ног.

— Мама?

Её вздох тяжёлый. Обычно после такого она говорит мне что-то, что мне не понравится.

— Уилла, я кое-чего не говорила тебе, а должна была. Иди сюда, — она похлопывает по матрасу.

Я смотрю на своё насквозь вымокшее тело.

— Не стоит. Я промокла до нитки.

— Да бред, — мама машет рукой. — Меня всё равно скоро ждёт душ. Это согреет меня, а потом мне поменяют постель. А теперь иди сюда, Уилла Роуз.

Я послушно подвигаюсь по матрасу и прижимаюсь к маме.

Она смотрит на меня.

— Готова?

— Да, мама. Пожалуйста, скажи мне.

— Ладно, это насчёт доктора Би.

Я поднимаю голову.

— А что насчёт него?

Мама закусывает губу.

Из-за чего, чёрт возьми, ей лукавить?

— Вы двое... — я играю бровями. — Ну, ты понимаешь?

Мама смеётся, и это смех, который я хочу запомнить. Это не звучит как смех больного человека. Это звучит как её прежний смех, звонкий, похожий на колокольчики. Её улыбка такая широкая, голова сама запрокидывается, пока она хохочет.

Мой смех поначалу тихий. Но вскоре уже нет. Он громкий, не сильно отличающийся от её смеха, и вскоре мы хохочем так сильно, что аж до слёз. Мама поворачивается, утыкаясь лицом в подушку, когда смех переходит в сотрясающий кашель. Её кашель унимается прежде, чем мы привлекаем внимание медсестры, и мама снова устраивается на подушке, вытирая глаза.

— Ох, Уилла, умеешь же ты ляпнуть. Фух, — мама счастливо вздыхает. — Так вот, о чём это я? А, точно. Нет, мы не... ну, ты понимаешь.

Я тоже вытираю глаза и снова кладу голову на её плечо.

— Ладно, тогда что?

— Ты не можешь никому рассказывать, Уилла, потому что это почти нарушение врачебной этики. Алекс может потерять всё, если поползут слухи.

— Что?

Мама всматривается в мои глаза и понижает голос.

— Доктор Би... точнее, Алекс... мы давно знакомы. Мы вместе служили в нескольких командировках, затем пять лет назад случайно наткнулись друг на друга на встрече ветеранов. Осознав, что мы оба живём в Лос-Анджелесе, мы договорились поддерживать контакт, просто как друзья, к твоему сведению. Если когда-нибудь увидишь его жену или поговоришь с ней, то поймёшь, почему.

Я хмурюсь.

— Мама, ты с головы до пят завидная невеста. Ты до сих пор огонь.

Мама усмехается и нежно накрывает мою щёку ладонью.

— Спасибо, милая. Думаю, у меня было несколько десятилетий красоты, но неважно. Суть в том, что совет по медицинской этике заявит, что Алекс не должен быть моим доктором, раз у нас есть общее прошлое. Они скажут, будто эмоции помешают ему делать свою работу...

— Последнее, что я хочу слышать о твоём онкологе, мама — это то, что он непригоден лечить тебя, — неужели его суждения не были объективными? — Почему... чем ты думала? — шиплю я.

Мама вздыхает.

— Он на сто процентов способен разделять работу и личное. Мы не очень хорошо знакомы. Он очень рассудителен и очень честен со мной. Я говорю тебе, что это будет *выглядеть* плохо, а не то, что это на самом деле *плохо*. Поверь мне, я поступаю правильно, позволяя ему быть моим лечащим врачом. Алекс лучший в своём деле, Уилла. Знаю, это немного мутно, но ему нужно было сделать это для меня, и я не собиралась отказывать, учитывая его профессиональные достижения.

— Почему ему нужно было это сделать?

Мама отводит глаза, теребя одеяло, которым накрыты её костлявые колени.

— В нашей последней совместной командировке я спасла ему жизнь перед тем, как его уволили в запас по состоянию здоровья.

У меня отвисает челюсть.

— Ты спасла его? Как?

Мама прикусывает полную нижнюю губу — оригинал той реплики, которую унаследовала я.

— Мне не нравится часто думать об этом. Это был ужасный день.

Я сжимаю её ладонь.

— Я не хочу давить на тебя.

Мама редко говорит о своих армейских командировках, но я знаю, что ей потребовались годы психотерапии, чтобы справиться с множественными ПТСР-триггерами.

— Всё нормально, Уилла. Мне просто нужна минутка, — уронив голову на подушку, мама смотрит в потолок. — Думаю, к этому времени ты достаточно знаешь об армии, чтобы понимать, что военный медик в команде эвакуации раненых с поля боя — это опасная и нервная работа. Ты вылетаешь в зоны конфликта, проводишь спасающие жизнь процедуры прямо в полевых условиях. Мимо тебя свистят пули, раздаются взрывы и крики. Если удастся

выбраться, то ты летишь на вертолёте с людьми, у которых критические и, возможно, даже смертельные раны, и работаешь с тем, что есть под рукой, пока не добралась до базы со всем необходимым.

— Я не хочу вдаваться в подробности миссии и в то, как всё пошло под откос. Просто знай, что всё пошло под откос. Мы с Алексом были там, мы работали слаженной парой в полевых условиях. Мы оба были прекрасно хладнокровными, идеально разделяли работу и всё остальное, быстро работали вместе и странным образом могли понимать друг друга без слов. Алекс держал... — её глаза зажимаются. — Алекс пытался спасти жизнь солдата, когда ему в ногу попала пуля. Она раздробила его бедренную кость и рассекла бедренную артерию, хотя тогда я не знала деталей. Я заметила, как его ранили, а потом увидела много крови.

Я резко втягиваю воздух. Мама из числа таких медиков, которые воспитывают своих детей с пониманием собственного тела. Мы долгими вечерами изучали книги по анатомии, пока я сидела у неё на руках, а она учила меня латинским названиям костей и частей тела. Это привело к моей первой социальной оказии, когда я в детском саду задрала кофточку, показала на пупок и сказала всем: «Это умбиликус!»

Всё это к тому, что я понимаю значимость её слов. Я знаю, что артерия несёт кровь от сердца к остальному телу, но когда она разорвана, то выкачивает твои жизненные силы прямоком из твоего тела. И чем сильнее ты паникуешь, чем быстрее колотится твоё сердце, тем быстрее это происходит. Это фатальная травма, приводящая к быстрой смерти, если не предпринять радикальных мер.

— Чёрт, мам.

Мама кивает.

— Все уже забирались обратно в вертолёт. Алекс был последним оставшимся там мужчиной и держал Уильямса, который к тому моменту скончался. Капитан кричал мне забираться в вертолёт, но я не могла бросить Алекса, так что выбежала, оторвала полосу от своей футболки и наложила на его бедро самый быстрый жгут в мире, после чего затащила его задницу обратно в вертолёт.

Она спускает сорочку с плеча, показывая на жуткий шрам на лопатке. Рана воспалилась — она рассказала мне об этом несколько лет назад, когда решила, что я достаточно взрослая, чтобы знать правду.

— Получила пулю, знатно засевшую в скапулярной мышце, но я вытащила нас в безопасное место, и в остальном мы не пострадали.

Перед моими глазами появляются чёрные точки, сообщающие о том факте, что я задержала дыхание, слушая историю. Мой выдох превращается в один большой поток воздуха.

— Что было дальше?

Мама пожимает плечами.

— Нам обоим назначили лечение. Алексу сделали операцию. Мне тоже, но не экстренную. Моя рана воспалилась, и поначалу антибиотики не помогали, но в итоге всё наладилось. Я легко отделалась, но Алекс потерял всю ногу ниже середины бедра. Ему повезло, что он вообще выжил.

У меня вырывается прерывистый вздох, и глаза щиплет от новых слёз. Я знаю, что моя мама храбрая. В День Ветеранов я всегда гордо говорила, что моя мама служила на благо её страны в местах, куда большинство людей боится отправляться. Но это новые глубины

понимания. Она никогда не вдавалась в такие детали.

— Мама, — я ладонью вытираю слёзы. — Думаю, я недостаточно говорю тебе, насколько я тобой восхищаюсь. Ты крутая. И храбрая.

Мама сжимает ладонью мою ладонь.

— Ты предостаточно говорила мне об этом, Уилла. Я знаю, что ты гордишься мной, и я знаю, что быть отпрыском служащей матери-одиночки это непросто, но ты всегда была стойким оловянным солдатиком. Новые школы, новые дома, новые соседи. Ты всегда принимала очередную перемену со своей широкой улыбкой и дикими волосами, подходила к дверям соседей, держа футбольный мячик на бедре, стучала в окна, приглашала поиграть.

Её свободная рука заправляет мой выбившийся локон за ухо, и она улыбается мне.

— Футбол всегда помогал тебе справляться. Так ты налаживала контакт с людьми. Так ты стала собой, обрела уверенность и грацию. Это такая жизненно важная часть тебя.

Это верно. Футбол — не просто игра, в которой я хороша. Это неотъемлемая часть моего существования, одна из моих наиболее базовых потребностей.

Я меняю позу на кровати, садясь прямо, чтобы мы смотрели друг другу в глаза.

— Почему ты сейчас рассказываешь мне про тебя и доктора Би?

Мамины глаза отрываются от моих, устремляются к окну, наблюдая, как дождь стучит по стеклу и стекает вниз.

— Деньги, Уилла. Деньги вовсе не изобилуют. Мы с тобой всегда жили со скромными тратами. Мы не материалистичны, мы простые женщины по натуре. У нас нет огромных гардеробов или битком набитых косметичек, но всё равно. Рак молочной железы — дорогая штука, а лейкемия ещё дороже. Алекс безудержно работал с моей страховкой, чтобы покрыть все возможные затраты, но он также побуждал меня подумать о выписке из больницы, где всё будет значительно дешевле. Получать уход на дому.

Я опешиваю. Я не была в нашей квартире два месяца. И мама тоже. Это место требует генеральной уборки. А ей понадобится круглосуточный уход.

— И как это будет устроено?

Мама вздыхает.

— Ну, мне стоит для начала сказать, что я сдала квартиру в субаренду, Уилла. Все ценности, которые ты не забрала в вашу с Руни квартиру, сейчас на складе, и мои тоже.

— Что? Почему?

Наконец, она отворачивается от окна и смотрит мне в глаза.

— Потому что нет смысла платить за жильё, в котором мы обе не бываем.

Я сдерживаю шок и стараюсь сосредоточиться на насущном вопросе.

— Так куда ты отправишься?

Мама ободряюще сжимает мою ладонь.

— Алекс и его жена, Элин, хотят, чтобы я остановилась у них. У них большая семья, но все дети, кроме двух, разъехались кто куда. Они живут практически в опустевшем доме, и им нечего делать с таким пространством. Алекс говорил, что после его травмы ему хотелось бы отблагодарить меня в такой манере, которая кажется соразмерной ценой за его жизнь. Я не считаю, что он мне что-то должен (я просто сделала свою работу), но он хочет дать мне это, Уилла, и я склонна принять это.

Это заставляет меня ошестиниться. Пугает. Мы с мамой всегда жили только вдвоём, за исключением тех случаев, когда с нами оставалась бабуля Роуз. Когда я была маленькой, у меня были няни и бабуля Роуз, и в итоге я пошла в детский сад, но наша жизнь, наша рутина,

наш дом — это всегда было только нашим. А теперь мне придётся идти в дом какого-то незнакомца, когда я захочу увидеть маму? Будет ли у неё уединение? Смогу ли я оставаться с ней на протяжении лета?

Похлопывание маминой ладони вырывает меня из мыслей.

— Как всегда рассуждаешь вслух.

— Я опять это сказала, — говорю я с обречённым вздохом.

Она усмехается.

— Я знала, что это беспокоит тебя, но я надеялась, что если объясню наше прошлое, то тебе будет комфортнее. Поэтому я тебе и рассказала. Потому что так ты увидишь, чем я это заслужила. Я поступила правильно по отношению к другу и спасла его жизнь. Теперь он пытается сделать мою жизнь чуть комфортнее. У меня будет уединение. У них несколько спален на первом этаже, и у одной из них есть отдельный вход. Тебе не придётся видеть никого, кроме меня, и о моих потребностях позаботится медсестра. Алекс и Элин будут жить своей жизнью независимо от меня, но Алекс, конечно, будет следить за моим лечением.

У меня вырывается тяжёлый вздох, пока я смотрю на свои руки.

— Прости. Я чувствую себя эгоисткой из-за того, какими были мои первые мысли.

— Едва ли ты эгоистка, Уилла, — мама нежно обхватывает мои щёки и поворачивает к себе лицом. — Это другое. Это непросто. Но я также знаю, что ты понимаешь и поддержишь меня во всём, что мне нужно для комфорта и спокойствия насчёт наших финансов.

Я киваю, и мое лицо всё ещё покоится в её ладонях.

— Да. Я хочу того, что сделает тебя счастливой и поможет почувствовать себя лучше, мама.

Вокруг её глаз собираются морщинки, пока она улыбается мне.

— Знаю, дорогая. Тебе не нужно говорить об этом. Я знала, что ты поймёшь, — она медленно привлекает меня к себе, пока моя голова не ложится на её грудь. Её пальцы дрейфуют в моих волосах в очередной тщетной попытке усмирить их буйство.

— Я люблю тебя, мама, — шепчу я. Я считаю удары её сердца. Чувствую благодарность за каждый из них.

Она прижимается губами к моим волосам в мягком поцелуе, который утешает не хуже её крепких объятий.

— Я тоже люблю тебя, моя Уилла Роуз.

Глава 14. Райдер

Плейлист: Vance Joy — Snaggletooth

В папином офисе беспорядок. Я практически уверен — это потому, что дома у этого мужчины нет ни единого галстука или ручки, валяющихся где-то в неподобающем месте. Мама требует, чтобы дом был таким же опрятным и минималистичным, как и тот, в котором она жила до встречи с папой и переезда в Штаты.

— Райдер! — папа встаёт и протягивает руки. Я ставлю еду и позволяю ему обнять меня, обнимая его в ответ. Папа американец, но перенял много шведской родительской философии от мамы, которая по натуре заботлива. Он брал долгий декретный отпуск после рождения каждого из нас, при любой возможности вставал на четвереньки и играл с нами. Наша семья открыто выражает чувства, и мужественность не подразумевает грубых хлопков по спине или избегания поцелуев. Словно подчёркивая это, папа целует меня в волосы, затем сжимает моё плечо. Он одного роста со мной, так что мы на одном уровне, когда он говорит. От этого просто читать по его губам, но я также надел слуховой аппарат, надеясь, что он справится с шумом больницы.

Обходя стол, папа окидывает меня взглядом.

— Хорошо выглядишь, если не считать бороды бигфута.

Я закатываю глаза. У папы никогда не было бороды. Его бесит, как это ощущается, и в армии он привык каждый день бриться до гладкости.

— Ты справляешься? — спрашивает он. Усевшись, он подтягивает к себе пакетик с сэндвичем и открывает.

Я достаю телефон и печатаю. *«Практически да. Учеба не слишком напрягает. Я занимаюсь спортом, нормально сплю. Всё по-старому».*

Он опускает очки с макушки, чтобы прочитать сообщение. Я наблюдаю за его глазами, пока они скользят туда-сюда, затем поднимаются к моим.

— По-старому, говоришь? — вскинув брови, он откусывает от сэндвича, жуёт, затем проглатывает. — Всё настолько по-старому, что ты пришёл повидаться с папой, хотя увидишь его на следующей неделе на День Благодарения?

Я пожимаю плечами, подтягивая к себе свой сэндвич и разворачивая бумагу. Моя рука замирает над телефоном, колеблясь. Наконец, я решаюсь.

«Как ты понял, что любишь маму?»

Папа поднимает телефон, затем кладёт обратно. Смотрит мне в глаза. Его радужки того же ярко-зелёного оттенка, который он передал Акселю, затем мне и Зигги.

— Почему ты спрашиваешь?

Я пожимаю плечами, затем печатаю: *«Задание для пары по истории и философии человеческих цивилизаций».*

У глаз папы собираются морщинки, его губы подёргиваются.

— Вот как? — когда я не отвечаю, папа откидывается на спинку кресла и изучает меня взглядом. — Ну, забавно, но поначалу мы с твоей мамой не слишком ладили. Мы по сути на дух не переносили друг друга.

Моё сердце ухает в пятки. Бумажный пакетик, который я сжимаю, комкается в моей ладони.

Папа как будто не замечает.

— Я был в увольнительной, отправился с друзьями в северную часть Швеции — уверен, ты помнишь, мы посещали те места, когда ты был маленьким — где меньше населения, чем на юге. Там нет крупных городов. Местность сельская, просторная. Там хорошо кататься на лыжах и оказываться занесёнными в снежном плену, если ты понимаешь, о чём я.

Я приподнимаю голову и награждаю его взглядом, который говорит «не травмируй меня».

Он смеётся.

— Я опущу детали 18+, обещаю. Так вот, после долгого дня катания на лыжах мы остановились в этой крохотной горной забегаловке, чтобы погреться и ободраться до состояния комы. И там была твоя мама. Как тебе известно, её семья владела тем местом, и к тому моменту она практически заправляла всем сама.

У него в глазах появляется то выражение, пока он слегка крутится в кресле и поднимает очки обратно на макушку.

— Она разговаривала цивилизованно, но смотрела на меня так, будто я приبلудный пёс, которого её кто-то заставил приютить и накормить. Это меня раздражало. Она была не первой высокомерной европейкой с дерьмовым мнением об американских солдатах. Так что я донимал её в ответ. Я достаточно понимал шведскую культуру, чтобы знать кучу способов оскорбить её. Я нарочно совершал все конфузы, которые только приходили мне в голову. Был слишком напористым, хвастался, недостаточно благодарил, вёл слишком много светских бесед. Говорил «приветики» каждый раз, когда видел её. Я сводил её с ума.

У меня вырывается беззвучный смешок.

— Но потом нас занесло снегом, — папа усмехается. — Никуда не отправишься. Я застрял там на четыре дня и в первые два был уверен, что она отравит мой утренний кофе. Я также не был уверен, что не хочу плюнуть в её кофе. Я продолжал пытки, опаздывал на каждый приём пищи, просил всякие добавки к кофе и чаю, коверкал шведский. Я везде оставлял после себя бардак, слишком много улыбался.

То, что я слышу в его смехе, кажется глубинным и окрашенным ностальгией.

— Но в какой-то момент третьей ночи мы засиделись допоздна. Слегка напились, и она пригласила... не бросила вызов, конечно, это слишком агрессивно для шведки... она вежливо пригласила меня на партию в шахматы.

Он отпивает чай со льдом, затем складывает руки на животе.

— Она надрала мне задницу и бахвалилась победой. Теперь уже она допустила промах. Она не только допустила, чтобы её гость проиграл в игре, но и уничтожила его, злорадствовала ему в лицо, что идёт вразрез со всеми принципами гостеприимства и скромности в её стране. Она смутилась, но вместо того чтобы забыть, я продолжал говорить с ней об её победе, поддразнивал её этим.

— Она становилась всё злее и злее, а я становился всё милее. Чем сильнее она сердилась, тем сильнее я успокаивался, и в следующее мгновение она уже сшибла шахматную доску со стола, забралась на него и целовала меня до умопомрачения.

У меня отвисает челюсть. Это не та милая история о первой встрече, которую я слышал на семейных сборищах. С другой стороны, такая история шокировала бы большую часть нашей семьи, а моя шведская бабушка упала бы замертво.

Я краснею. Я прижимаю ладонь к щеке, чтобы остудиться, и папа хохочет.

— Твоя мама, — он вздыхает. — Тогда я и понял: я люблю её. Ну то есть, в тот момент я

не знал, что знал, если ты понимаешь, о чём я. Я всё ещё был слишком погружён в раздражение из-за неё. Но оглядываясь назад... — его плечо приподнимается, и он снова делает глоток чая со льдом. — Тогда всё и случилось.

«Почему? — пишу я ему. — *Какой тут вообще смысл? Как ты оглядываешься назад и понимаешь?*»

Поставив свой напиток, папа кладёт руки на стол.

— Ненависть, вражда, соперничество — всё это страстные реакции. Моя личная теория сводится к тому, что всё это — неполное выражение одной ключевой человеческой эмоции: любви. Это как притча о людях, которые потрогали разные части слона и приняли его за что-то другое. Любовь — это многогранное чувство. Оно какое угодно, только не одномерное. Иногда, когда кто-то влюблён, некоторые эмоции и манеры поведения проявляются наперёд остальных.

Я беру телефон и печатаю: «*Эта логика ужасает*».

Он подаётся вперёд.

— Но это логично. Подумай. Мы не тратим время на людей, которые нам безразличны. Мы провоцируем, разыгрываем, дразним тех, кто задевает нас за живое, вызывает в нас чувства, распаляет нашу страсть.

— Поэтому, когда дело касается твоей матери, я могу обернуться назад и увидеть, что я делал всё возможное, чтобы спровоцировать её не потому, что мне нравилось её дразнить...

Я выгибаю бровь и заставляю его усмехнуться.

— Ладно, мне немножко нравится её дразнить. Но тогда это было потому, что я чувствовал к Элин страсть. И нет, поначалу не было ясно, что дело в этом (если мы бодаемся с кем-то, это не значит, что мы влюблены в этого человека), но когда я вернулся через несколько месяцев, и она по-прежнему была там, я смог посмотреть на ситуацию со стороны. Все эти неразрешённые и запутанные чувства раздражения и напряжения уже не были частичными и неполными. Привязанность, желание защитить, порыв отбросить мои защиты и смягчиться — всё это завершило картину, и я смог увидеть правду: она мне понравилась.

— Пребывание в её обществе заставляло меня взбодриться и сесть прямо. Само существование на её орбите распаляло мою кровь и вынуждало сердце колотиться чаще. После этого мы всё равно донимали друг друга и дразнились, но перестали отрицать влечение друг к другу. Мы прислушались к интуиции и позволили друг другу быть тем, кого мы можем полюбить. Как оказалось, мы были правы.

Мой аппетит пропал. Я отодвигаю бумажный пакетик в сторону и сильнее натягиваю бейсболку, надеясь, что папа не прочтает по моему лицу, как меня расстраивает эта информация.

Папа постукивает по столу, привлекая моё внимание.

— Ты в порядке? Выглядишь расстроенным.

Я киваю, стараюсь ободряюще улыбнуться и снова раздираю пакетик с сэндвичем, заставляя себя целеустремленно накинуться на еду. Я не могу сидеть тут и киснуть. Это вызовет его подозрение, если этого ещё не случилось. Я заталкиваю в себя кусок за куском, стараясь не слишком думать об явных параллелях между непростым началом отношений моих родителей и нашим с Уиллой непростым началом. О той перемене, когда я в какой-то момент стал с нетерпением ждать её едких комментариев о моих рубашках лесоруба, когда я жаждал узнать, что делает её радужки рубиново-красными от злости, а также довольно

карамельными, сладкими с терпкими нотками. Когда во мне зародилось желание подхватить её на руки и защитить от всего — от ужей, от жутких типов в клубах, от придурков-профессоров, слишком перегибающих палку, от всего, что заставляет её глаза меркнуть и гасит ту огненную искру внутри.

Мы доедаем еду, пока папа выпытывает у меня больше информации о школе, о друзьях. Он постукивает по своему уху, затем по губам и сурово смотрит на меня.

— Твоя мать и я хотим поговорить с тобой об этом в День Благодарения. Мы хотим вывести процесс на следующий этап, хоть по страховке, хоть нет, хотя я надеюсь, что страховка покроет. Даже не думай отделаться. Знаю я твои мелочные и хитрые приёмы в духе среднего ребёнка.

На протяжении долгого момента я хмуро смотрю на него, затем опускаю голову, чтобы набрать сообщение и сменить тему, спросив, как дела у Оливера и Зигги — моих самых младших брата и сестры. Я спрашиваю про маму и её кухонные приготовления к приходу «всей орды» на День Благодарения. Мы дурием друг друга сколько угодно на протяжении десяти минут, а встав и начав прибирать мусор, я нечаянно разливаю воду по всем его разбросанным файлам. Мы оба действуем быстро, убирая картонные папки с полированной деревянной столешницы и бросая их на пол. Вытерев стол, я поворачиваюсь и приседаю, чтобы стереть излишки воды, оставшиеся на папках.

Я сын доктора. Я знаю о конфиденциальности информации между врачом и пациентом, поэтому не сую нос куда не надо. Я честно стараюсь не думать обо всех больных людях, о которых мой папа заботится каждый день. Рак вгоняет в депрессию, и я эгоистично озабочен собственным повреждённым телом, а потому не хочу думать о других способах, какими наш организм может дать сбой. Так что я не присматриваюсь и даже не замечаю ярлычки на папках, пока одна фамилия буквально не кричит на меня.

Саттер.

Саттер, Джой — одна из пациенток моего папы, и если верить странице с базовыми сведениями, выпавшей из её папки так, словно сама вселенная заставила меня увидеть это, она лежит в палате 337. Я резко встаю, чувствуя, как комната вокруг плывёт.

Саттер. Это достаточно распространенная фамилия. Лос-Анджелес — огромный город. Наверняка тут нет особой связи с Уиллой. Но всё кажется не так. Такое чувство, будто мне нужно было узнать этот факт.

Папа аккуратно похлопывает меня по плечу, и я поворачиваюсь.

— Ты в порядке? — спрашивает он.

Я киваю. «Жарко», — произношу я одними губами и оттягиваю рубашку от груди, словно обмахиваясь и охлаждаясь.

Папу, похоже, это устраивает. Я позволяю ему ещё раз крепко обнять меня на прощание, после чего он отсылает меня прочь. Я иду по коридору, считая плитки под ногами, и говорю себе не смотреть на номера палат, даже не думать о них. Даже если Джой Саттер приходится кем-то Уилле, кто я такой, чтобы знать? Уилла же мне ничего не говорила.

Её голос врывается в мою голову, когда воспоминание об её злости и раздражении заполняет мои мысли.

«Почему я почти ничего не знаю о тебе?»

Если эта пациентка — родственница Уиллы и значит что-то для неё, то Уилле хватило наглости отчитывать меня за скрытность, хотя она сама несёт бремя намного тяжелее. Шагая и обдумывая эти мысли, я улавливаю знакомый звук. Он доносится слабым и

искажённым, напоминая слуховой мираж вдалеке.

Я застываю на месте и разворачиваюсь на пятках, когда звук повторяется.

Это Уилла.

Моё тело инстинктивно ведёт к звуку. Я миную портативные тележки с компьютерами, огибаю медсестру, пока не оказываюсь у приоткрытой двери. Я пока не позволяю себе смотреть на номер палаты. Вместо этого я вижу две ступни, закинутаые на кровать. Пара промокших кроссовок, которые отходили от моей машины буквально несколько часов назад.

Уилла.

Затем я слышу её голос так, как не слышу никого другого. Не идеально, не так, как мне хотелось бы, но с ясностью, непривычной для меня с тех пор, как мой слух покотился псу под хвост.

Это снова её смех. Затем ещё одно слово. То, что вонзается в моё сердце подобно ножу.

Мама.

Я сижу на своём обычном месте и жду, когда Уилла придёт на наше первое занятие по бизнес-математике с тех пор, как всё сделалось таким горячим, тяжёлым и чрезвычайно сбивающим с толку в том чёртовом походе. Аудитория быстро заполняется, поскольку Эйден имеет репутацию строгого препода, который начинает занятие вовремя и не любит опоздавших. Минутная стрелка вот-вот сравняется с часовой. Нервозность ощущается физическим весом в моём теле, сдавливающим мышцы и сжимающим горло как тиски. Это ужас, а не просто нервозность. Что Уилла думает после случившегося? Что, если теперь всё будет неловко и неуклюже?

Мои глаза осматривают заднюю часть лекционного зала. Может, она сидит там. Я легко могу представить, что она будет демонстративно держать дистанцию. Щурясь и выгибая шею, я вдруг слышу голос справа от себя.

— Ищешь кого-то, Лесоруб?

Я дёргаюсь, снова ударяюсь коленом о стол, на сей раз долбанувшись самой коленной чашечкой. Застонав, я роняю голову на деревянную столешницу. Ладонь Уиллы тепло ложится на мою спину и два раза платонически похлопывает. Мой телефон вибрирует, и я снимаю блокировку, чтобы прочесть сообщение. *«Слух у тебя, может, и дерьмовый, но рефлексy всё равно как у мартышки на кокаине».*

Я медленно сажусь и поворачиваюсь к ней, печатая: *«Как тебе вообще пришло такое в голову?»*

Она смотрит на экран, затем на меня, и пожимает плечами.

— Как знать.

Наши глаза встречаются, и я украдкой изучаю их, чтобы получить чуть больше информации. Я вижу напряжённость в уголках её шоколадно-карих глаз. Я улавливаю небольшие синячки под нижними ресницами. Она выглядит усталой. Обеспокоенной.

Я начинаю печатать, но ладонь Уиллы мягко обхватывает моё запястье. Я смотрю на нее и наблюдаю, как она говорит:

— Поход был... странным.

Я киваю, сдерживая слова, готовые сорваться с губ. В хорошем смысле странным? В плохом смысле странным? Да-больше-никогда-в-жизни странным? Или я-хочу-трахнуть-тебя-и-делать-это-до-конца-своих-дней странным?

Отпустив моё запястье, Уилла протягивает мне ладонь, будто мы встречаемся впервые.

— По-прежнему друзья-враги?

Я таращусь на неё, пытаюсь переварить, что она сказала. *«Друзья-враги?»* — переспрашиваю я одними губами.

Она кивает, не убирая протянутую руку.

— Как и было. Ничего не изменилось.

Моё сердце ухает в пятки. Не знаю, почему, но это не кажется правильным. Ничего не изменилось? Хрень собачья. Между нами всё стало иначе, а Уилла хочет притвориться, будто это не так. Хуже того, может, она и не притворяется. Может, для неё этой разницы не существует. Ну, тогда мне просто придётся ей показать.

Я обхватываю ладонью её руку и смотрю, как у неё перехватывает дыхание, как выпрямляется её спина. Моё сердце колотится о рёбра в ожесточённом ритме. Мой большой палец скользит по сатиновой коже её запястья, по точке пульса, так и тарабанившего под моим прикосновением. Папины слова проносятся в моём сознании.

«Пребывание в её обществе заставляло меня взбодриться и сесть прямо. Само существование на её орбите распалило мою кровь и вынуждало сердце колотиться чаще».

Спина Уиллы прямая, будто она кол проглотила, зрачки бешено расширились. Пульс часто-часто колотится под моим пальцем. Вот оно. Подтверждение.

Ничто не изменилось, да как же.

Уилла отстраняется первой.

Мне нужно время разобраться, как, чёрт возьми, нам поговорить об этом, потому что мы точно, чёрт возьми, поговорим об этом. Пока мне нужно знать. Мне нужно знать насчёт сегодняшнего дня и завтрашнего, знать, в порядке ли она. Мне надо посмотреть, откроется ли она, впустит ли меня, покажет ли хоть кусочек правды о том, что происходит в её жизни. Я беспокоился о ней с тех пор, как услышал её в больнице. Я не могу представить, каково это — то, что она чувствует и через что проходит. Её мама больна. Очень серьёзно больна.

Я прочищаю горло, снимаю блокировку с телефона и печатаю: *«Планы на День Благодарения?»*

Её профиль напрягается, после чего она берёт себя в руки и поворачивается ко мне.

— Никаких планов. Просто проведу время с мамой.

«Где вы живёте?»

Уилла барабанит пальцами и прикусывает пухлую губу. Насколько я знаю, я никогда не видел, чтобы Уилла Саттер лгала, но кажется, вот-вот увижу это.

«Лос-Анджелес», — пишет она.

Ах, то есть, она настолько не умеет врать. Она даже не может при этом смотреть мне в глаза.

«Лос-Анджелес — довольно большое место, Солнце. Где?»

Её глаза медленно поднимаются к моим. Она прочищает горло и с трудом сглатывает.

— Не поверишь, всего в нескольких минутах от кампуса.

На моём подбородке дергается мускул. Эта женщина — взрывоопасная лицемерка. Пропесочила меня за то, что я не выложил всю свою историю жизни и подноготную, а сама даже не может сказать, что её мать серьёзно больна.

Уилла просто пожала мою руку, возобновив нашу извращённую и двусмысленную дружбу-вражду и соврала посредством умолчания. Это злит меня. Я хочу, чтобы она доверяла меня, поделилась со мной тем, что вместо индейки с подливой за семейным

ужином она будет есть дерьмовый стейк и больничное желе с мамой. Что вместо лежания на диване и нытья из-за набитых до отказа животов они будут смотреть «Кубок Индейки» с узкой больничной койки, пока мама Уиллы не заснёт.

Я знаю, как всё проходит, потому что папина мама болела раком на протяжении последних лет своей жизни. Я проводил с ней много времени, потому что я был слишком маленький для школы, когда папа устроил её дома и заботился о ней. Я сидел на бабулиных коленях, читал ей свои любимые книги и слушал, как она рассказывала мне о детстве моего папы. За каждым приёмом пищи бабуля радостно вздыхала из-за того, что ест не больничную гадость, а вкусную еду Элин.

Я собираюсь сделать что-нибудь (даже если не знаю, что именно), чтобы выдернуть Уиллу из этого её раздражающего двуличного мировоззрения. Прежде чем я успеваю сделать что-то нетипично импульсивное, присутствие Эйдена всё портит (уже не в первый раз) и прерывает меня.

Бросив свой портфель на стол, Эйден поворачивается к аудитории и улыбается. Его глаза за задротскими очками коварно сверкают.

— Внеплановая контрольная!

Глава 15. Уилла

Плейлист: Lisa Hannigan — Fall

Я не соврала Райдеру, но я и не сказала ему правду. Просто разговоры о больной раком маме — это максимально неловкая тема беседы, и как я уже признавалась, такие диалоги совсем не по мне. Так что я в целом сказала, где мы пока что «живём», и что я проведу День Индейки с мамой. Это не ложь. Чёртово отделение онкологии правда недалеко от кампуса. В День Благодарения буду прижиматься к костлявому телу Джой Саттер, стараясь не думать о том, а не последний ли это праздник вместе с ней, и как я благодарна за то, что до сих пор могу обнять маму.

После оборванного разговора про футбол я пришла к выводу, что секретные отношения Райдера со спортом связаны с его потерей слуха. Учитывая это, мне не хочется тыкать его носом в свою футбольную карьеру. Я не упоминала, что буду много тренироваться и морально готовиться к самой важной игре в моей жизни до сего момента — четвертьфинал Национальной ассоциации студенческого спорта (НАСС). Я не говорю ему, что нервничак до тошноты, и что у меня такое чувство, будто я несущу на своих плечах успех и будущее не только себя самой, но и всей своей команды. Я не говорю ему, как всякий раз, отправляясь на выездную игру, я ужасно боюсь, что по возвращению окажусь уже без матери. Я не говорю ему, что мой страх подобен цунами, набирающему силу, и я не уверена, что выстою, когда всё это наконец обрушится на мое сердце.

Я не сказала ему ничего из этого. Но мне хотелось бы сказать.

— Саттер! — тренер подбегает ко мне и понижает голос, окидывая меня взглядом. Тем самым взглядом, который говорит «да что на тебя нашло?». — Поговори со мной.

Я встречаюсь с ней взглядом, проглатываю ком в горле, расправляю плечи и натягиваю на лицо решительную, как я надеюсь, улыбку.

— Простите, тренер. Больше не повторится.

Она хмурится.

— Моя дверь всегда открыта, Саттер, и если честно, я не могу допустить, чтобы ты этим не воспользовалась, если это повлияет на твою игру...

— Не повлияет, — я делаю шаг ближе, поднимая руки. Это жест мольбы, заверения. — Обещаю, я в порядке.

Руни в нескольких метрах от нас, скрестила руки на груди. Когда наши взгляды встречаются, она поднимает два пальца и показывает сначала на своё лицо, затем на моё. «Я слежу за тобой».

Да, я избегала Руни, потому что она моя настоящая подруга, и когда всё катится псу под хвост, она заставляет меня посмотреть правде в лицо и прочувствовать всё, а я просто не хочу. Остальная команда мне вполне нравится. Мы весело проводим время, но я не близка ни с кем из них, мы лишь поверхностные знакомые. А Руни — это мой человек, и я знаю, что когда вывалю на неё всё это дерьмо, то это будет подробно и неприглядно.

Тренер хлопает меня по спине, выдёргивая из моих мыслей.

— Тогда давайте! — её голос разносится над тренировочным полем. — Ещё полчаса тренируем оборону, затем закончили. Завтра большой день. Я хочу, чтобы все были выспавшимися, собранными и полными сил, ясно?

Раскатистый хор «Да, тренер» эхом прокатывается над травой. Пусть уже давно осень, во Флориде жарко и влажно. По моему лицу течёт пот, и я ужасно хочу принять холодный душ и проспать всю ночь.

Ещё полчаса все игроки сбиваются в тесные пространства, я тренирую свою обработку мяча, постоянно слежу за меняющейся обстановкой, мячом, своей командой и противниками, пасую и принимаю, и наконец, мы закончили. Взмокнув от пота, вымотавшись, мы уходим с поля, жадно лакая газировку и заваливаясь в автобус, который отвезёт нас в отель.

Я вздыхаю, когда нас встречает прохладный от кондиционера воздух. Усевшись, я прижимаюсь лбом к холодному окну и закрываю глаза. Руни плюхается на соседнее сиденье. Её деликатный тычок выдергивает меня из мыслей о том, чтобы подремать.

Её ореховые глаза напряжены от беспокойства, когда она обнимает меня рукой за плечи и притягивает к себе. Я не говорю ни слова, потому что с Руни и не нужно этого делать. Я просто позволяю своему разуму опустеть и блуждать, убаюканная гулом автобуса на шоссе.

Как только мы возвращаемся в отель, я звоню маме. Она отвечает после второго гудка.

— Уилла Роуз, не прошло и года.

Нрав я, может, и унаследовала от бабушки, но дерзость и остроты — от мамы.

— Блин, мама. Я просто хотела узнать как дела.

На фоне звучит влажный кашель, шорох ткани, указывающий на то, что она постаралась приглушить приступ.

— Я в порядке, Уилла. Тебе надо расслабиться, милая. Я пока что никуда не денусь.

«Пока что». На глаза наворачиваются слёзы. Когда я моргаю, они смачивают ресницы и катятся по щекам.

— Играть по праздникам — сложно. Я просто хочу быть дома с тобой. Хочу китайскую еду на вынос и марафон дерьмовых ситкомов 90-х годов.

— Знаю, — мама вздыхает. — Но факт тот, что жизнь полна перемен. Тебе нравится идея такого времяпровождения, но Уилла, в последние несколько лет нам обоим становилось скучно ещё на середине «Бестолковых» и мы играли в «Слова с друзьями», и между прочим, я победила.

— Чёрта с два ты победила.

Мама смеётся, и это не приводит к ужасному кашлю. Это заставляет меня улыбнуться.

— Уилла, когда в твой первый день в детском саду мне пришла пора уходить, ты до побеления костяшек пальцев вцепилась в мою блузку и орала, хотя до этого я сто раз оставляла тебя с бабулей Роуз или нянями.

— Я помню, — шепчу я.

— Поначалу я не могла понять. Ты всегда радовалась, когда новая няня-подросток приходила поиграть с тобой у нас дома, всегда радовалась, когда бабуля Роуз присматривала за тобой во время моего отсутствия, но это... это было иначе. Потому что мой уход означал, что тебе надо присоединиться к группе. Тебе пришлось встретиться с незнакомым и попробовать новое. Тебя беспокоил не столько мой уход, сколько твоё движение к новому. Тебя всегда беспокоило то, что тебе приходилось делать после прощания, Уилла. Это всегда тебя беспокоило. Знаешь, почему?

Я вытираю нос и моргаю, глядя в потолок.

— Нет.

— Потому что тогда тебе приходится столкнуться со страшной неизвестностью и хотеть

от неё чего-то. Тебе приходится жить, открывшись для новых вещей. Тебе приходится рисковать, пытаться и терпеть провалы. Тебе приходится отпускать багаж прошлого, чтобы принять будущее.

Нервозность выстреливает по моим венам. Это заставляет меня задрожать.

— Я уже хочу кое-что от будущего, мама. Я хочу играть профессионально и быть в женской национальной сборной. Я хочу выиграть Кубок Мира и быть в олимпийской сборной. Я хочу увидеть мир и узнать его. Но... я просто не хочу отпускать знакомое и оставлять позади близких.

Мама снова кашляет.

— Тебе придётся. И когда настанет время, ты это сделаешь. Ты подберёшь себя с пола, двинешься дальше и проживёшь эту прекрасную жизнь.

Мы говорим об этом, не говоря об этом по-настоящему. Ненавижу, когда мы так делаем. Пусть эти слова и не произнесены вслух, всё равно такое чувство, будто ножи вонзаются во все промежутки между моими рёбрами. Такое чувство, будто моё горло испепеляется, а сердце рассыпается в груди. Мир без моей мамы — это не тот мир, в котором я хочу быть. Я ненавижу, когда она заставляет меня думать об этом. Я ненавижу тот факт, что знаю, что она мне вот-вот скажет.

— Обещай мне, Уилла Роуз.

Я киваю, пока по щеке стекает слеза.

— Обещаю.

— Ты снова храпела, — Руни топает по гостиничному номеру, голая по пояс. Она бесстыжая нудистка, которая буквально расхаживала бы по миру голой, если бы её за это не арестовали. Эта женщина ненавидит одежду так же сильно, как я — разговоры по душам. На первом курсе меня это пугало, но с тех пор я привыкла и научилась не замечать.

Я зеваю, пытаюсь заставить свои глаза сфокусироваться, чтобы посмотреть на время.

— И? Это имеет какое-то значение? Я же всегда храплю.

— И я забыла свои беруши.

Я хмурюсь — и потому, что на моём телефоне неожиданное сообщение, и потому что невыспавшаяся Руни — совсем не то, что нам нужно на сегодняшней игре. Как и сказала тренер, ей надо, чтобы мы хорошо отдохнули и были готовы.

— Прости, Ру.

Она машет рукой, выуживая из сумки спортивный лифчик и наконец избавляя меня от страданий. Как я и сказала, я привыкла к наготe, но разговаривать с моей лучшей подругой, пока её сиськи размером с укусы комара демонстрируют, насколько холодные настройки мы задали кондиционеру — отнюдь не моё любимое времяпровождение.

— Всё нормально, — говорит она. — Я буду в норме. Мне только нужен кофе, и плевать, что тренер об этом скажет.

— Сама решай, Ру. Я поддерживаю употребление кофеина, лишь бы ты пила достаточно воды.

— Спасибо, — Руни плюхается на кровать, затем переворачивается на спину. — Боже, я дерьмовая подруга. Я тут жалуясь на храп и потребность в кофе, когда у тебя в жизни происходит нешуточное дерьмо. Ты вчера не пригласила меня в больницу, и я знаю, это потому, что ты беспокоишься, вдруг это последний...

— Ты хочешь гостиничный кофе, или мне заказать из Старбакса? — перебиваю я.

Этим Руни скандально славится. Она говорит о тяжёлых темах так, будто это нормально, будто тяжёлые чувства проживаются, а не подавляются и не выпускаются потом периодическими вспышками матерных рыданий, пробежками на 25 км и запоями виски.

Руни вздыхает.

— Гостиничное дерьмо подойдёт, спасибо. Уилла, поговори со мной. Выпусти всё это.

Я открываю бутылку воды и наливаю половину содержимого в крохотную кофеварку в номере. Далее кладу капсулу кофе в специальный отсек и закрываю.

— Просто у меня дурное предчувствие, Ру, — я прочищаю горло и проглатываю ком эмоций. — У неё в последнее время мало сил. Она не оживляется как тогда, когда у неё в последний раз была ремиссия. Она до сих пор больна.

Руни садится, встречаясь со мной взглядом.

— Что это означает? Что бывает, если продолжаешь болеть раком?

— Ты умираешь, вот что бывает, — я вытираю нос. — Обычно так и происходит.

Сделав долгий успокаивающий вдох, я нахожу в своей психике тот железный ящик, к которому у меня всё ещё есть ключ, к счастью. Я заталкиваю своё беспокойство о маме, свою предварительную скорбь, тревогу, абсолютно всё в то холодное, недостижимое место. Захлопнув дверцу, я поворачиваю ключ и зарываю всё это поглубже.

— Ладно, я сейчас больше не хочу об этом говорить. Сегодня я забуду минимум три гола.

Руни встает, знакомая с этой процедурой.

— Да, чёрт возьми.

— Сегодня я улучшу игру своей команды и буду лидером на поле.

— Вот именно!

Я встречаюсь взглядом со своим отражением.

— Сегодня мы победим.

Руни встаёт позади меня и кладет руки мне на плечи.

— Ты справишься. Мы все справимся. Ну, при условии, что ты отойдёшь ипустишь меня к моей кружке дерьмового кофе, Грейнджер.

Я бросаю на неё взгляд.

— Называть меня Гермионой Грейнджер — это вообще не оскорбление.

Руни любовно дёргает меня за волосы.

— Знаю. Я не пыталась тебя оскорбить. Я пыталась вызвать у тебя улыбку.

Затем Руни сама улыбается, хватая кофе и отходит.

— Кроме того. Злить тебя — это уже не моя работа. Кое-кто украл у меня этот титул.

Мои губы хмуро поджимаются.

— Между нами всё не так.

Руни издаёт фыркающий смешок, затем делает неуверенный глоток кофе.

— Конечно, милая. Повторяй себе это.

Экран моего телефона снова загорается, напоминая о сообщении, полученном буквально несколько минут назад от того же, о ком говорит Руни.

Райдер.

«Солнце в Солнечном штате. Удачи сегодня, Уилла. Ты все сможешь».

Это было его первое сообщение, и это было приятно. Я тащусь к телефону и хмуро смотрю на новое. Я так и знала, что он не сможет оставить всё на дружеской ноте.

Сначала это скриншот изображения из гугла. Очень нелестное фото, на котором я вытянутой рукой ударяю по груди защитницы, чтобы обойти её. Моё лицо выглядит так, будто я высираю кашку эпических размеров и в то же время переживаю оргазм, от которого подворачиваются пальчики на ногах. Это самое худшее моё фото из всех, что я видела.

«Постарайся не ослепить слишком многих людей своим сиянием на поле».

Зарывав, я снимаю блокировку экрана и печатаю.

«И тебе доброе утро, Бигфут. Постарайся, чтобы не слишком много крошек от праздничного ужина застряло в той мёртвой белке, что обёрнута вокруг твоего рта».

«Тебе нравится моя борода. Признай это».

«Совсем, совсем не нравится».

«Это отличительная черта».

«Это омерзительная черта».

«Я оскорблён до глубины души».

«Для этого надо иметь душу, Бугай».

«Ты же в курсе, что Бугай — это не оскорбление?

Ты говоришь мне, что я воплощение бородатой сексуальности.

Что я чертовски накачанный, и моя мужественная

фланелевая рубашка вот-вот затрещит по швам».

«Я сейчас сосредоточусь на том, чтобы

разнести в пух и прах кое-каких жёницин на футбольном поле.

Потом вернусь домой и сбрую это уродство с твоего лица».

«Вот только притронься к моей лицевой растительности, жёницина,

и клянусь, несколько дней сидеть не сможешь».

Мои глаза широко распахиваются, брови взлетают вверх, и я роняю телефон. Между ног у меня так и пульсирует. Мои соски превратились в напряжённые вершинки, пронизывающие майку.

Руни усмехается в свой кофе.

— С Райдером разговариваешь?

— Хм? — наконец, я смотрю в её сторону и скрещиваю руки поверх пульсирующей груди. — Что? Нет. Да. Я в порядке. В душ пойду.

Она всё ещё ржёт, когда я встаю под ледяные струи.

Глава 16. Райдер

Плейлист: Dermot Kennedy — A closeness

Теперь я помню, почему я ненавижу праздники. Ну, по крайней мере, с тех пор, как мой слух оказался похерен.

Чистый, неразбавленный хаос.

Чтобы уменьшить страдания моих ушей, слуховой аппарат, само собой, снят, но это означает, что меня часто застают врасплох налетающие тела и движение. Вчерашний день не был ужасен. Мы относительно мирно поели, а потом пошли в долгий поход, который оказался умиротворяющим и целительным для моей психики после всей этой шумихи, но заставил меня ещё сильнее скучать по дому.

Но сегодня мы все в гостиной, расположились на поразительно огромном диване, который мама заказала на какой-то фабрике для семей со слишком большим количеством детей. Он с лёгкостью вмещает двадцать человек. И это хорошо, поскольку мои братья и сестры, их спутники жизни, два папиных брата, их жены и дети все в гостиной и готовятся смотреть матч Уиллы.

Ну типа, они не думают об этом матче в таком плане. Для них это всего лишь тот факт, что женская команда КУЛА вышла в четвертьфинал. Мы в семье очень любим футбол, и пусть не все учились в Калифорнийском университете, сложно не гордиться женской командой нашего штата.

Я сижу на том конце дивана, что ближе всего к гигантскому плоскоэкранному телевизору, закреплённому над камином. Я сижу нарочно спиной ко всем. Язык моего тела ясно говорит то, что не сообщает тело: не говорите со мной, не трогайте меня, дайте посмотреть игру.

Рен уехал на серию игр (у него матч сегодня попозже), но он как будто знает, что сейчас я хочу, чтобы меня оставили в покое. И естественно, он начинает меня донимать.

Мой телефон вибрирует от его сообщения. *«Твоя леди выглядит готовой надирать задницы».*

Я позволяю себе издать стон, не разжимая губ. После встречи с Уиллой такое случается всё чаще и чаще.

«Она не моя леди», — пишу я в ответ.

«Но это ведь она, верно? Та, что с косичкой? Форвард, которая забивает все голы? Хм. По описанию похоже на меня. Впечатляющий форвард. Машина по забиванию голов. Если она для тебя ничто, может, мне стоит пригласить её на свидание».

Я печатаю в ответ: *«Она для меня не ничто. Она МОЙ друг, и она недоступна».*

Я буквально вижу его чёртову раздражающую ухмылку. Он лежит, его массируют, обкладывают льдом и крепят специальные тейпы перед игрой, а он улыбается своей всезнающей ухмылкой. *«Мы слишком взрослые, чтобы вот так забивать девчонок. Или ты встречаешься с ней, или она свободна для всех».*

Я чертовски близок к тому, чтобы смять телефон в кулаке, но всё же просто убираю его в карман и игнорирую подколки Рена. Помимо Уиллы, он лучше всех знает, как задеть меня за живое.

Уилла и её команда рассеиваются из кучки, и я вижу, как её компактное тело

пересекает поле к центральному кругу. Я отсюда чувствую её нервозность, а может, я просто помню, каково это. Как сжимается твоё нутро, как конечности слегка вибрируют, пока ты встряхиваешь их, и адреналин активизирует твоё тело. Звон в ушах, слепящие огни стадиона.

Раздаётся свисток, и Уилла резко разворачивается, совершая удачный пас защитнице. Затем пробегает через поле и находит своё место в верхней части.

Я абсолютно сосредотачиваюсь, следя за Уиллой в первой половине матча. Команда штата Флорида атакует её на каждом шагу, но для Уиллы это мало что значит. Даже с двумя людьми, мешающими ей, её тело находит тот просвет между четырьмя ногами защитников и ударяет. Внутреннее касание, «ножницы» ногами — фокус, который я как защитник всегда пытался предвидеть, часто опасался и часто проигрывал из-за него. Её приём в духе Марадоны молниеносно быстрый, стремительное движение передаёт мяч другому игроку, развернувшись, уведя мяч за собой и используя инерцию оппонента.

Уилла — звезда, но она выводит своих товарищей по команде в стратосферу. Их пасы безупречны, мяч летает от игрока к игроку, дальние передачи улетают в место, где тут же оказываются их нападающие. Они все хороши, а Уилла великолепна.

Мой телефон вибрирует. *«Чёрт возьми, сынок. Серьёзно, если ты не будешь за ней ухлёстывать, я сам приударю».*

Я открываю камеру на телефоне, сердито смотрю в экран и показываю средний палец. Как только я отсылаю это Рену, от него тоже приходит фотка. Он свёл глаза к переносице и высунул язык.

Рен врёт как дышит. Уилла ему не интересна. Даже женщину, с которой ему суперкомфортно, он едва может пригласить на свидание, что уж говорить о полной незнакомке. Рен — просто король в том, что касается неразделённой любви и неловких фраз не в тот момент. И это уморительно, потому что куда бы он ни пошёл, женщины падают перед ним штабелями. Он просто понятия не имеет, что делать. Я бы предложил помочь ему, но... как и доказывает переписка только что... он слишком меня бесит, чтобы я был таким услужливым.

«Тебя предупредили. Заяви на неё права, иначе она свободна для всех, — пишет он. — И помни, что из нас красивый — я, так что...»

Прежде чем я успеваю пригрозить расправой моему брату, нежная рука дотрагивается до моего плеча, застав врасплох и вынудив поднять взгляд. Мои глаза опускаются к маминым губам.

— Тут свободно? — спрашивает она.

Я смотрю на кусочек подушки, занимаемый моими расставленными ногами и широким телом, и пытаюсь подвинуться. Кивнув, я похлопываю по сиденью дивана.

Мама улыбается мне, садясь и кладя ладонь на мою спину.

— Я скучаю по тебе, Райдер. Ты не приезжаешь домой так, как в прошлом году.

Я открываю телефон и пишу: *«Я тоже по тебе скучаю. Этот семестр оказался неожиданно сложным, — я мотаю головой в сторону Эйдена, который незаметно лапает Фрейю, и это едва не заставляет меня слегка блевануть. — Твой любимый зять превратил мою жизнь в ад».*

Мама тихо смеется, снова похлопывая меня по спине, затем берёт меня за руку.

— Дело правда только в этом?

Я перевожу взгляд с телевизора на маму, потому что пытаюсь не пропустить ни секунды игры, но в то же время не хочу быть грубым с мамой. Я пожимаю плечами и одними губами

говорю: «Да».

Взгляд мамы скользит к телевизору, и с минуту она смотрит игру вместе со мной, после чего снова похлопывает меня по руке, чтобы я читал по губам:

— Она очень хороша, та, что в верхней части. Очень... боевая.

Как раз когда я поворачиваюсь обратно, камера показывает крупный план, запечатлев, как Уилла борется за мяч возле трибун. Уилла делает финт, затем разворачивается, перепрыгнув через защитницу. Одно финальное касание, после чего она отправляет мяч в дальний угол и забивает. Мы все встаем, свистим и хлопаем в ладоши.

Уилла вскидывает руки и выпячивает грудь, упиваясь моментом, пока её товарищи по команде напрыгивают на неё, затем быстро рассеиваются. Четверо из них наполовину наклоняются и сцепляют руки, образуя ровную поверхность. Руни прикладывает ладонь к уху, другой имитирует движения диджея за пультом. Уилла опускается и несколько раз двигает бёдрами, отчего за моей шириной сразу становится тесно. Затем она встаёт на колени, опирается на плечо и выполняет движение из брейкданса.

Все в комнате взрываются хохотом, кроме мамы. Шведы не любят выделяться, не терпят любых проявлений высокомерия или гордости. Она склоняет голову набок, будто пытается решить, что же вообще может подтолкнуть человека вести себя так, как это делает Уилла.

— Интересный способ празднования, — говорит мама.

Мой смех шумно вырывается через нос. Взяв меня за руку, мама опирается и встаёт, затем накрывает ладонью мою щёку.

— Ну, может, ты и реже бываешь дома, зато определённо улыбаешься чаще, — её внимание устремляется к телевизору, затем обратно ко мне. — Что бы ни делало тебя счастливее, с моей точки зрения это хорошо.

Это мгновенно вызывает у меня подозрения. Мама как будто знает, что я связан с Уиллой. Когда мама уходит, я осматриваю комнату в поисках Эйдена. Это он заинтересован в нас с Уиллой. Если он болтает с мамой о ней и преувеличивает природу наших отношений, возможно, мне всё-таки придется выбить из него дерьмо. Давно уже пора.

Наши взгляды встречаются. Его глаза раскрываются шире. Бросаются к маме, чьё лицо всё ещё освещено лукавой улыбкой, пока она уходит из комнаты, затем снова находят меня. Эйден медленно отстраняется от Фрейи на диване и начинает пятиться.

Я кошусь на телевизор. Последние секунды до перерыва, так что я ничего не пропущу. Идеальное время, чтобы отмутузить его. Эйден, похоже, понимает это и выбегает из комнаты. Я даю ему секунду, затем перескакиваю через диван и гонюсь за ним. Но это неважно. Эта заноза в моей заднице наконец-то поплатится.

— Как насчёт такого... если мы выиграем чемпионат, то я получаю право сбрить твою бороду.

Уилла тычет меня пальцем в руку. После похода мне приходится считать до трёх и только потом реагировать на неё, когда она заговаривает с мной. Мне требуется морально подготовиться, прежде чем смотреть на неё, иначе я выдам тот сложный узел чувств, что скручивает мою грудь. И есть добавочный бонус — это её бесит.

— Я знаю, что ты меня слышишь, Лесоруб.

Наконец, я поворачиваюсь к ней. Приподняв голову, я притворяюсь, будто задумался, затем одними губами говорю: «Нет».

— Да броооось, — ноет она.

Эйден награждает нас взглядом. Он устроил очередную контрольную. Мы оба уже доделали, но ещё не все закончили.

Я снимаю блокировку с экрана телефона. *«Ты же понимаешь, что говоря, как тебе хочется видеть меня без бороды, ты только поощряешь меня отрицать её до бесконечности, да?»*

Уилла закатывает глаза. *«Да мне твой вид вообще не приносит удовольствия. Я просто хочу, чтобы мне перестали сниться кошмары о сасквоче и безумных молчаливых викингах».*

«Выходит, я снюсь тебе, да?»

Щеки Уиллы розовеют, когда она это читает. Прочистив горло, она выпрямляется на сиденье и печатает: *«Да. Эти сны — мой анти-мастурбационный материал. Когда я вижу настолько горячего парня, что просто хочу затащить его в постель, я думаю об этом комковатом хвосте неопознанного животного на твоём лице, и моё либидо сразу скукоживается».*

Я прищуриваюсь, затем печатаю: *«Что это за горячие мужчины, которых ты хочешь затащить в постель?»*

Она усмехается, машинально накручивая прядь волос на палец, и не отвечает.

«Уилла».

Полностью игнорируя меня, она пишет: *«Нам нужно просмотреть индивидуальные отчёты друг друга про наш счастливый поход, прежде чем сдавать их Маку. У меня нет кучи свободного времени, так что, может, просто встретимся у тебя и просмотрим их одновременно?»*

Я сжимаю переносицу, затем печатаю: *«Ладно. Сегодня вечером, а то я потом не смогу до выходных, а там у тебя игра, так что... сегодня».*

«Идеально. Предупреждаю, тренер пообещала, что после сегодняшней тренировки мы захотим умереть, так что я буду сварливой и голодной. Мне хотелось бы подать официальный запрос на легендарные фрикадельки Надувшегося Шведа».

«Я не надулся, — печатаю я. — Просто ты не отвечаешь на мой вопрос».

Эйден собирает контрольные и начинает обсуждать задание, которое я уже сделал. Уилла притворяется, будто сосредоточена на его словах, а когда Эйден заканчивает, она поворачивается ко мне. Удерживая мой взгляд, она складывает учебники в сумку и застёгивает молнию. Когда она встает, я впервые вижу её наряд полностью и с трудом сглатываю.

Тёмные джинсы облегают её мускулистые ноги, низко сидя на бёдрах. Полоска загорелой кожи выглядывает под облегающей майкой в мелкий цветочек в таких тонах, которые вызывают ассоциации с Уиллой — золотистый, багряный, алый, карамельный. Её кардиган кремово-белого цвета спадает с загорелого плеча. Она снова взялась за своё сексуальное дразнение. Я хмурюсь, потому что это сработало. Мне придётся посидеть за партой несколько минут после её ухода, чтобы остыть.

Улыбнувшись, она повыше приподнимает сумку на плече.

— Пока, Мужчина Гор. Надо бежать.

Я смотрю ей вслед и прикусываю щёку изнутри, чтобы не застонать, потому что у Уиллы знатная задница, и в этих джинсах она особенно эпична. Повернувшись к своей парте, я тру лицо руками.

Спустя очень важную минуту, в течение которой я представляю самые отвратительные

вещи, о которых только могу подумать (а с шестью склонными к розыгрышам и мстительными братьями и сестрами у меня предостаточно воспоминаний), я встаю, не рискуя опозориться, и ухожу.

Я не могу сказать вам, почему пересекаю двор, хотя обычно после пары ухожу напрямиком домой и обедаю. Я не могу сказать вам, почему бреду в сторону кафетерия кампуса, который предлагает смузи, приличный кофе и свежие салаты — место, где Уилла обедает в этот день недели, потому что скоро у неё пара по феминистской литературе, и у неё нет времени идти домой и готовить, а размякшие бутерброды она ненавидит... как и все ланчи с собой, вообще-то... ненавидит с пылкостью тысячи палящих солнц...

Не то чтобы я помню, как она мне всё это рассказывала.

Я не могу сказать, почему встаю в очередь, когда вижу Уиллу через четыре человека передо мной. Она кусает эти соблазнительные пухлые губы и читает меню.

Ну, я могу сказать. Но тогда бы мне пришлось признать, чему я противостою. Признать, что после похода держать Уиллу в зоне «друзья-враги» стало сложнее, чем прежде. Признать, что мои чувства к ней становятся большими, страшными и серьёзными. Что моё сердце совершает нервирующий кулбит всякий раз, когда я смотрю на Уиллу.

Я смотрю на неё сейчас. Пялюсь, если честно. Грежу наяву о том, чтобы провести пальцами по её безумным волосам, по путанице волн и прядей, по шоколадным завиткам, карамельным струйкам и малиновым отливам, которые отражают полуденное солнце. Наблюдаю, как высокий темноволосый парень с голубыми глазами, которого нельзя назвать уродцем, подходит к ней и обнимает за плечи.

Моё сердце ухает в пятки. Чрезвычайно глупо с моей стороны было предполагать, что Уилла ни в ком не заинтересована. Но я видел лишь то, что она не награждает ни одного плящегося на неё парня даже повторным взглядом. Она не тащится по парням, не ходит на свиданки, и учитывая её многочисленные мужененавистнические тирады, которые она вплетает в наши совместные вечера подготовки, я предположил, что Уилла практически ненавидит мужчин. Ну разве что за исключением меня. И, может, Такера и Бекса, к которым она, похоже, привязалась, пока мы работали над проектом у меня дома.

Этот парень, похоже, является исключением. Он улыбается ей и шутливо трёт ей волосы кулаком⁵. Дурак.

Я не могу сказать вам, почему я делаю это. Почему я наблюдаю за ними, хотя моё сердце разъедает кислота ревности. Но я не могу отвернуться.

Глава 17. Уилла

Плейлист: Fiona Apple — Hot Knife

— Уилла Саттер. Ты погляди на себя.

Даже если бы я забыла его раздражающий голос, я бы узнала его по его типично придурочному жесту — кулаку в моих волосах. Отстранившись от хватки его руки на моих плечах, я смотрю на Люка Мастерса, жутковатого качка, с которым я по дурости переспала в прошлом году. Он в баскетбольной комнате. В год у нас бывает несколько мероприятий, когда участники мужских и женских команд сходятся вместе. И после нашего перепиха (откуда он свалил ещё до того, как я проснулась, и бросил презерватив на полу), я терпела его на таких мероприятиях и ничего больше.

До прошлого лета, когда он и Руни переспали. Руни не догадывалась о нашем прошлом, поскольку я такая я, и никогда не рассказывала ей о нашем с Люком перепихе. Вышло странно, но это не худшая часть. Он поступил с Руни так же, как и со мной, а потом рассказал всем, какая она (по его словам) извращенка в постели. Теперь я уже не терплю его, а откровенно ненавижу.

— Люк Знатный Говнюк, — я поднимаю руку и щипаю его за сосок, отчего он вскрикивает и делает шаг назад. — Чего это ты притащился сюда и загрязняешь атмосферу своим существованием?

Он потирает ущипнутый сосок и окидывает меня взглядом.

— Просто решил поздороваться с моей любимой коллегой-звездой.

— Аа.

Люк... тщеславен. Ему нравится, когда его видят с правильными людьми, он поддерживает репутацию человека с лучшими связями, водится с людьми, на фоне которых он, как ему кажется, хорошо выглядит.

У меня был невероятный матч в полуфинале. Хэт-трик и невероятный пас, приведший к голу Руни. Я мелькала в новостях и дала интервью, которое разошлось из уст в уста. Я заработала хорошую публичность на протяжении плей-офф игр, и последний матч вывел всё на новый уровень. Как и многие мужчины до него, Люк решил искупаться в славе того, что женщина заработала слезами, потом и кровью, и надеется, что ему это тоже принесёт выгоду.

— Как прошла твоя последняя игра? — спрашиваю я, делая шаг вперёд, когда человек в очереди передо мной подходит к кассе и делает заказ. — Ооо, погоди, точно. Вы проиграли. Опять.

Лицо Люка скисает.

— Чёрт, Уилла. Ты всегда была такой сукой?

Среди людей позади меня зарождается какая-то возня, но я не оборачиваюсь, чтобы посмотреть. Мне тут надо кое-кого словесно кастрировать.

— С тех самых пор, как ты на каждом углу трепался о моей подруге и её сексуальных предпочтениях — да, Люк. А теперь...

Тёплое тело вжимается в мою спину, и меня окружает запах соснового леса. Я поворачиваюсь, и мне приходится существенно приподнять голову, чтобы увидеть Райдера. Его челюсти напряжены, глаза не отрываются от Люка.

Люк переводит взгляд между мной и Райдером.

— Кто этот парень?

Я никогда не бывала в такой ситуации, где люди не знают, как Райдер общается. Я не хочу говорить от его лица, но и он явно не заговорит. Эти двое сверлят друг друга взглядами.

— Люк, это Райдер Бергман. Он не очень хорошо слышит и не разговаривает, зато читает по губам как монстр. Я так понимаю, он увидел, что ты назвал меня сукой, и решил, что если ты ещё раз повторишь такое, то твоё лицо познакомится с его лесорубным кулаком.

Губы Райдера подёргиваются, будто он сдерживает улыбку. На нём моя любимая из его фланелевых рубашек — сине-зелёная, подчеркивающая его глаза. Ну как тут удержаться от комментария про лесоруба?

Люк критически осматривает Райдера.

— Глухой и немой. Похоже, только такой и может быть твоим другом, Уилла. Он не слышит всё тупое дерьмо, что ты говоришь, и не может назвать тебя сукой из-за этого.

Райдер совершает рывок мимо меня, но я умудряюсь встать на его пути, развернувшись к нему лицом.

— Посмотри на меня, Райдер.

На челюсти Райдера подёргивается мускул, глаза потемнели от злости.

— Райдер Бергман. Посмотри. На. Меня.

Наконец, он опускает взгляд. Его грудь до сих пор вздымается, всё тело готово броситься и выбить всё дерьмо из Люка. И это было бы реально выбивание дерьма. Люк мускулистый, но в сравнении с лесорубом выглядит тощим. Куда ему тягаться с телосложением Райдера.

Наши взгляды встречаются, и его глаза опускаются к моим губам. Я медленно переплетаю наши пальцы.

— Не трать силы на кого-то вроде него, ладно? Особенно из-за меня.

Нарочито повернувшись спиной к Люку, я сжимаю ладонь Райдера. Он всматривается в мои глаза. Его грубая мозолистая ладонь тоже сжимает мою.

Я улыбаюсь, мои плечи расслабляются от облегчения.

— Пошли, Бугай. Я угощу тебя ланчем.

Никогда не думала, что у меня есть фетиш на бутерброды, но видимо, есть. Райдер ест здоровенный итальянский сэндвич-субмарину, закатав рукава, и его озаряет декабрьское солнце. Это откровенно порнографично. Я вижу каждое сухожилие и мышцу, напрягающиеся под лёгким слоем светлых волосков на его руках. Его пальцы элегантно длинные, но грубые на костяшках, и у него отсутствует часть подушечки на левом указательном пальце. Как я этого не замечала до сих пор? Даже после нашего опросника у водопада, как я могу столько всего не знать о Райдере Бергмане?

«Ладно, чья бы корова мычала. Что, чёрт возьми, он-то знает о тебе?»

Чёрт. Странные метафоры, даже по моим меркам. Моё хитрое подсознание право на сто процентов. Я скрываю от Райдера серьёзные вещи. Если не считать внушительных усилий, которые я прикладываю, чтобы дразнить и подкалывать его, то я обхожусь с ним как с любым другим парнем. Я держу его на расстоянии, не подпуская к своему сердцу. Ну, по большей части. На том выступе у водопада случилась осечка. Тогда я, возможно, подпустила его ближе.

Я смотрю, как он слизывает майонез с большого пальца, и чувствую, как улыбаюсь. Его ресницы опускаются на скулы, и пусть борода прибавляет в объёме, теперь он её хотя бы причёсывает, обнажая лёгкий намек на скулы. Когда он наклоняется за водой, я мельком могу заглянуть в ворот фланелевой рубашки, у которой расстёгнуто две пуговицы. Я украдкой вижу мышцы груди, лёгкий покров волосков. Мой разум блуждает, представляя, как бы я расстегнула его рубашку, сдёрнула с его плеч, а потом толкнула, заставляя Райдера лечь на спину. Я бы оседлала его талию и провела ладонями по тёплой, напряжённой коже живота.

Мимо меня со свистом проезжает велосипедист, вырывающий меня из грязных фантазий. Мои кулаки сжаты, соски так и царапают тонкий материал лифчика. Я до боли остро осознаю каждый дюйм тела Райдера и то, как часто я думаю о сексе, когда нахожусь рядом с ним. Наверное, это просто накопившееся неудовлетворение, подобное статическому электричеству, которое трещало и искрило между нами так долго, что ему нужно куда-то выйти, выплеснуться. Мы по умолчанию согласились не убивать друг друга, так что какая её катарсическая активность нам остается? Что может прогнать эту адскую энергию, пульсирующую между нами?

Единственный ответ — секс.

Если Райдер и знает, что я наблюдаю за ним, то ничего не говорит. Он сделался тихим даже по его меркам с тех пор, как мы заказали еду и сели за столик под открытым небом. Его ладонь лежала на моей пояснице, пока мы шли, и он придержал для меня дверь. Прежде, чем дверь закрылась за нами, он наградил Люка убийственным взглядом, от которого у меня слегка подкосились колени.

Положив свой сэндвич, Райдер отряхивает крошки с рук и берётся за свой телефон. Через несколько секунд мой издаёт сигнал.

«Кем был тот придурок?»

Я снимаю блокировку и печатаю: *«Старый неудачный перепих»*.

Рука Райдера крепче сжимает телефон, когда он читает моё сообщение. Он стискивает зубы, сглатывает, будто попробовал нечто гадкое, и во мне бурлит тепло. Райдер ревнует?

Интересно.

Я снова открываю сообщения и пишу: *«Их у меня много»*.

Райдер читает сообщение. Костяшки его пальцев белеют, затем он поднимает глаза и с долгу минуту изучает меня взглядом. Когда он переключает внимание на телефон и начинает печатать, моё нутро скручивает от предвкушения.

«Лгунья из тебя так себе, Солнце».

Я прикусываю губу, стараясь скрыть улыбку. *«Ладно, их не так уж много, но все неудачные»*.

«Почему неудачные?» — пишет он.

Я рефлексивно отвечаю Райдеру. *«Потому что самого интересного так и не случилось, если ты понимаешь, о чём я»*.

Мои уши горят. К щекам приливает румянец. Зачем, чёрт возьми, я сказала ему это?

Его тело замирает, пока он читает. Свободная рука Райдера барабанит всеми пятью пальцами по его бедру, пока он пишет ответ. *«Значит, они были имбецилами. Имбецилами, которые понятия не имеют, что упустили»*.

Необъяснимый комок эмоций встает в моём горле. Я откашливаюсь. Затем по какой-то идиотской причине пишу и отправляю: *«Видимо, меня сложно удовлетворить»*.

Господи Иисусе. Видимо, у меня ещё и язык без костей. Мой румянец усиливается в десять раз.

Райдер хмурится. Его лицо превращается в мрачную гримасу. *«Чушь собачья».*

У меня вырывается неприличный хрюкающий смешок, пока я отвечаю. *«Неа. Это традиционная реплика твоего пола, когда дело касается секса с Уиллой Саттер».*

Райдер качает головой, его пальцы летают над клавишами. *«Парни говорят такую ерунду, когда сами ни хрена не знают, как доставить удовольствие женщине. Нужно лишь немного времени и готовности учиться. Поверь мне, Уилла, это никак не связано с тобой».*

Я шмыгаю носом, читая его сообщение. Моё сердце Гринча увеличивается вдвое. Но моя злобная улыбка Гринча тоже даёт о себе знать. Если бы мои волосы могли виться от восторга как у того монстра, испортившего Рождество, они бы так и сделали. *«Думаю, мне нужны доказательства, — пишу я. — Я по натуре скептик».*

Райдер вскидывает голову и прищуривает глаза. Опустив взгляд обратно, он посылает краткое сообщение. *«Это у тебя такие корявые попытки соблазнить меня, Солнце?»*

Высокомерный мужчина гор. Я хочу сказать «да», но он только что заставил меня выглядеть как оголодавшая без секса потаскушка, которая умоляет его вытащить свой сучок лесоруба и завалить меня в постель на неделю.

«Это потому что ты и есть оголодавшая без секса потаскушка, которая умоляет его вытащить свой сучок лесоруба и завалить её в постель на неделю».

— Заткнись, — говорю я своей вагине, ибо это точно её речи. Она кажется пустой и терзающейся всякий раз, когда Райдер рядом. Я не буду подчиняться своей вагине.

Я снимаю блокировку с экрана. *«Я тебя умоляю, — пишу я. — Я слышала, лесорубы славятся своей неуклюжестью, когда они наконец-то выходят из леса и забредают в "кустики"».*

Райдер читает моё сообщение и закатывает глаза. Ему хватает наглости затолкать в рот остаток сэндвича и жевать как какой-то гиперсексуальный голодный дровосек. Мои бёдра инстинктивно потираются друг о друга. Поднимается ветер, и мои и без того напряжённые соски затвердевают под майкой. Несмотря на лифчик и майку, они становятся возмутительно заметными. Райдер поднимает взгляд от сэндвича и окидывает меня оценивающим взглядом. На мгновение его глаза задерживаются на моей груди, но он быстро оправляется. Сунув руку в свою сумку, он достаёт толстовку КУЛА и бросает её мне.

Я с жадностью натягиваю её через голову и вдыхаю приятный хвойный аромат. Я чувствую статическое электричество, которое его толстовка создаёт в моих волосах, но мне плевать.

— Спасибо, Рай.

Он кивает, не сводя с меня глаз. Его пристальный взгляд длится дольше обычного.

— Всё в порядке? — спрашиваю я.

Наконец, он моргает, затем берёт телефон и печатает в своей сверхскоростной манере. *«Да вот гадаю, не заражусь ли я от тебя такими же буйными волосами после того, как ты поносишь мою толстовку».*

Я наклоняюсь через нашу еду и щипаю его за руку. Сев на место, я демонстративно запускаю руки в свои непослушные волосы и взбиваю их ещё сильнее.

Лицо Райдера озаряется одной из тех редких широких улыбок, и моё сердце пропускает удар. Он поднимает ладонь перед своим лицом, кружит пальцами, пока они не сойдутся в одной точке, затем раскрывает их, будто выпускает вспышку волшебства. Значение этого

жеста я не знаю.

По моей спине пробегает дрожь, но не из-за ветра, пролетающего над травой и играющего опавшими листьями между нами. Ветер шепчет в моих волосах и прилепляет рубашку Райдера к его телу. Время замирает.

— Что это означает? — спрашиваю я.

Скомкав пустую обёртку от сэндвича и прибрав наш беспорядок, Райдер вешает сумку на плечо и встаёт. Его пальцы ерошат мои волосы, и он улыбается мне. Затем уходит, оставляя меня в дымке вопросов без ответов и в запахе кедра.

Чёртов лесоруб и его игры с разумом.

— Беккет Беккерсон, убери свои чёртовы лапы от мяса для тако! — Такер шлёпает Бекса по пальцам, затем отталкивает его, отчего Бекс едва не врежется в меня, когда я закрываю входную дверь.

— Прости, Уилла, — мямлит Бекс, помогая мне восстановить равновесие.

— Вильгельмина! — орет Такер.

Я показываю ему средний палец.

— Я запрашивала шведские фрикадельки.

Такер пожимает плечами.

— Райдер вернулся домой пятнадцать минут назад. Он попросил меня сделать ему одолжение и приготовить мясо на тако.

Хм. Странно. Мне ненавистно это признавать, но нет смысла отрицать, что я выучила распорядок дня Райдера. Он должен был вернуться домой несколько часов назад.

Бекс идёт к холодильнику, доставая начинки для тако.

— Ты ведь любишь тако, верно? — спрашивает он, всё ещё копаясь в холодильнике.

Я бросаю сумку на стол и машу рукой, уже шагая в сторону комнаты Райдера.

— Я их обожаю. Спасибо, ребят.

— Круть, — кивает Такер, покачивая головой в такт музыке, тихо играющей на его телефоне.

Дважды постучав по двери комнаты Райдера, я вхожу. Он за ноутбуком, в наушниках и щурится. Он выглядит таким сосредоточенным, что мне ужасно интересно, что же он смотрит.

Когда я подхожу ближе, он окидывает меня повторным взглядом, широко раскрывает глаза, сдирает с себя наушники, захлопывает ноутбук и чуть ли не садится на него.

Склонив голову набок, я скрещиваю руки на груди.

— Всё нормально, Бугай?

Он кивает и шумно сглатывает. Оттолкнувшись от стола, он хватается за локоть и выводит из своей комнаты в гостиную. Одной рукой направляя меня, другую он кладёт на свою грудную клетку. Пальцы распластаны, средний повыше остальных, и он проводит по своей груди.

«Как ты? — жестом спрашивает он. — Как дела?»

Я заметила, что в последние недели он чуть больше пользуется языком жестов. Мы всё равно много общаемся через сообщения, но, похоже, ему просто хочется смотреть на меня и хоть немного общаться.

— Я надрала задницу финальному эссе по феминистской литературе, вот как дела, —

он отпускает мой локоть теперь, когда мы вдалеке от ноутбука, где мне что-то не полагается видеть.

Он улыбается и жестом показывает «Хорошо!».

Бекс расставляет маленькие мисочки с разными начинками, Такер подогревает тортильи. Я перевожу взгляд с кухни на Райдера.

— Загрузил своих слуг работой, да? Что случилось?

Лицо Райдера слегка скисает. «Прости», — показывает он жестом, и его черты искажаются от раздражения. Он выуживает телефон из кармана и быстро печатает: «Забыл про визит к врачу. Я для них каждый вечер готовлю. Они передо мной в долгу. Ты ведь любишь тако, верно?»

Что-то внутри меня тает. Он прав. Тако мне не просто нравятся. Я их обожаю. До его шведских фрикаделек тако были моим любимым блюдом.

— Да, конечно, — я рефлекторно хватаю его за руку и сжимаю. — Как визит к врачу, всё нормально?

Я пытаюсь спросить это так, чтобы не навязываться, но показать, что мне не всё равно. Я не могу притворяться, будто мне плевать на здоровье Райдера. Он легонько тянет за завиток моих волос, затем проходит мимо меня в кухню, печатая на ходу. Мой телефон издаёт сигнал.

«Просто сдавал кое-какие анализы, поскольку учёные до сих пор не могут понять, как это я сделался таким мужественным и поразительно лесорубным. Ничего серьёзного».

— Лесорубным, — я издаю хрюкающий смешок, отвлекшись от своих тревог.

Ужин подан, и я наслаждаюсь тако не меньше, чем залпами оскорблений между Такером, Бексом и Райдером, выражающихся и в летающей туда-сюда еде, и в сообщениях в групповом чате, и в оживлённых жестах.

Я смотрю на Райдера, испытывая странные эмоции, совсем не подходящие для друзей-врагов. И это так глупо. Дорога, которая ни к чему не приведёт. Я заноза в его заднице, с бешеными волосами и матерным языком, а не та женщина, которую он хочет. Ну то есть, возможно, мы слегка потёрлись друг от друга, будучи наполовину пьяными, наполовину сонными. Возможно, мы поцеловались, потому что у нас перемкнуло мозги. Возможно, мы целовались под водопадом как чёртовы виртуозы, пока не оторвались друг от друга, и тогда всё разом стало неловким, изменившимся, но в то же время загадочно прежним.

Гигантский, язвительный, любящий оскорбления засранец-лесоруб с сухим чувством юмора вполне мог бы оказаться моим типом в будущем, но Райдер Бергман всего лишь мой друг-враг. Может, друг-враг, с которым у меня мог бы быть секс по ненависти, если бы его такое интересовало.

— Уилла.

Я дёргаюсь, и моё внимание возвращается к столу.

— А?

— Добавки хочешь? — Бекс протягивает мне миску с мясом для тако. Я смотрю на неё, чувствуя, как угасает мой аппетит.

— Нет. Нет, спасибо. Мне хватит.

Райдер не сводит с меня глаз. Его волосы собраны в гульку на затылке, чтобы не лезли во вкусноту тако, но в уголке рта у него капелька сальсы. Я до побеления костяшек стискиваю свои джинсы, когда во мне зарождается порыв оттолкнуться от стола и оседлать его колени. Сцеловать эту сальсу с губ Райдера, пока наши губы не начнут гореть вовсе не от

перца хабанеро.

Его глаза темнеют, не отрываясь от моих, и он медленно опускает свою еду.

— Ну вот, — Такер бросает чипсы из тортильи и вытирает руки о джинсы. — Они снова затеяли гляделки. Включай быстрее таймер.

Бекс выхватывает телефон, запуская таймер. Мы с Райдером в прошлом устраивали несколько инфантильных состязаний в гляделки. Бекс и Такер делали ставки и на длительность, и на победителя. Но это не один из таких разов. Это... нечто совершенно иное, даже если я не могу сказать, что именно.

Его радужки имеют девственно зелёный мерцающий цвет. Это несправедливо. Я смотрю в их глубины, в их оттенки роскошных склонов холмов, футбольных полей, поразительных изумрудов. Мои глаза слезятся, потому что слишком долго остаются открытыми. Райдер стискивает зубы, его зрачки расширяются. У него вырывается шумный выдох, и он наконец моргает.

— Вууу! — Бекс хлопает по столу, затем протягивает руку Такеру, ладонью вверх. Такер ворчит и кладёт туда пятидолларовую купюру.

Я поворачиваюсь в их сторону и кидаю ломтик лайма в голову Бекса.

— Я заслуживаю ставок покрупнее, Бекерсон. Я оскорблена.

Райдер встаёт и собирает тарелки в стопку. Я помогаю убрать со стола, затем машинально вытираю вымытые Райдером тарелки, глядя перед собой. Что происходит с моим мозгом и телом? И чувствует ли Райдер то же самое? Чувствует ли он себя пустым и одновременно наполненным, как воздушный шарик, который вот-вот лопнет, как пузырь, сделавшийся слишком тяжёлым? Что-то между нами кажется незавершённым и неизбежным. Что-то надвигается. Я просто не могу понять, что именно.

Глава 18. Уилла

Плейлист: Rihanna, Mikky Ekko — Stay

В ушах звенит. Я ошеломлённо смотрю на поле. Мы проиграли. Мы проиграли. Люди пытаются меня утешить. Дурацкие банальности и пустые заверения.

«Ну, ты всего лишь на третьем курсе».

«Всегда есть следующий год».

«Ты приложила чертовски много усилий, Самтер».

«Ты сделала всё, что могла».

Ни от чего не становится лучше. Ничто не приглушает острую боль разочарования. Мы не просто проиграли, мы не выполнили свой план на игру. Наша защита развалилась, бедная Сэм приняла столько попыток забить гол, что наверняка побила свой личный рекорд по количеству отражённых атак за один матч.

Мы с Руни как всегда работали синхронно, но такое чувство, будто все остальные бежали в десяти метрах позади меня или справа от моей защитницы. Наш единственный гол — это тот слабый шанс, которым я воспользовалась. Руни подбежала сбоку, послала мне великолепный пас внешней стороной ноги. Я отбила с первого касания и поблагодарила Бога за свою относительную способность играть обеими ногами, поскольку я отбила этот пас левой ногой и смотрела, как он улетает поверх рук вратаря и напрямик в сетку.

А потом я смотрела, как за остаток игры Стенфорд забивает нам четыре гола. Я смотрела, как Сэм обороняет ворота будто женщина, стоящая перед расстрельным отрядом. И я была беспомощна. Я застряла в верхней части, не в силах сделать ничего, кроме как пытаться ещё раз забить мимо вратаря Стенфорда. Мне едва удавалось завладеть мячом, а когда всё же удавалось, мне противостояло сразу три противника. Мои товарищи по команде тоже пробовали забивать, но ничего не пролетело мимо их вратаря.

То чувство беспомощности глохнет меня изнутри. Оно не унимается после утешительной речи тренера. Не унимается, пока я собираю вещи и иду к автобусу, повесив голову. Не унимается за четырёхчасовую поездку до дома. Не унимается во время звонка маме в ту же минуту, как только мы с Руни вваливаемся домой.

— Ты сделала всё, что могла, Уилла Роуз. Ты должна гордиться.

Я шмыгаю носом, пока по щекам текут слёзы.

— Всего, что я могла, оказалось недостаточно.

— Всё, что ты можешь — этого всегда достаточно, — говорит мама. — Просто исход не всегда бывает таким, как тебе хотелось бы.

Вытирая щёки, я прерывисто выдыхаю.

— Я знаю. Просто мне это не нравится.

Мамин смешок хриплый, но знакомый.

— Ну, хотя бы ты можешь это признать.

На линии воцаряется тишина. На фоне что-то попискивает, и я слышу бормотание тихих голосов.

— Могу я прийти к тебе утром?

— Уилла, тебе вообще не нужно спрашивать о таком.

— Ладно, — шепчу я, прикусывая губу, подавляя слёзы, глотая слова. Слова, которые

сказали бы, как мне хотелось видеть её там, свистящей на трибунах, кричащей и подбадривающей своим сильным голосом, подгоняющей меня. Как мне хотелось бы, чтобы она была в нашей квартире, чтобы я могла забраться в её кровать и ощутить её объятия, почувствовать запах её ванильного парфюма и выплакать всё своё расстройство.

Но я не могу. Потому что она недостаточно здорова, чтобы покинуть больницу, вопреки истерике, которую она закатила доктору Би. Потому что у нас больше нет дома, раз рак сожрал все мамины деньги, заработанные тяжёлым трудом.

— Уилла?

Я дёргаюсь.

— Прости, мама. Задумалась.

— Уилла, прими горячий душ, съешь что-нибудь сытное и иди спать. Завтра будет новый день, скоро ты начнёшь тренироваться перед новым сезоном и окажешься на шаг ближе к твоим мечтам. Твои мечты всё ещё где-то там, ждут, когда ты их воплотишь. Может, сегодня твоя команда и проиграла, Уилла, и тебе разрешается грустить, но сегодня ты сияла, моя маленькая звёздочка. Ты их очаровала. Не забывай, куда ты направляешься, ладно?

Мои губы изгибаются в лёгкой улыбке.

— Спасибо, мама. Увидимся утром. Люблю тебя.

— Доброй ночи, Уилла Роуз. Я тебя тоже люблю.

Я нажимаю кнопку сброса на телефоне. Глядя на него, я вижу, как слёзы капают на поверхность.

Стук в дверь ошарашивает меня. Кто это может быть? Уже поздно. Типа, очень-очень поздно. Я подхожу к двери, шаркая ногами, и смотрю в глазок.

— Срань Господня.

Распахнув её, я делаю шаг назад. Райдер стоит на прохладном ночном воздухе, в низко надвинутой бейсболке и предательской рубашке в сине-зелёную клетку.

— Этому засранцу обязательно надо было надеть мою любимую фланель, — бурчу я.

Райдер приподнимает голову и жестом спрашивает: «Что?»

— Ничего, — я взмахом приглашаю его войти. Зайдя внутрь, Райдер поворачивается ко мне лицом. Я закрываю дверь, затем смотрю на него, после чего мой взгляд медленно опускается по его телу. В одной руке пакетик конфеток с арахисовой пастой, в другой — бутылка виски.

Я морщу нос, сдерживая пугающее жжение новых слёз, и накрываю глаза ладонью. Раздаётся тихий шорох, звук, с которым конфеты и алкоголь оказываются положены на стол. Затем меня обнимают тёплые руки, притягивающие в объятия.

Уродливые рыдания вырываются из моего горла, когда я падаю на грудь Райдера. Я погружаюсь в его объятия и реву так сильно, что моя грудь ноет. Хватка Райдера становится крепче, поношенная ткань его рукава задевает мою щёку. Я утыкаюсь в неё носом, глубоко вдыхая тот успокаивающий запах хвои и свежего воздуха, нечто насыщенное, чистое и исключительно райдерское.

Я крепче обхватываю его за талию и стискиваю. Руки Райдера проходятся по всей моей спине, ладонь крепко сжимает плечо, после чего осторожно зарывается в мои волосы. Совсем как мама, он запускает пальцы в мои спутанные кудри и аккуратно перебирает их. Это заставляет меня плакать ещё сильнее.

— Я старалась изо всех сил, — рыдаю я у него на груди.

Он кивает, и его руки скользят в моих волосах. «Я знаю». Вот что говорит его касание.

Вот что он говорит мне тем, что опускает голову и прижимает щёку к моей макушке.

Я не могу сказать, как долго он покачивает меня в своих объятиях, как много времени требуется, чтобы надрывные рыдания превратились в тихую икоту. Когда Райдер, похоже, убеждается, что я не разревуь снова, он отстраняется ровно настолько, чтобы вытереть слёзы с моих щёк и достать из кармана один из своих извечных носовых платков.

Высморкавшись, я поднимаю на него взгляд, затем убираю платочек в свою толстовку. Пытаясь сделать глубокий вдох и улыбнуться, хотя получается не очень, я смотрю ему в глаза.

— Почему ты здесь?

Он склоняет голову набок, всматриваясь в мои глаза. Наши взгляды встречаются на несколько долгих секунд. Мне страшно увидеть в этом нечто большее. Мне страшно признаться, что я чувствую, когда Райдер приходит с моим любимым лакомством, распростёртыми объятиями и этим своим негласным умением понимать меня.

Когда он делает шаг вперёд, я делаю шаг назад. Моя задница вжимается в край стола, когда Райдер наклоняется ближе, и мои бёдра сами раздвигаются. Он поднимает руку, и мои глаза закрываются. Я жду, когда он швырнёт меня на стол и сдерёт с меня одежду, но тут шорох и шуршание полиэтилена заставляют меня распахнуть глаза.

Райдер усмехается, разворачивая фольговую обёртку с конфетки и поднося шоколад с арахисовой начинкой к моим поджатым губам.

Тык. Тык.

Он пару раз прижимает конфетку к моему рту, после чего тот открывается, и он кладёт шоколад внутрь. Я жую, стараясь сохранять раздражение из-за его дразнящих игр. Это сложно. Он принёс мне арахисовые конфетки, а теперь зубами откупоривает виски и выплёвывает пробку себе на ладонь. Волоски на моих руках и на шее сзади встают дыбом. Он пахнет как секс в лесу, стоит между моих раздвинутых ног и кормит меня с рук шоколадными конфетами.

— Ты пришёл, чтобы я почувствовала себя лучше, — шепчу я.

Он кивает, вручая мне бутылку. Свободной рукой он показывает «немножко».

— Ага, — я запрокидываю голову и делаю большой глоток, не вздрагивая от жжения. — Ну, «немножко» это лучше, чем «ничего».

Вжав бутылку в его грудь, я встречаюсь с ним взглядом.

— Спасибо.

Глаза Райдера не отрываются от моих, пока он запрокидывает бутылку и делает большой глоток. Это самое сексуальное, что мужчина делал передо мной.

Я беру его за руку и тяну за собой к дивану. Благодаря своему нереальному «размаху крыльев», он хватает конфетки с арахисовой начинкой и тоже несёт их с собой. Он кладёт вкусняшки, пока я плюхаюсь на диван, затем Райдер выпрямляется, не сводя с меня глаз, расстёгивает манжеты рукавов и медленно их закатывает. Едва ли это можно считать стриптизом, но мои соски безумно напряглись под толстовкой. Мои трусики промокли. Желание раздеться просто ошеломляет.

Сделав большой шаг мимо меня, Райдер падает на угол дивана. Скинув обувь, он разводит ноги и похлопывает себя по груди.

Мои глаза смотрят на его тело, но всё же ниже. Я никогда не видела, чтобы Райдер так сидел, и теперь я знаю не только то, что он предпочитает убирать своё достоинство вправо, но и то, что ему грех жаловаться на размер.

Меня перебивает покашливание. Низкое и хриплое. Мурашки разбегаются по моей коже и посылают невольный импульс в мои конечности. Когда я наконец-то отдираю взгляд, Райдер приподнимает одну бровь. Он выглядит так, будто очень сильно старается не рассмеяться надо мной.

— Я бы могла придумать столько шуток про твоё бревно, Лесоруб, но ты принёс мне бухло и арахисовые конфетки, так что я не стану опускаться до такого.

Он закатывает глаза и качает головой. «*Спасибо*», — показывает он жестом.

Я подползаю к месту между его ног и ложусь спиной к его груди. Пакетик арахисовых конфеток со шлепком приземляется на мои колени, а виски Райдер держит в своей большой ладони и балансирует бутылку на одном колене. Вздохнув, я позволяю себе опустить голову на его грудь. Это всё равно что погрузиться в горячую ванну — тот самый момент блаженства, когда вода доходит идеально высоко, и температура идеально подходящая. Я беру у него виски, делаю ещё глоток, затем снова возвращаю бутылку в его хватку. Райдер закупоривает её одной рукой. Он выпускает медленный протяжный вздох, и когда я поднимаю взгляд, он смотрит на меня.

«*Хорошо?*» — спрашивает он жестом.

Я киваю.

— Очень хорошо. Мне нужно больше друзей-врагов, если с ними бывает так.

Это заставляет его голову слегка запрокинуться от усмешки. Наблюдая за ним, я провожу ладонью по его бедру. Его дыхание сбивается.

Эмоции ударяют меня прямиком в центр груди. Это ощущается как тот раз, когда мой велик угодил в выбоину, и я перелетела через руль. Я не могу дышать. Словно оглушена. Просто сидя в его объятиях, я чувствую тот кайф облегчения, как это бывает после стычки со смертью. Позволяя Райдеру прикасаться ко мне, утешать меня, я не испытываю ужаса из-за того, что моё сердце будет разбито.

Что это такое?

Не сводя с меня глаз, Райдер вытаскивает телефон. Мгновение спустя мой телефон вибрирует.

«*Ты должна гордиться, Солнце. Ты сделала всё идеально*».

Я смотрю на сообщение, затем снова на Райдера, проглатывая вновь подступающие слёзы.

— Спасибо.

Пальцы Райдера поднимаются по моей руке и ложатся на основание горла. Его ладони большие как у баскетболиста. Он мог бы в мгновение ока передавить мою трахею, если бы захотел. Он мог бы свернуть мне шею, даже не вспотев. Я уязвима, прильнув к его телу. С моим-то отчаявшимся и недоверчивым отношением к мужчинам я должна паниковать.

Но пока его большой палец скользит по моей шее, гладит впадинку горла, я с абсолютной уверенностью знаю — я никогда не была в большей безопасности, чем с Райдером Бергманом.

Он изменяет позу и опускает голову, пока наши лбы не соприкасаются. Бутылка виски падает на диван, отчего жидкость внутри плещется, и вот уже обе его руки поднимаются по моему телу к щекам.

Наши взгляды встречаются, и я отказываюсь моргать. Я всматриваюсь в глаза Райдера, пока его большие пальцы гладят мои щеки, а бёдра крепче сжимаются вокруг меня. Моё тело поворачивается, чтобы я могла провести ладонью по его торсу и заставить его дыхание

сбиться. По его грудным мышцам, по горлу, и наконец мои пальцы дотрагиваются до мягких густых волос его бороды. В прошлый раз это было щекотно, как я и ожидала. Чего я не ожидала, так это того, насколько мне понравится.

Теперь я готова.

Губы Райдера опускаются к моим, замирая в миллиметре. Я знаю, что он делает. Он ждёт меня. Он позволит мне сделать первый шаг. Совсем как я заставила его в прошлый раз.

Справедливо.

Я провожу пальцами по его шелковистым волосам, слегка вьющимся у основания шеи, и привлекаю его к себе. Те мягкие губы, которые мне хотелось бы увидеть, я чувствую, пробую на вкус и покусываю.

Наш поцелуй томный — ещё одно книжное словечко, в данный момент обозначающее «роскошно медленный, порочно смакуемый». Это пытка в её лучшем виде. Стон Райдера заполняет мой рот — самый ясный звук, что я от него слышала, не считая смеха. Его пальцы сжимаются в моих кудрях, когда я прижимаюсь к нему. Его рот раскрывается, язык находит мой мягкими, дразнящими ласками. Я сжимаю его волосы в кулаке и дёргаю к себе. Его ладони наклоняют мою голову, контролируя поцелуй, и я подчиняюсь его касаниям, пока его язык пронзает мой рот. Я слышу вздохи, срывающиеся с моих губ, умоляющие звуки, которые я издаю.

Я пытаюсь полностью развернуться, собираясь оседлать его колени, разделаться с его ремнём и перейти к самому главному, но Райдер останавливает мои движения и прижимает меня к себе. Одна крепкая рука обхватывает мои ключицы, пока он наклоняется надо мной, и его поцелуи смягчаются, как шторм унимается до лёгкого ветерка.

Я тянусь к его шее, снова требуя большего. Я изголодалась по его поцелуям. Я охвачена жадностью. Я хочу его, и мне плевать, если завтра будет неловко. Райдер противится моему первому рывку, но я упрямо притягиваю его к себе. Сдавшись, он привлекает меня ближе, и наш поцелуй углубляется. Одна его рука пересекает мою грудную клетку, но свободной ладонью Райдер проходится по моим рёбрам, по животу. Это нежный, успокаивающий жест, но я хочу большего. Я накрываю ладонью его руку и направляю ниже.

Его глаза встречаются с моими, пока я запускаю его руку под свою футболку и хнычу. Я говорю ему, чтобы он знал.

«Да. Да. Да».

Глаза Райдера темнеют. Его пальцы лениво дрейфуют по поясу моих спортивных штанов. Дразня медлительностью, они забираются под резинку, оказываясь прямо поверх моих трусиков. Мои бёдра непроизвольно сжимаются, но Райдер хватает и широко разводит мои ноги. Я распластана, моё бедро закинута на него, прижато между его сильным телом и диваном. Это оставляет меня раскрытой и неподвижной, пока его пальцы проходят по моим трусикам. Я позорно мокрая, и Райдер стонет, чувствуя эффект от своих прикосновений.

Дыхание шумно вырывается из моих лёгких бурными вспышками, пока один мозолистый палец потирает влажную ткань и находит мой клитор, затем устремляется ниже, где я вся ноющая и пустая, умоляющая о большем.

— Хм, — это буквально слабейший звук, рокочущий в его горле, но это превращает меня в расплавленную лаву.

Прикосновения Райдера размеренные, изучающие. Он наблюдает за мной, подмечает, что заставляет меня дрожать, отчего моё дыхание застревает в горле, а потом вырывается

наружу, и я снова говорю:

«Да. Да. Да.»

Я целую его, пока его касание не смещается к краю трусиков, и наконец тёплая кожа встречается с тёплой кожей. Наши рты раскрываются, когда один, затем два пальца проникают в меня, а его большой палец дотрагивается до моего клитора. Нежными, дразнящими касаниями.

Поверить не могу, что это происходит. Ну то есть, в каком-то смутном уголке моего сознания мой мозг говорит: *«Ну естественно, Уилла. Вы тёрлись друг о друга через простыни, и ты чуть ли не кончила. Он практически прямым текстом сказал, что знает, как заставить тебя кончить. Чего ты ожидала?»*

Я никогда прежде не испытывала оргазм с мужчиной. А теперь я верю Райдеру. Дело было не во мне. А в них. Другие парни делали всё неправильно. Они были неправильными. Они не были Райдером, который так привык читать все мои действия и уязвимости, что наблюдать за каждым моим движением для него уже привычка. Они не дразнили меня так, будто им совершенно плевать на время, будто их удовольствие — это последнее, что их волнует. Они не медлили и не ждали едва заметного движения моих бёдер, чтобы я могла гнаться за этим ощущением, приближаясь и приближаясь...

— Райдер, — шепчу я.

Из его горла вырывается очередной тихий звук, и я глотаю его поцелуями. Весь мой организм словно простреливается электричеством, ослепительный свет пляшет в моей груди, в паху, в каждом сантиметре кожи, к которому он прикасается.

— Я к-кон... — я даже не успеваю договорить и выгибаюсь под его ласками. Ударная волна проносится по всему телу, когда я невольно вжимаюсь в его грудь, и его мощная рука крепко удерживает меня. Одна сильная волна накатывает за другой, и это не прекращается. Пальцы Райдера нежно дразнят меня внутри, большой палец прикасается идеально лёгкими движениями.

Его поцелуй кажется благоговейным, и я чувствую улыбку на его губах, когда он отстраняется. Когда он убирает руки из моих спортивных штанов, я ожидаю, что сейчас опять появится один из его джентльменских носовых платочков. Вместо этого мне приходится крепко стиснуть бёдра, потому что Райдер смотрит мне в глаза и облизывает каждый из своих пальцев начисто.

— Господи Иисусе, — мой голос такой хриплый, будто я выкурила пачку сигарет. — Ты грязный лесоруб.

Он приподнимает плечо и убирает последний палец изо рта, причмокнув. Я словно в трансе и дёргаюсь, когда мой телефон вибрирует.

«Пошли, Солнце. Ты устала. Пора в кровать.»

Я неуклюже хватаю телефон, во многом полагаясь на автозамену, потому что пост-оргазменная Уилла не в состоянии печатать.

«Моя очередь. Так справедливо.»

Райдер хмурится, читая сообщение. Его палец ложится под мой подбородок и приподнимает голову, чтобы наши глаза встретились. *«Нет»*, — произносит он одними губами.

— Тогда ты на одно очко впереди!

Он закатывает глаза и печатает. *«Это не соревнование, Солнце.»*

— Всё между нами — это соревнование.

Я сразу же жалею об этих словах. В прошлом это было правдой. Мы шли нос к носу. Ожесточённое состязание из розыгрышей, шуток и подколов. Но в процессе что-то изменилось. Из-за моих слов случившееся только что и у водопада кажется тактическим, просчитанным. Бессердечным. Как бы мне ни хотелось в это верить, я начинаю бояться, что это не так. Что между нами что-то есть, как бы меня это ни пугало.

Выражение лица Райдера делается замкнутым, пока он читает мои слова. Когда он поднимает взгляд, такое чувство, будто кто-то погасил пламя, пылавшее в его глазах. Он склоняется над своим телефоном, после чего мой вибрирует.

«Ты ничего мне не должна. Я хотел это сделать».

Я смотрю на слова *«Я хотел это сделать»*.

Райдер выбирается из-под моего тела, аккуратно ставит виски и конфетки на журнальный столик. Я награждаю его обиженной и нахмуренной гримасой, которую он игнорирует и дважды хлопает в ладоши, показывая в сторону моей спальни.

Я скрещиваю руки на груди и хмуро смотрю на него, пинаясь, когда он подхватывает меня на руки.

— Даже не смей думать, что если ты подарил мне мой первый оргазм от мужика, то ты можешь начинать командовать мной, Бергман. Я независимая женщина, и если у тебя сложилось впечатление, будто я слушаюсь чьих-то приказов... — меня перебивает широкий зевок, несколько приуменьшающий внушительность моей тирады, которую он наверняка вообще не слышит. — То тебя ждёт большой сюрприз.

Райдер широко улыбается, отбрасывая одеяло и кладя меня на кровать.

— Я душ не приняла, — ною я.

Он стягивает меня толстовку и целует в лоб.

— Я воняю.

С меня снимают спортивные штаны.

— Ну не могу же я лечь спать вот так, — стону я сквозь зевок.

Одеяло натягивается до самого моего подбородка. Он снова мягко целует меня в волосы, делает глубокий вдох. Мои глаза отказываются оставаться открытыми, и сон овладевает мной.

Глава 19. Райдер

Плейлист: Bahamas — Lost In The Light

Мой визит к Уилле был импульсивным и инстинктивным. А ещё очень непохожим на меня. Я хладнокровный, методичный, склонный к анализу. Я не делаю всякую фигню, которую не обдумывал до изнеможения. За исключением тех случаев, когда дело касается Уиллы.

Я не сожалею о том, что сделал. Я сказал ей, что хотел этого, и я хотел этого, бл*дь. Просто не лучшая идея так поднимать ставки за день до моей операции. Всю следующую неделю я буду не в строю, приходя в себя после установки кохлеарных имплантатов — на День Благодарения мои родители наконец-то убедили меня, что мы можем себе это позволить. Я сопротивлялся, напоминая об огромной стоимости, говоря, что я столько времени прожил глухим и немым и продержусь ещё несколько месяцев, пока мы не получим компенсацию затрат на лечение. Они сообщили, что страховая компания наконец-то дала добро, и поскольку семестр подходит к концу, это идеальное время.

Ну, оно было идеальным, пока прошлой ночью всё не пошло не по плану с Уиллой. Если я её хоть сколько-нибудь знаю, то после моего последнего хода возникнут ответные последствия, а с этой операцией я буду совершенно не в форме для подобного.

Прежний Райдер никогда бы так не поступил. Он бы рассудил, что сейчас непрактично повышать ставки в этой игре между ним и Уиллой. Вместо этого он послал бы Уилле сочувствующее сообщение по поводу её проигрыша и продолжил бы общаться с ней при следующей встрече. Этот новый, безумный Райдер знал, что время ужасно неподходящее, и просто не мог оставить её одну. Видя исход игры, зная, как будет расстроена Уилла, он не мог допустить даже мысли о том, чтобы не увидеться с ней.

Я знал, что она будет одна. Поскольку её мама в больнице и не может утешить её поздним вечером, я знал, что Уилла пойдёт домой с Руни, которая будет так же подавлена, как и она сама. У неё не будет никого, пока она переживает эти ужасные чувства и думает все те ужасные мысли, которые возникают, когда ты возлагаешь много давления на себя, а твоя команда не достигает цели.

Я дошёл только до летних тренировок перед началом сезона на первом курсе КУЛА. Мне не доводилось состязаться здесь, но у меня было полно опыта в старших классах. Я проигрывал чемпионаты штата. Я винил себя. Но у меня всегда имелась кучка членов семьи, которые обнимали меня, отвлекали любящим поддразниванием, заставляли сыграть в какую-нибудь игру, подавали мою любимую домашнюю еду.

У Уиллы всего этого нет. И может, я лучше всех знаю, что выводит Уиллу Саттер из себя, но я также знаю, что она не лучшим образом справляется со своими чувствами. Я знал, что объятия от лесоруба, а также немного шоколада и виски никогда не повредят.

Платонические обнимашки и утешительные лакомства превратились в нечто куда более существенное. Я прикасался к ней, дразнил эту шелковистую кожу, ощущал, как она сжимает мои пальцы будто тисками. Я был твёрд как камень, натягивая свои джинсы, целуя её, видя, как она разлетается на кусочки от моего прикосновения.

Следующим утром я не мог выбросить из головы момент, когда она кончила. Её тело слегка дрожало, сладкое дыхание обдавало мои губы. Она была так прекрасна, и мне

хотелось лишь заставить её кончить ещё сто раз. Проснувшись, я едва не бросился с места в карьер и не написал ей это в сообщении, но мне пришлось ехать в больницу в невообразимо ранний час. Я выслушал, как хирург в последний раз объясняет мне процедуру, услышал обратный отсчёт анестезиолога и обещание, что через несколько часов я очнусь и смогу пойти домой.

Это последнее, что я помню.

Я просыпаюсь, видя обеспокоенные и напряжённые лица моих родителей, пока они склоняются надо мной. У меня складывается ощущение, что всё пошло не по плану. Когда я стону, это не звучит иначе по сравнению с последними несколькими годами, но это ожидаемо. Мне надо сначала восстановиться, и только потом аудиопроцессор будет установлен и подключён к имплантатам.

— *Älskling*.

«Милый». Голос мамы звучит вблизи, и моё повреждённое ухо всё равно слышит её ласковое обращение на шведском и понимает его значение.

Я облизываю губы, проводя мысленную инвентаризацию своего тела. Папа похлопывает меня по ладони и сжимает, привлекая моё внимание, чтобы я читал по губам.

— Ты отлично справился, Райдер. Однако после анестезии ты был сам не свой, так что они дали тебе седативное. Оно вырубило тебя как лошадиный транквилизатор. Кажется, они не заметили в твоей карточке примечание о том, что тебе хватило бы и детской дозы бенадрила. Седативные всегда действовали на тебя слишком сильно.

Я поднимаю руку, сначала показывая большой палец вверх, потом вниз.

Папа поднимает большой палец вверх.

— Выглядит отлично. Доктор очень доволен.

У меня вырывается вздох облегчения, но оно быстро сменяется беспокойством.

Уилла.

Меня накрывает паникой. Мне дали седативное, а значит, я пробыл в отключке дольше, чем ожидал. Я планировал связаться с Уиллой сразу после процедуры и убедиться, что я её не перепугал.

Я показываю на запястье, где обычно ношу наручные часы, и смотрю на папу.

Он хмурит лоб.

— Как долго ты был в отключке?

Я снова показываю большой палец вверх. Мамина рука успокаивающе скользит по моим волосам, избегая передней части головы, где наложена повязка.

— Почти двадцать четыре часа, — говорит папа.

Я хлопаю ладонью по матрасу. Е*ать. Пи**ец. Е*аный пи**ец. Я уже знаю, что Уилла воспримет это неверным образом. Она проснулась вчера утром, наверняка гадая, не было ли случившееся между нами какой-то галлюцинацией после матча. А потом, решив, что это всё же случилось, она наверняка ожидала, что я выйду на связь. Логичное предположение. Она меня знает. При нормальных обстоятельствах я так и сделал бы.

А я пропал на целый день.

«Телефон», — произношу я одними губами, при этом показывая соответствующий жест.

— Полегче, Райдер, — папа снова похлопывает меня по руке. — Тебе всё ещё нужен отдых.

Я качаю головой и тут же жалею об этом, поднимая руки, чтобы дотронуться до опухших мест за ушами.

«*Пожалуйста*», — говорю я одними губами, затем показываю жестом.

Мама уступает, поскольку она питает ко мне слабость.

— Алекс, дай ему телефон. Так он разговаривает. Ты лишаешь его возможности говорить.

Я вздыхаю с облегчением, когда папа ворчит и достаёт мой телефон из кармана. Развернув его к себе экраном, я щурюсь. Ни единого сообщения от Уиллы. Не знаю, что и чувствовать — то ли разочарование, то ли облегчение.

— *Söttnos?*

«*Милый?*» — спрашивает мама. — Всё хорошо?

Я печатаю: «*Могу я сейчас поехать домой? К себе*».

Мама хмурится.

— Я хотела, чтобы ты поехал к нам домой, и я бы о тебе позаботилась.

— Позволить ему отдохнуть несколько дней в его квартире — не худшая идея, Элин. Беккетт сказал, что будет рядом и присмотрит за ним, а завтра мы перевезём Джой в дом. Будет шумно и слегка хаотично, пока мы всё организуем.

Болезненный звук застревает в моём горле и привлекает внимание моих родителей.

«*Что?*» — спрашиваю я одними губами.

Папа подволакивает стул к моей больничной койке и садится. Мамины пальцы остаются в моих волосах. Она более тихая, как я, но её касания говорят достаточно ясно. «*Я здесь. С тобой всё хорошо*».

— Джой со времён моей службы в армии. Помнишь, что я рассказывал о своей последней миссии, когда получил травму ноги?

Я кошусь на папино бедро. Когда он стоит, его титановый протез менее заметен под брюками хаки, но когда он сидит, место, где мышцы сменяются металлом, отчётливо видно под тканью.

Я показываю большой палец вверх. Кивки исключаются. Моя голова слишком болит.

— Это она не дала мне истечь кровью.

Срань. Господня. Мама Уиллы спасла жизнь моего папы.

— Мы с Джой наткнулись друг на друга на мероприятии для ветеранов пять лет назад. Пообщались и решили поддерживать контакт. Мы с мамой ужинали с ней несколько раз, но в остальном я практически ничего не слышал от Джой. Пока она не оказалась в моём онкологическом отделении. Надрав задницу раку молочной железы, она получила диагноз острая миелоидная лейкемия. К сожалению, такое случается после лечения, и именно поэтому данное заболевание прозвали лейкемией из-за химиотерапии.

Иисусе. Во мне нарастает грусть и печаль к этой женщине и к Уилле, чья мама так тяжело заболела.

— Ох, Райдер... — мама вытирает моё лицо и гладит по щеке. — Такое нежное сердце. Ты всегда был таким. Папа заботится о ней, не волнуйся, — её сочувственный взгляд сменяется кривой улыбкой, пока она возится с моей бородой. Уверен, сейчас борода выглядит ужасно, как и остальная часть меня. Она игриво дёргает за мои лицевые волосы. — Так и не скажешь, что ты такой милый. Эта борода, *söttnos*, весьма отпугивает.

Я показываю ей язык, и это заставляет её рассмеяться. Глядя на папу, я пытаюсь показать, что по-прежнему слушаю его историю.

— Так вот, — продолжает он. — Я чувствовал... я испытываю бескрайнюю благодарность к Джой. Она спасла мне жизнь, — мои родители смотрят друг друга в глаза

поверх моей кровати. — Она умирает, Райдер. Её счета за медицинские услуги чрезвычайно велики, и она сдала квартиру в субаренду, чтобы покрыть расходы и избавить её дочь от долгов после её кончины. Я хочу, чтобы она провела свои последние дни в домашнем комфорте и умиротворении. Я буду руководить уходом за ней. Мы наняли медсестру из хосписа и подготовили гостевую комнату, где жила бабушка. Так будет правильно.

Я беру телефон, и мои руки слегка дрожат. *«Конечно. Просто всё сложно».*

Мой папа хмурится.

— В каком плане?

«Уилла», — печатаю я.

Папа морщит нос.

— А что с её дочерью? — его глаза раскрываются шире. — Погоди, откуда ты знаешь её имя?

— Она подруга Райдера, — говорит мама, похлопывая меня по руке. — Верно?

Папа ошарашен.

— Вы с ней друзья, Райдер?

— Намного больше, чем друзья, если верить Эйдену, — мама приподнимает брови. Я тянусь и дёргаю прядь её светлых волос до плеч, заставляя её ойкнуть и шлёпнуть меня по руке. — Райдер Стеллан, веди себя прилично.

Я хмурюсь, печатая: *«Эйден врёт как дышит, что бы он тебе ни наговорил. Единственная правда — это то, что он весь семестр пытался нас свести. Мы просто друзья-враги».*

Мама щурится, глядя на мой телефон.

— Друзья-враги, — она смотрит на папу, поскольку всегда полагается на него, когда сталкивается с непониманием английской речи. После десятилетий жизни в Штатах такое бывает редко, но всё же случается. — Это как?

На протяжении долгой минуты папа смотрит на меня, и его лицо согревает медленная улыбка.

— Друзья-враги — это когда люди много времени проводят вместе, но в основном пререкаются. Если бы они не цапались так часто, люди посчитали бы их близкими друзьями, может, даже чем-то большим...

Папа усмехается.

— Я должен был догадаться. Джой всегда была взрывной женщиной. Естественно, её дочь выросла такой же, не так ли?

Мама опирается локтями на бортик больничной койки и улыбается мне.

— Она была очень бойкой во время той игры, что мы посмотрели. Очень пылкой. Интересно, как это сочетается с нашим тихим сыном и его сухим чувством юмора.

Папа откидывается на стул.

— Вот и мне интересно...

Я хлопаю по кровати, пока не нахожу кнопочку, которая приподнимает изголовье. Мои челюсти стиснуты, голова раскалывается, и родители оба смотрят на меня этими раздражающими взглядами сочувственного веселья.

«Пожалуйста, пока не говорите ничего Уилле или её маме, — пишу я им. — Я не хочу расстраивать Уиллу. Она ещё даже не сказала мне, что её мама больна».

Папа читает моё сообщение, затем похлопывает меня по ладони.

— Ах, это действительно всё усложняет. Возможно, лучше подождать, пока она не

будет готова тебе сказать.

«Что, если она никогда не будет готова? — пишу я. — Как я буду приходить домой и избегать её?»

— Ну... — папа вздыхает и трёт лоб. — Возможно, удачный момент сам представится тебе. Лично я думаю, что чем скорее вы честно поговорите, тем лучше. Конечно, после того, как ты отдохнёшь дома.

Мама кивает и щурится, критически оглядывая мою бороду.

— И побрейся заодно, ладно?

Как только мои родители хоть на минуту оставляют меня одного, я пишу Уилле.

«Солнце. Это поистине не оправдание, но у меня была небольшая операция, и восстановление затянулось дольше ожидаемого. Я хотел поговорить о прошлой ночи. Но раньше не представилось возможности».

Я наблюдаю за телефоном, ожидая пометки «прочитано» и трёх маленьких точек при печатании, но ничего не появляется. У меня была медицинская причина сдать экзамены пораньше, но для всех остальных сейчас конец сессионной недели. Может, она всё ещё на экзамене.

Ответ так и не приходит к тому моменту, когда хирург снова осматривает меня, довольный промежуточным итогом операции. Поскольку я молод, и они оптимистично считают, что я быстро восстановлюсь, мне говорят вернуться через три недели, прямо перед Рождеством, чтобы синхронизировать процессор с имплантатами и разобраться, как это всё работает.

Мама и папа отвозят меня домой, убедившись, что я уложен в постель, а в холодильнике полно домашней еды. Бекс остаётся присматривать за мной, потому что его семья живёт поблизости, и ему нравится проводить всё время, кроме самого дня Рождества, в нашей квартире, а не с ними. Такер уже уехал домой на каникулы.

Я засыпаю, вырубившись от такого измождения, которое вполне сравнимо с периодом болезни менингитом. Неизвестно сколько часов спустя я просыпаюсь от долбёжки в дверь. Я слышу тихое ворчание Бекса, затем более высокий и знакомый мелодичный голос.

Уилла.

Она заходит, хмуро глядя на меня.

— Ну привет, Франкенштейн. Выглядишь опухшим.

Я накрываю лицо подушкой, чтобы спрятаться, но вскоре её уголок приподнимается, и один большой карий глаз медленно моргает, наблюдая за мной. Уилла убирает подушку и садится на край моей кровати, чтобы я видел её и читал по губам.

— Бугай, что ж ты мне не сказал?

Я стону и утыкаюсь лбом в её бедро. Её ладонь тяжело ложится на мою спину, затем начинает выписывать на ней успокаивающие восьмерки.

Она открывает заметки на телефоне и печатает: *«Знаю, иногда я бываю той ещё ведьмой, но я могла бы забрать тебя из больницы, плюнуть тебе в куриный бульон, подмешать слабительное в мороженое, чтобы справиться с запором после анестезии».*

Я сердито смотрю на неё.

— Я не лучшим образом себя рекламирую, да? — говорит она.

«Да», — подтверждаю я одними губами.

Её глаза не отрываются от моих, и Уилла медленно, осторожно проводит пальцами по моим волосам. Это так приятно, что по спине прокатывается волна тепла, и я дрожу.

— Это для того, чтобы ты мог слышать получше?

Я показываю большой палец вверх.

Она улыбается широко и заразительно ярко. В этот момент она совершенно оправдывает прозвище, которое я ей дал. Солнце.

— Это же здорово! Хотя практически убьёт твою сексапильность! Тебе слишком идёт сильный и молчаливый образ.

Эта черта Уиллы убила меня с самого первого дня. Она шутит и дразнит меня так, будто совсем не странно, что я не разговариваю и ни хрена не слышу. Она ни разу не вела себя так, будто мои ограниченные способы коммуникации нуждаются в корректировке. Как будто она вообще никогда не считала их ограниченными.

Я хватаю её телефон, снова открываю заметки и печатаю: *«Наш финальный проект? Как всё прошло?»*

— Проект? — её глаза широко распахиваются. — Какой проект?

Я обхватываю ладонью её бедро и сжимаю. Я на 95 % уверен, что она шутит, но с Уиллой никогда нельзя сказать наверняка, и мне, в отличие от неё, нужен хороший средний балл, чтобы обеспечить моё будущее. Если она пропустила свою часть нашего теста, то я в заднице.

— Ой да расслабься, валитель деревьев. Я сдала и получила превосходный результат, главным образом потому, что твои карточки были невротично подробными, — она ласково хлопывает меня по спине. — Так что спасибо тебе за это.

Я ёрзаю на постели, поскольку у места операционного разреза собирается жидкость, и давление неприятно. Я всё ещё слегка осоловелый и не могу есть ничего, кроме мороженого. Наблюдая за моими попытками пошевелиться. Уилла прикусывает свои полные губы. Похоже, она очень старается не рассмеяться.

— Ооо, ты прям как маленькая сонная черепашка. Давай помогу.

Будь у меня энергия поворчать, я бы так и сделал. Уилла встаёт с кровати, хватая меня за талию и помогает подняться с удивительной для такой миниатюрной женщины лёгкостью. И если этого недостаточно, чтобы моё сердце сжалось, она поддерживает ладонью мой затылок и помогает опуститься обратно, подсунув под меня ещё одну подушку.

— Видишь? Вуаля, — она делает шаг назад и приседает в реверансе. — Сестра Рэтчед^б к вашим услугам.

Я награждаю Уиллу взглядом, который заставляет её рассмеяться, вновь напоминая мне, почему всё это стоило того. Ибо если смех Уиллы звучит так приятно, когда моя голова раздута от послеоперационного месива и воспаления, то когда всё наконец-то прояснится, её смех будет звучать просто сногшибательно. Я снова буду слышать, и я больше никогда не буду воспринимать это драгоценное умение как данность.

«Спасибо», — показываю я жестом.

Она тоже отвечает жестом, слегка улыбаясь. *«Всегда пожалуйста»*.

Я устал. Мои веки сами опускаются, но я не хочу ещё дольше откладывать разговор с Уиллой. Начиная со случившегося той ночью в её квартире и заканчивая этой болезненной реальностью, где её мама вот-вот станет пациенткой в доме моих родителей.

Знает ли Уилла о том, насколько мрачен прогноз её мамы? Моё нутро подсказывает, что нет. Я видел, как озаряется лицо Уиллы, когда звонит её мама, когда экран загорается

фотографией женщины, чьи глаза и улыбка идентичны её собственным. Если бы она знала, что её мама умирает, Уилла не вела бы себя так.

Я ищу телефон под одеялом, он где-то потерялся при моём переворачивании. Уилла наклоняется, вместе со мной обшаривая постель и обдавая меня своим мягким и вызывающим зависимость запахом. Я собираюсь уткнуться носом в её волосы, но она выпрямляется с моим телефоном прежде, чем я успеваю это сделать.

— Ага!

Забрав у неё устройство, я начинаю печатать. Я не набрал и половину текста, когда телефон Уиллы орёт в её кармане, и она достаёт его, глядя на экран. Её лицо скисает, пока её глаза бегают вправо-влево.

Ужас просачивается в моё нутро. Похоже, новости не лучшие. Я как можно нежнее похлопываю по кровати. Это привлекает её внимание, заставляет поднять на меня взгляд.

— Прости... — она смотрит в телефон, затем куда-то перед собой. — Моя мама... она только что сказала, что сегодня её перевезут.

Я протягиваю руку, разрываясь между желанием утешить её и допечатать сообщение, но Уилла убирает телефон в карман и проводит пальцами по волосам, отчего её локоны вскидываются безумными спиралями.

— Прости, Рай, мне надо идти. Ты как, нормально? Бекс о тебе позаботится?

Я роняю руку, горбя плечи и стараясь скрыть раздражённое разочарование. Конечно, ей нужно побыть с мамой, я не обижаюсь на это, но что мне теперь делать? Когда ей сказать? Я не могу не прийти домой на Рождество, но не хочу наткнуться на Уиллу и застать её врасплох. Что-то мне подсказывает, что Уилле не нравится быть застланной врасплох.

Уилла берёт мою ладонь и сжимает, после чего отпускает. Она выглядит разрывающейся на куски, будто ей хочется сказать мне не меньше вещей, чем я хочу сказать ей. Но когда наши пальцы разлучаются, а ладони опускаются, это ощущается чем-то окончательным. Это ощущается как прощание.

Как мне сказать Уилле, что я хочу, чтобы это было лишь началом?

Глава 20. Райдер

Плейлист: Guitar Tribute Players — Hearts Don't Break Around Here

Уилла избегает меня, как я и думал. Я знаком с ней уже несколько месяцев. Я знаю, как она справляется со сложными вещами. Она их избегает. Она несколько раз через сообщения проверяла, как у меня дела, но всё ограничивалось её обычным дразнением и пререканием. Это сводит меня с ума. Мне хочется рвать на себе волосы и орать, настолько меня раздражает зияющая пропасть в нашем общении.

Я не могу рассказать ей о происходящем в сообщении. Тема слишком деликатная, контекст слишком странный. Этот разговор надо вести лицом к лицу. Проблема в том, что я не могу поговорить с ней по телефону и заставить её встретиться со мной лично.

За неделю до Рождества у моей мамы начинается инфаркт из-за того, что я до сих пор не дома. У Уиллы ещё не было времени увидеться со мной, и она уже несколько дней не в силах сказать что-либо всерьёз. Я беру телефон и посылаю сообщение, которое надо было отправить на следующий день после того, как она ушла из моей квартиры.

«Нам надо поговорить».

Три точки появляются практически мгновенно, затем:

«Бугай, ты со мной расстаешься?»

Чёрт бы побрал эту женщину. Я тру глаза и делаю глубокие вдохи. Мой телефон снова вибрирует.

«Ты опять трёшь глаза и делаешь глубокие успокаивающие вдохи, чтобы не совершить убийство следующей звезды мирового футбола, да?»

Мои губы изгибаются в неохотной улыбке.

«Я не могу подтвердить или опровергнуть эти обвинения».

«Так и знала. Мне надо заскочить домой и взять кое-какие вещи на праздники. Буду поблизости примерно до завтрашнего полудня. Хочешь, поужинаем? Можешь приготовить мне фрикадельки».

Я закатываю глаза, но прежде чем я успеваю ответить, выскакивает другое сообщение. Мама.

«Райдер Стеллан Бергман, я прошу тебя об одной вещи. Об одной. Быть дома на Рождество. Ты где?»

У меня вырывается рычание. Я не очень хорошо его слышу, зато очень отчётливо чувствую, чёрт возьми. Женщины в моей жизни сведут меня с ума.

«Мама, прости. Я пытаюсь разобраться в ситуации с Уиллой. Она всё никак не встретится со мной, чтобы поговорить».

В диалоге с мамой появляются три точки.

«Так заставь её».

Иисусе. Я сын своей матери. Это отчасти шведская культура, отчасти характер — она думает, что все должны быть такими же прямолинейными, как она и я. Никакой ерунды, никаких игр.

«Уилла устроена не так, мам».

«Я так и думала. Просто я скучаю по тебе. Дом уже не тот без моего Райдера».

О да, дави на чувство вины ещё сильнее. Мой телефон снова вибрирует.

«Можешь сегодня просто прийти на ужин? Только Рен, Вигго, Оливер и Сигрид».

«То есть, практически все. Не считая Акса, Фрейи и её гадкой половинки».

«Наверное, можно сказать и так».

«Ладно, но я потом пойду домой. На празднование Рождества буду вовремя, обещаю».

«Твои условия приемлемы. Увидимся через час».

Через час? Я бросаю телефон в сторону, затем вспоминаю, что надо ответить Уилле.

«Мама убьёт меня, если я не приду на семейный ужин. Всё-таки не получится приготовить тебе фрикадельки. Позавтракаем завтра?»

«Засранец. Сделай мне те булочки с корицей и свежий кофе, и тогда договорились».

Мне хочется злиться на то, что она рассчитывает, будто я встану рано и буду печь ей свежую выпечку. Но мы оба знаем, что я так и сделаю.

«По рукам. Первым делом с утра пораньше, Солнце».

«Уже не терпится».

На моих губах играет идиотская улыбка. Я не пишу этого, но фраза так и вертится на языке. *«Мне тоже не терпится».*

Всё так громко, как я и думал. Рен и Сигрид (Зигги, как мы её называем) не способны говорить так, чтобы не орать. Вигго и Оливер — это погодки, которые всегда ужасно пререкались, так что и теперь они опять сцепились. Иронично, но находясь на грани восстановления слуха, я хочу лишь тишины. На мгновение ускользнув от хаоса перед ужином, я поднимаюсь по лестнице в свою старую спальню, которая как будто застыла во времени со старших классов, и плюхаюсь на одноместную кровать.

С облегчением вздохнув в блаженной тишине, я закрываю глаза. Засыпая, я ловлю себя на том, что представляю хижину в лесах, у подножья какой-нибудь заснеженной горы. Ревёт огонь, некое подобие рагу бурлит в котелке над пламенем. Я сижу в потрёпанном кресле, слушаю успокаивающее потрескивание поленьев, когда те занимают огнём. Глубоко дыша, я чувствую запах древесного дыма и хвои, трав в рагу и той влажной сырости в хижине. Но потом появляется новый запах. Розы. Цитрус. Солнцезащитный крем.

Уилла.

Она проводит ладонью по моей шее, её пальцы массируют кожу моей голову, пока она опускается на мои колени. Дыхание вырывается из меня протяжным болезненным шипением, когда её задница ёрзает на мне, и она закидывает ножки на диван.

«Привет», — говорит она.

Я могу её слышать. Я слышу её голос, и он подобен жидкому золоту в моих ушах. Это тихое, низкое урчание. В свете от очага её глаза напоминают радужки камышового кота, обретают оттенки ириски и янтаря, пока отсветы пляшут в её радужках. Её волосы неукротимые. Так они в моём воображении выглядят после возни в постели.

Под ширинкой моих джинсов всё набухает, нужда скручивает низ живота. Воображаемая Уилла снова меняет позу, её ладони обхватывают мои щёки. Её губы на расстоянии одного вдоха, глаза не отрываются от моих. Она подвигается ближе, ближе...

Громкий стук в дверь резко будит меня. Я смотрю вниз. Мой член безбожно твёрдый и натягивает ширинку. Я явно и до боли возбуждён. Спешно скатившись с кровати, я приоткрываю дверь ровно настолько, чтобы спрятаться за ней, и вижу по другую сторону папу.

«Что?» — спрашиваю я одними губами.

Папа выглядит виноватым.

— Мальчики и Фрейя уехали по одному делу, а мама и Зигги слишком миниатюрны, чтобы помочь мне. Джой хочет, чтобы я развернул кровать, и она лежала бы лицом к стеклянным дверям, но для этого мне надо передвинуть бабушкин комод. Ты сейчас уже оправился, и поднятие чего-то тяжёлого не должно стать проблемой.

Я стону. Эта штука весит тонну. Клянусь, этот комод обшит свинцом, или же в нём имеется секретный сейф со слитками золота. Но не это меня пугает. Мы с Уиллой до сих пор не поговорили. И встречаться с её мамой до этого кажется плохой идеей.

Достав телефон, я печатаю: «*Это может подождать?*».

Что, если её мама скажет что-то Уилле? Уилла убьёт меня за то, что я не поговорил с ней об этом, хотя я перепробовал всё, что только пришло в голову. Я буквально слышу, как она это скажет. «*Я убью тебя, Бугай. Я убью тебя насмерть*».

Папа бросает на меня взгляд «я-разочарован-в-своём-сыне». Уверен, он полагает, что мне хватит смелости каким-то образом заставить Уиллу поговорить обо всём этом. Но он ошибается. Я ценю его веру в меня, даже если она не оправдана.

Я машу рукой, капитулируя. Ладно. Упоминание бабушки и взгляд на отца сотворили чудеса с моим дискомфортом в штанах, так что я открываю дверь, закрываю её за собой и иду за папой вниз.

Пока я шагаю по коридору, чтобы встретиться с мамой Уиллы, ужас встаёт комом в моём горле. Я потею, я на грани паники.

Папа говорит ей что-то, когда мы входим в комнату — я не слышу ничего, кроме бодрого докторского тона. Выразительный голос, различить который ещё сложнее, отвечает что-то папе.

Папа берёт меня за руку, встаёт со стороны хорошего уха и подтаскивает меня к себе.

— Джой, — громко произносит он. — Это мой сын... ну, один из моих сыновей... Райдер. Райдер, это Джой Саттер, мама Уиллы.

Я пихаю папу локтем.

Джой выглядит совсем как на фото в телефон Уиллы. Она выглядит как Уилла, но болезненно худая, с платком на голове и лет на двадцать старше.

Я машу в знак приветствия и чувствую, как нутро скручивает чувством вины. Уилла должна знать об этом. Я хочу, чтобы она знала.

Папа поворачивается, чтобы я мог читать по губам, но обращается к маме Уиллы.

— Райдер глухой, Джой. Несколько лет назад он слёг с менингитом, который повредил оба его уха, и с тех пор мы прикладываем чертовски много усилий, чтобы наладить его восприятие звуков и речи. Он может читать по губам, если ты говоришь медленно и отчётливо, или же ты можешь написать ему сообщение. Я пришлю тебе его номер.

Я сдерживаю сдавленный звук, наблюдая, как папа отправляет маме Уиллы мой номер. Джой просто улыбается, держа руки на коленях; её телефон лежит на столике сбоку. Она выглядит как кошка, сожравшая канарейку.

— Райдер, — отчётливо произносит она. — Приятно с тобой познакомиться.

Я киваю.

— Что ж, — папа оглядывается через плечо на древний комод. — Давай сделаем это, сынок.

Двигать его — адская задача, но мы справляемся, после чего аккуратно убираем

тормоза на больничной койке Джой и разворачиваем её. Я понимаю, почему она хотела поменять положение. Так через стеклянные двери открывается отличный вид на задний двор. Может, декабрь и наступил, но всё равно солнечно, и многие растения процветают. На самом краю её обзора виднеется сетка футбольных ворот. Мне интересно, пользовалась ли ей Уилла.

— Спасибо, джентльмены, — говорит она.

— Тебе нужно что-нибудь ещё, Джой? — папа подходит к ней и нежно кладёт ладонь на её хрупкое плечо. — Патти скоро придёт с твоими лекарствами и прочим, но если я прямо сейчас могу что-то сделать для твоего комфорта, только скажи.

Джой пристально смотрит на меня.

— Я бы хотела минутку наедине с Райдером, если это возможно.

Я умоляюще смотрю на папу. Он переводит взгляд между нами, и его лицо озаряется улыбкой. Он ещё раз сжимает плечо Джой, затем подходит ко мне и говорит прямо в моё правое ухо.

— Удачи.

Хлопнув меня по спине, он уходит и закрывает за собой дверь.

— Райдер, — Джой показывает на стул возле её кровати. — Пожалуйста, присоединяйся ко мне, будь так добр.

Я медленно подхожу к ней и осторожно сажусь, пока она наблюдает за мной.

— Значит, ты засранец лесоруб.

Мои брови взлетают вверх.

Подняв одну руку, она жестом подзывает меня ближе. Я послушно наклоняюсь. Её руки дотрагиваются до моей бороды, спускаются к горлу.

— Издай звук, Лесоруб.

Я колеблюсь. Она дёргает меня за бороду. Я сердито смотрю на неё.

— Издай. Звук.

Вздыхнув, я мычу. Она прижимает ладонь к моему горлу, её глаза сосредоточено напряжены. Когда её ладонь опускается, она склоняет голову набок, и этот жест так напоминает Уиллу.

— Значит, ты добровольно не говоришь. А мог бы, если бы захотел.

Я колеблюсь на мгновение, затем пожимаю плечами.

— Почему нет? Стесняешься? Всё звучит не так, как тебе хотелось бы?

Я достаю телефон, но ладонь Джой ложится на мою руку.

— Моё зрение уже ни к чёрту, сынок. Классный побочный эффект последнего раунда лечения от рака. Поговори со мной, иначе мы с тобой далеко не уйдём.

Между нами воцаряется молчание. Её глаза впиваются в меня взглядом, и она тянется к прикроватному столику. Её рука находит книгу и поднимает.

Книга с тихим хлопком приземляется мне на колени.

— Уилла читает мне вечерами. Не веришь, спроси у неё. Мы с тобой никогда не пообщаемся, если ты не проглотишь гордость и не откроешь рот.

Моё сердце стучит в моих похеренных ушах. Эмоции подступают к горлу. Она не может видеть. Я не могу говорить.

«Вот только ты можешь. Просто не говоришь. Потому что это тяжело и странно».

— Алекс говорит, что тебе сделали операцию по установке кохлеарных имплантатов.

Я киваю.

— Говори, сынок.

Прочистив горло, я выдавливаю слабое:

— Мгмм.

— Уже лучше, — она осторожно меняет позу на кровати. — То есть, ты сделал операцию, намереваясь снова научиться слышать и говорить с имплантатом.

— Мгмм.

Она широко улыбается.

— Ну, ты хотя бы поддаёшься обучению. То есть теперь мы до моей смерти будем перебрасываться вопросами на «да» и «нет». Не очень-то весело.

Она снова показывает на книгу. Я смотрю на обложку.

— «Гордость и предубеждение», — она с блеском в глазах откидывается на подушку и подтягивает одеяло. — Основоположный роман от ненависти до любви. Ну, может, если не считать шекспировское «Много шума из ничего». Почему бы тебе не почитать для меня?

Мои глаза выпучиваются, рот раскрывается для слов, которые я ужасно боюсь произнести.

— Слушай, Бергман.

Эта фраза заставляет меня выпрямиться от шока — будто Уилла обращается ко мне устами своей матери.

— Когда имплантат активируют, твои голосовые связки не начнут работать как по взмаху волшебной палочки. Ты годами позволял этим мышцам атрофироваться. Считай это практикой. Ты выглядишь так, будто занимаешься спортом, регулярно тренируешься. Перед тренировкой всегда надо размяться и разогреться. Нельзя же приступать к усердным нагрузкам с холодными мышцами, так?

Я медленно качаю головой.

— Говори, — рявкает она.

— Мм-мм.

Она закатывает глаза.

— Господи, вот упрямый. Даже «нет» не может сказать. Слушай. Поначалу ты будешь говорить ужасно. Но пока твой имплантат не активировали, ты же всё равно не услышишь, насколько это ужасно. Я буду единственной, кто узнает, как ты говорил, пока всё не наладилось, а я через несколько недель умру, так что кому я расскажу?

Боль ранит моё сердце. Уилла... я не знаю, что сделает Уилла. Такое чувство, будто мама для неё — весь мир.

Джой награждает меня пристальным взглядом.

— Райдер, мне больно. Мне нужно отвлечение, пока Уиллы нет. Я сказала ей взять кое-какие вещи для праздников, потому что она пребывает в полном раздрае, наблюдая, как я увядаю будто червяк на крючке. Я уже на том этапе, когда лекарства не особо помогают, и каждый час бодрствования я жалею о том, что нахожусь в сознании. Понимаешь, о чём я?

Я испытываю глубинную тошноту. Я ненавижу рак. Я ненавижу тот факт, что она страдает.

— Так что почитай мне. Если не ради меня, то для Уиллы.

Нож прямоком в моё сердце. Джой Саттер знает, что она только что разыграла свою козырную карту.

Я аккуратно подвигаюсь ближе к постели Джой. На её губах играет медленная улыбка, глаза закрываются.

— Мы остановились на 32 главе.

Дрожащими руками я открываю книгу и перехожу на страницу с закладкой. Дыхание застревает в моём горле, и нежное касание заставляет дёрнуться. Ладонь Джой ложится на моё запястье.

— Сделай глубокий вдох.

Я подчиняюсь. Медленно и протяжно вдыхаю.

— И выдох.

Я размеренно выпускаю воздух.

— Приступай, — говорят её губы.

При первой попытке моё горло сжимается. Я хрипло откашливаюсь, делаю ещё один вдох. Мой живот сжимается, воздух резко взлетает к горлу, и меня ошарашивает давно забытое ощущение вибрации от звука в голове и шее, когда я говорю:

— Э-Элизабет сидела од-дна следующим ут... — мой голос будто застревает в горле. Я сглатываю, пробую снова, но голос срывается. Её ладонь ободряюще сжимает мою руку, и я смотрю на её губы.

— Эти звуки будут самыми сложными. Те, в которых задействована задняя часть твоего горла. Утро. Одна. Подобные слова. Чёрт, да даже «Уилла» дастся непросто. Продолжай. Твой голос звучит чертовски хорошо после такого долгого перерыва.

Перед глазами всё расплывается от слёз. Я накрываю глаза ладонями прежде, чем они успевают пролиться. Джой удобнее устраивается на подушках и улыбается.

— Пора услышать, как Лиззи отказывается от первого предложения Дарси.

Я опираюсь локтями на матрас и кое-как выдавливаю слова. Я читаю вслух, пока мой голос не садится, пока Джой не засыпает. Её лицо выражает умиротворение, и пусть я знаю, что подарил ей маленький дар отвлечения, я знаю, что её дар мне был куда огромнее. Рука, за которую можно держаться, пока я наконец-то двигаюсь вперёд.

Глава 21. Уилла

Плейлист: Olivia O'Brien — hate u love u

— Притормози, Уилла, — ворчит мама. Её ладони похлопывают по простыням, и это характерный признак её дискомфорта. — Ты спешишь, и я не могу ничего разобрать. Мой джентльмен-чтец куда выразительнее с его речью.

Я закатываю глаза, позволяя «Гордости и предубеждению» упасть на мои колени. Мама сказала, что один из сыновей доктора Би, вернувшийся домой на праздники, читает ей вечерами, когда мама непременно выпинает меня, чтобы я поела нормальной еды и не забивала на свои тренировки. Должна признаться, моё сердце Гринча сделало кульбит, когда она рассказала мне об этом. Какой-то молодой парень проводит свои праздничные вечера и читает ей Остен — куда уж милее.

— Ну, может, пусть тогда твой *джентльмен-чтец* читает тебе вместо меня.

Мама фыркает носом.

— Почитает. Наше следующее свидание — завтра.

Это заставляет меня рассмеяться.

— Свидание, да? Ты соблазняешь молоденьких парней, мама?

Улыбка мамы слабая, но тёплая.

— Это было бы нечто. Он красивый. Сложно это подметить, потому что он стеснительный и вечно прикрыт одеждой с головы до пят, но можно сказать, что под всеми этими защитными слоями кроется завидный мужчина.

В груди у меня что-то колет. Это описание заставляет меня подумать о Райдере. Я вела себя ужасно. После того, как он перенёс ужин, я отказалась от кофе утром, потому что я самая трусливая трусиха. Я ужасно боялась того, что он может сказать. Я понятия не имею, куда нам двигаться дальше из этой точки после того, как он закончил наш вечер после полуфинала.

«Вообще-то это ты кончила. Пупец. Как. Мощно».

— Ох, да ради всего святого, — бурчу я про себя.

— О чём ты там разговариваешь сама с собой?

— Да ни о чём.

Мама нажимает на кнопку, чтобы слегка приподнять изголовье своей больничной койки, затем медленно поворачивается на бок. Выглядит всё так, будто движение причиняет адскую боль.

— Как твой засранец лесоруб?

— Всё ещё засранец, — ворчу я. Это всё Райдер виноват. Это его дурацкий зять отправил нас в тот поход, который привёл к поцелую у водопада. Это Райдер соблазнил меня конфетками с арахисовой пастой, виски и самым великолепным оргазмом в мире. Теперь мы пересекли ту невидимую границу и существуем в некоем подвешенном состоянии, очень далёком от территории «друзья-враги».

Что, если он захочет вернуться к тому, как всё было раньше? Я застряну, страдая по парню, который испортил для меня всех остальных мужчин, а он с радостью будет подкалывать меня и обращаться со мной как с какой-то платонической занозой в его заднице. Не буду я такой херней заниматься. Но с другой стороны, если он захочет развивать

то, что начал на моём диване, это я тоже не могу. Я не стану открывать своё сердце. Я не могу себе это позволить. Я застряла, я несчастна, я ужасно скучаю по нему, отчего мне становится ещё хуже. Я не должна скучать по Райдеру. Я должна скучать по тому, как я его мучаю.

— Какие у него планы на праздники? — устало спрашивает мама.

Я встаю и подтягиваю одеяло до её плеча, затем нежно глажу по спине.

— Он только сказал, что останется в родительском доме, проведёт время с родителями, братьями и сёстрами.

— Ты его избегаешь.

Я стону, плюхнувшись обратно на свой стул.

— Ма, а можно мы не будем подвергать меня психоанализу?

— Он пытался перейти к чему-то большему, чем дружба? Поэтому ты его морозишь?

— Джой Саттер, прекрати. Я его не морожу, просто даю всему немного остыть. Мы друзья-враги. Сексуального напряжения хватает с головой. Я свожу его с ума, а он... а он меня ужасает.

Мама склоняет голову набок, её глаза выражают беспокойство.

— Почему он тебя ужасно пугает?

— Потому что он мне не безразличен. Потому что я не хочу терять нашу кошмарную дружбу. Я бы предпочла остаться друзьями-врагами, а не рисковать и пытаться быть кем-то большим только для того, чтобы все разрушилось. Если я останусь с ним друзьями-врагами, то потеряю лишь что-то гипотетическое. Но если правда попробую, то могу потерять... всё.

— Проклятье, Роза, — это заставляет моё сердце сжаться. В детстве она постоянно называла меня так. — А ты немало раздумывала.

Я шутливо бросаю в её сторону мятную конфетку, следя, чтобы та не долетела и упала перед ней.

— А чем ещё заниматься на каникулах?

— Как по мне, звучит весьма трусливо.

Мои челюсти сжимаются, я ошетиливаюсь.

— Не провоцируй меня, мать.

— Ооо, она назвала меня «мать». Ты упускаешь нечто хорошее. Это дурацкая логика. Нет, это даже не дурацкая логика, это откровенно нелогично. Ты не думала, что после месяцев узнавания его, выстраивания доверия и безопасности, твоё сердце наконец-то показало тебе зелёный свет, чтобы двигаться дальше? А теперь ты сидишь тут на холостом ходу и тратишь бензин впустую.

Проклятье. Я никогда не думала об этом под таким углом.

Мама ёрзает на постели и пытается скрыть гримасу. Это выдёргивает меня из раздумий.

— Что происходит, мама?

Она вздыхает.

— Просто не могу удобно лечь.

Печаль, чувство вины, беспокойство скручивают моё нутро.

— Что я могу сделать?

— Ничего, — мама зарывается в одеяло и качает головой. — Ничего тут уже не поделаешь.

Это не нормально. Я смотрю на телефон. Её медсестра взяла перерыв и не вернётся ещё полчаса. Я не позволю маме полчаса трястись от боли. Я всё исправлю. Сейчас же.

Я достаю телефон и набираю номер, который дал мне доктор Би. Он отвечает после третьего гудка.

— Всё в порядке? — спрашивает он.

— Маме больно. Вы можете спуститься...

— Сейчас буду.

Звонок обрывается прежде, чем я успеваю вздохнуть с облегчением.

Буквально через тридцать секунд доктор Би распахивает дверь, и его внимание сразу приковано к маме. Пока он закрывает за собой дверь, по коридору прокатывается визг, за которым следует мужской смех.

По моей спине пробегают мурашки. Я знаю этот звук. Доктор Би застывает. Внимание мамы переключается с двери на меня.

Я кошусь на дверь, которая ведёт в дом доктора Би. Я ею ни разу не пользовалась. Я понятия не имею, как выглядит остальная часть дома. Несколько раз я слышала звон смеха, эхо счастливых голосов с кухни. Звучит всё так, будто большая семья сидит за обеденным столом и хорошо проводит время. Такая идея совершенно чужеродна для меня.

Мама видит, как я смотрю на дверь.

— Уилла, что такое?

— Я просто кое-что услышала.

И снова тот мужской смех. Волоски на моих руках и шее сзади встают дыбом.

Я не обращаю внимания на маму и доктора Би, вылетая за дверь. Мягкими шагами я иду по тёмному и тихому коридору, удалённому от остальной части дома. Но с каждым шагом шум усиливается, и свет длинными лучами разливается по полированному паркету. С каждым шагом меня встречают ароматные запахи еды и счастливые звуки. Я стою на краю крыла дома, лицом к большому фойе, и я ослеплена красотой их дома. Воздушные белые стены, чистые линии. Натуральная древесина, льняные ткани, высокие окна.

Я поражена, ошарашена, когда мимо меня проносится пятно огненного цвета, за которым следует более высокое пятно соломенно-жёлтого цвета. Мой мозг запоздало соображает, что это рыжая девушка и светловолосый парень, их ноги пинают мяч для футзала — маленький утяжелённый мячик, предназначенный для отработки пасов и контроля мяча. Практически идеально подходит, если хочется поиграть в футбол в помещении и ничего не сломать. Мяч слишком тяжёлый и не взлетает в воздух.

Они проносятся мимо меня, даже не замечая моего присутствия, и скрываются в огромной просторной комнате слева. Там длинный стол, в дальнем конце которого сидят несколько человек, держа в руках кружки чая и играя в настольную игру. Силуэт женщины виднеется в глубине комнаты, она высокая, со светлыми волосами до плеч. Она стройная и гибкая, и когда она поворачивается в профиль, моё сердце застревает в горле. Я знаю этот нос.

Мой мозг пребывает в отрицании. Я слышала его смех. У неё его нос. Но это невозможно. Это совпадение. Нос Райдера — просто... ну, идеальный нос. У великолепной женщины может быть идеальный нос.

Я робко иду к комнате, откуда доносится эхо, и мои руки дрожат. Один из людей за столом поднимает взгляд. Мужчина с тёмно-каштановыми волосами и ярко-зелёными глазами. На сей раз моё сердце стучит в ушах. Эти глаза я тоже знаю.

«Да, дурочка, знаешь. Это глаза доктора Би. Этот парень наверняка приходится ему сыном».

Мужчина выпрямляется на своём месте, не сводя с меня глаз, и зовёт:

— Мам?

Женщина его как будто не слышит. Её руки и глаза сосредоточены на еде, которую она готовит.

— Мам, — повторяет мужчина. В его голосе слышатся настойчивые нотки, привлекающие её внимание.

Наконец, она поднимает взгляд. Я смотрю на неё, пока тошнота бушует в моём нутре. Столько этих черт мне знакомо. Я знаю эти скулы. Этот гладкий высокий лоб. Эти широко посаженные глаза, только у неё они ртутно-голубые.

Должно быть, я воображаю себе на пустом месте. Этого никак не может быть, просто никак...

Женщина спешит ко мне, и спешка, отразившаяся на её лице, ещё сильнее напоминает мне Райдера. Должно быть, у меня галлюцинации. Это потому что я до идиотизма скучаю по нему, потому что я страдаю от одиночества и стресса. Я хочу, чтобы его толстые как стволы дерева руки стиснули меня в крепком объятии, хочу его запах хвои и кедра, хочу ощущение его фланели на моей коже, хочу его губы, прижимающиеся к моим неуёмным волосам.

Она практически подтаскивает меня к месту за столом и усаживает.

— Вот так, *sötnos*, — бормочет она.

Я смотрю на неё как в трансе.

— Что вы сказали?

Она мягко улыбается.

— Это просто ласковое обращение, — её голос окрашивается акцентом, который я не могу определить. Её гласные окающие и певучие, согласные завершаются поджиманием губ. — Ты в порядке, Уилла?

Я киваю, пока смущение обжигает щеки и ко мне возвращается реальность. Господи, как стыдно. У меня никакого права находиться здесь. Я слышу его смех, вижу его черты в этих людях. Я воображаю все эти невидимые связи с Райдером в комнате, полной незнакомцев, которые стараются не пялиться на меня с любопытством, но в основном терпят провал.

Элин накрывает мою ладонь своей. Это моя первая встреча с ней, но я не удивлена, что она знает, кто я. Я выгляжу в точности как мама. Я тупо смотрю на неё, подмечая, что она до абсурда красива.

— Могу я что-нибудь для тебя сделать? — тихо спрашивает она.

Где-то поблизости закрывается дверь, привлекая её взгляд. Её глаза раскрываются шире, затем возвращаются ко мне. Прежде чем я успеваю ответить, она обнимает меня одной рукой.

— Ты выглядишь бледной. Не хочешь прилечь? У меня есть комната рядом с твоей матерью и...

— Нет, — я шатко поднимаюсь, но мне удаётся остаться на ногах. — Со мной всё будет хорошо, но спасибо вам. Простите, что так ворвалась. Я думала... — моё нутро скручивает жутким стыдом. — Я пойду.

Я пчусь назад, зная, что веду себя странно и грубо. Я лезу, куда не просили. Мне тут не место, я на эмоциях. Мне надо вернуться в нашу с мамой маленькую норку.

Элин встает, её лицо искажается от беспокойства.

— Пожалуйста, Уилла, просто посиди здесь минутку.

— Я не могу, — я начинаю разворачиваться. — Но спасибо в...

Я с силой врезаюсь в чрезвычайно крепкую человеческую стену, отчего весь воздух вышибает из моих лёгких. Когда я отшатываюсь назад, рука поддерживает меня, сохраняя моё равновесие.

Погодите-ка.

Хвоя, тёплый мужчина, чистое мыло. Это запах Райдера. Я смотрю вниз, на ноги мужчины. Это его вязаные носки, которые он постоянно носит. Его поношенные джинсы. Мои глаза поднимаются выше. Фланелевая рубашка. Моё дыхание учащается, сердце бешено стучит. Выше. Выше. Борода аля «беличий хвост». Идеальный нос. Зелёные глаза.

Перед глазами всё размывается от слёз. Обеспокоенные глаза Райдера встречаются с моими.

— Это был ты, — шепчу я.

Я отшатываюсь назад, из его хватки. Развернувшись, я смотрю на всех. На его семью. Их лица напоминают его. Чувство вины. Жалость. Грусть. Они все знают. Они все в курсе. Повернувшись обратно к Райдеру, я часто моргаю, и неверие проносится по мне подобно холоду, вызывающему онемение.

Краем глаза я слышу, как его мать выводит всех из комнаты. Тут есть раздвижная дверь, которую она закрывает, оставляя нас одних в прихожей. Пусть помещение огромное, но сейчас оно кажется до боли тесным, пространство между нами почти вызывает клаустрофобию. Мне надо убраться отсюда. Я даже не могу уложить это всё у себя в голове.

Когда я пячусь назад, моя ладонь ищет ручку входной двери. Я открываю её и выбегаю наружу, бегу так быстро, как вообще может человек. Унижение, непонимание, предательство режут в моих ушах, пока я бегу вокруг дома. Я достаточно сидела в маминой комнате и смотрела через стеклянные двери, чтобы знать, что их дом окружен с боков рощей деревьев, в которой я могу скрыться.

Я быстро бегу, но слышу позади топот настигающих шагов. Я почти у деревьев, так близко...

— Уилла!

Я ахаю, носок моей обуви спотыкается о землю, и я резко падаю. Глядя в сумеречное небо, я хватаю воздух ртом, как выловленная из воды рыба. Должно быть, я это себе вообразила. Этого не могло быть... не может быть...

Райдер опускается надо мной, его ладони пробегают по моему телу, ища травмы. Слёзы катятся по моему лицу, пока я смотрю на него. Я никогда в жизни не испытывала столько всего за раз. Когда его глаза вновь встречаются с моими, они тоже блестят от эмоций.

— Райдер?

Он издает звук, которого я никогда прежде не слышала — полный, болезненный звук. Его ладони поднимаются к его глазам и свирепо вытирают слёзы. Я сажусь и хватаю его за запястье, мы каким-то образом поменялись местами. Теперь уже я беспокоюсь о нём.

— Что такое?

Райдер опускает руки, встречается со мной взглядом.

— Прекрасен, — тихо говорит он. Его голос низкий и хриплый от неиспользования. Он подобен бархату, натянутому на грубую древесину, подобен горячему чаю, разлитому по потрескавшемуся льду. — Твой голос, он... — его голос срывается, и он произносит слово одними губами, затем показывает жестом — то самое слово, которое я не могла понять в

день, когда мы ели на открытом воздухе.

Прекрасный.

Он может слышать. Он может говорить. Как такое возможно? Это из-за операции? Мои перепутавшиеся мысли рассеиваются, из груди вырывается рыдание, и внезапно я могу лишь чувствовать. Счастье за него. Облегчение. Безумное отчаянное желание прикоснуться к нему. Его голос и эмоции ощущаются подобно взрыву, который разнёс мои рёбра и разорвал сердце.

Я хватаю его за рубашку и дёргаю к себе. Это не поцелуй. Это столкновение. Это сминание одних губ о другие, требование чего-то, чего я никогда не думала получить, отчаянное желание владеть этим. Его стон громкий и несдержанный. Он эхом отдаётся у меня во рту, пока его губы жадно встречаются с моими, пальцы погружаются в мои волосы.

Райдер грубо толкает меня на землю, его вес придавливает меня к траве. Локти оказываются по обе стороны от моих плеч, грудь прижимается ко мне. Я отталкиваю его ровно настолько, чтобы глотнуть воздуха и обхватить его лицо руками.

— Скажи это ещё раз.

— Уилла, — немедленно произносит он.

Я дёргаю его обратно к себе. Очередной наказывающий поцелуй сминает наши губы, заставляет зубы стучать друг о друга. Я сосу его язык, трогаю его через джинсы. Я дикая. Я слетела с катушек. Я нуждаюсь в нём. Его ладони взлетают по моей кофточке, пока мои пальцы пытаются расстегнуть пуговицу на его джинсах. Он нежно пощипывает мои соски, сильнее вжимаясь в мою ладонь. Мои глаза сами закатываются.

— Ещё раз, — шепчу я.

— Уилла, — выдыхает он, не отрываясь от моей кожи.

Наконец, я осознаю каждый вопрос, который требует ответа, звенит в моей голове и сердце. Он говорит. Должно быть, дело в операции, которую он скрыл от меня. Он скрывал от меня так много, чёрт возьми.

— Райдер, стой... — он отстраняется, с непониманием глядя на меня. — Ты... ты, ты лживый засранец! — визжу я как безумная, выбираясь из-под него и одёргивая свою кофту.

Как я оказалась под ним, готовая умолять, чтобы он взял меня прямо тут, на траве, под звездами? Я отвлеклась. Я отвлеклась, когда его голос позвал меня по имени. Голос, который стал возможным благодаря операции, исправившей его слух и восстановившей речь. Операция, о которой я узнала только постфактум. Точно так же, как я никогда не знала, что его отец — онколог, что его отец — онколог моей мамы. Лучше бы он тоже не знал, чёрт возьми.

— Ты знал?

Райдер встаёт и застёгивает свои джинсы, глядя на меня. Я так привыкла к его молчанию, что затянувшаяся пауза между нами не смущает меня.

— Уилла...

— Отвечай, — мне приходится подавить дрожь в теле, вызванную его голосом. Он словно впитывается в мои уши, расходится по позвоночнику и вспыхивает между моих ног. Мне надо это игнорировать. — Ты знал, что он доктор моей мамы? Ты знал про мою маму?

Райдер вздыхает.

— Это вышло случайно. Я встретился с ним за об... — его голос срывается, будто слово ему не подчиняется. Он прочищает горло и сглатывает. Его речь прерывистая. Каждое слово словно требует работы.

Я отталкиваю сочувствие прочь. Я зла на него. Вот что мне нужно помнить.

— Мы встретились поесть, я разлил воду на его стол, — говорит он. — Её история болезни намокла.

Весь двор будто плывёт. Райдер протягивает руку, чтобы поддержать меня за локоть, но я отстраняюсь.

— Почему ты мне не сказал?

Его губы шевелятся. Я вижу, как его зелёные глаза раскрываются шире.

— Что сказал? Что я знаю о болезни твоей мамы? Что мой папа — её доктор? Уилла, ты мне ничего не сказала. Я спрашивал про твою маму, про твою жизнь дома. Ты скрыла это от меня.

— Даже не смей винить меня! — я резко подхожу к нему и тычу пальцем в грудь. — Это моё личное дело...

— Как и медицинская практика моего папы!

Я дёргаю себя за волосы.

— Почему ты ничего не сказал, когда узнал, что мы будем у вас дома?

— Я пытался, — стонет Райдер. — Ты продолжала меня избегать. Не мог же я написать такое в смс.

Этого недостаточно. Это ненормально. Масштабы недомолвок между нами поражают. Мне кажется, будто всё, из-за чего Райдер казался безопасным, оказалось вырвано у меня. Как он мог улыбаться, разговаривать со мной, заниматься со мной вечер за вечером, зная это всё? Зная, что у него будет операция на ушах, а потом он сможет говорить, но не сказать мне ничего об этом. Тайком надевать слуховой аппарат. Скрывать своё прошлое со спортом, который мы оба любим. А *что*, бл*дь, Райдер вообще мне говорил?

— Уилла, — умоляет Райдер. — Притормози.

Похоже, я опять рассуждала вслух. Он делает шаг в мою сторону, но я отступаю. Его глаза прищуриваются, челюсти сжимаются. Прежде чем он успевает сказать хоть слово, я разворачиваюсь и убегаю за деревья.

Глава 22. Райдер

Плейлист: Raleigh Ritchie — Bloodsport

Чёрт возьми, эта женщина реально быстрая.

Уилла стремительно бежит к деревьям, её проворное тело рассекает тени. К счастью, я тоже не забывал тренировать свою скорость, и мои ноги на 50 % длиннее, чем у неё. Вскоре я уже прямо за ней и слышу резкие отрывистые рыдания на бегу. Мне ненавистно, что это первые звуки, которые я от неё слышу. Мне ненавистно, что она узнала всё так. Но я не могу изменить прошлое, и я практичный мужчина. Я могу иметь дело лишь с настоящим и, насколько это возможно, с будущим.

Она перемахивает через упавшее дерево, не лучшим образом приземляется и на секунду пошатывается, но потом снова пускается бежать. Обернувшись через плечо, она широко раскрывает глаза, пылающие от злости. Её голова разворачивается обратно, и она прибавляет скорости. У меня есть преимущество, ведь я знаю, где и как заканчивается участок земли, принадлежащий моим родителям. Вскоре она прибежит к трёхметровому забору. Она окажется загнана в угол.

Бег Уиллы замедляется, когда она замечает забор. Её голова резко поворачивается влево, затем вправо. Когда она разворачивается ко мне лицом, её глаза мечутся туда-сюда, планируя побег.

— Довольно, Уилла. Хватит убегать. Мы поговорим об этом.

Уилла сердито смотрит на меня, нетвёрдой рукой вытирая кожу под носом.

— Нет.

— Да.

Она мотает головой. Ладно. Я могу побыть плохим парнем. Взбесить её немножко. Не в первый раз. Два шага вперёд, к ней, она не успевает ничего понять, а я нагибаюсь и закидываю её себе на плечо. Я решаю устроить её с левой стороны, подальше от хорошего уха. Потом вспоминаю, что у меня больше нет хорошего и плохого уха. У меня новые уши. И оба слышат её одинаково хорошо.

Предсказуемо, но она визжит. Я вздрагиваю, стараясь по возможности защититься.

— Поставь меня обратно, лживый, обожающий фланель, древорукий, лесорубный сукин сын! — верещит Уилла.

Я лишь крепче обхватываю её ноги и повыше взваливаю её на плечо. Всю дорогу по газону она вопит ругательства. Она колотит кулаками по моей спине и дёргает своими сильными ногами в моей хватке. Я лишь сильнее сцепляю руки.

Когда я распахиваю входную дверь, бедная Зигги смотрит на нас, разинув рот. Рен закрывает ей глаза ладонью и утаскивает обратно в кухню. Уилла, похоже, чувствует, что мы направляемся в мою комнату, потому что её паника усиливается в виде кулаков, тарабанивших по моей спине.

— Поставь, — удар. — Меня, — удар. — На пол.

Захлопнув дверь, я позволяю ей соскользнуть по моему телу и тут же получаю удар кулаком в грудь. Наши взгляды встречаются.

— Скажи мне, из-за чего ты злишься. Скажи мне, чтобы я мог...

— Чтобы ты мог отмазаться? Чтобы ты ещё как-то наврал и прикрыл свою задницу?

Я отшатываюсь.

— Уилла, нет. Я... я никогда не хотел тебя обманывать.

— За исключением того раза, когда ты тайком надел слуховой аппарат. Когда ты не сказал мне, что играл в футбол. Когда ты понял, что моя мама — пациент твоего папы. Когда ты узнал, что она будет жить здесь. Когда твоя «небольшая» операция на ушах в действительности означала, что к тебе вернётся возможность слышать и говорить. Объясни мне, как ты умудрился сделать всё это, не желая меня обманывать.

Я провожу нетвёрдой рукой по волосам.

— Ладно, когда ты преподносишь всё вот так...

— Какого чёрта, Райдер? Это только так и можно преподнести! Как тебе вообще хватает наглости удерживать меня здесь, ожидая, что я приму отговорки...

— Я надел слуховой аппарат, потому что хотел услышать твой голос, — выпаливаю я. — Потому что когда я услышал твой голос на паре Эйдена, этого оказалось недостаточно.

У Уиллы отвисает челюсть.

— Я... я... я не знал, что ты бормочешь себе под нос. Не знал, потому что никогда не слышал этого ранее. Я не знал, пока это уже не случилось, Уилла. Я не сказал тебе про футбол, потому что это казалось бесцельно грустным. Я старался жить дальше. Я не говорил тебе о твоей маме, потому что ты сама никогда не говорила о своей маме. Я пытался, Уилла, но ты вообще не упрощаешь задачу. Ты отталкиваешь людей, когда они хотят сблизиться с тобой.

Я делаю паузу, когда горло сжимается. Уилла смотрит на меня, её глаза раскрываются всё шире. Она выглядит напуганной, будто загнанное в угол дикое животное.

— Я знаю, что ты в шоке. Я знаю, что мир оказался ужасно тесен, но Уилла, это по-прежнему я. Да, мы не говорили о некоторых вещах, но мы всё равно были рядом, когда нуждались друг в друге...

Она напрягается. Её глаза полыхают паникой.

— Я в тебе не нуждалась.

Эти слова ударяют по мне как реальный удар кулаком.

— Всем нужен кто-то рядом, Уилла.

— Не мне, — она наклоняется и встречается со мной взглядом. — Мне. Никто. Не нужен. Кроме мамы, — она шмыгает и грубо вытирает нос. — И я прослежу, чтобы она была в порядке. Мама мне никогда не лгала. А ты можешь сказать то же самое про себя?

У меня нет слов. Нет, я не могу сказать, что не врал посредством недомолвок. Нет, я не могу отрицать, что скрывал некоторые части своей жизни. Но Уилла тоже это делала. Она просто наскребает всё, что можно швырнуть в меня с упреком. Что угодно, лишь бы держаться на расстоянии.

Уилла расправляет плечи, стиснув зубы, и трактует моё молчание именно так, как ей нужно.

— Я так и думала.

Она распахивает дверь и выходит, но в этот раз я не гонюсь за ней. В этот раз я сползаю на пол и позволяю этим словам отложиться в моём мозгу.

«Я в тебе не нуждалась».

«Мне никто не нужен».

— Но Солнце, — бормочу я в пустой комнате. — Что, если ты нужна мне?

— Райдер, тебе добавить молока?

Голос мамы выдёргивает меня из грез наяву. Её рука замерла над моим кофе, держа маленький кувшинчик.

— О, нет. Спасибо, мам.

Она улыбаётся и, похоже, вот-вот прослезится.

— Я никак не наслушаюсь твоим голосом, — промокнув глаза, она ставит кувшинчик и поворачивается к свежее испеченному хлебу, который она нарезала. — Он звучит ниже, чем мне помнилось.

— Это потому, что у него наконец-то выросли яйца, — Акс пихает меня, плюхнувшись на соседний стул.

— Аксель! — мама награждает его суровым взглядом, но всё равно подвигает в его сторону чашку кофе.

— Прости, мам. Так вот, твоя подружка, — Акс понижает голос и потягивает кофе, его глаза (точная копия моих) косятся на меня поверх кружки. — Она горяча.

Я стискиваю зубы.

— Она не для тебя. А ещё она, типа... на десять лет тебя моложе.

Акс фыркает.

— На шесть, если она твоя ровесница, и женщинам нравятся мужчины постарше. Им нравится зрелость. Выстроенная карьера.

— И это объясняет, почему ты до сих пор холостой, Аксельрод, — Рен садится по другую сторону от меня и тянется к разделочной доске, схватив ломтик хлеба с изюмом прежде, чем мама успевает шлёпнуть его по руке.

— Иди нахрен, Сорен, — ворчит Акс в свой кофе.

Щёки Рена темнеют от сердитого румянца, пока он целиком запихивает в рот кусок хлеба. Он, похоже, вот-вот слетит с катушек. Рен ненавидит своё полное имя.

— Мальчики, — мама приподнимает брови. Что-то в её хмурой гримасе странным образом напоминает мне Уиллу. Мой кофе скисает в желудке. — Я намеренно использую обращение «мальчики». Вы видите, чтобы ваши младшие братья так себя вели? Почему я читаю нотации старшим?

— Потому что они ещё спят, — бурчит Рен с набитым ртом. — Дай Вигго и Олли время проснуться, а потом спроси, что они сделали с задним двором.

Мама встревоженно выпучивает глаза, затем закрывает их и делает успокаивающий вдох. Эти двое спровоцировали первые признаки старения на её лбу и вокруг глаз.

— С этим разберусь попозже. Суть в том, что сегодня *Julafton*. Сочельник перед Рождеством. Я бы хотела, чтобы вы на один день притворились, будто у вас нет привычки сквернословить, и вы хоть немножко любите друг друга, *förstått?*

Это шведская версия «Я ясно выразилась?» с выразительным ожиданием, что тебя прекрасно поймут без единого чёртова возражения.

— Да, мама, — мямлим все мы.

— А теперь я хочу обсудить Уиллу и Джой, — мама нарезает остатки хлеба и начинает аккуратно складывать ломтики в корзинку перед собой. — Я думаю, нам стоит сегодня вечером пригласить их на рождественский ужин.

Я закашливаюсь, поперхнувшись кофе. Акс пользуется этой возможностью, чтобы хлопнуть меня по спине сильнее необходимого.

— Отвянь, — я отталкиваю его с такой силой, что он едва не падает со стула.

— Райдер? — мама наблюдает за мной, склонив голову набок.

— Это твой дом, мам. Твоё решение. Но я бы не ожидал, что они согласятся. Уилла сердится на меня.

Мама потягивает кофе и подтаскивает стул к своей стороне стола, затем со вздохом присаживается.

— Почему?

— Она говорит, что я не был честен, многое от неё скрывал, но и она тоже скрывала.

Мы оба вели одну и ту же игру...

Рен смеётся.

— Где вы притворялись, будто ненавидите друг друга, но на деле вам только и хотелось, что...

Я зажимаю его рот ладонью и приподнимаю брови, указывая на маму. Мама улыбается и отпивает кофе. Когда я убедился, что Рен не продолжит свою мысль, я опускаю руку.

— Мы какое-то время играли с огнём. Думаю, что Уилле не нравится ощущение, будто она обожглась, а я нет.

Мама кивает и опускает свою чашку.

— Но ты тоже обжёгся, так? Может, ты даже обжёгся сильнее всех?

Её глаза понимающе удерживают мой взгляд. Сложно думать и совершенно невозможно сказать о том, как незаметно изменились мои чувства к Уилле.

— Она этого не знает.

— Узнает, если ты ей скажешь, — мягко говорит мама.

Я тереблю салфетку.

— Я не уверен, что она хочет это слышать.

Глаза моих братьев сверлят меня с обеих сторон, когда они понимают, о чём мы говорим. Мама тянется к моей руке и сжимает ладонь.

— Будь храбрым, *älskling*, и дай ей шанс. Думаю, если ты этого не сделаешь, то долго будешь жалеть.

Кивнув, я выдавливаю улыбку. Мамина идея хороша в теории. Но она не знает Уиллу. Она не знает всё, чему я противостою.

— Спасибо, мам. Я подумаю об этом.

Мой телефон вибрирует. Пусть её зрение действительно ухудшилось, Джой познала искусство голосового набора сообщений. Разблокировав экран, я читаю:

«Сегодня визит Дарси в Лонгборн. Тащи сюда свою задницу и прочитай мне моё "и жили они долго и счастливо".»

Из моей груди вырывается смешок, который я не в силах сдержать.

«К вашим услугам, миледи».

«Не то столетие, оруженосец».

— Как с вами непросто, — бормочу я.

— Что? — переспрашивает мама.

Встав, я убираю телефон в карман пижамных штанов.

— Прости, ничего, — обойдя стол, я целую маму в щёку. — Спасибо за завтрак. Я скоро вернусь.

— Не задерживайся долго! — кричит мама мне вслед. — Мне нужна помощь с *julskinka*.

— Не буду, обещаю.

Взбежав в свою комнату, я переодеваюсь в джинсы и фланелевую рубашку. Шутки Уиллы про это эхом отдаются в моей голове, пока я застёгиваю свою рубашку. Она может дразниться сколько угодно, но ношение фланелевых рубашек — это как ношение общественно приемлемого одеялка. Осуждайте сколько хотите, но мне нравится чувствовать себя в комфорте и успокоении.

Спустившись вниз, я огибаю перила и иду по коридору к комнате Джой. Дважды постучав, я жду её голоса.

— Входите, — драматично отзывается она.

Входя, я улыбаюсь, потому что не могу сдержаться. Мне нравится Джой. Она острятка, как и Уилла, её остроты весёлые и лишь немного подкалывающие. В отличие от Уиллы, она невероятно прямолинейна, но и я сам такой, так что всё отлично складывается. А ещё у неё очень острый ум. Каждый раз, когда я читаю для неё, Джой объясняет культурный контекст «Гордости и Предубеждения», о котором я вообще не знал, и рассказывает забавные байки, когда что-то в истории вызывает у неё воспоминания. Я вижу, почему Уилла так сильно её любит... не то чтобы она не любила её за сам тот факт, что Джой её мать. Но с Джой Саттер здорово проводить время.

— Ты опять смотришь на меня этим взглядом, — она слегка ёрзает на кровати и тяжело вздыхает.

— Неправда, — садясь, я беру «Гордость и Предубеждение». Открыв книгу, я хмурюсь. — Мы тут и остановились два дня назад.

— Вчера Уилла слишком устала, чтобы читать. Она просто свернулась калачиком на моей постели и вырубилась.

Устала, как же. Уилла была в раздрае, как всегда. Чувство вины ударяет по мне как пинок в живот.

— Это не твоя вина, Лесоруб. Уилла — это минное поле эмоций, и надо отдать ей должное, на то есть хорошая причина, — Джой вздыхает и приподнимает кровать. — У Уиллы никогда не было папы. Она росла, мотаясь по всей стране из-за моей карьеры в армии. Единственными константами в её жизни был футбольный мяч у её ног да её мать, свистящая с трибун.

Джой втягивает прерывистый вдох, выдавая редкие эмоции.

— И одну из этих вещей она вот-вот потеряет.

Я рефлекторно сжимаю её ладонь. Между нами воцаряется молчание, пока я изучаю её глаза.

— Она это знает?

Она качает головой.

— Я не могу.

— Мисс Саттер, вы должны ей сказать.

Ладонь Джой крепко стискивает мою, пока она моргает, глядя в потолок.

— Я не знаю, как. Я не знаю, как разбить сердце моей дочери. Я всегда давала Уилле одно обещание — что я никогда её не брошу, что она всегда может рассчитывать на свою маму, которая будет рядом.

Я нежно поглаживаю её кожу большим пальцем.

— При всём уважении, вы дали обещание, которое никогда не сумели бы сдержать. Родители всегда оставляют их детей, если только по ужасному стечению обстоятельств дети не уходят первыми. Уилла это знает. Она будет горевать, и ей придётся непросто, но не

потому, что вы её подвели. Вы не сделали ничего плохого, заболев...

Слёзы стекают по её щекам, пока она смотрит в потолок.

— И умерев, — шепчет Джой.

Я сглатываю ком в горле.

Снова воцаряется молчание, пока солнце прячется за облако, оставляя нас в тени. Джой сжимает мою ладонь и притягивает меня ближе.

— Пообещаешь мне кое-что? — её глаза встречаются с моими. — Не бросай её и не сдавайся, ладно?

Я лишь киваю, потому что мне сложно найти правильные слова. Джой отпускает мою руку и поднимает мизинец.

— Я серьёзно, Бергман, иначе я стану привидением и буду тебя преследовать.

Я смеюсь вопреки сиплости в горле, смаргиваю слёзы и зацепляю её палец своим.

— Договорились.

— А теперь, — Джой отпускает мой палец и откидывается назад, чинно сложив ладони на коленях и закрыв глаза. — На чём мы остановились?

Глава 23. Уилла

Плейлист: The Lumineers — This Must Be The Place

Прижавшись одним ухом к щёлке двери, я сосредоточенно зажмурилась. Это первый раз, когда я слышу данные слова произнесёнными вслух. Моя мать умирает. Я отказывалась это признавать, но знала. Подсознательно я понимала, почему она покинула больницу, но слышать это, думать об этом намного больнее.

Должно быть, я в шоке, потому что я не плачу. Моё дыхание даже не сбивается. Душевная боль подобна раскалённому ножу, рассекающему мою грудную клетку. Она раздирает мою грудь, и у меня такое чувство, будто я смотрю, как моё сердце накреняется, вываливается из моей груди, с влажным шлепком приземляется на паркетный пол. Далее такое ощущение, будто мои внутренности медленно и размеренно разматываются. Это печальная и тошнотворная параллель с тем, как я разматывала тот шарф с шеи и обнажала своё тело, чтобы помучить Райдера.

Райдер.

Я слышу его голос по ту сторону двери.

Моё тело отрешено от моего сознания. Я уплываю прочь, смотрю сверху вниз на себя, привалившуюся к полу фрагментированной горой конечностей. Мои лёгкие — следующая жертва. Они сжимаются. Скукоживаются и съёживаются, пока я хватаю воздух ртом.

Я вижу себя, свернувшуюся калачиком на полу.

Мои рыдания беззвучны. Я лишена воздуха, выпотрошена, изломана, пока...

Смех. Гортанный смех мамы дёргает меня обратно в моё тело, снова вбивая всё внутрь, сплетая меня воедино. Мои лёгкие наполняются. Сердце безопасно бьётся внутри груди. Моё нутро сжимается. Всё там, где и должно быть, пока я слушаю. Настроение в комнате меняется.

— Перечитай первое предложение, пожалуйста, — говорит мама.

— *Вся моя борьба была тщетной!* — голос Райдера звучит низко и хрипло. Он читает реплики Дарси с правдоподобными и выразительными терзаниями.

Он её джентльмен-чтец.

Ох, бл*дь.

Горячие крупные слёзы катятся по моим щекам. Вот ведь засранец. Этот раздражающий засранец-лесоруб читает вслух моей больной маме и превосходит Колина Фёрта.

— *Ничего не выходит. Я не в силах справиться со своим чувством. Знайте же, что я вами бесконечно очарован и что я вас люблю...*

Я замороженно слушаю, плотно прижимаясь ухом к двери. Знаменитая пылкая сцена, где Дарси по глупости унижает семью Элизабет, указывает на каждый их недостаток. Когда он заканчивает, я слышу, как мама тяжело вздыхает.

— Мне всегда хотелось, чтобы Остен нас не мучила, — говорит она прежде, чем её останавливает мокрый кашель. Наконец, она переводит дыхание. — Столько тоски в Пемберли, столько недопонимания из-за Джейн, потом из-за Уикхема. Мне хотелось бы, чтобы Лиззи и Дарси сказали друг другу, что происходит. Тогда они могли бы сразу перейти к «жили они долго и счастливо».

— Ну, в реальной жизни я с вами на сто процентов согласен, — говорит Райдер. — Не

вижу смысла в чём-либо, помимо прямолинейного общения.

Мама кашляет.

— Аминь. Если бы все говорили чёртову правду, мы могли бы избежать огромного количества драмы.

— Согласен. Но, похоже, для большинства людей всё не так прямолинейно. Чтобы говорить непростую правду, нужно время и храбрость, тогда как для прямолинейных и аналитических людей вроде вас и меня это работает по умолчанию. Это не качество, это просто наша природа.

— И само собой, в случае с Лиззи и Дарси, это литература. Она создана мучить нас, за неимением лучшего слова, но в приятной манере. Растягиваемое напряжение — это лучшая часть.

Голос Райдера звучит низко и особенно хрипло. Он говорит так, будто от силы успел влить в себя чашку кофе перед тем, как мама начала атаковать его телефон просьбами почитать для неё.

— Нужно продраться сквозь их неумение быть уязвимыми, их упрямый страх открыться, который вызывает все эти непонимания, и только потом будет воссоединение. Оттого-то оно и кажется таким долгожданным и значимым, — говорит он. — Сладость того, что они признаются в своих чувствах, сильна лишь потому, что они столько всего преодолели, чтобы прийти к этому пониманию. Им пришлось проработать свои комплексы и предположения, бороться, чтобы открыть правду. Тогда, и только тогда, они понимают, что значат друг для друга.

Мама тихо смеётся.

— Ты так говоришь, будто прекрасно понимаешь, каково это, молодой человек.

Я слышу, как тело Райдера ёрзает на стуле. Он прочищает горло.

— Это... это хорошая история. Я читал её ранее, в прошлом году проходил в рамках курса. Любой сказал бы вам то же, что говорю я.

— Но, возможно, не каждый это прочувствовал бы.

Воцаряется долгое молчание, которое потом нарушается голосом Райдера.

— Возможно.

— Ладно. Я перестану заставлять тебя говорить о чувствах. Спасибо, что перечитал. Теперь давай перейдём к хорошей части.

— Ладно, — Райдер прочищает горло.

Я сижу там дольше, чем следовало, слушаю, как Дарси и Лиззи проясняют недопонимания, и Дарси делает второе предложение. Я подслушиваю, совершая все те же проступки, за которые отчитывала Райдера, но я уже по уши погрязла в своём лицемерии и будто приклеилась к месту. Райдер продолжает читать, делает паузу словно для глотка воды, прочищает горло. Он читает удивление семьи Беннет от их помолвки, и мои мысли дрейфуют вместе с историей. Я убаюкана, довольна этим счастливым концом, пока их диалог, начинающийся словами Лиззи к Дарси, не вызывает холодный пот на моей коже.

— *Моё обращение с вами всегда было на грани невежливого. Не было случая, чтобы, разговаривая с вами, я не старалась вам досадить. В самом деле, не влюбились ли вы в меня за мою дерзость?*

— *Я полюбил вас за ваш живой ум.*

Моё сердце вдвое быстрее стучит в моих ушах. Звон заглушает все остальные звуки. Остен как будто описывает нас.

Райдер продолжает читать, но я не слышу это явственно, пока звон в ушах не стихает. Он читает реплику Лиззи.

— *Почему именно вы вели себя, особенно при первом посещении, так, будто вам до меня нет дела?*

Он читает ответ Дарси со стоической будничностью, которая воплощает в себе всего Райдера.

— *У вас был неприступный и мрачный вид. И вы меня ничем не ободрили.*

Я читала эту книгу бесчисленное множество раз, так что мои губы автоматически повторяют реплику Лиззи.

— *Но ведь я была смущена!*

— *И я тоже.*

Слова беззвучно слетают с моих губ.

— Вы не могли бы переговорить со мной, когда приезжали к нам на обед.

Он медлит. Ответ Дарси, озвученный голосом Райдера, заставляет моё сердце пропустить удар.

— *Человек, который испытывал бы меньшее чувство, наверно, смог бы.*

Я полностью валюсь на пол и смотрю в потолок.

Пугающие мысли мечутся в моей голове. Я вижу всю нашу дружбовражду одной стремительной кинолентой. Недопонимания. Многозначительные паузы. Долгие взгляды. Бесконечные споры. Игривые касания, дёрганье за волосы, тычки под рёбра.

Каждый. Отдельный. Поцелуй.

Слишком много эмоций спутывается в моей груди, щипаясь и сплетаясь. Снова становится сложно дышать. В одно мгновение моё сердце тянется к маме, в следующее — к этому медленно разворачивающемуся портрету реальности между Райдером и мной.

Прежде чем я успеваю об этом подумать, меня выдёргивает из раздумий тот факт, что голос Райдера становится ближе. Мне пришлось войти через парадную дверь, поскольку внешний вход в комнату мамы был заперт. Я не хотела рисковать и будить её, сообразив, что я по глупости забыла ключ. Оставалось либо смириться и войти через парадный вход, либо ждать, когда будет достаточно поздно, чтобы позвонить маме и попросить кого-то меня впустить.

Спешно вскочив, я бросаюсь в соседнюю комнату и прячусь за дверью, услышав щелчок, с которым закрылась дверь маминой комнаты, затем размеренные шаги Райдера по коридору. На долю секунды он медлит возле комнаты, в которой я спряталась. Приподнимает нос. Щурится. Он выглядит как камышовый кот, уловивший запах добычи. Когда его голова опускается, я вижу это — маленький диск в его густых светлых волосах, выбритых на маленьком участке за ухом.

Как эта штука работает? Выглядит она электронной и сложной. Он снимает её в душе? Оставляет ли он её на ночь? В том числе, когда ложится в постель не для сна?

Неа. Даже не думать об этом. Не представлять Райдера в сексуальном контексте.

Наконец, он уходит. У меня вырывается протяжный выдох.

Фух. Пронесло.

Я аккуратно высовываю голову, затем выскользываю в коридор и пробираюсь в комнату мамы.

— Уилла, — она улыбается мне, похлопав по кровати. — Угадай, что? Нас пригласили на рождественский ужин.

У меня вырывается стон. Может, не так уж и пронесло.

Мы с мамой спорим. Атмосфера накаляется. Я с топотом выхожу из её комнаты и хлопаю дверью как капризный ребёнок. Я не дура, я понимаю, что это моё последнее Рождество с ней. Я не хочу делить её с кем-то другим.

Когда я возвращаюсь, относительно остыв, мама снова принимается за своё. Она реально с удовольствием зарабатывала бы себе на жизнь спорами. Она живёт ради хорошей перебранки.

— Они добрая семья, Уилла. Вы с их сыном друзья...

— Друзья-враги, — поправляю я.

Мама остается невозмутимой.

— Ты хорошо знаешь доктора Би. В чём проблема? — хрипло спрашивает она.

Когда она кашляет в сгиб руки, я тупо чувствую себя виноватой. Я понимаю, что чиню проблемы и упираюсь. Но это не означает, что я в силах себя остановить.

— Ладно, они хорошая семья, но они не *моя* семья.

— Но они могли бы стать твоей семьёй.

Злость и горячие слёзы встают комом в горле.

— Нет, не смей, Джой Саттер. Ты не имеешь права спихивать меня на них. Ты не умерла. Ещё нет.

— Но я умру! — орёт она, ударив руками по одеялу. — И ты даже не позволяешь мне позаботиться о тебе так, как я могу. Убедиться, что ты не проведёшь следующее Рождество в одиночестве... — её плечи трясутся, и она закрывает лицо ладонями. Я немедленно обнимаю её.

— Прости, — шепчу я.

— Ты так чертовски упряма, Уилла, — она вытирает слёзы. — Если мы встретим Рождество с ними, это не ускорит мою смерть. Если мы с тобой будем сидеть в этой комнате одни, это её не замедлит.

— Ладно, — спешно говорю я, поглаживая её по спине и чувствуя себя ужасно из-за того, что довела её до слёз. Мама никогда не плачет. — Прости. Я сделаю это. Мы можем пойти к ним на ужин, когда ты будешь готова.

Мама прерывисто вздыхает и откидывается назад.

— Спасибо.

Позднее, когда мы вместе вздремнули и слегка улучшили своё настроение, я помогаю ей надеть тёплый вязаный свитер и мягкие спортивные штаны. Мы укутываем её толстым одеялом, когда она соскальзывает с кровати в кресло-коляску. Я нахожу её золотые серёжки-кольца и продеваю в её уши, потому что её руки слишком дрожат.

Выпрямляясь, я окидываю её взглядом.

— Как всегда сногшибательна.

Мама искренне улыбается, причмокивая губами и закрывая тюбик её бальзама для губ с едва заметным цветом.

— Что ж, спасибо. Ты же, однако, выглядишь ужасно. Иди прими душ, укроти своё птичье гнездо и сними эту тряпку.

Я смотрю на свою винтажную футболку Мии Хэмм.

— Прошу прощения?

Мама улыбается и складывает руки на коленях.

— Я жду.

После быстрого душа и нанесения крема для умирения кудрей, я натягиваю чёрные штаны для йоги и мешковатый красный свитер, который склонен сползать с одного плеча. Меня он безумно раздражает, но мама говорит, что это изысканно.

— Мой лифчик постоянно на виду.

Мама закатывает глаза.

— Ну серьёзно, кому из нас двадцать с небольшим, тебе или мне? В этом и смысл.

Я награждаю её суровым взглядом.

— Я не пойду на рождественский ужин, чтобы кого-то соблазнять, Джой Саттер.

Она издаёт пренебрежительный звук.

— Пошли, мой упрямый отпрыск. Пора посмотреть, как ты будешь страдать.

— Мама!

Хохоча, мама едет на инвалидной коляске передо мной. Я следую за ней, толкая коляску, когда её руки начинают уставать, и она складывает их на коленях. Как и в первый раз, когда я осмелилась пройти по коридору, шум усиливается, свет становится ярче. Мой живот скручивает нервозностью.

— Кажется, меня стошнит, — бормочу я.

— Глупости. Сделай глубокий вдох. Это рождественский ужин, а не Тайная Вечеря.

— А так и не скажешь.

Когда мы сворачиваем за угол, моё сердце подскакивает к горлу. Это какой-то рождественский взрыв. Свежие венки, свечи горят на всех доступных поверхностях. Рождественские песни, исполняемые на акустической гитаре, играют на фоне у озаренной звездами стене из стеклянных окон и дверей. Елка увешана рукодельными украшениями и искрящимися огнями. Люди уютно устроились на диване перед камином, держат в руках кружки с горячими напитками, тянутся к деталькам настольных игр, смеются, разговаривают, общаются.

Всё до тошноты весёлое и бодрое.

Но потом, в стороне от уютного хаоса, я замечаю Райдера, стоящего рядом с его мамой на кухне; они разговаривают. Она говорит на незнакомом мне языке, но Райдер, похоже, понимает и кивает, когда она показывает ему на огромный кусок ветчины на столе. Следуя её инструкциям, Райдер приготовился его нарезать. Но потом он кладёт нож.

Я наблюдаю, как он берёт полотенце и вытирает руки, затем расстёгивает манжеты и медленно закатывает ткань выше по рукам. Это очередной стриптиз предплечий, пока он подворачивает мягкую поношенную фланель. Эта рубашка зелёная как рождественская ёлка, в белую и винно-красную клетку. Чертовски празднично. Он выглядит как влажная Йольская мечта.

Я сглатываю так шумно, что меня наверняка слышит Санта на Северном Полюсе.

Должно быть, Райдер тоже услышал с помощью своих новых слуховых приспособлений, потому что он резко поднимает глаза и встречается со мной взглядом. Эти зелёные как трава радужки искрят как будто улыбкой, но кто знает, ведь кустистая борода всё скрывает. Когда он снова берёт полотенце, я сглатываю, наблюдая, как его руки мнут ткань.

Мне надо перепихнуться. Это неестественно. Я эротизирую вытирание рук.

— Привет, — выдавливаю я.

Мама практически выдёргивает себя из моей хватки и катит коляску вперёд, а доктор Би

подвозит её к месту, которое они освободили для её инвалидного кресла.

Райдер подходит ко мне, засовывая полотенце в задний карман. Даже это выглядит сексуально. В этом мире совсем не осталось милосердия.

— Привет, — тихо говорит он, удерживая мой взгляд, и в комнате становится вдвое жарче. — Уилла, насчёт прошлого вечера. Насчёт всего... Я прошу прощения. Мне жаль... — он вздыхает и проводит рукой по волосам. Его пальцы застревают в прядях, напоминая ему, что его волосы собраны. Мне приходится страдать, наблюдая, как он заново собирает волосы, как эти чёртовы мышцы бугрятся под рубашкой, как длинные мозолистые пальцы убирают каждую светлую прядку обратно в тугую гульку. — Мне жаль, что я не рассказывал тебе больше. Я боялся, что может случиться, если я всё выложу начисто. Приберечь что-то при себе казалось необходимым, поскольку мы вели довольно ожесточённую игру. Ставки были высоки.

Я киваю.

— Я понимаю. И это взаимно, — мне надо было рассказывать больше. Стоило бы более открыто признать свою вину, но я едва могу говорить.

Райдер, похоже, не возражает против моего жалкого ответа и широко улыбается.

— Прощён?

— Прощён, — я сипло сглатываю. — А я прощена?

Он хмурится и делает шаг ближе, затем обхватывает ладонью моё плечо.

— Само собой.

Его прикосновение завершает то замыкание, по которому я скучала. Между нами трещит и искрит электричество. Я покачиваюсь в его сторону, затем беру себя в руки.

— Ты выглядишь невероятно, — он ласково берёт мою кудряшку и наматывает на палец. — Ты и этот цвет. Напоминает мне то скандально известное красное платье.

Я отпихиваю его руку.

— Не припоминаю, чтобы тебе в тот момент оно не понравилось.

Райдер усмехается, но его глаза пронизывают меня насквозь. Я чувствую жар и вес его взгляда, путешествующего по моему телу.

— Я никогда не говорил, что оно мне не понравилось.

— Твои глаза сейчас выглядят почти страшными, Райдер, — его зрачки настолько расширены, что я знаю цвет его радужек лишь по прошлым воспоминаниям. Он источает ту же сногсшибательную интенсивность, что и при нашей первой встрече.

Он сглатывает и моргает, приводя себя в чувство.

— Прости. Включился режим пещерного человека.

Мои губы изгибаются в улыбке.

— Режим пещерного человека?

— Ты очень красива. У меня четыре брата, которые тебя вот-вот увидят. Я чувствую себя немножко собственником.

Эти слова слетают с его языка и проносятся по моей коже.

— О, — тупо отвечаю я.

Он трёт лицо, затем опускает руки.

— Не обращай на меня внимания, — его глаза удерживают мой взгляд на протяжении долгой минуты, затем Райдер наклоняется и мягко целует меня в висок. — Счастливого Рождества, Солнце.

Я стою на месте после того, как его губы покидают меня, после того, как стихают его

шаги. Я застыла как вкопанная, закрыв глаза, и весь мир сузился до эхо его поцелуя, так и горящего его значимостью.

Глава 24. Уилла

Плейлист: Joni Mitchell — River

МакКормак придерживается своего лучшего непрофессионального поведения и выглядит как пёс с поджатым хвостом, когда ловит меня после ужина.

— Уилла, я хочу извиниться.

— За что, Мак?

Он прочищает горло и косится на Фрейю, сидящую на диване. Она слегка машет своему мужу, и её глаза угрожающе сверкают. Если бы я не считала такое выражение заслуживающим восхищения, я бы до усрачки боялась за него.

— Ну, я понял, после некоторых раздумий и размышлений, и само собой, после очень мудрого совета моей очаровательной жены...

— Мак, я не пойду докладывать Фрейе о твоём поведении.

— Может, и не пойдёшь, — он вытирает лоб. — Но она наблюдает, поверь мне. У неё везде есть уши.

Я издаю хрюкающий смешок.

— Чувак, ты прям паникуешь.

Он прочищает горло.

— К делу: я размыл границы профессионального и личного. Мои изначальные намерения были благими. Я видел в тебе проблемного студента и процветающего человека, а в Райдере — дисциплинированного студента и угасающего человека. Я знал, что он может предоставить тебе всю необходимую помощь по учебе, а ты будешь достаточно настырна, чтобы добиться желаемого и в идеале вытащить его из болота. Это казалось хорошим упражнением на укрепление характера.

— О, это ещё как укрепило характер. А ещё запросто отняло у меня пять лет жизни.

Он кивает.

— Да, как я и сказал, я позволил всему этому выйти из-под контроля. Я увлёкся тем, что видел между вами двоими. Я видел ваш потенциал... ну, я слегка заигрался в Бога, а не должен был. Я приношу свои извинения. Если ты решишь донести это до моего начальства, я целиком и полностью пойму.

— Мак, — мои губы изгибаются в улыбке. — Как бы я ни фантазировала о множественных способах убить тебя во сне, я благодарна. В конечном счёте я хорошо справилась с курсом, во многом благодаря Райдеру и тому факту, что работа с ним потребовала от меня взять себя в руки. Да, ты не всегда был приятным, здравомыслящим или профессионалом, но ты дал мне то, в чём я нуждалась.

Мой взгляд скользит к Райдеру. Он стоит со скрещенными руками и говорит с погодками, Вигго и Оливером. Моё сердце совершает кульбит, пока я смотрю, как они трое взрываются хохотом, и он с улыбкой запрокидывает голову.

— Я бы ни за что не изменила это, — говорю я Маку.

Как только Мак возвращается к Фрейе на диване, она поднимает бокал в мою сторону. Я делаю ответный жест тоста в воздухе и впитываю этот момент, обдумывая вечер. Всё было поразительно приятным. Семья Райдера чрезвычайно тёплая. Его сестры разговорчивые и добрые, Фрейя поболтала со мной о программе женского футбола в КУИА (она тоже играла,

«целую вечность назад», как она выразилась), а Зигги фанатела по мне, потому что хочет пойти по следам её сестры и меня.

Братья... они все представились. Но от каждого из них я уловила отчётливое ощущение осторожной вежливости, будто они не ведут себя естественно, а придерживаются лучшего и самого пристойного поведения. Как будто Райдер приструнил их, иначе...

— Потому что он так и сделал.

Голос весьма похож на голос Райдера, но не такой грубый, не баритон. Он перебивает мои мысли, и я вздыхаю.

— У меня есть печальная неспособность не думать вслух.

Рен улыбается.

— А, никаких проблем. И поверь мне, радуйся, что Райдер с ними поговорил. В противном случае Акс весьма колючий мудака, а этих щенков едва приучили к лотку.

— Но ведь в итоге они перестанут так себя вести? Они начнут разговаривать со мной, не выходя так, будто боятся, что Рай переломает им большие пальцы на руках?

Рен мягко хлопывает меня по плечу.

— Поверь мне, скоро тебя начнут донимать. Пока что ты под защитой Райдера, — его серо-голубые глаза мерцают. — Он с ума по тебе сходит. Он сломает мне коленные чашечки, если узнает, что я тебе сказал, но это же очевидно. И ты тоже явно сходишь с ума по нему. Так в чём затык?

Я скрещиваю руки на груди.

— Так, Ренни Ру, мы не должны совать нос в чужие дела.

Он морщит нос.

— Ренни Ру? Меня зовут Сорен, Уинифред.

— Прекрати. Это ни капельки не похоже на Уилла.

— Это была импровизация. Я не такой сообразительный, как Райдер. Сжался над тобой.

— Не могу. Я антагонист в сердце, — я пожимаю плечами и усмехаюсь, когда он раздражённо щурится. — Именно поэтому я должна была подколоть тебя твоим именем. Сорен звучит круто, а Райдер говорит, что тебе оно не нравится. Почему?

Выражение лица Рена делается слегка отгороженным, затем он быстро оправляется широкой улыбкой и лукавым весельем.

— Я буду отзываться только на Рена, коротышка, — он свирепо уворачивается от моих подколок. — Ты бы побаивалась меня донимать. Я гигантский рыжий викинг, который зарабатывает себе на жизнь, катаясь на лезвиях...

— Эй, — перебивает Райдер и крестится. — Мы не говорим о падении блудного сына, — его голос всё ещё нов, но каким-то образом знаком. Моё нутро сжимается при его низких, хриплых звуках.

Рен устало вздыхает.

— Хоккей не так ужасен. Гарантирую вам, что Бергманы катались на коньках намного дольше, чем гонялись за мячиком по полю травы, выглядя как рехнувшиеся овцы.

Райдер пихает его.

— В футболе ты тоже был хорош. Вот это-то и ранит.

— Погоди, ты выбрал хоккей вместо футбола? — я подаюсь вперёд и встречаюсь взглядом с Реном. — И они до сих пор признают тебя как члена семьи?

Рен взмахивает руками.

— Чёрт возьми, я профессиональный хоккеист, а вы ведёте себя так, будто я продаю органы на чёрном рынке. Иисусе. Он тебе даже не сказал?

— Неа, — Райдер обнимает меня одной рукой и притягивает меня к себе прежде, чем я успеваю его оттолкнуть. — Я пытаюсь её защитить. Ей не нужно знать о гнусном мире вонючих хоккейных перчаток, бород плей-оффа и хоккейных заек⁷.

Доктор Би зовёт Рена по имени, и тот смеётся.

— Спасён Большим Би. Я не могу терпеть такую травлю, — сухо язвит Рен. — Увидимся, мини Мия.

— Это был комплимент! — кричу я ему. Часть про Мию Хэмм. А не про мини. Я никакая не мини. Во мне 167 см роста, благодарю покорно.

Мой взгляд скользит от Рена через всю комнату и останавливается на маме. Она устроилась на диване и играет в карточную игру с родителями Райдера и Акселем.

— Эй, — зовёт Райдер. Я смотрю на него, и моё сердце бьётся вдвое чаще.

Когда он делает шаг ближе, я едва не налетаю на ёлку.

— Полегче, — его взгляд оценивающе скользит по мне. — Ты за ужином налегала на глинтвейн?

Я пихаю его.

— Я трезвая, Сасквоч.

— Не похоже, — выносить его взгляд слишком сложно, так что я поворачиваюсь и смотрю на ёлку.

— Немного национальной гордости? — ветки усеяны сотней крохотных флагов Швеции. Гномы, твёрдые имбирные прянички разных форм и плетёные игрушки из соломы. Это выглядит идеально.

Райдер улыбается, потягивая горячее пряное вино из кружки, и ничего не говорит. Я привыкла к его молчанию, но сейчас оно ощущается иначе. У этого молчания есть некий вес, от которого мне становится нервно.

— Ваш дом — это дитя любви Вест-Элма и Икей⁸, — выпаливаю я. — Твои братья и сестры — забавные, умные и гостеприимные. Твоя семья выглядит как шведская рождественская открытка. Твоя мама приготовила лучшую еду, что я ела в своей жизни. Она кулинарный гений и супермодель. Прямо Джулия Чайлд, помноженная на Клаудию Шифер. Да её скулами можно сыр нарезать.

Райдер едва не давится напитком, затем поднимает руку и вытирает губы.

— Иисусе, Уилла. Как тебе вообще приходит в голову половина того дерьма, что слетает с твоего языка?

— Выпаливать бред — это мой духовный дар, так говорит мама, — мой взгляд находит ёлку, восхищаясь ей, как бы это меня ни терзало. У них такой дом, такая сплочённая семья. Я знаю, их изобилие никак не связано с моей недостаточностью, но такое чувство, будто на открытую рану бросили четвертинку лимона.

Райдер сжимает мой локоть, отчего дыхание застревает в моём горле.

— Уилла, я хочу поговорить. Мы можем отойти в уединённое место?

Я резко поворачиваю голову в его сторону.

— Зачем?

Его ладонь приглаживает бороду — новая привычка, появившаяся, когда его адские волосы на лице выросли до уровня «выживальщик глубоко в лесу».

— Ну, если я тебе скажу, это противоречит самой сути разговора наедине.

— Тогда скажи здесь и забудь про уединение.

Райдер вздыхает, закрывает глаза, затем медленно поднимает веки. И вновь его радужки цвета ярко-зелёной травы раздражают меня. Они слишком красивые. Весь этот вечер — одно сплошное прекрасное наложение на мою реальность.

— Ладно, — он ставит своё вино на боковой столик и подходит ближе, проводя ладонями по моим рукам и сжимая их, когда я пытаюсь попятиться. — Я хочу перемирие. Прекращение огня.

— Чего?

— Я больше не хочу быть друзьями-врагами.

— Ч-чего ты хочешь? — мой голос охрип. Я звучу так, будто мои трусики насквозь промокли, а кружево лифчика опалится от горячей кожи, ибо это факт.

Ладонь Райдера накрывает мой подбородок, большой палец гладит линию челюсти.

— Я хочу тебя.

— Я у тебя есть, — я сглатываю. — Я здесь.

Райдер качает головой.

— Не так, как это было. Я хочу большего. Я хочу всего.

— Я... я так не делаю.

Он хмурит лоб.

— Не делаешь чего?

— Я не вступаю в отношения. Встречаться — это не для меня. Я должна сосредоточиться на футболе и завершении учебы, а потом на переезде туда, где меня захочет видеть профессиональная женская сборная. Привязываться к кому-то здесь — это рецепт катастрофы... — мой голос обрывается, когда его большой палец рисует круги на коже за моим ухом. У меня глаза едва не собираются в кучку, когда он опускается ниже по моей шее.

— Хм, — Райдер делает шаг ещё ближе, и наши тела прижимаются друг к другу. Каждая жёсткая грань его тела, каждая впадинка и изгиб моего. У меня вырывается маленький жалкий писк. Его труба в штанах уже наполовину встала, прижимаясь к моему животу. — Жаль, — тихо говорит он.

Он собирается сделать шаг назад, я это чувствую. Прежде чем он успевает это сделать, я сжимаю его рубашку в кулаке, комкая этот мягкий материал, мечтая завернуться в него. Мечтая содрать рубашку с его тела и постелить под нас как одеяло, когда он меня наполнит.

— Н-но я могу подумать о расширении параметров нашей дружбовражды.

Тело Райдера замирает.

— То есть, ты хочешь меня просто... для секса, — тихо говорит он. — Просто трахаться.

Слова простые, но его голос будто сотрясает мои рёбра и с оглушительным грохотом приземляется между моих ног.

— Да, — шепчу я.

Его большой палец не останавливается, скользя по моим обнажённым ключицам. Я хочу, чтобы он куснул меня там. Я хочу, чтобы он опять закинул меня на плечо и запер нас в своей комнате. Мне надо, чтобы он сорвал мою одежду, пригвоздил меня к стене и вбивался в меня, пока мои леггинсы спутались на коленях. Я хочу от него гадких, развратных вещей.

Губы Райдера опускаются к моему уху, пока моё тело как будто переходит из твёрдой формы бытия в жидкую.

— О чём ты сейчас думаешь?

Я шумно сглатываю.

— О грязном. О вещах, о которых я вообще думать не должна.

Его тихий смехок вибрирует на моей коже.

— Выражение твоего лица на это и указывало.

— Эм, — это звучит с придыханием и как-то слабо. Я ищу что-нибудь, что укрепит мою молекулярную структуру, что придаст стали моему позвоночнику и прогонит эти мягкие, смутные чувства подальше от моего разума. Но я ничего не могу найти.

Его ладонь огибает моё плечо и проходится по каждому позвонку спины. Это кажется непристойно сексуальным.

— Значит, мы в тупике.

— Н-нет, мы не в тупике. Ты хочешь меня, я хочу тебя, — я подаюсь навстречу его касанию, с удовлетворением наблюдая, как он шипит и отстраняет свой пах. — Я это почувствовала.

— Это не означает, что он получит желаемое.

— Итак, теперь мы в третьем лице говорим о трубе в твоих штанах...

— Саттер, помоги мне Господь, — он сжимает свою переносицу и глубоко дышит.

— Да брось. Мы можем это сделать. У нас больше не будет совместных пар, мы не будем видеться, если не выкроим время. Мы можем быть приятелями по траху.

Райдер вздрагивает, когда я говорю это. Я осознаю, что произнесла что-то, чего он не хотел слышать, но мне больше нечего сказать. Хотелось бы мне дать Райдеру то, чего он желает, но я не могу. Я не могу обречь себя на разбитое сердце. Я не могу быть уязвимой, когда вот-вот пройду через худший этап своей жизни и попрощаюсь с мамой. Я не могу отколоть от своей души ещё один осколок и отдать кому-то лишь для того, чтобы попрощаться и с ним тоже.

— Лесоруб, если я могла бы дать это кому-то, то это был бы ты. Но я не могу.

Его лицо напрягается. Одна огромная ладонь ложится на мою талию.

— Дала бы мне что?

Я привстаю на цыпочки и целую его прямо над бородой, шепча:

— Всё.

Трусость. Уилла — трусливый лев. Я ускользаю и присоединяюсь к маме на диване, переплетая наши руки. От неё пахнет маслом мяты и ванильным мороженым.

Она мягко похлопывает меня по бедру.

— Как поживает моя девочка?

Я улыбаюсь ей и целую в щёку.

— Нормально. Как ты?

Мама улыбается и отворачивается ровно настолько, чтобы положить карту, которая, похоже, обеспечивает победу. Она торжествующе вскидывает кулак, вызывая беглое воспоминание об её присутствии в моей футбольной карьере. Это всё ударяет меня в грудь с силой отбойного молотка. Как мама кричала на трибунах, высоко подняв кулаки. И тот пронзительный свист, который пронзал вечерний воздух. Я всегда его слышала. Я всегда знала, что она там и подбадривает меня.

Что я буду делать, когда не смогу больше её слышать? Как мне знать, что она всё ещё где-то там?

— Ты всегда будешь знать, Уилла, — шепчет она, похлопывая меня по сердцу. — Я прямо здесь, навеки. Прислушайся и услышишь. Обещаю.

Мама умерла в день Нового Года. Накануне вечером мы смотрели по телевизору опускание новогоднего шара на Таймс-сквер, свернувшись рядом под одеялами. Большую часть дня она была тихой, много смотрела в окно. Она держала меня за руку и просила петь ей колыбельные, которые она пела мне в детстве. Я делала ей массаж с её любимым ванильным лосьоном, растирала ноги, когда она говорила, что они замёрзли. Она не была голодна. Она облизывала губы и просила бальзам для губ, но не пила, когда я подносила ей кружку с трубочкой. Я знала, что это говорит о приближении прощания. Но я не знала, что оно уже настолько близко. Не думаю, что кто-либо знал.

Я заснула, обнимая её руками за её ужасно узкую талию и уткнувшись головой в её шею. А когда я проснулась от чириканья птиц и лёгкого проблеска рассвета, я поняла, что она умерла. Комната ощущалась пустой. Мир как будто померк.

С тех пор он больше не ощущался полным или ярким.

Я часами лежала рядом с ней и плакала. Я целовала её прохладную щёку и шептала ей все свои страхи о том, как я буду жить без неё. Я переплетала наши пальцы и обещала, что не забуду ни единого момента, что всё, что она дала мне, надёжно заперто в моём сердце. Я смотрела на её прекрасное лицо и говорила ей, что она была храброй, и что я буду горда, если мне удастся быть хоть вполовину такой же. Затем я ещё раз поцеловала её и прошептала слова прощания.

Как только доктор Би сменил меня, я в трансе прошла по комнате и собрала все следы нашего присутствия в две спортивные сумки. Мамина жизнь и моя так легко вместились в два хлипких куска ткани. Вернувшись в свою пустую квартиру, я швырнула их в стену и закричала так громко, что задрожали окна.

Я игнорировала звонки Райдера. Я не организовывала похороны. Её прах стоит в белой керамической урне на моём комод. Я разговариваю с ней, когда я дома, прячусь от Руни, тренера, Райдера, Такера, Бекса и всей моей команды. Все, кому не наплевать, оказались отрезаны. Потому что моё сердце запечатано вакуумом. Если я приоткрою его хоть чуть-чуть, если туда проскользнёт хоть капля воздуха, тогда мои воспоминания будут не в безопасности, и жизнь двинется дальше.

Я не хочу жизни без моей мамы. Я не хочу двигаться дальше.

Я слышала, как Руни говорит по телефону. Я слышала, как Райдер входит в мою квартиру. Я ковыряла еду, которую он приносит. Я видела записки, которые он пишет. В тот один раз, когда он осмелился войти в мою комнату, я спряталась в кровати, накрывшись одеялами. Райдер долго стоял и держал руку на моей спине, а потом его пальцы медленно скользнули в мои волосы, глупо пытаюсь превратить хаос в порядок.

Совсем как мама.

Каким-то образом я удержалась. На один отчаянный момент я позволила себе притвориться, будто каждое нежное поглаживание по моим диким волосам — это её руки, её тёплое стабильное присутствие позади меня, что это она пришла после долгой смены в больнице. Я закрыла глаза, задержала дыхание и купалась в этом воспоминании, пока его прикосновение не ушло, и дверь не закрылась. Затем я плакала до тех пор, пока рассветное солнце не начало палить в окна.

Я добилась прогресса. Теперь я регулярно ем. Я бегаю и тренируюсь с тяжестями несколько раз в неделю. Я не пропускаю тренировки на поле с Руни. Но я лишь шелуха прежней себя. Я это знаю. Просто я больше не знаю, как быть чем-то ещё.

— Привет, — Руни кладёт тёплую ладонь на мою спину. — Чего тебе хочется покушать?

Я смотрю на свою домашнюю работу, зная, что мне надо запомнить эти уравнения, но в то же время зная, что я слишком устала и голодна, чтобы чего-то добиться. Тяжело вздохнув, я бросаю ручку.

— Да что угодно. Ты выбирай.

Руни медленно садится за обеденный стол и сжимает мою ладонь.

— Уилла, я хочу кое-что сказать. Я думаю... Нет. Позволь мне начать с начала. Уилла, твоё горе абсолютно нормально. Твоя боль реальна.

Я смотрю на неё.

— Но?

— Никакого но, — Руни ёрзает на стуле, подвигаясь ближе. — И это угрожает твоему благосостоянию. Я думаю, пора поговорить с кем-нибудь. Сходить к психологу. Я не знаю, уместны ли они в данном случае, но может, стоит подумать об антидепрессантах. Не для того, чтобы ты стала каким-то неестественно счастливым человеком, а чтобы ты снова могла жить. Прошли месяцы, а тебе всё ещё тяжело функционировать, Уилла. В горе нет ничего постыдного. Ты будешь горевать столько, сколько тебе нужно. Просто нужно быть осторожной, когда это подрывает твоё благополучие.

Руни вытирает слёзы с моих щёк, а я их даже не осознавала.

— Я здесь, чтобы напомнить тебе, кто ты и чего ты хочешь, Уилла. Ты всегда будешь дочерью Джой Саттер. Это никогда не изменится. Но ты не всегда будешь футбольной мощью. Ты не всегда будешь располагать бесплатным образованием. У твоего порога не всегда будет ждать мужчина, готовый предложить утешение. Некоторые вещи вне времени — любовь твоей матери, её след в твоей жизни. Но со многим другим тебе нужно найти силу и ухватить это, пока не поздно.

— Ру, я не знаю, как, — выдавливаю я. Она притягивает меня к себе и обнимает, покачивая.

— Я понимаю. Ш-ш-ш-ш, — Руни целует меня в волосы. Это напоминает мне Райдера и его поцелуи в мои сумасшедшие кудряшки. Я скучаю по той искре и пламени, что искрило и ревело между нами. Я скучаю по его косматой бороде и мягкой лесорубной фланели. Я скучаю и по нашим многозначительным паузам тишины, и по его новообретённому низкому голосу.

— Давай по порядку, ладно? — говорит Руни. — Сначала запишем тебя к университетскому психологу. Пусть твои чувства улягутся, и голова станет более ясной. Затем приведёшь в порядок оценки. А потом возьмёмся за парня.

Я смеюсь.

— Ага, этому всё равно не бывать. Не так, как ты думаешь. Мне нужны друзья, Ру. Ничего больше.

Руни буквально на секунду перестаёт покачивать меня и обнимает крепче.

— Ладно, Уилла. Ладно.

Глава 25. Райдер

Плейлист: Arctic Monkeys — Do I Wanna Know?

— Кто это сделал? — реву я.

И Такеру, и Бексу хватается мудрости выглядеть ужаснувшимися.

— Да! — я пинаю случайно подвернувшийся футбольный мяч прямо в них и с удовлетворением смотрю, как они спешно разбегаются, чтобы избежать удара. — Всё ещё рады, что я вернул себе голос? Долбоёбы вы такие! — я бросаюсь на Такера, быстро заваливая его на пол. Его спина придавлена моим коленом, а рука заломлена под углом, который, надеюсь, причиняет мучительную боль.

— Это была его идея! — завывает Так.

Я отпускаю Такера, рванувшись вверх, и бросаюсь на Бекса. Он едва уворачивается от меня, спотыкается, налетает на стол и валится на пол.

— Умоляю! — Бекс поднимает руки в жесте капитуляции. Он выглядит так, будто вот-вот наложит в штаны, и правильно. Мой рост 190 см и вес 90 кг уступают росту и весу Бекса и Такера, но это неважно. Я рассерженный, рассерженный мужчина, а когда я взбешён, моя кровь викинга ревет в моих венах, требуя жестокости.

— Дай мне хоть одну хорошую причину, почему я не должен ломать твою чёртову руку, Беккет Беккерсон.

Бекс скулит, когда я опускаю ногу на его горло.

— П-потому что ты поблагодаришь меня, когда сбросишь это животное со своего лица, и Уилла упадёт к твоим ногам.

Я с шипением втягиваю вдох, потому что слышать её имя больно. Мы не говорим про Уиллу. Несколько месяцев назад я очень сильно напился, вскоре после смерти Джой, когда Уилла от меня отгородилась, и тогда я им всё рассказал. Тогда я заставил их поклясться, что они не будут говорить об Уилле или мучить меня чем-либо, связанным с ней. Они безупречно это выполняли.

До этого момента.

— Зачем? — рычу я.

Бекс косится на Такера, затем обратно на меня.

— Руни говорит, что она посещает психолога и наконец-то приходит в себя. До этого всё было плохо...

— Не надо, — я не могу это слышать. Поначалу я едва не тронулся рассудком, отчаянно желая навязаться, хотя знал, как сильно она страдает. Я перепробовал всё возможное, и всё равно она не смотрела на меня, не говорила со мной, не отвечала на сообщения, звонки или записки.

Я понимал, что ей надо было перегоревать, и то она горевала по-своему — то есть, в полном одиночестве. Но впервые в жизни логическое понимание ни капли не облегчало боль.

Сделав долгий медленный вдох, я смотрю на этих двоих.

— Значит, раз Уилла возвращается к нормальной жизни, вы двое решили, что сейчас самое время выбрать центр моей бл*дской бороды?

Такеру хватается дурацкой смелости захихикать в уголке, где он съёжился. Я делаю вид,

будто бросаюсь на него, и он пронзительно визжит.

— Мудак, — бурчу я.

Горло Бекса всё ещё под моей ногой. Я чувствую, как его кадык перекачивается под подъёмом моей стопы при глотке.

— Ладно, это было... немного агрессивно. Но я видел, как ты принял мелатонин. Эта херня вырубает тебя...

— Потому что у меня была бессонница! — ору я. С тех пор, как Уилла от меня отгородилась, мой разум постоянно не знал покоя по ночам. У меня были ужасные кошмары о том, как она входит в Тихий океан и тонет, одна идёт в поход, теряется и падает с утеса. Папа сказал, что мелатонин — это мягкая и не вызывающая привыкания биологически активная добавка, которая поможет мне заснуть. Но, как все знают, Райдер слаб перед седативными. Мелатонин не просто успокаивает мой разум... он вырубает меня напрочь.

— Ладно, — Бекс нервно сглатывает. — Ладно, это было немножко дерьмово — воспользоваться твоим одурманенным состоянием. Но намерения были благородными.

— Благородными, — я тру лицо, глядя в потолок и напоминая себе, что убийство положит конец моей любви бывать на открытом воздухе. Я слышал, что тюрьмы очень клаустрофобные. Почти никаких прогулок.

— Сбрей ты её до конца, — Бексу хватает наглости сказать такое. — Будешь выглядеть меньше как какой-то лесник судного дня и больше как горячий студент.

Такер хрюкает.

— Горячий — это с натяжкой.

— Я тебя умоляю, — Бекс закатывает глаза. — Мы все знаем, почему Райдер отрастил бороду. Потому что будучи гладко выбритым, он привлекал слишком много внимания, а после потери слуха он меньше всего хотел привлекать внимание.

— Чёрт. Ладно, Фрейд недоделанный, — я отпускаю горло Бекса и тащусь в свою ванную, осматривая нанесённый урон.

Им хватает глупости последовать за мной и встать позади, пока я смотрю в зеркало. Я наклоняю голову то в одну сторону, то в другую, пытаюсь сообразить, как спасти это так, чтобы не сбривать всю бороду.

Да никак.

— Ну, если только ты не хочешь оставить бакенбарды, — предлагает Такер. — Но учитывая, что я вырос по соседству с жутким типом с бакенбардами, который вечно пытался предложить мне мороженое, у меня возникают сильные ассоциации с педофилами. Растительность на твоём лице будет триггером, поэтому остаётся только полностью побриться ради моей эмоциональной безопасности.

Я смотрю на его отражение в зеркале.

— Тебе хватило наглости выбрить взлётно-посадочную полосу на моём лице, а потом выдумывать эмоциональные триггеры и соседа-педофила?

Такер стонет.

— Тебе так сложно наврать.

— Нее. Просто ты паршивый лжец, — вклинивается Бекс.

Я скидываю руку, затыкая их.

— Выметайтесь. Оба.

Такер скидывает кулак в воздух.

— Ты это сделаешь?

Я награждаю его взглядом, который заставляет его очень медленно опустить руку вдоль бока.

— Ясненько. Мы уже уходим.

— Ещё раз извини, — говорит Бекс прямо перед тем, как закрыть дверь.

Глядя на своё отражение, я испускаю протяжный вздох. Открыв ящик тумбочки, я смотрю на ножницы, лежащие прямо спереди и сверкающие, будто как раз меня ждали.

Голос Джой эхом отдаётся в моей голове. *«Пообещай мне кое-что. Не бросай её и не сдавайся, ладно?»*

— Ладно, Джой, — я натягиваю первый клочок волос, затем состригаю его ножницами с оглушительным звуком. — Это ради тебя.

Я чувствую себя голым. Пока я иду по кампусу, это ощущается как те сны в детстве. Те, в которых я приходил в школу в одной куртке. Сон превращался в кошмар, когда я начинал расстёгивать молнию и понимал, что под курткой ничего нет. Во сне я дёргал молнию обратно вверх и прятался в раздевалке, пока мама не приходила за мной.

Но сейчас никакая молния меня не спасёт, и никакая мама не исправит ситуацию. Бороды больше нет, и лишь лёгкая светлая щетина обрамляет мой подбородок. Тёплый ветерок обдувает лицо, напоминая, как мало защищает меня от внешнего мира.

Я понятия не имел, насколько сильно прятался за этой бородой, пока её внезапно не отняли. Ну, хотя бы у меня всё ещё есть мои фланелевые рубашки. Эта — любимая рубашка Уиллы. Сине-зелёная клетка. Её глаза всегда вспыхивали чуть ярче, когда я её надевал.

Бекс, чтоб его черти драли, не ошибся насчёт внимания, которое моё лицо привлекает без бороды. Я чувствую на себе больше взглядов. Я не хочу больше взглядов. Я хочу, чтобы на меня смотрела только Уилла. Я сильнее натягиваю бейсболку и смотрю на вибрирующий телефон. Привычки так легко не уходят — я всё ещё держу телефон на виброрежиме и всё ещё надеюсь, что это Уилла.

Это сообщение от типа, который всё это затеял. *«Я вижу секси-чувачка».*

Я рычу. Я убью Бекса. Оглядываясь по сторонам, я пытаюсь найти его укрытие. Пока я отвлёкся на его поиски, оглядываясь поверх моря остальных голов вокруг, я внезапно врезаюсь в маленькое компактное тело.

— Иисусе, смотри куда идёшь... — голос Уиллы обрывается, когда она смотрит на меня снизу вверх, и её глаза широко распахнуты в неверии. Она пугающе покачивается, так что я хватаю её за руку и хмурюсь от того, что там намного меньше массы. Она похудела. У неё вырывается странный смешок.

— Что-то смешное? — спрашиваю я.

Она визжит и отпрыгивает.

— Ты кто такой, бл*дь?

Я приподнимаю брови и трогаю козырёк кепки.

— Солнце, ты серьёзно?

Уилла издаёт тоненький болезненный звук.

— Какого чёрта, Райдер?

Её взгляд блуждает по моему лицу, пока она подаётся ко мне навстречу и кусает свою опасную пухлую губу. Когда её глаза встречаются с моими, я провожу большим пальцем по мягкой полноте губы и освобождаю её от зубов.

Её глаза искрятся от чего-то, странно похожего на слёзы.

— Беличий хвост исчез. Ты стал ещё прекраснее.

Я смеюсь и закатываю глаза.

— Заткнись, Саттер.

— Нет, я... — она стонет, и её лоб ударяется о мою грудь. — Ох божечки.

— У нас тут ситуация в духе «Красавицы и Чудовища». Я должен был убедиться, что нравлюсь тебе из-за моей потрясающей личности, а не из-за маминых скул.

— Сыр, — бурчит она. — Я точно могла бы нарезать сыр об эту красоту.

Это заставляет меня снова рассмеяться. Я не смеялся уже несколько месяцев. Опустив голову так, чтобы мой рот оказался поближе к её уху, я шепчу:

— Можно мне тебя обнять?

Уилла кивает, не отрываясь от моей груди, затем шмыгает носом. Шагнув поближе, я крепко обхватываю руками её плечи и сжимаю, пока она не оказывается полностью прижата ко мне, и я грудью чувствую биение её сердца. Боже, как же приятно вот так держать её. От неё пахнет солнцезащитным кремом, свежим воздухом, цветами, и мне так сильно хочется её поцеловать, что я едва могу думать о чём-то другом.

Её ладони робко скользят по моей талии, затем сцепляются на пояснице.

— Я скучала по тебе.

Я целую её в волосы, одной ладонью медленно поглаживаю между её лопаток.

— Я тоже по тебе скучал.

— Прости, что я исчезла, — мямлит она в мою грудь. — В то время мои мотивы отгородиться от всех казались неоспоримо необходимыми, но мой психолог с тех пор объяснил, что пусть это и можно понять, но это не самое здоровое решение.

— Ты взяла паузу, в которой нуждалась, Уилла. Я всегда ждал тебя.

Она кивает и снова шмыгает носом.

— Я знаю. Я это знала. И это значило... очень много. И спасибо за всю еду. И за поглаживание по спине. И за то, что играл с моими волосами как мама... — её голос срывается.

— Она делала так для тебя?

Уилла кивает.

— Она также свистела на моих играх, совсем как ты.

— Откуда ты знала, что это был я?

Положив подбородок на мою грудь, Уилла смотрит вверх.

— Ты был засранцем-лесорубом в безошибочно узнаваемой клетчатой фланели и свистел так громко, что тебя слышали в соседнем штате. Когда я уловила этот звук, я умом понимала, что мамы тут нет, но было такое чувство, будто она рядом. Благодаря тебе она казалась близкой.

Глаза Уиллы с любопытством всматриваются в мои.

— Может, ты немножко напоминаешь мне её. Это странно?

Моё сердце ноет. Я знал Джой Саттер лишь несколько незначительных недель, но так сильно по ней скучаю. Я не представляю себе, насколько больно Уилле, и насколько сложно говорить о ней. Я лишь знаю, что от Уиллы это лучший комплимент — слова о том, что я напоминаю ей её мать.

Я снова глажу её по спине и улыбаюсь.

— Это не странно. У нас было кое-что общее. Превосходные свистуны. Прямолинейные.

Не пасующие перед твоим характером, — мои пальцы скользят по её неукротимым волосам. — А также глубинная любовь к твоим безумным волосам, странным метафорам и нелепым вещам, слетающим с твоего языка.

Уилла наклоняется и мягко кусает меня через рубашку. От этого по всему телу проносится дрожь, и я крепче стискиваю её спину.

— Веди себя прилично.

Она улыбается.

— И с чего бы мне начинать вести себя прилично, Мужчина Гор? Я тебе нравлюсь такой, какая я есть.

Всё не налаживается за одну ночь, но Уилла больше не исчезает и отвечает на мои сообщения. Через несколько дней она соглашается поужинать со мной, если парни и Руни тоже будут там. Она всё ещё воздвигает между нами все возможные барьеры, пока ей это удаётся.

Я понимаю, почему. Всё, что она сказала на Рождество, никуда не делось. Она уедет отсюда покорять мир футбола, а я, по её мнению, буду преподавать уроки сплава на каноэ где-нибудь в Жопе Мира, штат Вашингтон. Её сердце до сих пор ранимо. Она скорбит. Она будет скорбеть ещё долго.

В данный момент ей нужен друг. Возможно, я друг, который вот-вот умрёт от желания стать чем-то большим, но я всё равно её друг. Или, если выразиться точнее, снова в старой знакомой категории: её друг-враг.

— Как ты это называешь, чёрт подери?

Я оборачиваюсь через плечо. Уилла с презрительным выражением тычет в приготовленное мной гуакамолем.

— Это гуак, Солнце. Тебе очки нужны или что?

— Я в курсе, что это гуакамолем, Бугай. Ну, или было им, пока ты не швырнул туда манго, — она с отвращением роняет ложку. — Какого хера?

— Это с тобой что-то не так. Все любят усовершенствованный гуак.

— Вот эта женщина не любит. Такер? Бекс? Руни?

Такер и Руни играют в FIFA на Нинтендо. Бекс уставился на их игру. Ни один из них не отвечает. Уилла поворачивается ко мне и пожимает плечами.

— Ну и дети пошли. Прилипли к телику.

У меня случается один из тех моментов, когда сложно это обуздать — свирепую нужду схватить её за изумительную задницу, обернуть её бедра вокруг меня и зацеловать до потери сознания.

Взгляд Уиллы мечется от моих губ к глазам и обратно.

— Ты выглядишь голодным.

— Я и правда голоден.

Она шумно сглатывает.

— Л-ладно. Ну, тако почти готовы. Мы можем поесть.

Я отворачиваюсь от неё, повелевая своему телу остыть. Это не работает. Ничто не останавливает то, как каждый мой дюйм пылает для неё. Это пытка, бл*дь. Платонические объятия и поцелуи в лоб. Покачивать её в моих руках и дышать ровно. Каждое маленькое задевание локтем или бедром. Грива её волос и этот соблазнительный запах, который

никуда не девается.

Ладони ударяют по моим плечам, прерывая мои мысли. Я поворачиваюсь и вижу Бекса, когда тот отпускает меня, стиснув плечи напоследок.

— Пахнет здорово.

Такер и Руни тоже подтягиваются, хватая начинки и соусы. Мои глаза снова останавливаются на Уилле. Мы стоим, будто жизнь движется в режиме замедленной съёмки, а наши друзья снуют вокруг нас размытыми пятнами.

— Ребят? — Такер тычет меня пальцем. Я наконец резко поворачиваю голову в его сторону, заставляя его подпрыгнуть. — Иисусе, ты страшный. У тебя глаза психа. Тебе на пробежку надо или что?

— Именно это мне и надо... или что-то ещё, — бурчу я.

Щёки Уиллы розовеют. Она держит стопку тарелок и сжимает их до побеления костяшек пальцев. Когда я подхожу к ней, её грудь тяжело вздымается, шея и уши темнеют от румянца.

— Можешь остаться после ужина? — спрашиваю я.

Её глаза выпучиваются.

— Эм, что?

— Просто останься после того, как они уйдут. Хочу тебе кое-что дать.

У неё вырывается очередной хрюкающий смешок. Я уже понял, что это её нервный смех.

— Это прозвучало грязно, Бергман.

Приподняв бровь, я забираю у неё тарелки.

— Извращенка. Припаркуй свою попу и ешь тако.

Она прикусывает губу, и впервые за долгое время она улыбается как Уилла, которую я знал раньше. У которой в жизни были поводы для улыбок.

Такер и Бекс — студенты колледжа, так что они уничтожают серьёзное количество еды. Руни от них не особо отстаёт, но я наблюдаю за Уиллой — как она ковыряет бобы, кладет их в рот так, будто приказывает себе поесть. Мои глаза снова сосредотачиваются на ней, время и пространство меркнут на периферии. Мне нужно, чтобы все ушли, и я смог предложить ей кое-что. А потом мне нужно, чтобы она согласилась.

Глаза Уиллы встречаются с моими. Сначала они расширяются в духе «на что ты смотришь?». Но когда я удерживаю её взгляд, они сужаются до раздражённых щёлочек.

Бекс достаёт телефон.

— Таймер.

— Ставки, — кричит Такер.

Руни с отвращением бросает своё тако.

— Неа. Я больше не буду этому потакать. Мне надоело, что мама и папа ссорятся, — встав, она вырывает телефон из рук Бекса, засовывает деньги Така обратно в карман рубашки и дёргает их обоих за руки. — Выметайтесь. Этим двоим нужно преодолеть это астрономическое сексуальное напряжение и разобраться с этим по старинке.

У Уиллы отвисает челюсть, пока она смотрит на Руни.

— Серьёзно, Рустер?⁹

Руни качает головой.

— Мне это так надоело. Вы двое. Поговорите. Потрогайте друг друга. Потрахайтесь. Пожалуйста, Господи, положите конец пыткам. Я уже тону. Я заражаюсь от вас

перевозбуждённостью...

— С этим могу помочь, — вклинивается Такер.

Бекс шлёпает его по макушке.

— Завязывай.

— Я и сама прекрасно справляюсь, парни, — говорит Руни, после чего обращается к Уилле и мне. — Суть вот в чём: довольно. Разберитесь с этим.

Руни вытаскивает парней за дверь вместе с собой и захлопывает её.

Уилла следит за ними, но в итоге её голова поворачивается ко мне, и черты искажаются неверием. Она выглядит так, будто ей ужасно некомфортно, а когда Уилле Роуз Саттер некомфортно, она об этом не говорит.

— Ну, это было вообще внезапно.

Поправочка. Она поговорит об этом, если это приведёт к приуменьшению или отрицанию.

— Да не особо, Уилла, — я встаю и собираю тарелки, ставя их друг на друга, пока они не превращаются в накренившуюся башню объедков.

Уилла опешивает, вскакивает и собирает блюдечки с соусами, смахивает тёртый сыр с края стола в свою ладошку.

— О чём ты говоришь, чёрт возьми?

Я обхожу её, с грохотом ставя тарелки в раковину. Уилла аккуратно ставит свою ношу рядом, затем поворачивается лицом ко мне.

— В Рождество я сказал тебе, чего я хочу.

— Да, — рывкает она. — А потом моя мама умерла, уж извини.

— Я не имел в виду это, — у меня вырывается вздох. — Я лишь говорю, что Руни констатирует очевидное.

Уилла стискивает челюсти, и её глаза искрят свирепой медью.

— Это не очевидно. Мы не очевидны.

— О? — я медленно иду к ней. Уилла пятится синхронно со мной, пока её задница не наткнется на кухонный шкафчик. Я опираюсь ладонями на его поверхность, расположив руки так, чтобы она оказалась в ловушке моего тела. Ей приходится выгнуть шею, чтобы посмотреть на меня. Её пульс бешено бьётся у основания горла. К щекам приливает румянец. Соски явно напряглись под поношенной футболкой с Мией Хэм, и она сжимает бедра.

— С головы до пят, Солнце, всё говорит, что ты меня хочешь. Посмотри на меня и скажи, что не видишь того же.

Она приподнимает подбородок, глаза встречаются с моими. Никакая борода не скрывает мой собственный румянец или движение кадыка, когда я пытаюсь сглотнуть. Рубашка никак не маскирует учащённое дыхание. Мои джинсы — вообще безнадёжный случай. Никакой материал не сумел бы скрыть, что я твёрд как камень для неё. Мои пальцы сжимают столешницу кухонного шкафчика до побеления костяшек. Мы — взрывная реакция за мгновение до встречи двух стихий.

Я опускаю голову, провожу губами по раковине её уха.

— Скажи, что ты этого не видишь, Уилла.

Она дрожит.

— Я вижу.

— Потому что ты хочешь этого, — шепчу я в её шею, затем оставляю лёгкие поцелуи вниз по её горлу.

— Я не хочу этого... не больше, чем ты.

У меня вырывается сухой смешок.

— А что, если я скажу тебе, что хочу этого так сильно, что едва могу думать связно?

Она сглатывает.

— Ну, тогда я признаюсь, что хочу этого настолько же сильно, но только не в таком виде, как ты.

— А в каком виде этого хочу я? — шепчу я, не отрываясь от её шеи.

Она раздражённо фыркает, но подаётся навстречу моему касанию.

— Ты знаешь, что я имею в виду. Ты хочешь тёплого и нежного. А я хочу только секса.

— Чушь собачья, Уилла, — я выпрямляюсь и прижимаюсь к ней пахом. Уилла буквально скулит. — Ты хочешь большего. Просто ты боишься.

— Неправда, — хрипит она.

— Как тебе такой вариант? Поезжай со мной в хижину в Вашингтоне на весенних каникулах. Дай мне это время, чтобы показать тебе, что бояться нечего. Ты. Я. Лес. Четыре дня.

Уилла прикусывает губу.

— Мне стоит остаться здесь и позаниматься.

Я отталкиваюсь от кухонного шкафчика. Сдёрнув полотенце с ручки, я закидываю его на своё плечо.

— Позанимаешься в хижине. Занимайся голой. Занимайся одетой. Мне всё равно. Еду буду готовить я. А ты отдыхай. Отдых тебе точно нужен.

Она уставилась на меня. Её радужки почти полностью исчезли за расширенными зрачками, бёдра крепко сжаты. Её волосы буквально трещат от неукротимой энергии. Уилла воюет с собой, разрывается между тем, чего ей хочется, и тем, как она жила всю свою жизнь. Эти вещи никак не сочетаются. Нельзя отдать себя кому-то и в то же время отгородиться.

Она загнана в угол и знает это. Я назвал ситуацию своими именами — мы двое людей, которые чувствуют намного больше, хотят намного большего, чем позволяют себе признать. Сначала мы оба были слишком взбешены, чтобы увидеть, что происходит на самом деле. Потом, когда жар напряжения начал вскипать, и настоящая структура нашей динамики выплыла наружу, мы оба были слишком шокированы и напряжены, чтобы что-то предпринять.

Но то было тогда. А это сейчас.

Последние восемь недель я провёл без Уиллы в моей жизни. Я больше не хочу, чтобы такое повторялось. Больше не буду притворяться, будто эта хромая дружбовражда ещё работает. Я могу лишь надеяться, что Уилла тоже готова отбросить притворство.

— Ты струсишь, Солнце?

Её глаза щурятся и темнеют.

— Чёрта с два.

— Хорошо, — я поворачиваюсь к раковине и включаю воду. — Тогда договорились.

— Райдер, я не... в смысле, это не... — она давится словами и умолкает. — Ой да ну всё нахрен, — она с топотом подходит и прижимается грудью к моей спине. — Ты должен понять, что это гиблое дело. Я не гожусь быть чьей-то девушкой. Ты не заставишь меня передумать. Когда ты прозреешь, мы будем трахаться как кролики, но безо всяких обязательств. Потом я буду сокрушать тебя одним безэмоциональным оргазмом за другим, за что буду ожидать плату в виду шведских фрикаделек и тех вкусеньких мини-сосисок,

которые ты делал на Рождество.

Я медленно поворачиваюсь к ней лицом, упираясь бедром в шкафчик. Бравада Уиллы слегка гаснет, когда она видит мои глаза.

— Уилла, если кто и будет сокрушён, так это ты, — оттолкнувшись от края, я делаю шаг в её сторону и накручиваю одну её кудряшку на палец. — Я всегда играл с тобой по-честному, Солнце, но я ведь не обязан это делать.

Она снова сжимает бёдра меж собой.

— Это угроза? — хрипло выдавливают она.

— Нет, Уилла. Обещание.

Отвернувшись, я делаю шаг к раковине, затем выдавливаю средство для мытья на тарелки и наливаю немножко воды. Её глаза стопроцентно не отрываются от моей задницы. Я отсюда слышу биение её сердца. Возможно, мне потребуется время, но я сумею убедить Уиллу Саттер в том, что она может разделить со мной всё, рискнуть и доверить мне своё сердце. Я добьюсь этого, даже если это будет последним, что я сделаю в жизни.

— Пакуй одежду потеплее, — говорю я через плечо. — В марте в Вашингтоне прохладно.

Плейлист: Guitar Tribute Players — Not Over You

— Уилла, расслабься.

Я дёргаюсь с такой силой, что разливаю половину кофе себе на колени.

— Иисусе, Бергман. Можно же предупреждать.

Брови Райдера взлетают над солнцезащитными очками.

— Предупреждать перед тем, как заговорить с тобой?

Просто... чтоб он провалился. Он изначально был отвратительно-лесорубно-сексуален, но теперь, когда у него всего лишь недельная бородка, это просто капец всему. Его колючая щетина ни капли не скрывает мягкие губы, которые, как я и предсказывала, несправедливо полные, но всё равно мужественные. Добавьте к этому густые тёмные ресницы, завидные скулы, линию подбородка, которой вообще стекло нарезать можно, и я сокрушена. Я просто лужица позорной похоти.

А ещё, знаете ли, есть же его характер. Он засранец, но в правильных аспектах. Он даёт отпор там, где я напирала первая, где он знает, что я ищу безобидной стычки, и мне нужны наши искры и треск. Он находит странные способы понять мои чувства и настроения, но при этом не вызывает у меня ощущение, будто я только что вытерпела очередную опустошающую душу сессию у мозгоправа. Он готовит лучшую шведскую еду, бл*дь, и он прекрасно знает, как надо гладить по спине. Его объятия просто возрождают жизненные силы.

В него было бы очень легко влюбиться. Если бы я таким занималась. А я не занимаюсь. По крайней мере, когда я в состоянии поддерживать все свои границы, стены и механизмы дистанцирования, большая часть которых оказалась отобрана у меня, когда он затолкал меня в свой Эксплорер, потом посадил на рейс до Сиэтла, а потом повёз по великолепным пейзажам штата Вашингтон.

И я добровольно согласилась на такую хрень.

Я ворчу что-то неразборчивое и смотрю в окно, разглядывая окружение, пока мы едем на юг по шоссе I-5. Здешние пейзажи — это просто изображение Райдера в топографии. Вечнозелёные растения и неподвижные глубокие водоёмы. Всё опьяняюще красиво.

Райдер почти не трогал меня с тех пор, как мы зашли в самолёт. Нашим единственным физическим контактом было то, что я уснула на его плече. К моему ужасу я обильно пускала слюни. Я знаю это лишь потому, что когда наш самолёт тряхнуло при посадке, и я проснулась, хрюкнув, всё его плечо было абсолютно мокрым. Райдер оставался невозмутимым, а мне хотелось скукожиться на сиденье и исчезнуть от стыда.

И всё. Никаких легких объятий, никаких игр с моими волосами. Никаких поцелуев в лоб, когда я падаю на его грудь, а это лучшая цель для моего раздражения в мире. Центральная консоль внедорожника между нами кажется шириной в милю и вместе с тем в миллиметр. Слишком много. И недостаточно.

Я схожу с ума.

— Я дёрганая, — выдавливаю я наконец.

Он усмехается как сексуальный засранец.

— Да что ты говоришь?

— Мы почти приехали?

Райдер кивает, глянув в зеркало, после чего плавно поворачивает налево. Я плююсь на него, охваченная одним из тех моментов, где мне кажется особенно нереальным тот факт, что я могу и видеть его лицо, и слышать его голос. Он мне так нравился, когда не было ни того, ни другого. И как же мне устоять перед ним теперь?

— Где мы, чёрт возьми?

Райдер улыбается.

— Если бы я сказал тебе, мне бы пришлось тебя убить.

— Не смешно, — я шлепаю его по руке и чуть не получаю синяк на ладони. — Господи, Бергман. Ты на каких соках сидишь?

— Ты вообще со мной знакома? Выжимка соков — это оскорбление природы. Это тратит впустую ценную клетчатку фруктов и овощей... Ай!

Я нахожу особенное местечко под его локтем и щипаю.

— Ты знаешь, что я имела в виду. Стероиды. В простонародье «соки».

Его горло шевелится от глотка. Я смотрю на его кадык, и мне приходится скрестить руки, чтобы скрыть окаменевшие соски.

— Ну надо же было чем-то заниматься в последние пару месяцев, — говорит он.

— В смысле?

Райдер бегло косится на меня, затем переводит взгляд обратно на дорогу.

— Я беспокоился о тебе, Солнце. На пару недель вообще как будто с ума сошёл. Каждый день напивался, а потом сообразил, что тренинг как одержимый — это более хорошая стратегия.

Моё горло превратилось в пустыню. Сердце бешено колотится в груди.

— О.

Райдер прочищает горло и показывает перед собой.

— Мы на месте.

У меня отвисает челюсть. Пока мы едем по гравийной дорожке, нас приветствует сногшибательный дом в стиле «А-фрейм». Окна от пола до потолка разместились между глубокими деревянными балками, придающими дому треугольные очертания. Всё тут или насыщенно-коричневого, или тёмно-зелёного, или небесно-голубого цвета. Ели и сосны, бескрайнее небо, сверкающая вода не так далеко. Густой участок леса окружает дом и расступается лишь для изумительного вида на воду.

— Собственность частная, — говорит Райдер, паркуя машину. — Можешь бродить по лесам обнажённой по пояс, купаться голышом... — он сипло сглатывает. — Всё в твоём распоряжении, имею в виду.

Я просто ошарашена.

— Райдер, это нереально круто.

Он пожимает плечами.

— Папа сделал пару удачных инвестиций и купил это место. Быстро выплатил ипотеку, и правильно сделал. Когда грянул кризис, он потерял большую часть своих инвестиций, но хотя бы тут было всё выплачено. Старшие из нас заглядывают сюда в течение года и делают мелкий ремонт. Так мы заслуживаем право пользоваться этим местом.

— Вы не платите кому-либо за присмотр за домом?

— Нет. — он анализирующим взглядом смотрит на дом, будто составляет список дел. — Стоимость таких услуг намного выше, чем могут позволить мои родители.

Я закатываю глаза.

— Кажется, у вас нет проблем с деньгами.

— Ну, Солнце, впечатление бывает обманчивым. Да, папа доктор, но нас семеро, и все мы, кроме последних двух, отучились в колледже и накопили счета за обучение. К тому же, за годы случалось немало всякого дерьма, которое быстро исчерпало финансы, — он смотрит на воду и откидывается на спинку сиденья. Его ладонь рефлекторно поднимается к внешнему передатчику, который он носит за ухом. — Поэтому это заняло так много времени. Нам надо было доказать страховой компании, что слуховой аппарат не работает, и это означало...

— Тебе пришлось какое-то время мучиться со слуховым аппаратом, чтобы доказать его непригодность, — после долгих лет маминой болезни я знаю, какими ублениями бывают эти страховые компании. — Рай, мне так жаль. Я не знала.

Он мягко улыбается, затем толкает дверцу машины.

— Всё хорошо. Я же тебе сам не говорил, так? Пошли, давай разомнём ноги.

Я выхожу за ним из машины, направляясь к багажнику, но Райдер обхватывает пальцами моё запястье и мягко тянет.

— Оставь. Я сначала хочу тебе кое-что показать.

Он разворачивается и идёт к узкой тропке в лесу.

— Но я голодная, — ною я. Батончик гранолы летит через его плечо и ударяется в меня. — Вау.

— Я предугадал твой голод, Саттер. Ешь на ходу. Пошли.

— Мне нужна вода, — я не готова к этому. Райдер что-то задумал. Это ощущается как смерть наших отношений в том виде, который я знаю и люблю. Хочу ли я большего? Конечно, чёрт возьми. Но я ужасно боюсь неизвестности и потерь, которые могу испытать, если пойду на такой риск.

Когда Райдер, всё ещё не глядя, поднимает руку над головой, с его пальца свисает фляга.

— Не заставляй меня и это кидать через плечо.

Я рычу, сдирая обёртку с батончика и топя следом за ним.

— Засранец лесоруб.

— Твою ж мать, — мои лёгкие жадно втягивают воздух. Я задыхаюсь не от физической нагрузки. Во всём надо винить открывшийся вид.

Райдер улыбается, пока я любуюсь пейзажем. Мы находимся довольно высоко, смотрим на воду под нами, на окружающие земли, усеянные аккуратными маленькими треугольничками деревьев. Облака то закрывают солнце, то снова открывают, испещряя мир пятнами света.

— Это... у меня даже нет слов.

Райдер тихо смеётся.

— Всё бывает в первый раз.

Я пихаю его кулаком в плечо, не отрывая взгляда от этой красоты.

— Как ты вообще уезжаешь отсюда?

Он тяжело выдыхает.

— Непросто.

— Могу себе представить.

Его слова откладываются в сознании, затем тяжелым камнем оседают в моём животе.

Это место, которое делает его счастливым. Райдер говорил, что хочет жить здесь. В этом моя проблема. Он говорит, что хочет меня, но он никак не может хотеть жизни, которая будет у меня. Как бы мне ни были ненавистны эти слова, я не могу отрицать, что Райдер по-своему прав в одном: его мир — это не мой мир, его идеальная жизнь не вяжется с моей. Так какого чёрта мы притворяемся?

Повернувшись, я хватаю его за рубашку и тяну к себе. Райдер спотыкается, его ладони ложатся на мои бёдра.

— Почему ты делаешь это? — спрашиваю я у него. — Чего ты хочешь от меня?

Райдер хмурит лоб. Этот засранец выглядит великолепно даже тогда, когда абсолютно сбит с толку.

— Что?

Я раздражённо вздыхаю.

— Райдер, это твоё счастливое место, здесь ты хочешь быть. У нас остался один год в колледже, а потом я понятия не имею, куда меня закинет подписанный контракт. Зачем нам ступать на этот путь, если в итоге нас обоих ждёт только боль?

Он улыбается. Я сдерживаю желание вмазать ему кулаком в живот за то, что он выглядит таким собранным. Он слишком невозмутимый, мать его.

— Ну и чего ты улыбаешься? — рывкаю я.

Качая головой, Райдер проводит пальцами по моим волосам и убирает потные кудри со лба.

— Ты правда думаешь, что когда я заполучу тебя, то позволю нам расстаться из-за чего-то столь незначительного?

Моё сердце скручивается.

— Место и стиль жизни — это не незначительное.

— Я могу быть счастлив где угодно, Уилла. Лишь бы ты была рядом, а вокруг имелась земля и небо, — его улыбка делается шире. — Но ты не хочешь, чтобы всё было так просто. Потому что ты боишься того, к чему это приведёт.

— Конечно, я боюсь. Я паникую как при пожаре четвёртой степени.

Улыбка Райдера гаснет, его ладони ложатся на мою потную шею сзади. Я знаю, что не стоит пытаться отстраниться или беспокоиться, что это вызовет у него отвращение. Он делает шаг ещё ближе, и наши тела соприкасаются.

— Знаешь, что?

Я облизываю губы и наблюдаю, как его голова опускается ко мне.

— Что?

— Я тоже боюсь, Солнце. Это уязвимое дерьмо, — его рот на расстоянии одного вдоха от моих губ. — Просто я знаю, что предпочту бояться с тобой, а не быть бесстрашным с кем-то другим.

Он целует меня так, как не целовал много месяцев. Умело, терпеливо. Моё тело с рёвом оживает, ноги подкашиваются. Я цепляюсь за Райдера, словно он мой якорь в том мире, пока его ладони обхватывают мою голову, и желание закричать застревает в горле. Его губы... без бороды я чувствую их намного лучше, пока они скользят по моим губам, ласкают мои щёки. Они тёплые и мягкие, чрезвычайно умело дразнят, растравливают, заявляют права. Его зубы царапают мою нижнюю губу, посылая разряд нужды вниз по моему телу.

Наши рты раскрываются вместе, вдох крадёт вдох, его ладони опускаются, и Райдер обхватывает меня руками. Мои пальцы погружаются в его волосы, наслаждаясь густыми

шелковистыми прядями. Мои ногти царапают его щетину. Дрожь пробирает меня до костей.

— Уилла, — шепчет он. Его руки голодные. Они дёргают мою рубашку, водят пальцами по чувствительной коже. Талия, живот, ребра.

— Да, — я не могу перестать целовать его. Я не могу перестать лнуть к этому мужчине, который держит меня так, будто мне не нужно держать всё самой. Я чувствую, что он твёрд как железо и вжимается в меня сквозь джинсы. — У тебя тут штука габаритами метр на два метра. И как это всё будет?

Райдер смеётся мне в губы, качая головой.

— Всё будет хорошо. Мы подойдём друг другу.

— Откуда ты знаешь? — шепчу я.

— Подойдём, Солнце. Мы всегда идеально сочетаемся.

— Что, если ты причинишь мне боль, Райдер?

Всё его тело застывает. Райдер отстраняется ровно настолько, чтобы мой взгляд мог встретиться с этими зелёными как трава радужками. В точности такого цвета, как кроны деревьев вокруг и земля под нашими ногами.

— Уилла Роуз Саттер, с каждым своим вздохом я буду делать всё в доступных человеку силах, чтобы никогда не причинить тебе боль.

По моей щеке скатывается слеза, и Райдер вытирает её большим пальцем.

— Тем не менее, я буду лажать. Знаю, я практически идеален, чёрт возьми, но я всё равно человек.

Я хватаю его за рубашку, затем вполсилы толкаю. Улыбка согревает его лицо и заставляет глаза блестеть.

— Я хочу... — я прикусываю свою губу зубами и смотрю на него. Его улыбка тёплая, глаза терпеливые. Его ладонь крепко обхватывает моё плечо, пока он меня обнимает.

— Тебе ничего не нужно говорить, Солнце, пока эти слова не будут реальными и крепкими, — Райдер целует меня в висок и медленно выдыхает. — Я никуда не денусь. Как минимум в следующие несколько дней. Кому-то же надо отгонять гризли.

Я сглатываю, когда он делает шаг назад и подхватывает нашу флягу.

— Ты... погоди, Бергман, ты серьёзно?!

Смех Райдера эхом отражается от деревьев, когда он начинает шагать вниз по тропе.

— Если я отвечу, в чём тогда всё веселье?

Я бегу прямо на него и как мартышка запрыгиваю ему на спину. Он даже не сбивается с шага.

— Последний известный калифорнийский медведь гризли, *Ursus arctos californicus*, ныне вымерший подвид медведя гризли, был убит примерно столетие назад, — мягко говорит Райдер, подхватывая меня повыше.

— Ну, это радует. Ты прям маленькая энциклопедия калифорнийской природы.

Райдер сжимает мои ноги, и его ладони практически полностью обхватывают мои бедра. Может, не такая уж и маленькая энциклопедия.

Опустив голову на его шею, я вспоминаю наш поход к водопадам. Чистый и резкий запах его пота. Движение мышц на его спине. И снова я чувствую всё это. Я вдыхаю горный воздух и аромат тёплого тела Райдера. Я прижимаю губы к его коже — совсем так, как боялась сделать в прошлый раз. Его хватка на моих ногах сжимается крепче, и когда он смотрит на тропу впереди, на его лице играет тёплая улыбка.

Листья деревьев шепчут на ветерке. Солнце опускается ниже по небу. Райдер несёт

меня всю дорогу обратно вниз.

Добавьте приготовление пищи к хмурым гримасам, открыванию сумки с ноутбуком, закатыванию рукавов и другим обыденным делам, которые Райдер Бергман волшебным образом делает порнографическими. Каждый раз, когда я ела у него дома, еда была уже практически готова к моему приходу, и это выдаёт бескрайнюю мудрость данного мужчины. Я могу примерно пять голодных минут выносить запах пищи, после чего мне нужно поесть. А то превращусь в злого голодного тролля.

Но сегодня этому засранцу хватило наглости организовать поднос с изысканными закусками, налить мне большой бокал красного вина и не только закатать рукава передо мной, но и приготовить нашу еду с нуля.

— Наслаждаешься шоу? — его глаза не отрываются от его рук, пока он мелко нарезает лук, но хитрую улыбку на его лице ни с чем не спутаешь.

Я кидаю в его голову кешью. Райдер делает паузу ровно настолько, чтобы закинуть орешек в рот и продолжить нарезку, жуя его. Божечки, даже смотреть, как он жуёт и глотает — это до отвратительного сексуально.

— Я очарована, — сухо отвечаю я. Усмешка Райдера говорит о том, что он не купился на сарказм, но я спускаю это ему с рук, потому что он готовит для меня. Если я надеру ему задницу до того, как ужин будет готов, то что мне тогда делать? — Откуда вообще взялась вся эта еда?

— Я заказал её, Солнце. Есть такое современное чудо, называется «онлайн-заказ доставки продуктов».

— Бергман, тебе лучше следить за языком. Я мстительная женщина с талантом к ночным розыгрышам, и будет не так уж сложно найти, где ты сегодня будешь спать.

— Вообще не сложно. Поскольку мы спим в одной кровати.

Я давлюсь вином.

— Мы что?

— Ну, мы можем начать в отдельных комнатах, но ты же цыпочка из Южной Калифорнии, которая начинает дрожать, когда температура опускается ниже +15. Тут ночами всё ещё около нуля.

Из моего горла вырывается жалобный звук.

— Да это же арктический мороз.

Райдер фыркает, скидывая нарезанные овощи в сковородку и увеличивая нагрев конфорки.

— Для тебя, Уилла — да. Ставлю 50 баксов, что ты не дотерпишь и до полуночи и прибежишь греться ко мне.

Прямо сейчас температура кажется лишь прохладной. Я в кои-то веки послушалась Райдера и взяла с собой толстовки и кофты с длинными рукавами. На мне несколько слоёв одежды, вдобавок просторные спортивные штаны и пушистые носки. Очень соблазнительно. Но хотя бы я не замерзаю. Пока что.

Я прерывисто выдыхаю.

— У вас тут разве нет отопления?

— Дровяная печь, — Райдер кивает на очаг. — Вентиляторы разгоняют тепло от огня по дому.

Я смотрю туда. Очаг пустой и холодный.

— Значит, ты планируешь развести его?

Райдер хмурится и медленно поднимает взгляд от курицы, которую он начал разделывать.

— Не планирую, нет.

— Ч-что? — лепечу я, и мои глаза раскрываются шире. — Но мне же будет холодно.

Он пожимает плечами.

— С точки зрения заботы об окружающей среде будет безответственно отапливать это место из-за двух человек. Я не буду этого делать, но если сумеешь сама развести огонь, вперёд. Или же ты можешь подумать о том, чтобы сыграть свою роль в защите тающих полярных ледников, вестников надвигающейся климатической катастрофы, и разделить постель с теплокровным человеком. Решай сама.

Я стону и тру лицо.

— Ты выживальщик, обнимающийся с деревьями.

— Что-что, дорогая? — он приставляет ладонь к уху.

Я бросаю в его голову забытый кусочек лука.

— Ты меня слышал, — я ни хрена не знаю о таком скаутском дерьме, и Райдер это понимает.

И снова я испытываю искушение применить к нему насилие, но еда пахнет очень вкусно, и мне бы хотелось, чтобы он доделал блюдо. Может, потом я скручу его яйца и заставлю развести огонь.

Мой желудок урчит, так что я заталкиваю в рот горсть английского чеддера и фиников и жую. Мне сложно ненавидеть того, кто может сделать закусочную нарезку такой чертовски вкусной.

— Ты играешь грязно, Бергман.

Его усмешка почти неуловимая, и он делает лицо нейтральным.

— Я предупреждал, что не всегда буду играть справедливо.

Он играет со мной, и мы всегда так делали. Он подкалывает меня, я подкалываю его. Мы по очереди играем роли кошки и мышки, провоцируем друг друга; один подталкивает другого, пока тот не оказывается загнан в угол, а потом можно сжалиться и отпустить.

Но он наклоняется, применяя больше давления. Он не просто загоняет меня в угол. Райдер давит на меня. Потому что он знает, что я бы запросто согласилась спать с ним (какая женщина в здравом уме от такого откажется?), но он этого не хочет. Он хочет, чтобы я хотела не просто метр девяносто сплошных мышц, привлекательное лицо и идеальную дозу засранца в характере. Он хочет, чтобы я хотела его. Он хочет, чтобы я сделала шаг, который это продемонстрирует.

Я потягиваю вино и смотрю на него, думая о нашем походе ранее. Я чувствовала себя храброй на вершине той горы. Я позволяю себе подумать обо всех ужасающих последствиях, которые кажутся такими же опасными, как падение с той высоты. Но наш спуск вниз был возвращением к реальности... к страшному, к тому, каким деликатным ощущается моё сердце.

Страх курсирует по моему телу, и всё же я хочу подавить это. Я ужасно боюсь, но в то же время больше не могу лгать. Я не могу сказать, что не хочу попытаться как-то осмыслить то, что происходит между Райдером и мной. Как это вообще сделать, если я не делаю ни шага к подобной возможности?

Мне нужен крепкий первый шаг. Он не может быть маленьким. Он не может быть жалким. Речь же идёт про меня. Единственное, что приходит мне в голову — это то, что мы всегда делали: посмотреть на ставку Райдера и перебить её.

Встав, я ставлю вино на стол и стягиваю толстовку через голову. Дальше расстаюсь с длиннорукавой кофтой. На мне только белая майка без лифчика. Рука Райдера, держащая нож, замедляется, потом останавливается.

— Что ты делаешь? — хрипит он.

Я нагибаюсь, чтобы снять спортивные штаны, затем пушистые носки. Теперь я осталась в трусиках и майке.

— Ну, если мне всю ночь предстоит мёрзнуть, можно сначала отогреться в джакузи. Выглядит весьма заманчиво.

Райдер издаёт сдавленный звук.

Отойдя от стола, я вальяжно приближаюсь к стеклянной двери и толчком открываю её. Джакузи стоит буквально в паре метров, небо напоминает чёрный купол, усеянный звёздами в такой удалённости от огней города. Стоя спиной к Райдеру, я оборачиваюсь через плечо. Я удерживаю его взгляд, пока стягиваю майку и позволяю ей упасть на пол.

Райдер свешивает голову. Его руки упираются в стол.

— Я поем снаружи, Бугай. Спасибо.

Глава 27. Райдер

Плейлист: Jamie McDell — God is a Woman

Мои руки дрожат, пока я складываю курицу в сковородку. Кожица трещит и шипит, встречаясь с жаром. Звуки соответствуют тому, как я чувствую себя, наблюдая, как Уилла запрокидывает голову в джакузи. Мне жарко, беспокойно.

Я опасно близок к тому, чтобы вспыхнуть.

Она там абсолютно голая. Я вижу её трусики и майку, лежащие на тёмной террасе как лужица пролитого молока. Лунный свет придаёт её коже голубоватый оттенок, изгиб её груди слегка выглядывает из-под бурлящей воды.

Я настолько твёрд, что мой член вот-вот прорвёт ширинку. Мне приходится напоминать себе дышать, чтобы не упасть в обморок на сковородку с жареной курочкой и не добавить к ошеломительному репертуару моей головы ещё и ожоги третьей степени.

Я не могу перестать представлять, как она выглядит, и умираю от желания прикоснуться к ней. Она разделась, всё верно, но я не видел всё полностью. Я отвёл глаза, когда её пальцы подцепили трусики. Я не мог. Я не мог допустить, чтобы первый раз, когда я увижу Уиллу обнажённой, был таким неполноценным моментом. Когда я увижу её, это будет на равных условиях, и она будет также жаждать увидеть меня, как и я её. В этой игре я не буду уступать.

Я достаточно услужлив, чтобы принести Уилле её вино. Она улыбается мне и меняет позу под пузырьками, принимая бокал. Она ни капельки не пытается не пялиться на ситуацию в моих джинсах.

— Ох, Лесоруб. Похоже, этому бревну совсем не комфортно.

Я хмуро гляжу на неё, затем уношусь обратно внутрь, и моё раздражение усиливается, когда я слышу её гортанный смех. Я добавляю финальные штрихи к еде и раскладываю по тарелкам для нас обоих. Дважды перепроверив, что конфорки выключены, я сую бутылку пива под мышку и выхожу, чтобы присоединиться к ней. Уилла смотрит на звёзды, одна её рука вытянута вдоль края джакузи и играет вином в бокале.

Встретившись с моими, её глаза смягчаются. Тёплые, шоколадно-карие, с карамельными крапинками. Её бокал почти опустел. Вино делает её чуточку податливой и, судя по выражению в её глазах, весьма возбуждённой. Вино ведёт к возбуждённым глазам. Даже не сомневайтесь, что я сохранил этот факт на будущее.

Когда я передаю Уилле её тарелку, она улыбается мне.

— Спасибо.

Какое-то время мы едим молча; я в садовом кресле-шезлонге, Уилла в джакузи, держа тарелку над пузырьками. Она ест пальцами, поскольку невозможно поставить тарелку на колени и резать вилкой и ножом. Сначала курица, потом она кладёт себе в рот стручковую фасоль и жуёт.

— Чёрт, вот умеешь ты готовить, Рай.

Я издаю небрежный звук, глотнув пива.

— Райдер?

Я бросаю на неё взгляд.

— Хм?

Её глаза смягчаются ещё сильнее. Её радужки словно превращаются в бледно-золотистые отсветы свечей.

— Иди сюда.

Наши взгляды долго не отрываются друг от друга. Мой палец постукивает по пивной бутылке.

— Зачем? — выдавливаю я наконец.

Уилла не моргает. Она лишь делает глубокий вдох и выдыхает.

— Потому что я хочу тебя.

Я едва не роняю пиво. Поставив бутылку и тарелку, я снова смотрю на неё.

— Мне нужно нечто большее.

Уилла прикусывает губу, затем отводит взгляд и смотрит на тёмный горизонт.

— Я хочу Райдера Стеллана Бергмана. Короля фланели и бесстрашного мужчину гор. Я хочу своего приятеля по бизнес-математике. Я хочу того парня, который портит гуакамолу и знает, как прикасаться к моим волосам. Я хочу того засранца, который свистит на моих играх и обнимает так крепко, что кажется, будто мои лёгкие вот-вот лопнут, — она сглатывает. — Мне нравится то чувство, когда ты почти давишь слишком сильно, сжимаешь слишком крепко, но точно знаешь, когда остановиться. Ты знаешь, когда бороться, а когда попросить прощения.

Моё дыхание становится прерывистым. Моё сердце смято тисками эмоций, и от слов Уиллы они сжимаются лишь крепче.

— Я хочу Райдера, который читал вслух для моей умирающей матери, — шепчет она. — Я хочу Райдера, который принёс мне виски и конфетки с арахисовой пастой и был первым мужчиной, который притормозил, обнимал меня и позволил мне почувствовать себя достаточно в безопасности, чтобы расклеиться. Я хочу мужчину, который сегодня нёс меня с горы. Я хочу его тихую силу и его большое сердце. Я хочу тебя.

Я встаю. Уилла тоже встаёт. И всё меняется.

Воздух шумно вырывается из меня. Она так красива, что слов нет. Нет слов, чтобы описать, как лунный свет выглядит на мышцах её плеч, живота, ног. Нет слов, чтобы запечатлеть мягкие изгибы бёдер, очертания груди и тугих сосков, напрягшихся от холода.

Её пальцы слегка танцуют по её боку, пока она ждёт. Я знаю, что дышу, поскольку до сих пор жив, но такое чувство, будто это не так. Я ошеломлён.

— Райдер, — тихо зовёт она.

Мои глаза встречаются с её, и моё сердце горит от понимания. Я люблю её. Я знал, что полюбил её, но эта правда взрывается в моей груди, подлетает к горлу и бьётся бешеным ритмом в моём мозгу, пока я смотрю в её глаза.

— Иди сюда, — шепчет она.

Я делаю шаг ближе. Уилла тоже. Она опирается на бортик джакузи изнутри, и наши глаза оказываются на одном уровне. Я удерживаю её взгляд, пока её руки ложатся на первую застёгнутую пуговку моей рубашки и начинают расстёгивать одну за другой.

Наполовину управившись с пуговицами, она медлит. Прижимается поцелуем к моему лбу и покачивается. Мои ладони опускаются на её бёдра, поддерживая, и она продолжает расстёгивать мою рубашку. Её кожа гладкая и подтянутая, горячая от воды. Когда она начинает стягивать рубашку с моих плеч, я скидываю её и наконец-то делаю то, чего больше не могу избежать.

Я жадно провожу губами по её груди и пробую на вкус её кожу. Её сосок твёрдый,

самого прекрасного ягодно-розового цвета. Я терблЮ его пальцами, провожу языком по его поверхности.

Её руки уже в моих волосах, воздух шумно вырывается из её лёгких.

— О Боже, — стонет она.

Уилла опускается на колени в воде, лихорадочно дёргая пряжку моего ремня и расстёгивая пуговку. Она тянет вниз язычок молнии и стягивает джинсы с моих бёдер. Я снимаю их окончательно и следом избавляюсь от боксёров.

Уилла смотрит на меня широко раскрытыми глазами. Я ещё никогда не был таким твёрдым, мой член настолько крепкий и толстый, что ударяет по пупку, освободившись от трусов.

Её лицо озаряется медленной улыбкой.

— Ну? — спрашивает она. — Чего ты ждёшь?

Джакузи здорово расслабляет, но не подходит для такого. Я хочу хорошо её видеть. Я не хочу спешить. Мне нужно сохранять здравый рассудок, а обнажённое тело Уиллы поверх моего в джакузи — это рецепт катастрофы. Не говоря уж о том, что джакузи — это ужасно негигиенично для любого секса, хотя Уилле я об этом не скажу. Она опять будет подшучивать над моей невротичной чистоплотностью.

Мои ладони скользят от её плеч к талии, и я удерживаю её взгляд. Она взвизгивает, когда я резко поднимаю её из воды, заставляю обвиться вокруг моего торса и иду обратно к двери.

Улыбка Уиллы заразительна, когда она сцепляет руки на моей шее и крепче сжимает бёдра. Мне приходится прикусить щёку изнутри, чтобы не потерять контроль, потому что она в считанных сантиметрах от того, чтобы скользнуть на мой член.

— Куда мы идём? — шепчет она.

Я плечом открываю дверь в просторную ванную на первом этаже. Стеклопанная душевая кабина с кафельной скамеечкой и двумя лейками типа «водопад» расположена в дальнем конце комнаты.

Уилла следит за моим взглядом.

— Вау, — с придыханием выдает она.

Я ставлю её и включаю свет. Открыв воду, я регулирую температуру, затем включаю полотенцесушитель. Уилла слегка дрожит, и я тащу её за собой в то просторное место.

Она осматривается по сторонам, отрешённо водя ладонями по моим рукам.

— А ты почему не заходишь? — её глаза следят за моими руками, которые зарываются в мои волосы возле ушей. — Их надо снять.

Я киваю.

Уилла колеблется, затем делает шаг ближе, сжимая мою руку.

— Хочешь, я выйду из душа, чтобы тебе не пришлось...

— Я всё равно никогда не смогу. Они выпадут... от такого движения.

Уилла краснеет, но в её глазах видна печаль.

— То есть, ты не услышишь...

— Я прекрасно тебя услышу, Уилла, — я целую её запястье, не отрывая взгляда от её глаз. — Всегда слышал.

Я осторожно отсоединяю свои слуховые процессоры и передатчики и кладу их на тумбочку. Звуки мира снова сужаются. Исчезают те многочисленные внешние звуки, которые я уже подсознательно начал воспринимать как данность. У меня остается лишь моё

дыхание и хриплый шёпот Уиллы. Моё сердце стучит в ушах.

— Пошли, Уилла, — я медленно веду её в душ, позволяя воде падать на нас.

Она резко вскидывает голову и смотрит мне в глаза.

— Ты это сказал.

Я знаю, что это значит для неё — говорить, произносить её имя, когда я очень слабо представляю, как это звучит. До установки имплантатов я никогда этого не делал, ни разу. Я слишком стыдился, слишком комплексовал из-за потери звучания своего голоса. Но я хочу, чтобы Уилла знала — между нами больше не осталось страха и колебаний. Я хочу показать ей, что её стены могут быть опущены даже после того, как на их возведение было потрачено столько времени и энергии.

— Райдер, — я больше вижу своё имя на её губах, чем слышу его. Я чувствую, как его звучание вибрирует в моей груди и оседает в моём сердце.

Она привстаёт на цыпочки и дарит мне поцелуй, который я запомню навсегда. Это не дикая схватка языков и губ. Это не битва за контроль. Поцелуй нежный и напуганный. Полный надежды и хрупкий. Её губы такие невероятно пухлые, пока скользят и прижимаются к моим. Посасывание и укусы, тихие вздохи, обдающие моё лицо.

Я накрываю ладонями её шею и вжимаюсь между её ног. Мои большие пальцы гладят её щёки, а её ладони обхватывают мою талию и притягивают ближе. Я чувствую вкус неопишуемой сладости, свойственной лишь Уилле, пока я сосу её нижнюю губу и провожу по ней языком.

Её стон танцует по моей коже и заставляет меня дрожать. Один последний поцелуй, после чего я привлекаю её к себе. Она смотрит между нами, затем на меня, выразительно приподняв брови.

Это заставляет меня тихо рассмеяться. Я качаю головой и поднимаю руку, чтобы она поняла — я планирую потрогать её таким образом, а не переходить к главному. Пока что нет. Наш переход обратно к изначальной динамике переходит гладко — язык тела, зрительный контакт, понимание без слов.

Её груди полные и мягкие, так и молят о ласках моего рта. Я целую их, грубо посасываю соски, а ладонь опускаю ниже её талии и нахожу тёплую и гладкую кожу. Мои пальцы раскрывают невероятно шелковистую кожу, погружается сначала один палец, затем второй. Ладони Уиллы стискивают мои плечи. Она наваливается на меня, прижимается грудью, приоткрытый рот оказывается у моей шеи.

Мой большой палец находит её клитор и кружит медленными, лёгкими как перышко касаниями. Я чувствую каждый выдох горячего воздуха, дар её звуков, когда она опускает рот к моему более здоровому уху и хрипит. Ладонь Уиллы отрывается от моей руки и крепко обхватывает основание члена.

Я стону и запрокидываю голову, когда она сжимает хватку, а потом проводит вверх до головки. Её большой палец проходится по головке моего члена, и мне совершенно плевать, какой у меня вырывается звук. Рот Уиллы не отрывается от моего уха, и я впитываю все её отчаянные звуки. Её ладонь ощущается просто идеально, её движения достаточно медленные, чтобы мучить меня. Её бёдра начинают дрожать, дыхание делается отрывистым.

Мои бёдра покачиваются в её хватке. Я поворачиваю голову и нахожу её губы. Мы целуемся и дышим друг другом, изучая под струями воды... возясь и посмеиваясь, узнавая, какое касание сводит другого с ума. Я крепко прижимаю Уиллу к себе, не сводя с неё глаз, когда её бёдра вздрагивают, ногти впиваются в мою кожу.

Её веки трепещут, опускаются. Розовый румянец заливает её грудь, затем окрашивает щеки. Я вижу, как её полные губы говорят «Б-близко», и сильнее сгибаю пальцы, двигая ими внутри неё всё жёстче и быстрее. Отчаянный жар поднимается по моим ногам и обжигает основание позвоночника. Моё тело напряжено как взведённая пружина, и от её мягких маленьких ладошек на моём толстом члене у меня кружится голова. Уилла начинает дрожать, её глаза распахиваются, рот приоткрывается. Она кончает на моей руке, трясась всем телом, и стонет мне в губы. Вид её оргазма доводит меня до предела. Один последний толчок в её тесный кулак, и вот я уже проливаюсь на её живот на протяжении маленькой вечности.

Уилла льнёт ко мне, пылко обвивая руками мою шею. Её губы прижимаются к моему уху, щекам, губам. Наши лбы соприкасаются, после чего она крадёт ещё один поцелуй напоследок. Она отстраняется, покрасневшая и сногсшибательная, и её глаза озаряются дрожащей улыбкой. Затем её ладонь проходит перед её лицом, собирается в жесте «щепотки» и взмахивает в воздухе.

Теперь она знает значение этого жеста, и я невольно улыбаюсь в ответ.

«Прекрасно».

Я поддался и развёл огонь. Видя, что мы миновали переломный момент в душе, я подозреваю, что Уилла всё равно позволит мне несколько часов обнимать её в постели. Она растянулась на диване, уложила ноги на мои колени. Она шевелит пальчиками на ногах, пока я вожу пальцами по подъёму её ступней.

— Давай сыграем в игру, — говорю я ей.

Уилла отводит взгляд от огня и поворачивается лицом ко мне.

— В игру?

Я киваю.

— Называется «заполни пробелы».

— Заполни пробелы в чём?

— В твоей жизни, — её нога начинает ускользать, но я хватаю её. — Уилла.

Её глаза мрачнеют, предвещая злость.

— Что?

— Поговори со мной. Что тебя расстраивает в этом?

Она вздыхает и роняет голову обратно на подлокотник дивана.

— Мне не нравится говорить о себе.

— Да, но когда дети станут старше, кто им объяснит, почему мама всегда странно реагирует на корн-доги, непростые разговоры и медведей гризли?

— Так, нет у меня странной реакции на корн-доги. Они просто мерзкие. А медведи гризли — пусть они и якобы вымерли в штате Калифорния — всё равно ужасают.

— А непростые разговоры?

Уилла хмурится.

— Далее я собиралась высказать претензии насчёт детей.

— Ты сказала, что тебе нужно время, и я дам тебе столько времени, сколько нужно, Солнце. Я буду ждать, пока ты не закончишь выигрывать олимпийское золото, а потом, когда ты готова, я хочу, чтобы у нас тут бегали злобные спиногрызы с неукротимыми волосами.

Уилла мрачнеет ещё сильнее.

— Это не тема для шуток.

— Целиком и полностью согласен, — я притягиваю её к себе на колени и принимаюсь массировать другую ступню.

— Райдер... — она трёт лицо. — Уф. Чувства. Разговоры.

Я прерываю массаж и похлопываю её по ступне, чтобы она посмотрела на меня.

— Маленькими шажками, ладно?

Маска Уиллы сползает. Она выглядит настолько напуганной, что мою грудь сжимает рефлекторное желание защитить. Я разминаю её пятку, затем принимаюсь массировать ахиллесово сухожилие. Её глаза закрываются, и она стонет.

— Где ты родилась? — спрашиваю я.

— Талса, — тихо отвечает она. — Ты?

Я улыбаюсь.

— Здесь.

Уилла резко вскидывает голову. Она встревоженно оглядывается по сторонам, словно следы травматических родов всё ещё виднеются где-то на деревянных полах.

— История такова: мама сказала, что у неё болит спина, встала с дивана и прошла половину пути до двери, после чего села и вытолкнула меня из себя прямо у основания ступеней.

Уилла в ужасе смотрит на упомянутую площадку. От этого у меня вырывается гортанный смех.

— Ну типа, я был четвёртым. К тому моменту процесс доходит почти до автоматизма.

— Говоришь как та половина нашего вида, которой никогда не приходится выталкивать следующее поколение из своей вагины, — бесстрастно произносит Уилла.

Это заставляет меня рассмеяться ещё сильнее.

— Я тебя травмировал.

— Иисусе. Ладно, — она качает головой. — Итак. Моя очередь, — она барабанит пальцами по своим губам. — Я хочу знать, что именно случилось с твоим слухом.

На мою голову как будто вылили ведро ледяной воды, но я прошу её быть храброй. Значит, мне тоже надо быть храбрым.

— Бактериальный менингит. Я прошёл примерно половину летних тренировок перед сезоном первокурсника в КУЛА. У меня вдруг ужасно повысилась температура, развилась такая головная боль, что было невозможно открыть глаза. Родители отвезли меня в больницу. В какой-то момент я потерял сознание, а когда очнулся, мой слух был уже таким.

Уилла смаргивает слёзы.

— Боже. Мне так жаль, Райдер.

Я пожимаю плечами.

— Всё хорошо.

— Нет, не хорошо, — спешно говорит она, садясь более прямо. — Ты потерял то, что любил.

— Знаю. Но я оплакал это. Иногда мне до сих пор бывает грустно, но я двигаюсь дальше. Теперь уже ничего не поделаешь. Остаётся лишь жить жизнь в этом новом направлении.

Она на мгновение колеблется, её ладони ложатся на мои ноги. Она гладит мои лодыжки вверх и вниз, будто всегда делала так. Будто мы привыкли переплетать ноги перед

пылающим огнём, устроившись где-нибудь в блаженной глуши.

— Какая позиция? — спрашивает она наконец.

— Защитник. Левый. Я бы тебе зад-то надрал, Солнце.

Её глаза искрят. Пылкость так и трещит на кончиках её волос.

— Чёрта с два.

Я смеюсь в горлышко бутылки, после чего делаю глоток пива.

— Гарантирую.

— Вызов принят.

Опустив бутылку, я встречаюсь с ней взглядом.

— Тогда завтра. К полудню потеплеет. И пойдём на поле.

У Уиллы отвисает челюсть.

— У вас есть поле?

— Ну, раньше мы постоянно проводили время здесь. Нас семеро, и все мы играем или, в моём случае, играли...

Она шлёпает меня по голени.

— Ты всё ещё играешь. Может, не так, как раньше, но ты всё равно играешь.

Я киваю, удерживая её взгляд. Комфортное молчание между нами затягивается, пока Уилла попивает вино. Огонь время от времени потрескивает и заливает её лицо тёплым свечением.

— Я хочу знать про твоего папу.

Уилла напрягается и сжимает челюсти.

— Мой папа был местным, который за период маминой увольнительной успел обрюхатить её и бросить. Он не желал иметь ничего общего с её беременностью, и я никогда не знала, кто он.

Я сжимаю её ногу.

— Мне жаль.

Она пожимает плечами.

— Да и пофиг.

— Пофиг? У тебя никогда не было папы, Солнце.

— Мда, спасибо. А то я сама не догадалась.

Я вздыхаю.

— Уилла, я просто стараюсь посочувствовать.

— Ну, не надо. Мне не нужна жалость, — она поднимает бокал вина и делает большой глоток.

— Я тебя не жалею, и ты это знаешь.

Она приподнимает плечо.

— Ладно, хорошо.

— Ты же знаешь, что это абсолютно нормально — ненавидеть его за то, что он самый большой идиот на свете, раз упустил возможность быть в твоей жизни, верно?

— Иисусе, — она сбрасывает мои ноги со своих и встает. — Мне совсем не нужна сессия с мозгоправом.

— Уилла, подожди, — я медленно встаю с дивана. — Я пытаюсь поговорить с тобой об этом. О том факте, что первый мужчина в твоей жизни оказался абсолютным разочарованием, и ты склонна воспринимать всех мужчин так же. Ты сама мне это сказала. Я не приписываю тебе свои слова.

Уилла уставилась на меня.

— Это потому, что большинство встреченных мной мужчин и есть абсолютное разочарование. Сплошь красивые слова и обещания, пока не ударяет реальная жизнь. И тогда они исчезают.

Она разворачивается, стягивает одеяло с дивана и направляется к лестнице.

— Я устала и понимаю, что обороняюсь. Я хочу поговорить побольше, но не могу, ладно? Не сейчас. Я скажу что-нибудь, о чём пожалею.

Я смотрю на неё, расшифровывая её лицо. Она выглядит уязвимой и грустной. Она выглядит так, будто чувствует вину, но на то нет причин. Она говорит мне о своих лимитах. Она не убегает. Она переносит на другой раз.

— Хорошо. Прости, что я надавил, Солнце.

Она смотрит на меня с плохо скрываемым удивлением.

— Ты не злишься?

— Нет, Уилла. Ни капельки.

Её плечи опускаются от облегчения.

— Ладно, ну... тогда я просто пойду спать, — подойдя ко мне в одеяле, Уилла прижимается поцелуем к моей груди и шепчет: — Спокойной ночи.

Я смотрю, как она поднимается по ступеням. На площадке она медлит и с любопытством смотрит на меня, затем поднимается до конца.

Глядя в огонь, я позволяю своим мыслям угомониться. Я думаю о том, как бы мне хотелось этой ночью спать в обнимку с Уиллой, но намного важнее показать Уилле, что я уважаю её процесс.

Маленькими шажками, сказал я ей. Я хочу, чтобы она это увидела. Что я не убегу, когда она ошестинится, что я не буду настаивать, когда она обозначит свои границы. Что я не стану ненавидеть её, когда она говорит «это всё, на что я способна», особенно когда между строк я читаю «но я хочу сделать больше».

Пламя очага меркнет, шаги Уиллы стихают наверху. Я разламываю угли, запираю двери и поднимаюсь наверх. Когда я проверяю её, она лежит точно так же, как несколько месяцев назад, когда я нашёл её после смерти Джой. Зарылась под одеяла и притворяется, будто спит. И совсем как в прошлый раз, я кладу ладонь на её спину, затем провожу пальцами по её волосам. Я держу обещание.

Я не сдаюсь и не отказываюсь от Уиллы. Совсем как Уилла, даже напуганная и покрытая шрамами, никогда не сдавалась и не отказывалась от меня.

Глава 28. Уилла

Плейлист: Ingrid Michaelson, AJR — The Lotto

— Доброе утро, Солнце, — его голос хриплый с утра, и мои соски напрягаются в ответ. «*Видишь?* — говорят они. — *Этот хриплый рот мог бы заниматься нами всю ночь. Лизать, покусывать, сосать, шептать, пока он делает ту штуку своим языком...*»

— Заткнитесь, сиськи.

Райдер замирает по другую сторону стола.

— Ты только что обратилась к своей груди?

— Не обращай на меня внимание. Кофе, — я сажусь на стул за барной стойкой на кухне и со слабой улыбкой принимаю кружку, которую он передо мной ставит.

— Спасибо, — выдавливаю я после первого глотка. Посмотрев в кружку, я осознаю, что напиток приготовлен именно так, как мне нравится. — Ты знаешь, как я пью кофе?

— Мне же дорога моя жизнь, — Райдер наполняет свою кружку и улыбается мне. — Я достаточно часто видел тебя по утрам, чтобы сообразить. Заварить покрепче. Добавить капельку молока.

Моё нутро совершает кульбит.

— Райдер, насчёт вчерашнего вечера... — я вожу пальцем по краю кружки, глядя в кофе. Вот было бы неплохо, если бы слова были написаны в этих разводах молока? Говорить о подобных вещах так сложно. — Прости, — я встречаюсь с его глазами. Они как всегда тёплые и добрые. Он такой спокойный, чёрт возьми. Непокосимый.

— Почему ты извиняешься?

— Моя реакция была просто термоядерной, — у меня вырывается тяжёлый вздох. — Вчерашний день и вечер были просто фантастическими, но в то же время ужасно пугали. Я пытаюсь проработать свои эмоции с психологом, но мои проблемы с отношениями и чувствами... пустили глубокие корни. Всё дело в злости и ненависти к «донору спермы». Дело в постоянных переменах в моём детстве, постоянных переездах, завязывании дружбы, которая всегда заканчивается разлукой. Я вложила всё в любовь к маме, потому что мы же всегда переезжали вместе. Она была моей мамой, моим папой, моей лучшей подругой, моим всем. Потом, когда она заболела, я годами беспокоилась, стрессовала и переживала, что потеряю единственного человека, которого позволила себе полюбить всем сердцем. Я... я завела привычку никогда не привязываться, чтобы избежать боли. Это поведение не уйдёт за одну ночь.

— Я знаю, — тихо говорит он.

И, совсем как прошлой ночью, ещё один замочек на моём сердце открывается и падает. Совсем как прошлой ночью, Райдер не сердитый, не нетерпеливый, не разочарованный из-за того, что я сейчас не способна на большее.

Мой голос делается тоненьким, но мне нужно донести свой посыл. Мне нужно, чтобы он понимал, во что ввязывается.

— Притворяться, будто такое не пугает меня очень, очень сильно — бессмысленно. Я не хороша в таких вещах. Я никогда прежде этого не делала.

Райдер пристально смотрит на меня, затем кладёт руку на стол, ладонью вверх. Я без колебаний даю ему свою руку, затем вздыхаю, когда его пальцы мягко поглаживают мою

ладонь.

— Сказать такое непросто, Солнце.

На глаза выступают слёзы, и я киваю.

— Спасибо, — тихо говорит он, сжимая мою ладонь.

Я прикусываю губу и сжимаю его руку в ответ. Когда он отпускает, я обхватываю кружку кофе, чтобы согреться. Но жар приходит довольно быстро. Он простреливает мой позвоночник, пока я смотрю, как Райдер пьёт из своей кружки, и подмечаю весь его очаровательный внешний вид с утра. Ему идут взъерошенные со сна волосы, а между футболкой и пижамными штанами выглядывает отвлекающая полоска кожи.

— Итак, — Райдер отпивает кофе, затем ставит кружку. — «Такие вещи». О чём именно идет речь?

— Разве я этим утром недостаточно говорила о чувствах?

Райдер просто смотрит на меня и улыбается.

Я матерюсь себе под нос и делаю большой глоток кофе.

— Ты и я, Лесоруб. То, что между нами.

Он нагибается ровно настолько, чтобы опереться локтями на стол. На нём серая термофутболка, поношенная и облегающая во всех нужных местах. Она льнёт к точёным мышцам его плеч и рук, плотно прилегает к подтянутой талии. Мне уже страшно увидеть то, что ниже. Я практически уверена, что это клетчатая фланель, и я сомневаюсь, что готова к этой лесорубной сексуальности.

— То, что между нами, — повторяет он. — А именно...?

Я открываю рот, но слова не приходят. Я хочу быть храброй, хочу сказать то, чего ждёт от меня Райдер, чем я хочу попытаться быть с ним, но моя храбрость застревает где-то между моим горлом и языком.

Его телефон нарушает тишину, вибрируя и сдвигаясь по кварцевой столешнице. Райдер не глядя отключает сигнал, но мои глаза по дурости опускаются к экрану. Эмма.

Перед глазами всё окрашивается красным. Эмма. Что ещё за Эмма, мать вашу за ногу?

— Ничего важного, — спокойно отвечает Райдер.

Я резко вскидываю глаза.

— Я сказала это вслух?

— Да, Уилла, — Райдер улыбается и ласково убирает мой локон со лба. — Серьёзно, она мне никто.

Я смотрю на него, часто моргая. В моей груди происходят очень странные вещи. Такое чувство, будто кто-то колотит по ней ломом, и быстро образуются трещины. Моя кожа ощущается горячей, голова раскалывается. Кажется... кажется, я ревную?

Райдер подвигает телефон ко мне.

— Не веришь — сама посмотри.

Телефон так и кричит мне разблокировать его, нырнуть в сообщения Райдера. Кто ещё ему пишет? Какие другие цыпочки с красивыми современными именами вместо тех, что вдохновлены помешанными на прериях авторами XX века, закидывают его телефон сообщениями?

Я закрываю глаза и медленно выдыхаю.

— Я тебе доверяю.

— Ты всё равно можешь посмотреть.

Я открываю глаза и прищуриваюсь.

— Ты хочешь, чтобы я это сделала?

Райдер пожимает.

— Мне всё равно. Если бы какой-то парень закидывал тебя сообщениями, мне было бы любопытно. Я безоговорочно тебе доверяю, но, думаю, я был бы не прочь узнать, что он пишет. Давай, смотри, Солнце.

Забрав кружку кофе со стола, Райдер отступает. Чёрт возьми, мои худшие страхи подтвердились. Фланель на его фантастической заднице и ногах мужчины гор смотрится так же хорошо, как и на его торсе валителя деревьев.

— Я пойду освежусь. Не стесняйся.

Он уходит, не сказав ни слова, и оставляет меня со своим телефоном, обжигающим мою ладонь.

Я барабаню пальцами по столу. Часы тикают. Кофе остывает.

— Ох, да какого чёрта, — я разблокирую его телефон, потому что да, я уже знаю пароль.

Изучение телефона Райдера начинается безобидно. Он много переписывается с братьями и сёстрами, и это согревает моё сердце. Я завидую и в то же время безумно счастлива, что у него такая дружная семья. Он каждое утро пишет своей маме. От этого моё нутро сжимается. Я намеренно избегаю сообщений от Сэди, Эммы, Хейли и Оливии.

А потом не избегаю.

Жёванный ты крот. Эти цыпочки не церемонятся. Приглашения на кофе, стандартные сообщения в духе «давно не виделись». *«Давай как-нибудь поужинаем»*. Предположительно, они его бывшие. Партнёрши на одну ночь. Не девушки, поскольку Райдер ясно дал понять, что не имел отношений со старших классов школы... кто знает, почему он так делает упор на этом. Я знаю, что все эти сообщения начинаются примерно со времени атаки на Крепость Лица Райдера, когда Бекс и Такер вынудили его, сбрав центр бороды.

Я не удивлена. Я всегда считала Райдера горячим и по-настоящему привлекательным. Есть какая-то тихая сексуальность в мужчине, который не щеголяет всем, что может предложить, и это явно моя слабость, хотя я этого не осознавала. Может, я и хотела придушить его с момента первой встречи, но вскоре осознала, что при этом нахожу его чрезвычайно привлекательным.

Но Райдер без бороды — это типа... ну, он мог бы быть моделью. У него классически красивые черты лица, достаточно огрубевшие благодаря мужественности, резким линиям, влиянию солнца и времени под открытым небом, чтобы он выглядел более зрелым и взрослым, чем есть на самом деле. Райдер — это мужчина среди моря мальчиков. Когда борода исчезла, этот факт оказался на всеобщем обозрении.

Моё сердце бешено стучит. Райдер не ответил ни на одно из этих сообщений. Он прочитал их, ясно давая понять, что всё видел, но игнорирует. Он ясно продемонстрировал своё отношение. Но я всё ещё дрожу от этого нового зудящего ощущения под кожей. Я испытываю абсурдное желание побежать и повалить его на пол, покусать его тёплую упругую кожу с головы до пят, зацеловать его до бесчувствия, а потом всё утро скакать на его «сучке» лесоруба. Я хочу, чтобы каждый дюйм Райдера ясно заявлял «собственность Уилль». Я хочу, чтобы все знали — он мой, я его, и мы хотим лишь друг друга.

Твою мать. Твою мааааать.

Реальность шлёпает меня по голове. Если бы я увидела его с одной из этих женщин, если бы он согласился хоть на бл*дскую чашку чая, мне бы показалось, будто моё сердце вырвали из груди.

Это не собственничество. Это не какие-то мелочные женские игры, в которые я позволяю себе вляпаться. Когда я пытаюсь представить его с другой... как другая женщина держит его за руку, дёргает за волосы, целует или прикасается к нему, нежится в его тёплых объятиях, массирует его голову при мигрени... это ощущается так, будто я стою перед кривым зеркалом на карнавале. Это неправильный образ. Я инстинктивно, без всяких сомнений знаю, что это неправильно. Так никогда не должно быть.

Почему? Ответ всё громче и громче стучит во мне, и вот уже от правды сотрясаются мои кости, дрожит клетка, в которой я всё заперла. Потому что я лю...

— Солнце?

Его голос эхом доносится сверху. Ласковость и знакомость моего прозвища — это как тёплое одеялко ободрения, окружившее меня. Это звуковая версия его объятий, и сжатие этих больших рук пробуждает чувство, жившее во мне месяцами. Как будто находясь с Райдером Бергманом, я нахожусь в точности на своём месте.

— Что?

— Похоже, скоро будет дождь. Если я хочу надрать тебе задницу на поле, нам лучше поспешить.

Уверенность ужасающим грузом оседает в моей груди. Она опускается в живот и приземляется тяжёлым, крепким, неоспоримым фактом. Поверить не могу в то, что собираюсь сделать, и всё же я решительно настроена сделать это теперь, когда я понимаю. Теперь, когда это звенит в моих ушах, наполняет моё сердце, требует быть озвученным.

— Иду!

Райдер тихий, пока мы идём вниз по петляющей тропинке. Ближе к низу я оступаюсь на камешках. Он тут же вскидывает руку и хватает меня за локоть.

— Уф, у тебя глаза на затылке, что ли? У тебя жутко хорошие рефлексы.

Райдер улыбается, смотря перед собой.

— Рефлексы, которые скоро надерут тебе задницу на поле.

Я игриво пихаю его, а он даже не пошатывается. Он реально набрал мышечную массу, пока я пребывала в спячке в своей пещере скорби.

— Ты тихий, Бугай.

— Я всегда тихий, Уилла.

— Нет, не всегда. Ну то есть, иногда да, но обычно ты много общаешься со мной.

Райдер останавливается на тропе, отчего я врезаюсь в него. Он медленно поворачивается и смотрит на меня.

— Наверное, да. Но это другое. Это только когда мы вдвоём.

И снова мое сердце Гринча разбухает на размер больше. Только когда мы вдвоём.

Я моргаю, глядя на него. Глаза Райдера глубокие, безмятежно зелёные в окружении деревьев. Черты его лица замкнутые, пропитанные чем-то, так и трещащим по швам. Мне хочется схватить его за руки и вытряхнуть это нечто как товар, застрявший в автомате.

Две птички чирикают на дереве над нами и нарушают тишину, резко взметнувшись в небо. Они описывают арку и опускаются, их полёт — это танцующая погоня и дразнение, пока они не выравниваются на ветру и не улетают прочь тандемом.

— Только когда мы вдвоём?

Райдер смотрит на меня.

— Ты видела, чтобы я после встречи с тобой говорил хоть с одной женщиной, помимо моих сестёр и матери?

Я медленно качаю головой.

— Может, я смотрел на другую?

Я грубо закусываю нижнюю губу зубами. Моё сердцебиение учащается втрое и припускает в убийственном ритме.

— Нет, — шепчу я.

Его глаза пылают, к шее подступает румянец.

— С тех пор, как я установил эти штуки, — он показывает на приборы за его ушами, — что-либо из этого изменилось?

— Н-нет.

На подбородке Райдера дёргается мускул. Не сказав больше ни слова, он разворачивается и продолжает шагать по тропе. Я практически вприпрыжку семеню за ним, нагнав в тот самый момент, когда мы выходим на поляну.

Повернув, Райдер идёт к сараю и набирает код на замке, чтобы тот открылся. Затем он скрывается внутри и быстро вытаскивает среднего размера ворота и несколько мячей. Я замечаю, что он сейчас без своих слуховых приборов. Наверное, оставил всё в сарае. Я беру мячик, затем насос и принимаюсь накачивать его, наблюдая за Райдером, когда тот устанавливает ворота вдали.

Бросив мяч, я лёгким пасом подталкиваю его вперёд. Почему-то прохладный ветер и запах скошенной травы напоминают мне о детстве. Я переносюсь в свои первые дни с футбольным мячом, в то беззаботное счастье, которое я испытывала, когда осенний ветерок приклеивал футболку к моему худому телу и слегка сбивал мяч с курса. Я помню дольки апельсинов и бутсы из секонд-хенда, как бабушка Роуз заплетала мне волосы, а мама шёпотом повторяла свою мантру, втирая солнцезащитный крем в мои щёки.

«Ты сильная. Ты смелая. Ты можешь сделать всё, на чём сосредоточишься сердцем и разумом».

Я до сих пор повторяю себе эти слова перед каждым матчем. Я повторяю себе эти слова прямо сейчас.

Райдер поднимает взгляд от сетки ворот и наблюдает, как я веду мяч. Я слегка красуюсь, легко подкидывая мяч и ловя другой ступнёй, когда он описывает в воздухе «радугу». Я разворачиваю ступню, не теряя мяча, и снова подкидываю его, поймав уже между лопаток. Затем я перекатываю мяч на плечо и подбрасываю. Он летит по воздуху и приземляется прямо у ног Райдера.

Он пытается скрыть веселье, но терпит провал.

— Выпендрёжница.

Как и прошлой ночью в душе, он говорит без помощи имплантатов. Это застаёт меня врасплох, и моё сердце сжимается от того большого страшного чувства, которое я едва не назвала про себя на кухне.

Без имплантатов его голос звучит иначе. Гласные искажаются. Я не думала, что для меня будет иметь такое большое значение тот факт, что он заговорил без них, но это важно. Такая колоссальная уязвимость. Я прочищаю горло, стараясь выглядеть так, будто не раздуваю из мухи слона, ведь сам Райдер ведёт себя так, словно это пустяк.

Я слежу, чтобы он видел мои губы, когда я говорю.

— Если есть что показать, сделай это.

— Ты только что процитировала Бей... — его голос срывается. Он сглатывает и пробует снова. — Бейонсе?

Я толкаю его плечом, краду мяч у его ног и разворачиваюсь, чтобы он видел, как я говорю.

— Ты так говоришь, будто я должна смущаться, хотя это ты взрослый мужчина, который узнаёт старые песни Бейонсе.

Райдер широко улыбается.

— Две сестры, Солнце. Я оглох слишком поздно.

Я останавливаю мяч и чувствую, как мои губы хмуро поджимаются.

— Это не смешно. Мне не нравится, когда ты шутишь об этом.

Его улыбка угасает.

— Почему?

— Потому что... — я играю мячом, скрывая свои чувства за движениями. — Не знаю. Ты смеёшься над тем, кто для меня очень дорог. Меня дразни, сколько хочешь, но себя не принижай такими шутками.

Райдер склоняет голову набок.

— Со стороны может сложиться впечатление, что я тебе нравлюсь, Солнце.

— Абсолютно верное впечатление, Лесоруб, — я посылаю мяч в воздух, затем ударом «ножницы» отправляю его в ворота.

Райдер возвращается за мячом, затем приходит его очередь красоваться. Ох, чёрт. Ох, чёрт возьми. Он поджимает губы, играя мячом и сосредоточенно сощутив эти ярко-зелёные глаза. Его ресницы опускаются на скулы, волосы блестят на солнце. Всё его тело состоит из длинных линий, грации, силы. В его исполнении это выглядит таким простым. У меня есть от силы тридцать минут, после чего я умру от нехватки секса. Тех забав в душе прошлым вечером было недостаточно. Далекое не достаточно.

Его глаза раскрываются шире, встретившись со мной взглядом.

— Вау. Ты выглядишь...

Обезумевшей от секса. Возбуждённой сильнее, чем возможно для человека. Да. Да, так и есть.

Я шумно вдыхаю.

— Я готова надрать тебе задницу. Давай уже.

Играть один-на-один тяжело. Даже лучшие игроки мира выматываются, в одиночку работая на всё поле, не имея товарища по команде, чтобы передать мяч и пробежаться перед пасом. Остаёшься только ты и твои навыки работы с мячом, твоя скорость и проворство, чтобы обойти оппонента и забить гол.

— Ты первая, — Райдер отправляет мяч в мою сторону. Я ловлю его бедром, немедленно роняю на землю и бросаюсь действовать. — Чёрт, Солнце!

У меня вырывается смешок. Райдер опускается, его нереальные квадрицепсы напрягаются, тело принимает защитную стойку. Его ноги расставлены пошире, так что я пытаюсь пропустить мяч между ними. Он это предвидит, опускает голень и ловит мяч, затем проворачивает прием в духе Марадоны, забирая преимущество себе.

— Засранец, — бурчу я.

— Думала меня обдурить, Уилла?

Я его пихаю. Он не поддается.

— Не жульничай, Солнце.

Он подзуживает меня. Провоцирует. Его нога замирает над мячом, его поза дерзкая и уверенная. Я бросаюсь в атаку, и он обходит меня, забивая гол в ворота.

Я смотрю на сетку, затем медленно перевожу взгляд на него.

— Новичкам везёт.

Его улыбка шире всего футбольного поля.

— Как скажешь.

Ну всё. Я вывожу мяч из сетки и располагаюсь в месте, которое было бы верхней частью поля, если бы оно было прорисовано на траве. Райдер снова опускается, и на сей раз я не сосредотачиваюсь на его убийственных ногах. Я вижу всё пространство и делаю нечто смелое. Я изображаю маневр влево, затем бросаюсь вправо и отправляю мяч повыше его плеча. Райдер метнулся в сторону моего ложного маневра, я проношусь мимо, ловлю мяч грудью, опускаю к бедру и отправляю его в сетку.

Взгляд Райдера мечется между воротами и мной.

— Чёрт возьми. Это было сексуально.

Я прикусываю губу, чтобы сдержать улыбку.

— И подумать только, это лишь начало.

Мы играем долго. Мне удастся забить ему несколько голов, но Райдер — внушительный игрок. Он быстрый и физически развитый. А ещё он на двадцать сантиметров выше и на тридцать пять килограммов тяжелее, что тоже помогает.

Я устала. Мои бёдра дрожат от изнеможения, Райдер весь взмок от пота. Наша игра становится грубее, касания учащаются, тела контактируют теснее. Я практически сижу у него на коленях, а огромная ладонь Райдера лежит на моём бедре, пока я держу мяч на вытянутой руке, подальше от его ноги.

Вдалеке раскатисто грохочет гром. Райдер смотрит на небо, затем на меня.

— Последний гол.

Я свищу. Сейчас мяч мой. Счёт между нами сравнялся. Если забью, то одержу победу. Я слегка изменяю позу, и Райдер не отстаёт. Идеальный защитник. Его тело держится пониже к земле, центр тяжести именно там, где должен быть. Он ощущается как стена, сквозь которую мне никогда не пробиться. Все голы, что мне удалось забить, казались чудом. Я даже не могу сообразить, какие ещё фокусы у меня остались.

— И что же она будет делать? — шепчу я, глядя на него через плечо. Мы оба взмокли от пота, Райдер стискивает челюсти. — Ты объявил последний год, Бергман. Что же теперь будет? — его кулаки крепче сжимают мою футболку, когда я вжимаюсь задницей в его пах.

— Ты мне скажи, Уилла, — он двигает бёдрами навстречу, от чего мои глаза на мгновение прикрываются, затем снова распахиваются. — Тебе решать, как это закончится. Я сделал всё, что мог.

Внезапно воздух покидает мои лёгкие, и наши взгляды встречаются. Мы говорим не об этом маленьком соревновании. Мы говорим не о дружеской игре один-на-один.

— Нет, не об этом, — его голова опускается ниже. Я чувствую идеальный запах его пота. От его тела исходит жар.

— Я сказала это вслух, — шепчу я.

Он кивает.

— Делай то, что тебе нужно, Уилла, но пожалуйста, сделай это уже. Избавь меня от страданий.

На мои глаза наворачиваются слёзы, и я выпрямляю спину. Уводя мяч влево, я

прислоняюсь к Райдеру. Я прислоняюсь так сильно, что если бы он отстранился, я бы шлёпнулась на задницу, и он это понимает. Он мог бы позволить мне валяться на траве, забрать у меня мяч и без проблем забить гол.

Но он этого не делает.

— Ты мог бы сейчас обдурить меня.

— Знаю, — выдавливают Райдер.

Я снова вжимаюсь в него.

— Так почему не делаешь этого?

Он качает головой, его руки крепче сжимают мою талию.

— Потому что это грязный приём. Есть доверие. Ты опираешься на меня, а я опираюсь на тебя в ответ.

Я смотрю на него и чувствую, как по щекам текут дурацкие слёзы.

Его тело замирает. Мелкий тёплый дождь начинает моросить по траве. Он покрывает капельками щёки Райдера, заставляет ресницы слипаться. Я пинаю мяч прочь и разворачиваюсь, после чего мои кулаки крепко сжимают его футболку.

— Я не хочу, чтобы последнее слово сейчас было за мной. Я не хочу побеждать. И это не нормально.

Райдер прерывисто выдыхает, его глаза всматриваются в мои.

— Я хочу того, что хочешь ты, — говорю я ему громко и отчётливо, медленно и уверенно. Не хочу, чтобы он пропустил хоть слово. — Ва-банк, всё по-честному. Я хочу бояться с тобой, а не быть бесстрашной и одинокой. Только когда мы вдвоём.

Хватка ладоней Райдера напоминает тиски на моей талии.

— Потому что я люблю тебя, Райдер Бергман. Мне до усрачки страшно это говорить, но я люблю тебя. Я люблю тебя и всегда буду любить.

Весь воздух вылетает из моих лёгких, когда Райдер крепко прижимает меня к себе.

— Уилла, — бормочет он в мои волосы. Один долгий поцелуй в мои кудри, затем он протяжно вздыхает. — Я люблю тебя.

Я целую его грудь в районе сердца, тянусь к его шее. Там тоже поцелуй. Я хочу целовать его везде. Я хочу, чтобы он чувствовал, как много значит для меня. Я хочу наверстать так много упущенного времени.

— Я люблю тебя, — повторяет он, мягко скользя губами по моей шее. — Люблю с тех пор, как ты сердито посмотрела на меня с таким видом, будто хотела пожарить мою кожу на ужин.

У меня вырывается влажный, жалкий смешок, и дождь усиливается. То, как адски я выгляжу, очень далеко от романтики. Мои волосы прилипли к голове, с носа стекает сопля. Глаза красные. Я уродлива, когда плачу.

— Нет, это не так, — его ладони ласково убирают волосы с моего лица. — Ты прекрасна, как всегда, и я бесконечно люблю тебя, Уилла Роуз Саттер. Я ничего не могу с этим поделать. Хотелось бы, но не могу. Я знаю, это усложняет твою жизнь. Знаю, что я мучил тебя. Знаю, что мы бесим друг друга не меньше, чем делаем друг друга счастливыми. Я знаю, что хочу тихую жизнь, а твоя будет дико волнительной, как ты и заслуживаешь. Но я хочу, чтобы ты была в моей жизни, Солнце. Я сделаю всё, что понадобится, чтобы твой мир был моим.

— Райдер, — я утыкаюсь лбом в его грудь. Моё ухо прижимается к его сердцу. Оно быстро и сильно стучит. Крошечное напоминание о том, что обнимающий меня мужчина —

такой же хрупкий. Его так же легко ранить и сломать. Он идёт на риск, любя меня.

Дождь хлещет по нам, пока мы покачиваемся и обнимаемся. Пока одна грубая ладонь не обхватывает мой подбородок и не приподнимает голову.

Райдер всматривается в мои глаза, и на его лице играет тихая прекрасная улыбка.

— Я люблю тебя, Уилла Роуз.

Моя улыбка просто абсурдна. Просто комична, как у клоуна в цирке, как у ребёнка на Рождество.

— Я тоже тебя люблю, Райдер.

Его поцелуй мягкий и нежный. Тихое касание его губ, нежно открывающее, перерастающее в нечто тёплое и до глубины души приятное. Я шевелю языком и нахожу его язык. Я пробую его на вкус, смакую, пока наши тела льнут друг к другу. Руки зарываются в волосы, гладят ткань и кожу, тянут, просят о большем.

— Ещё, — шепчу я. — Я хочу всё и сразу.

Его улыбка мягко касается моих губ, а его вздох удовлетворения такой же тёплый, как и ветерок вокруг нас.

— Я тоже, Солнце.

Глава 29. Уилла

Плейлист: Beyoncé — All Night

Я стою в луже воды у него. Пока мы шли обратно, дождь стал ещё сильнее. Мы тёплые и промокшие. Райдер смотрит на меня, его грудь вздымается и опадает, будто он пытается унять шторм внутри себя. Грозовые облака омрачают небо, отчего спальня купается в сонных тонах серого, бежевого и сизо-голубого.

Райдер делает шаг ближе и проводит ладонями по моим рукам. Его губы прижимаются к моему виску. Тёплые и мягкие поцелуи, пока его пальцы обхватывают низ моей футболки. Ткань отлепляется от моего тела и застревает на мокрых волосах, прежде чем он стягивает её окончательно. Райдер резко втягивает воздух, на его лице появляется самое прекрасное выражение. Благоговение аж до боли. Он даже не в первый раз видит меня голой, но выглядит сражённым наповал.

Две дрожащие руки сжимают молнию на моём спортивном лифчике, и звук, с которым он расстёгивается, эхом отдаётся в комнате, после чего Райдер стягивает его с моих плеч.

— Господи, Уилла, — он часто моргает и быстро вытирает глаза.

— Ты плачешь, Бугай?

— Прекрати, — бормочет он, быстро целуя меня. — Назови меня по имени.

— Райдер, — шепчу я. Его ладони скользят по моей талии, к шортам и трусикам, пальцы подцепляют материал и тянут вниз. При этом он опускается на колени.

— Держись, — тихо приказывает он.

Я хватаюсь за его плечи и переступаю через снятые шорты, но Райдер не выпрямляется. Его ладони поднимаются по моим бёдрам, тазу, затем вниз...

— Уилла, — Райдер смотрит на меня снизу вверх, его пальцы медленно дразнят невероятно чувствительную кожу.

От удовольствия у меня вырывается мычание.

— Да?

Он улыбается, оставляя поцелуй на моём бедре. Мои веки трепещут и опускаются.

— Я знаю, что вчера всё ощущалось гладко... но я не ожидал, что ты делаешь депиляцию воском.

— Руни сказала, что я должна. Раз мне не нравилась твоя борода, я не должна заставлять тебя иметь дело с моей.

Райдер смеётся, не отрываясь от моей кожи.

Божечки, ну когда я научусь следить за языком. К щекам приливает жаркий румянец.

— Я не хотела говорить это вслух.

Его губы прокладывают дорожку поцелуев от моего бедра к нежной коже между ног, после чего снова поднимаются вверх.

— Я был бы счастлив в любом случае. Ничто не помешало бы мне сделать это.

— Райдер, я не... то есть, опыт прошлого показывает, что обычно это не заставляет меня... ооох.

— Тише, — бормочет он, не отрываясь от моей кожи. — Мы же уже установили, что дело не в тебе.

Я крепче сжимаю его плечи, пока Райдер нежно раскрывает меня. Воздух обдаёт всё то,

что сейчас такое тёплое, влажное и ноющее. Я вся раскраснелась и дрожу, мне жарко. Когда его язык снова проходится по мне дразняще медленным движением, я инстинктивно подаюсь навстречу его рту.

— Райдер, — шепчу я.

Он улыбается, не поднимая головы.

— Чёрт возьми, Уилла, ты вкусная. Очень, очень вкусная.

Я заливаюсь прямо-таки выдающимся румянцем.

— Правда?

— О да, чёрт возьми, — рычит он. Его ладони накрывают мою задницу и привлекают меня поближе.

Какое-то движение его языка на сей раз получается щекотным, и я рефлекторно хихикаю. К щекам жарко приливает смущение. Что, если я его обидела? Я испортила настрой? Райдер отстраняется и улыбается мне. Просто улыбается.

— Слишком легонько? — спрашивает он.

— Думаю, да. Было щекотно.

Он смотрит на всё, что находится перед ним. На мгновение он выглядит невероятно анализирующим, совсем как вчера, когда обдумывал, как заделать течь в крыше. Затем его губы расплываются в улыбке.

— Такая красивая. И я получаю возможность вечно видеть это и пробовать на вкус.

— Вечно, да? — с придыханием спрашиваю я, пытаюсь казаться беззаботной. Хотя моё сердце так и заходится от веса и обещания этих слов. Райдер хочет меня. Навеки.

— Ага, — тихо говорит он между поцелуями, которые дразнят меня и мучают так близко к месту, где я умираю от желания прикосновений. — Я как... амбарная сова. Раз и навсегда.

Я хрюкаю и от смеха чуть не сгибаюсь пополам над ним.

— Амбарная сова?

Райдер пожимает плечами и целует меня в живот, когда я выпрямляюсь, а его ладони мнут мою задницу.

— Первый моногамный вид, который пришёл мне в голову. Они выбирают одного партнера на всю жизнь, — он утыкается носом в мою обнажённую кожу и нежно лижет, на сей раз посильнее. — Просто радуйся, что я не стал таскать тебе мёртвых мышей в рамках ухаживания. Тебе бы пришлось вести себя очень вежливо, ведь ты, само собой, приняла бы моё предложение.

Его губы шёпотом проходятся по моим тазовым костям. Я испытываю разряд удовольствия, зарождающийся внизу живота и поднимающийся к груди.

— И к-как бы я приняла это предложение?

— Ну, если ты подобна самке амбарной совы, ты бы издала клекочущий звук, — он прижимается поцелуем прямо над моим клитором. Мои колени подкашиваются, и у меня вырывается непристойный звук.

— Примерно такой, да, — Райдер повторяет движение. Ещё один поцелуй на нежной коже, защищающей безумно чувствительное местечко. Я ахаю и подаюсь навстречу.

— Аах, — бормочет он. — Так ей это нравится. Принято к сведению.

Я вздыхаю, пока он снова и снова целует меня вот так, пока его пальцы дразнят меня там, где я настолько влажная, что у меня уже течёт по бёдрам. А этого, позвольте отметить, никогда прежде не случалось. Мои ладони рефлекторно зарываются в его густые светлые

волосы, наполовину выбившиеся из гульки. Я дёргаю его резинку и провожу пальцами по этим мягким золотистым прядям, сжимая их в кулаках.

Это происходит не быстро, но Райдер, похоже, не возражает. Я глубже запутываюсь пальцами в его волосы и начинаю двигаться навстречу его рту в ритме, который кажется невероятным. Это тихое, размеренное нарастание, как будто фитиль свечи разгорается, а потом полыхает всё ярче, ярче...

— Я уже близко. О Боже, — я ору так громко, что если бы в радиусе нескольких миль были люди, они бы это услышали. Мне абсолютно всё равно.

Райдер мягко кивает, с его губ срывается тихое мычание. Он нежно опускает губы к моему клитору и сосёт, пока оргазм охватывает моё тело, пальчики на ногах и руках, груди и тяжело оседает пульсацией между ног. Ещё больше уговаривающих поцелуев и нежных слов, а потом Райдер встаёт и подхватывает меня на руки, будто это хореография танца, которую он просчитал с первого шага.

— Такая красивая, — шепчет он. Я обхватываю его лицо ладонями и целую, пока он держит меня. Я чувствую его вкус и свой собственный, и я хочу его так сильно, что не могу найти воздух, не могу видеть мир вокруг. Я вижу, чувствую и хочу только Райдера.

Когда он опускает меня на кровать, я сажусь и принимаюсь стягивать его промокшую одежду. Райдер дрожит, когда я провожу ладонями вверх и вниз по его рукам, откидываю одеяло и толстое покрывало, затем затаскиваю его в постель. Помедлив, он открепляет механизмы за своими ушами и аккуратно кладёт на прикроватную тумбочку.

Повернувшись обратно ко мне, он одаривает меня одной из своих редких ослепительных улыбок. Лучше солнца, выглянувшего из-за тёмной тучи, лучше огня, сияющего в полночной черноте. Это вышибает весь воздух из моих лёгких.

Его взгляд бродит по моему телу, следя за движениями его ладони, когда она накрывает мою грудь, опускается до талии, крепко обхватывает задницу и привлекает меня ближе. Мы оба ахаем, когда его эрекция вжимается между нами. Я инстинктивно сжимаю его и провожу большим пальцем по чувствительной нижней стороне члена. Я смакую его так, как смаковала прошлой ночью, упиваясь мягкой бархатной кожей, которая нежно движется с моей ладонью, толстой крепостью его члена и тем, как он пульсирует, когда я его глажу.

Глаза Райдера накрепко зажмуриваются, когда я провожу его длиной по своему влажному входу. Его голова запрокидывается, он падает на подушку. Это делаю я. Я довожу его до предела. Когда его глаза открываются, я жестом показываю «хорошо». Так хорошо.

Он нежно улыбается и показывает то же самое в ответ. Затем я делаю кое-что и скольжу по нему, что вызывает болезненный звук отчаяния. Схватив его за руки, я побуждаю Райдера оказаться сверху, надо мной. Он опускается своим весом между моих ног, заставляя меня вскрикнуть, и это ощущается просто великолепно, когда его массивное тело накрывает меня с головы до пят, прижимая, удерживая и поглощая. Тело Райдера длинное и мощное, обжигающе горячее и такое крепкое, что это кажется невероятно чувственным. Наши взгляды не отрываются друг от друга, пока он скользит по мне, проводя головкой эрекции прямо по моему клитору.

Я невесомо провожу руками по его фантастической заднице, оценив лёгкое напряжение мышц, пока он продолжает двигаться навстречу мне. В итоге мои руки поднимаются выше и обвивают его шею. Я притягиваю его поближе и говорю на его более здоровое ухо:

— Я принимаю таблетки. Я не хочу, чтобы нас что-то разделяло.

Его лоб опускается на моё плечо, у него вырывается стон, а когда Райдер поднимает

голову, его глаза превращаются в изумрудное пламя. Расплавленные драгоценные камни, прекрасное желание, пока он отстраняется и направляет себя, входя одной лишь головкой. Он действует медленно и осторожно, начиная проникать внутрь.

Я хватаю его запястье и сжимаю, привлекая внимание. «*Больше*», показываю я жестом.

У него вырывается выдох, наши глаза встречаются, и с невероятной заботой и размеренностью Райдер наполняет меня.

— Рай, — ахаю я.

Это ошеломляет. Я наполнена и растянута, но что самое главное, я пригвождена его взглядом, поражена в самое сердце, когда он приоткрывает рот, отстраняется и толкается в меня в первый раз.

— Нормально? — спрашивает он.

Я лихорадочно киваю.

— Да, — я накрываю рукой его щеку, и Райдер подаётся навстречу этому жесту, поворачиваясь, чтобы поцеловать меня в ладошку.

Со следующим движением его бёдер на моей коже начинают плясать искры. Каждый толчок дается всё легче, ибо моё тело расслабляется, и я становлюсь более влажной. Я уже вся мокрая, а Райдер восхитительно твёрдый. Каким-то образом мы идеально сочетаемся, как он и обещал. Его глаза удерживают мой взгляд с каждым размеренным, уверенным толчком, заставляющим воздух тихо вырываться из моих лёгких.

Я смаргиваю слёзы, которые он стирает большим пальцем. Он прижимается губами к моему уху и шепчет срывающимся, почти слишком тихим голосом:

— Потрогай меня.

Моё сердце сжимается. Он тоже нервничает. Крепко обнимая его, я целую его изгиб шеи и плеча, глажу по спине, разминаю мышцы. Райдер отстраняется ровно настолько, чтобы снова наблюдать за мной. Он подталкивает мои ноги бёдрами и разводит их шире, потираясь своим пахом о мой. Это создаёт давление на клитор, совсем как его язык делал ранее. Размеренные и мягкие круги, пока он покачивает бёдрами.

Его член становится толще. Дыхание затруднено. Виски покрываются бисеринками пота, и у него вырывается шумный вздох, когда я сжимаю мышцами его длину. Я повторяю действие, и он сбивается с ритма, но не отводит от меня глаз.

Во мне нарастает нежная, ноющая потребность, подобная тугому узлу, что вот-вот разорвётся. Это нечто резкое, спешное. Всякий раз, когда Райдер отстраняется и снова входит, я становлюсь всё отчаяннее, лихорадочнее. Пальцы на ногах поджимаются, руки хватаются за простыню. Что угодно, лишь бы закрепить как якорь.

Райдер опускает голову и шепчет мне на ухо.

— Отпусти себя.

Моё тело напрягается, разрядка невероятно близка. Я не хочу, чтобы это ужасающее и прекрасное блаженство заканчивалось. С каждым движением моё тело сжимается сильнее, напряжение нарастает.

— Отпусти и позволь себе упасть, Уилла, — Райдер хватается мои руки и сцепляет наши пальцы. — Я тебя поймаю, — его голос срывается, движения ускоряются.

По моему лицу катятся слёзы. Всё моё тело дрожит. Это самое несексуальное на свете, и всё же я чувствую себя такой красивой, пока Райдер удерживает мой взгляд, пока он наклоняется и целует меня, не разрывая зрительного контакта. Погрузившись в моё тело, Райдер вжимается бёдрами в мои бёдра.

— Прости, — одними губами произносит он.

Его лоб морщится, рот приоткрывается, и он жарко и долго проливается в меня. Я смотрю, как напрягается его лицо, как дрожат руки, но его глаза не отрываются от моих. Я знаю, что он не хотел кончать первым, но мне было это нужно. Райдер вновь храбро идёт вперёд, показывая мне, что всё безопасно, и я могу довериться, последовав за ним.

Я выкрикиваю его имя, когда на меня накатывает первая сокрушительная волна. Я цепляюсь за Райдера, хватаю воздух ртом. Следующая волна достигает пика, и я кричу. Его бёдра покачиваются навстречу, он входит глубже, даря мне ощущение его всё ещё крепкой длины во мне. Ещё одна волна, потом ещё одна. Я дрожу и рыдаю, выгибаясь навстречу, словно выброшенная на берег и совершенно уничтоженная.

Это самый пугающий, ошеломительный и откровенный момент в моей жизни. Мне хочется, чтобы это никогда не заканчивалось.

Напоследок нежно двинув бёдрами, Райдер скатывается с меня и ложится на бок, затем подхватывает меня и прижимает к своей груди. Наше дыхание прерывистое и шумное, тела так и вздымаются. Мои руки везде. Его волосы, щёки, подбородок, руки. Я целую Райдера везде, заставляя его тихо посмеиваться.

Вскоре ладони Райдера тоже ласкают моё тело, мнут и гладят, пока не находят моё бедро. Одним проворным движением моя нога оказывается перекинута через его бедро, и в мой живот тычется...

— Уже? — мои глаза широко раскрываются, когда он проводит твёрдой головкой эрекции между моими бёдрами.

Райдер смеётся.

— Да, Уилла. Уже, — очередная дрожь счастья шепотом проносится по мне от того, что он говорит, не имея возможности слышать, но при этом не испытывая неуверенности или смущения. Потому что, как он и сказал ранее, друг с другом мы в безопасности. — Я кончил, типа, за три минуты. Это был приквел. Теперь пришло время основного действия.

Я прижимаюсь к нему потеснее, но всё равно не прячу лицо, чтобы он мог читать по губам.

— Это было идеально. Я тоже кончила быстро.

Райдер улыбается, пока я целую его.

— Верно. Но теперь я должен покрасоваться. Очаровать тебя своей выносливостью и лесорубными движениями.

— О да, пожалуйста, — потянувшись мимо его талии, я накрываю ладонью его задницу и одобрительно сжимаю. Пресвятые булочки. — Я столько месяцев хотела это сделать.

Райдер скользящим движением входит в меня, и мы оба ахаем.

— Я тоже, Солнце.

Мои губы опускаются к его хорошему уху и оставляют там легчайший поцелуй, после чего я шепчу:

— Я люблю тебя.

Он счастливо вздыхает и кивает. Его ладонь дотрагивается до его губ, затем сжимается в кулак и прижимается к его сердцу, а потом к моему. *«Я люблю тебя».*

Мы не вылезаем из той постели ещё долго, очень долго.

Глава 30. Райдер

Плейлист: MisterWives — Coloring Outside The Lines

Я на крыше, наконец-то руки дошли заново прикрепить отошедший сливной жёлоб. Я уже закончил латать дымоход, откуда и образовалась течь.

Я на середине замаха, когда слышу это.

Визг. Душераздирающий, ужасающий визг. Никогда ещё не был так благодарен за кохлеарные имплантаты, потому что иначе ни за что бы её не услышал.

— Уилла! — реву я в ответ. — Ты в порядке? — я спешно бросаю всё в ящик с инструментами, который поднял по лестнице на крышу. Я спускаюсь до середины лестницы, затем спрыгиваю и бегу в дом. Уилла застыла на пороге и смотрит на пол.

— Уилла, — зову я, подходя ближе. Когда она так и не отвечает, я обнимаю её обеими руками, ища сломанные кости или кровотечение. Что угодно, что объяснило бы её вопль, напоминавший предсмертный крик.

— Т-там, — шепчет она дрожащим голосом.

Я прослеживаю за её взглядом и замечаю нечто маленькое и тёмное, семенящее по полу.

— Паук, — буднично констатирую я.

— Шшш. Не надо. Ты призовёшь его, — она пятится, вжимаясь в меня, и я невольно улыбаюсь от того, какой чертовски очаровательной она выглядит, сталкиваясь с теми немногими вещами, что способны напугать Уиллу Роуз Саттер. Медведи. Змеи. Пауки. Вот и всё, практически.

— Это сенокосец, Уилла.

— Чёрта с два, — она поворачивается и забирается на меня как на дерево, обвив ногами мою талию. — Убей его.

Я закатываю глаза.

— Я не буду его убивать. Пауки играют важную роль в экосистеме...

— Райдер. Стеллан. Бергман, — Уилла хватает меня за подбородок и смотрит прямо в глаза. — Если хочешь, чтобы сегодня ночью тебе что-то перепало, ты убьёшь этого долбаного паука.

— Это нечестно. Мы же договорились, что угрожать сексом — это несправедливо.

Она вздыхает и опускает лоб на изгиб моей шеи.

— Ладно. Пожалуйста, ну очень пожалуйста, убей его. Пока он живой, я не смогу спать. Или есть. Или думать о чём бы то ни было.

— Уилла, — я целую её в висок, шагая в сторону паука, и чувствую, как она крепче вцепляется в меня. — Я не буду убивать ни в чём неповинного...

Я останавливаюсь и присматриваюсь к пауку получше. Уилла тоже приподнимает голову, косясь на пол, и дрожит.

— Так, ладно, проехали, — я подсаживаю её повыше на себе. — Это чёрная вдова.

Уилла визжит в тот самый момент, когда мой ботинок давит паука.

Как только в ушах перестаёт звенеть, я опускаю Уиллу на пол и убираю размазанное пятнышко. Когда я выпрямляюсь, Уилла смотрит на меня. Её глаза выглядят шоколадно-карими и почти цвета ириски. Теперь я знаю эти глаза. Возбуждённые глаза.

Я удерживаю её взгляд и подавляю очень даже реальное желание закинуть её на плечо и снова отнести в кровать, но мне нужно сделать свою часть обслуживания дома, пока я здесь, и я ещё не закончил с жёлобом.

— Я пойду, доделаю на крыше.

Уилла медленно кивает.

— Ужин уже в процессе. Всё должно быть готово примерно через час.

— Идеально, — я крепко целую её в губы. — К тому времени я закончу и приведу себя в порядок, — она притягивает меня для ещё одного поцелуя, и отстранившись, я инстинктивно с любовью шлёпаю её по заднице.

Уилла икает и таращится на меня широко раскрытыми глазами.

Я смотрю на неё в ответ, затем откашливаюсь.

— Прости. Не знаю, откуда это вдруг взялось.

— Чёрта с два ты не знаешь, — шепчет Уилла, закусывая губу и прижимаясь ко мне. — И не извиняйся. Для галочки, я не недовольна. Я ни капельки не недовольна.

Мои переживания рассеиваются, и я прижимаю её к себе, неспешно целую.

Когда мы разлучаемся, её улыбка такая тёплая, такая невероятно доверчивая и любящая. Я не могу перестать смотреть на эти полные губы, на широкую сногшибательную улыбку, которой она одаривает меня одного.

— А теперь топай отсюда, Истребитель Пауков, — Уилла шлёпает меня по заднице. — И возвращайся голодным.

— Чёрт.

Я посасываю свой палец. За последние пять минут я уже второй раз порезался. Вот что я получаю за попытки нарезать клубнику, параллельно наблюдая, как Уилла пританцовывает в одной лишь моей фланелевой рубашке.

Чёрт возьми.

Она склоняется над обеденным столом, заканчивая сервировку. Подходящие приборы, большие винные бокалы. Она даже прогулялась, набрала полевых цветов и поставила в вазу.

— Всё выглядит и пахнет изумительно, Уилла.

Выпрямившись, она поворачивается и улыбается мне.

— Спасибо. Я хотела сделать всё хорошо, устроить тебе большой пир. Ты только и делал, что готовил и заботился обо мне, — она подходит ко мне и обнимает руками за талию. — Теперь моя очередь.

Мне понравилось заботиться об Уилле. Теперь я вроде как не против, когда она хочет позаботиться обо мне. Пусть мне всегда будет приятно готовить для неё, набирать ей горячую ванну и говорить ей полежать с поднятыми ножками и расслабиться, мне было на удивление комфортно закончить свои дела по дому ранее, а потом войти и увидеть, как она в одной руке держит эротический роман, а другой рукой помешивает соус для мяса, запекавшегося в духовке.

Уилла целует меня, и её неукротимые волосы щекочут мои руки. Я притягиваю её ближе и вдыхаю её запах. Солнцезащитный крем и цветы, немного трав и красного вина от приготовления ужина.

После ещё одного поцелуя я отпускаю её. Уилла хватает со стола эротический роман, который она взяла из разномастной библиотеки дома. Я наблюдаю, как она идёт вдоль

стола, перелистывает страницу и отрешённо делает глоток вина. Её волосы как никогда пышные, потому что я буквально не могу перестать прикасаться к ней. Я постоянно затаскиваю её в кровать, запускаю пальцы в эти великолепные вьющиеся волны, тяну, переплетаю, дышу ими.

Иииии вот у меня снова стояк.

Я смотрю на свой член, настырно натягивающий спортивные штаны.

— Уймись, чувак.

— Ты разговариваешь со своим отбойным молотком, Лесоруб?

Я дёргаюсь и выпускаю ножик, пока снова не порезался. Мои щёки заливают румянцем.

— Может быть.

Уилла обходит кухонный островок и опускается на стул. Мясу осталось немного отдохнуть в духовке. Ужин готов. Я занимаюсь десертом. Уилла абсолютно довольна, сидя в тишине кухни и читая. Моё сердце совершает кульбит, пока я наблюдаю, как она читает и заливается румянцем.

— Ты нашла себе винтажную порнушку, Солнце.

Уилла фыркает и опускает книгу ровно настолько, чтобы встретиться со мной взглядом.

— Книга очень даже хороша. Этот герцог — мой сорт засранца.

— Разве эти штуки не сексистские? Там все героини — барышни в беде, которые так и нуждаются в том, чтобы их хорошенько развратили? — я бросаю клубнику в миску, добавляю самбуку, ликер Гранд Марнье и сахар. Уилле нравится перчёная клубника, так что я готовлю этот рецепт.

— Некоторые да. Но другие нет. Например, эта, — Уилла перелистывает страницу и делает глоток вина. — Эта книжка феминистская, и тут есть «развращение», потому что она хочет быть развращённой. Это очень даже по-феминистски — заявлять о своих сексуальных предпочтениях, и неважно, включают ли они грубое отношение со стороны мужчины.

Я замираю со сливками в одной руке и с ложкой в другой.

— П-прошу прощения? — мой голос срывается. Супер. Я похож на краснеющего подростка.

Уилла снова опускает книгу. Её щёки обретают ярко-розовый цвет.

— Ты ранее шлёпнул меня по заднице.

Иисусе.

— Ну да.

— И мне это понравилось, — Уилла отпивает вина и окидывает меня взглядом. — Помнишь то сообщение, которое ты мне послал?

Я поливаю клубнику сливками и начинаю перемешивать.

— Я посылал тебе очень много сообщений, Уилла.

Она закатывает глаза.

— Когда я уехала на матч плей-оффа. Я пригрозила сбрить твою бороду, когда вернусь, а ты сказал, что если я прикоснусь к твоей лицевой растительности...

— То несколько дней сидеть не сможешь, — я откашливаюсь, к щекам приливает жар. — Да, это было неподобающе с моей стороны.

— Но мне это тоже понравилось, — тихо говорит она. — Я чуть не выронила телефон, настолько возбудилась. Мне казалось, что если бы я запустила руки в свои трусики в тот момент, то кончила бы с фейерверками.

Кровь шумит в моих ушах. Я не хочу причинить Уилле боль. Более того, эта идея мне в

принципе ненавистна. Просто мне нравится мысль о том, чтобы действовать интенсивно. Крепко держать её и жёстко трахать, потому что это выражает то, какие чувства она во мне будит, как глубоко мне хочется соединиться с ней и с её телом. И да, я могу признать, что какая-то первобытная часть меня заводится, шлёпая Уиллу по её прекрасной заднице и видя, что её это возбуждает.

Но как я могу делать это, когда я не в силах хорошо её слышать? Я ни капельки не был грубым, потому что не уверен, что могу сделать это безопасно. Что, если я не услышу, как Уилла говорит «нет»? Что, если я упущу какой-то тихий признак того, что я причиняю ей боль или дискомфорт?

Я смотрю на клубнику и медленно помешиваю её.

— До того... до того, как всё изменилось, я бы целиком и полностью с тобой согласился, Солнце. Но я не знаю, смогу ли сделать это сейчас.

Она кладёт книгу и тянется к моей ладони. Я машинально даю ей руку и смотрю, как её небольшая ладошка обхватывает мою, насколько это возможно.

— Можешь выключить плиту?

Моё нутро скручивает.

— Зачем?

Уилла смущённо улыбается и отпускает мои пальцы.

— Я хочу кое-что попробовать. Ужин может немножко подождать.

Я поворачиваю ручку конфорки и обхожу кухонный островок. Уилла снова берёт меня за руку и ведёт мимо столовой в гостиную. Прошлым вечером я показал ей, как разводить огонь, и она снова развела очаг. Перед потрескивающим пламенем лежит море одеял.

Моё нутро сжимается ещё сильнее.

— Что это?

Уилла сжимает мою ладонь, затем подносит к своим губам для поцелуя.

— Подожди.

Шагнув к книжному шкафу, она вытаскивает зеркало — я его узнаю, оно находилось в одной из спален. Это большой прямоугольник, который обычно прислонялся к стене и служил зеркалом в полный рост. Уилла аккуратно волочит его, подстелив под низ одеяло. Затем наклоняет его и прислоняет к краю дивана.

Она оборачивается и улыбается мне.

— Надеюсь, наблюдение за процессом тебя возбуждает. Это моё решение проблемы. Ты будешь смотреть. И сможешь читать по моим губам.

Я зажимаю свой рот рукой и кусаю ладонь. Я абсурдно близок к тому, чтобы расплакаться.

— Боже, Уилла.

Она спешит ко мне.

— Что такое? Я... это плохо? Это...

Я резко дёргаю её к себе и грубо целую. С языком, с собственничеством. Я прикусываю краешек её губы.

— Нет. Не плохо. Ты просто... всегда так естественно воспринимала меня. Принимала таким, какой я есть.

Уилла хмурится.

— А что ещё я должна была делать, Райдер? Я люблю тебя таким, какой ты есть. Естественно, я принимаю тебя таким, какой ты есть. Совсем как ты принял меня.

У меня вырывается прерывистый вздох, и я снова прижимаю её к себе.

— Может, это потому что ты встретила меня уже таким, но ты первая, кто просто приспособилась. Кто не воспринял всерьёз мою тихую ворчливость. Ты протолкнулась сквозь всё это и вела себя так, будто мы просто два человека, которые вместе.

— Потому что мы ими и были. И есть, — Уилла целует меня в грудь. — Неужели так произошло с твоей семьей? С другими твоими друзьями?

Я киваю.

— Это моя вина. Я закрылся. Не упростил им эту задачу.

— Мне очень жаль, Райдер, — шепчет она. — Но знаешь, что? Ты не упростил им задачу, потому что тебе самому было непросто, и это можно понять, — её тёплое дыхание щекочет мою грудь, когда она переплетает руки за моей шеей и притягивает меня для поцелуя.

Я улыбаюсь в её губы.

— Солнце. Бл*дь, я просто зависим от тебя, — рычу я, целуя её. — Боже, я тебя так люблю, что это даже пугает.

— Райдер, — её голос срывается, и она дёргает мою рубашку, расстёгивая пуговицы как одержимая. — Пожалуйста. Сейчас.

— Скажи мне, — я тоже занимаюсь её пуговицами.

— Ты мой, и я люблю тебя, — рычит она в ответ, притягивая меня для грубого поцелуя. — Навеки. Похрен мне, кто что скажет и что принесёт жизнь. Ты мой.

В моём теле полыхает жар. Я сдёргиваю рубашку Уиллы с её тела и наблюдаю, как отсветы пламени озаряют все её великолепные изгибы. Она дёргает мою рубашку, и я помогаю ей, стаскивая ткань через голову и швыряя в сторону. Встав на колени, она стягивает с меня спортивные штаны и боксёры и берёт меня глубоко в рот. Мои ладони опускаются на её голову, пока она ласкает меня и лижет чувствительную головку. Боже, это так приятно, но я кончу слишком быстро, если она продолжит в таком темпе.

— Остановись, — мой голос звучит низко. Грубо.

Уилла дрожит, вставая и обвивая руками мою шею. Я подхватываю её и крепко прижимаю к себе, глубоко целуя. Подойдя к одеялам, я укладываю её и провожу руками по её рёбрам, целуя эту прекрасную шелковистую кожу. Я лижу её, пробую на вкус. Мягкие, размеренные поглаживания, дразнящие поцелуи и укусы. Я хочу взять её более жёстко, но мне никак не удастся сделать это комфортно, если не расслабить её тело и не подарить ей оргазм. К тому же, я люблю доводить её до разрядки. Никогда не привыкну к тому, как это безумно горячо — чувствовать, как она кончает от моего рта, пальцев, члена.

Всего три дня, а я уже точно знаю, как быстро довести её до предела. Я лижу, посасываю, сгибаю пальцы и смотрю, как Уилла трясётся от быстрой и мощной разрядки, посылающей румянец по её груди и горлу.

Я медленно целую её, дразняще покусываю, затем снова лижу, поднимаясь выше по её телу. Затем я резко переворачиваю её и слышу, как она ахает. Это последний полноценный звук, который я услышу до того, как мы закончим. Я отсоединяю передатчики и процессоры и кладу их на журнальный столик. Повернувшись обратно к Уилле, я хватаю её бедра и приподнимаю их. Наши глаза встречаются в зеркале, и я мог бы кончить в этот самый момент.

Её глаза наполовину прикрыты, щёки покраснелись. Груды покачиваются, такие мягкие и полные; соски напоминают тугие маленькие вишенки, которые я бы с удовольствием

царапал зубами и сосал, пока она не начнёт материться, требуя мой член.

Я медленно кладу ладонь между её лопаток и прижимаю её грудью к полу. Наши взгляды не отрываются друг от друга, пока я провожу ладонью по её позвоночнику, затем по заднице и ниже. Я играю с ней, дразню её тугой комочек и смотрю, как она прикусывает губу.

Она ёрзает в погоне за прикосновениями, которые подарили бы удовольствие, но я хватаю её за бёдра и встречаюсь с ней глазами.

— Замри.

Уилла с трудом сглатывает и кивает.

Мои ладони сжимают её ягодицы, после чего я наклоняюсь и лижу её. Я действую мучительно медленно. Долгие, лёгкие, кружащие ласки. Не настолько активно, чтобы удовлетворить её, ровно настолько, чтобы она таяла и умоляла.

Выпрямившись, я встречаюсь с ней взглядом и провожу своей длиной по её влажной коже. Я крепко сжимаю её бёдра и потираюсь о неё, а Уилла подаётся навстречу. Я мягко глажу ладонью её попку и наблюдаю, как приоткрываются её губы.

«*Пожалуйста*», — произносят её губы, пока она ёрзает. Я поднимаю ладонь и шлёпаю её по заднице.

— Я же сказал, замри, Уилла.

Она подпрыгивает, и её стон вибрацией отдаётся в моём теле. Затем она снова подаётся бёдрами навстречу мне. Я шлёпаю и дразню другую округлую ягодицу, наклоняюсь и целую, а затем прикусываю её. Затем я наблюдаю за её отражением, шлёпая её. На её лице играет блаженная улыбка.

— Ещё, — говорит она одними губами. — Ещё, Райдер.

Я наклоняюсь над ней и прикусываю её ухо, прокладываю дорожку поцелуев по её шее. Медленные, мучительные укусы. Я чувствую, как тяжело дышит Уилла, как дрожит её тело, пока я дразню её соски пальцами. Моя длина идеально скользит по этой горячей атласной коже, потому что мы сочетаемся так идеально, будто были созданы друг для друга. Она абсолютно мокрая, и мой член покрыт её соками.

— Такая красивая, — шепчу я.

Она поворачивается, чтобы я поцеловал её. Я накрываю её грудь ладонью, снова дразню. Не в силах сдержаться, снова кусаю её губу в поцелуе. Уилла едва не падает, но я рывком поднимаю её в вертикальное положение и усаживаю на свои колени. Мы вместе смотрим в зеркало, пока я крепко сжимаю её бёдра и провожу каждым своим пульсирующим дюймоном по её влажному жару. Затем одним уверенным толчком полностью погружаюсь в неё и смотрю, как её рот приоткрывается, а глаза зажимаются от удовольствия. Я нежно потираю её и шепчу на ухо.

— Посмотри на меня.

Глаза Уиллы открываются и встречаются с моими. Она кусает губу, пока я смотрю на неё, стиснув зубы и напрягшись всем телом от возбуждения. Её тело кажется таким маленьким по сравнению с моим, но она сильная — её мышцы, её компактная мощь. Она обвивает рукой мою шею, а другая её ладонь опускается и накрывает мои яйца, пока я погружаюсь в неё. Я ласкаю её набухший клитор, но свободной рукой обхватываю её горло и опускаю губы к её уху.

— Не сдерживайся. Я хочу чувствовать твои звуки.

Я активно вхожу в неё сзади, наполняю до упора, чувствую, как её стоны резонируют

под моей рукой, пока она снова и снова кричит моё имя. Каждый толчок в неё — это бархатистый, невероятно тесный жар, пока я обрушиваю на неё мощь своего тела, даю Уилле всё, о чём она просит, и она подаётся навстречу каждому толчку.

Я пробую на вкус её кожу, целую её, боготворю её. Благоговейно наблюдаю за ней, потому что всё это захватывающе новое, уязвимое и могущественное. Я думал, что мы с Уиллой знали друг друга на всех сложных слоях наших личностей, но теперь понимаю, что оставалось лишь это.

Она кричит, выгибая спину, всё её тело сжимается, сокрушительная мощь её оргазма стискивает мой член.

Я кричу её имя, не переживая о том, как это прозвучит, потому что я знаю — Уилла любит меня, и как бы это ни прозвучало, ей важно не то, *как* я произношу её имя, а то, что я произношу *именно её* имя. Я целую её, глотаю её стоны, чувствую каждый звук ладонью. Молния пронзает моё сердце, когда Уилла поднимает ладонь к моей щеке и гладит её, поворачивая лицо, чтобы поцеловать меня с невероятной нежностью. Разряд этого касания проносится по моему организму и заставляет меня кончить, пролившись глубоко в неё.

Мы падаем на одеяло, золотистые отсветы пламени озаряют нас. Глаза Уиллы смотрят так мягко, её тёплое тело безвольно расслабляется рядом. Я целую её нежным сплетением языков и ищущих губ.

— Ты в порядке? — хрипло спрашиваю я.

— Я чувствую себя разбитой на куски и одновременно собранной воедино, — шепчет она. — Это вообще нормально?

Я вожу пальцами по её губам.

— Думаю, да. Я вроде как тоже это чувствую.

Она мягко обхватывает мои пальцы губами, затем с улыбкой отпускает.

— Думаю, так бывает, когда любишь так сильно, как я люблю тебя. Когда любишь так сильно, что чувствуешь себя разломленным, но в то же время исцелённым. Может, это и означает быть уязвимым? Может, это и есть интимность? Что бы это ни было, что бы это ни означало, я не хочу, чтобы это заканчивалось. Я не хочу переставать испытывать такую любовь к тебе. Я хочу, чтобы мы всегда любили друг друга так глубоко и так сильно. Обещай мне, Райдер.

Я накрываю ладонью её щёку, притягиваю к себе для очередного нежного поцелуя. Одного из тысяч и тысяч поцелуев, которые я хочу получить от неё за то время, что нам отведено.

— Обещаю, Солнце. Всегда.

Плейлист: Edward Sharpe & The Magnetic Zeros — Home

Один год спустя...

— Уилла, ты не могла бы мне помочь?

Элин показывает мне на раздвижную дверь, которая ведёт на патио их дома. Она держит огромный поднос с закусками, не сильно отличающимися от тех, что Райдер постоянно готовил мне на протяжении нашего четырёхдневного «марафона любви» в их доме-шалаше. Эти подносы закусок приходились кстати, когда я не позволяла ему покидать постель достаточно надолго, чтобы приготовить что-то существенное, поскольку я бесконечно изголодалась по нему. Тогда я заставляла его обнимать меня и часами играть в его игру «заполни пробелы».

Я спешу туда, открываю перед ней дверь и освобождаю место на столе.

— Спасибо, — она улыбается и выпрямляется, поставив поднос. За прошлый год я узнала и полюбила маму Райдера. Она тихая, как и Райдер, добрая и любящая, но не слишком, и потому мне легче это принимать. Райдер говорит, что это очень по-шведски — умеренный, сбалансированный подход практически ко всему. Без излишков во всём. Ровно столько, сколько достаточно. Это называется «лагом». Я практически полная противоположность этого лагома, но Райдер и его мама (да и вся его семья) меня всё равно любят.

Элин вздыхает и кладёт руки на бёдра.

— Почему бы нам не присесть и не выпить вина, ты и я? Райдер и Алекс ещё несколько минут не вернутся со своего поручения.

Я киваю, нервно сглатывая. Элин в курсе моего плана. Это причина, по которой я попросила её ограничиться нами четверыми, зная, что прошу о многом. Элин всегда хочет, чтобы все дети были вместе, и проведя с ними полный год дней рождения и праздников, я это понимаю. Да, мне нужны перерывы и побеги от хаоса в комнату Райдера, но братья и сёстры все довольно хорошо относятся друг к другу. Они добрые и весёлые. Они любят настолки и футбол, готовят изумительную еду. Они слушают старую музыку и смотрят слезоточивые фильмы, которые заставляют меня чувствовать чувства. Я понимаю, почему она любит собирать всю семью.

Но сегодня мне нужно, чтобы были только мы.

Вчера мы с Райдером выпустились из колледжа — он с отличием, я же с достаточным «почётом». Пусть я не была в числе лучших студентов, но я горда тем, что заслужила достойные отметки, выкладываясь на полную в футболе. Мы празднуем с его родителями, пока я сижу и держу при себе пугающую частицу информации и ещё более пугающий вопрос.

— Я принесу вино, — говорю я ей. — Почему бы вам не сесть и не расслабиться?

Элин улыбается и садится.

— Спасибо, Уилла.

Скользнув внутрь, я беру из холодильника охлаждённую бутылку вина и прихватываю два бокала. Когда я закрываю за собой раздвижную дверь, Элин смотрит на рощу деревьев с

печальным выражением на лице.

— Что такое?

— Хм? — она оборачивается ко мне. — О. Я думала о смерти и разбитых сердцах. И я думала о твоей матери.

Весь воздух вырывается из меня. Я медленно опускаюсь на своё место.

«Будь осторожна с тем, о чём спрашиваешь шведов, — говорил мне Райдер. — Они скажут тебе абсолютную правду, и ни каплей меньше. Потеря работы, умирающие родственники, любовные интрижки. Я не шучу».

Я подумала, что он шутил.

Прочистив горло, я откупориваю вино и наливаю бокал сначала ей, затем себе.

— А что насчет неё?

Элин приподнимает бокал в мою сторону в молчаливом тосте.

— Жизнь — это балансирующая сила, рождение и смерть, цикл существования, и это неизбежно. Но это также печально. Я скорблю за тебя, и мне жаль, что её здесь нет, — мгновение спустя она говорит: — Джой бы тобой очень гордилась.

Я смагиваю слёзы. Каждый день после смерти мамы мне кажется, будто я могу дышать чуточку свободнее, но тупая боль в моём сердце даже не начинала стихать. Ночами Райдер часто обнимает меня в постели и позволяет плакать. Теперь я плачу чаще, чем раньше. Открыть сердце для такой любви, которую я чувствую к Райдеру, означает открыть моё сердце всем чувствам. Райдер никогда не бывает нетерпеливым, никогда не сердится, даже если это нарушает занятия любовью или мешает ужину. Он просто обнимает меня и остаётся рядом в своей тихой манере.

— Надеюсь. Я по ней скучаю.

Элин нежно улыбается.

— Я вижу в тебе так много от неё. Она всегда будет с тобой, Уилла.

Я улыбаюсь в ответ.

— Она тоже так говорила.

На мгновение между нами воцаряется тишина, пока мы потягиваем вино, а солнце опускается по горизонту. Их сад представляет собой взрыв цветов, и трава так же зелена, как глаза Райдера. В моём животе порхают бабочки, когда я думаю о нём. Я всё ещё на той стадии безумной влюблённости. Я не уверена, что это когда-нибудь закончится. Каждое утро, когда я просыпаюсь рядом с ним, кажется слишком хорошим, чтобы быть правдой.

Элин берёт мою ладонь в руку.

— Мне надо тебе кое-что сказать.

— По поводу?

Она сжимает мою ладонь, затем откидывается назад, и её светло-голубые глаза встречаются с моим.

— Райдер однажды умрёт.

Я давлюсь вином.

— Иисусе, Элин.

— Что? — она пожимает плечами. — Это так. А ещё он за годы причинит боль твоему сердцу крохотными и очень человеческими способами. Он может даже разбить твоё сердце.

— Что ж, — я откидываюсь назад и делаю гигантский глоток вина. — Загадка того, откуда Райдер получил свою прямолинейность, теперь раскрыта.

Элин смеётся.

— О, Уилла, я не лучшим образом объясняюсь. Я имела в виду... если ты собираешься сделать то, что запланировала на сегодня, то я надеюсь, что ты знаешь — я поддерживаю вас двоих не вопреки тому, что жизнь уже швырнула в вас обоих, а из-за этого. Я видела вашу любовь друг к другу. Ваша любовь сильна и проверена испытаниями, и она даже сильнее потому, что жизнь уже обременила вас тяготами.

Её слова откладываются в моём сознании. Прежняя Уилла никогда бы не добралась до этого вечера с Райдером, чтобы услышать данное подтверждение. Она никогда бы не сидела здесь, кивая и признавая, насколько это уязвимо — любить его, и насколько более открытой для душевной боли она будет, когда продолжит приглашать его глубже и глубже в свою жизнь. Но Новая Уилла, целый год проработавшая с психологом, в том числе и на совместных сессиях с её бойфрендом, чтобы выстроить более крепкое доверие и прозрачное общение, сидит здесь и понимает, что это пугающее, опустошающее чувство в её нутре — не то, чего надо бояться... это свидетельство глубины её любви.

Я делаю медленный вдох и поигрываю вином, сосредотачиваясь на волнах жидкости.

— Спасибо за веру в нас.

Улыбка Элин нежная, и её ладонь вновь мягко сжимает мою.

— Надеюсь, я не слишком вторгаюсь в ваши дела. Я хочу подбодрить тебя, но в то же время я знаю, что я не твоя мать и никогда её не заменю. Но я мама семерых людей, и мои объятия всегда открыты. Как и моё сердце.

Отвечая на её улыбку, я тоже сжимаю её ладонь.

— Спасибо.

— Привет, Солнце, — Райдер ступает на крыльцо, наклоняется и немедленно целует меня. Это в равной мере волнительно и знакомо — то, как всё всегда начинается невинным касанием его губ, потом открывается для нежной ласки и тихого напоминания, что то желание и голод всегда где-то рядом.

— И тебе привет, — говорю я.

Он выпрямляется и сжимает моё плечо, после чего наклоняется и целует свою маму в щеку. Плюхнувшись между нами на стул, Райдер роется на шведском столе, выбрав себе на ладонь несколько орехов, сушёных фруктов и ломтик салами. Элин встречается со мной взглядом поверх его головы, и я киваю.

Она встаёт и похлопывает Райдера по спине.

— Я помогу твоему отцу разобраться с едой, которую вы привезли. Скоро вернусь.

Райдер привстаёт.

— Тебе необязательно, мам. Я же сказал, что помогу папе с готовкой...

— Нет, — Элин усаживает его обратно, надавив на плечо. — Я хочу провести немного времени с ним. В последние дни он много работал. Вы двое расслабьтесь. Это же ваше время праздновать, помнишь, *sötnos*?

Райдер хмурит брови.

— Ладно...?

Элин подмигивает мне и скрывается внутри. Как только она уходит, Райдер подъезжает со стулом поближе и кладёт ладонь на моё бедро. Его глаза не отрываются от меня, бродя по моему телу.

— Оно смотрится на тебе ещё лучше, чем я думал, Уилла.

Я широко улыбаюсь. Райдер сделал мне сюрприз с платьем, которое на мне надето. Оно шафраново-жёлтое с запахом, весьма похожее на ту памятную кофточку, а поясок на талии

красный, как то проституточное платье. Я убираю ногу с ноги, затем снова скрещиваю их, и глаза Райдера темнеют.

— Итак, мой лесоруб. Чего так долго? Вы с папой Би снова решили поймать ужин на реке? По дороге убили каких-нибудь чёрных медведей или кугуаров?

Райдер бросает на меня взгляд, закинув в рот ещё еды и с хрустом жуя.

— Я не слышал, чтобы ты жаловалась на мою горную мужественность, когда ты заблудилась в том походе, а я сумел вывести нас обратно к шалашу по звёздам.

Я кидаю в него ягоду клюквы, которая успешно падает за ворот его фланелевой рубашки. Я торжествующе скидываю кулак.

— Я не заблудилась. Слово «заблудилась» подразумевает, что я изначально-то знала, куда идти.

Райдер хрюкает.

— Справедливо. Эй, у тебя что-то... — он показывает на место на своей груди, изображая то, где мнимая субстанция находится на моём теле. — Вот тут.

— Конечно. Как будто я такого никогда не слышала, — я отказываюсь смотреть вниз, иначе он щёлкнет меня по носу. Поскольку мы уже не мучаем друг друга так свирепо, как раньше, мы перешли к безобидным шуткам вроде этой, и обычно всё приводит к поцелуям и сексу. Сейчас не будет ни поцелуев, ни секса, так что я не ведусь.

— Я серьёзно, Солнце. Это финиковый джем, и он вот-вот капнет на твоё новое платье.

— Нетушки.

Райдер вздыхает и косится на стеклянные двери, чтобы увидеть, где на кухне его родители.

— Ладно, — ворчит он.

Я открываю рот, чтобы сказать что-то остроумное, но у меня вырывается всхлип, когда он наклоняется, и его тёплый язык проходится по округлости моей груди. Крохотный укус заставляет меня сжать бёдра.

Райдер выпрямляется и целует меня.

— Упрямая женщина, — бормочет он мне в губы. Я ощущаю его вкус. Тёплый, роскошный Райдер. И... финиковый джем.

— Чёрт.

Он пожимает плечами и отстраняется.

— Иногда я не подшучиваю над тобой, Солнце. Иногда.

Я смотрю на него и чувствую, как моё сердце Гринча становится всё больше и больше. Оно как будто уже не сердце Гринча, нет застывших твёрдых углов. Лишь открытое, безопасное, любящее пространство.

— Райдер.

— Хм?

Я переплетаю наши пальцы там, где его ладонь лежит на моём бедре, и делаю медленный вдох.

— Нам нужно кое о чём поговорить.

Черты его лица искажаются беспокойством.

— Всё в порядке?

— Угу, — я сглатываю эмоции, подступающие к горлу, и смаргиваю угрожающие слёзы.

Он наклоняется, чтобы погладить меня по щеке.

— Тогда почему ты плачешь?

— Я не плачу, — хрипло шепчу я.

Его лицо озаряется мягкой улыбкой.

— Солнце, что такое?

Прочистив горло, я тянусь за себя, запуская руку в мою сумку. Там бумажный конверт, крепко завязанный сверху. Я кладу его на стол и подвигаю к Райдеру.

Райдер смотрит на него, и его рука опускается от моей щеки.

— Что это, Уилла?

— Открой.

Райдер заглядывает мне в глаза, затем снова смотрит на конверт.

— Давай же, — говорю я ему.

Его руки хватаются за верёвочку и быстро её разматывают. Он аккуратно запускает пальцы внутрь и вытаскивает стопку бумаги, ещё тёплую от принтера. Из его горла вырывается невольный звук, когда он видит эмблему сверху.

ФК «Рейн».

— Уилла, — шепчет он. Затем у него вырывается громкий радостный смех, когда он подхватывает меня и стискивает в объятиях. — Ты подписала контракт, Солнце!

Я киваю, улыбаясь до абсурда широко. Его поцелуй крепкий и страстный, объятия такие тесные, что сложно дышать и хрустят косточки, но я живу ради этих объятий.

— О Боже, Уилла, я так тобой горжусь. Я так счастлив за тебя.

Я запускаю пальцы в его волосы и краду ещё один поцелуй, после чего начинаю ёрзать — мой сигнал для него, чтобы он меня опустил. Наши глаза встречаются, и я дотрагиваюсь до конверта.

— А где располагается база «Рейна», Лесоруб?

Райдер недоуменно хмурится.

— Вашингтон. Такома, Вашингтон.

Я склоняю голову набок и улыбаюсь.

— Хмм. Такома, Вашингтон, говоришь? Прямо у воды? Посередине между Олимпией и Сиэтлом? В той самой Такоме?

Райдер хмурится ещё сильнее, но в то же время проглядывает лёгкая улыбка.

— Да, Уилла.

— Хм, — я постукиваю пальцами по конверту. — Ну, я там совершенно не ориентируюсь. Я надеялась, что не буду абсолютно одна, когда перееду туда в следующем месяце.

Райдер замирает всем телом.

Мой голос дрожит, но я сдерживаюсь.

— Ты не мог бы ещё раз посмотреть в конверте, вдруг там найдётся ещё какое-то заверение для меня в том, что я осяду на месте так, как мне хотелось бы?

Райдер бросает на меня осторожный взгляд, снова тянется к конверту и запускает руку внутрь. Его пальцы ищут, он наклоняет голову. Затем его охватывает мертвецкое спокойствие.

— Уилла, — шепчет он.

— Да, Райдер, — мой голос хриплый от слёз, и я проигрываю битву. Мой редкий макияж испорчен, тушь течёт, румяна размазываются.

— Т-тут ключ.

Я киваю.

— Знаю.

Райдер вскидывает голову.

— Что это?

Я делаю шаг к нему и обхватываю его лицо ладонями.

— Я хотела спросить. Райдер Бергман, лесорубная любовь моей жизни, согласишься ли ты переехать со мной в штат Вашингтон? Я нашла сдающееся в аренду бунгало прямо возле воды, где рядом куча туристических маршрутов. Это идеальное место, где мужчина горю вроде тебя мог бы осесть и начать свой туристический бизнес, ты так не думаешь?

Райдер роняет голову на моё плечо, и его объятия свирепо крепкие. Его губы мягко прижимаются к моей шее, щекам, губам.

— Это значит да?

Райдер отстраняется, и его улыбка в тысячу раз ярче, чем закат за его спиной.

— Ещё как да, чёрт возьми, Уилла. Это лучшее «да» в моей жизни.

Наши поцелуи неспешные, страстно нежные, пока солнце опускается к горизонту позади нас. Я плачу, смеюсь и переживаю все возможные чувства. Потому что я хочу помнить этот момент, даже когда наша любовь будет благословенно старой и изумительно закалённой. Я хочу закрывать глаза и чувствовать воспоминание о моменте, в который «только когда мы вдвоём» стало «только мы, навеки».

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Не беспокойтесь, история Уиллы и Райдера завершилась, но это не последняя встреча с ними! Дальше будет книга Рена, и не сомневайтесь, что любимый брат этой рыжей звезды хоккея и его будущая невестка немало раз появятся в его истории.

¹Драфт — процедура выбора профессиональными командами игроков, не имеющих активного контракта ни с одной командой в лиге. Когда команда выбирает игрока, она получает эксклюзивные права на подписание контракта с этим игроком, и никакая другая команда в лиге не может его подписать.

²Эйблист — это человек, который дискриминирует инвалидов и людей с ограниченными возможностями, по сути считая их «людьми второго сорта».

³Squisito (итал.) — изысканный, любезный.

⁴Имя Джой буквально переводится как «радость, веселье».

⁵Имеется в виду жест, когда человек сжимает руку в кулак и потом нарочно трёт костяшками пальцев по коже головы другого человека, вызывая тем самым неприятные ощущения. Вы наверняка видели такой жест в фильмах, обычно ребенок постарше делает такое с младшим, удерживая того другой рукой, а младший сопротивляется, т. к. это и не должно быть приятно.

⁶Сестра Рэтчед — героиня романа «Пролетая над гнездом кукушки». Холодный, бессердечный тиран, медсестра Рэтчед стала стереотипом медсестры как боевого топора.

⁷Бороды плей-оффа — есть суеверие, согласно которому хоккеисты не бреются в течение плей-оффа. Хоккейные зайки — девушки, которые стремятся переспать с хоккеистами.

⁸Вест-Элм — это практически то же самое, что Икея, только Вест-Элм американский, а Икея шведская.

⁹Шутка в том, что Уилла назвала Руни словом, которое начинается с того же слога, что и ее имя. Но Rooster (рустер) — это петух:D